МАСТЕРАПСИХОЛОГИИ

Джозеф Кэмпбелл

ТЫСЯЧЕЛИКИЙ ГЕРОЙ

THE HERO WITH A THOUSAND FACES

BOLLINGEN SERIES XVII

THIRD EDITION

Joseph Campbell

JOSEPH CAMPBELL FOUNDATION

New World Library
Novato, California

МАСТЕРА ПСИХОЛОГИИ

Джозеф Кэмпбелл

ТЫСЯЧЕЛИКИЙ ГЕРОЙ

ПИТЕР®

Москва · Санкт-Петербург · Нижний Новгород · Воронеж
Киев · Екатеринбург · Самара · Минск
2018

ББК 88.37
УДК 159.923
К98

Кэмпбелл Дж.
К98 Тысячеликий герой. — СПб.: Питер, 2018. — 352 с.: ил. — (Серия «Мастера психологии»).

ISBN 978-5-4461-0856-5

С момента своего выхода эта легендарная книга разошлась миллионными тиражами во всем мире. Джозеф Кэмпбелл – известнейший антрополог, сравнительный психолог. В этой книге Кэмпбелл описывает путешествие героя, рассматривает универсальный мотив приключения и трансформации, которые отражены в мировой мифологической традиции. Джордж Лукас после выхода на экраны «Звездных войн» в конце 1970-х годов заявил, что фильм был основан на идеях, описанных в «Тысячеликом герое» и других книгах Кэмпбелла.

16+ (Для детей старше 16 лет. В соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ.)

ББК 88.37
УДК 159.923

ISBN 978-1577315933 англ.
ISBN 978-5-4461-0856-5

Оглавление

ЧАСТЬ II. КОСМОГОНИЧЕСКИЙ ЦИКЛ

Моим родителям

Предисловие

Истины, содержащиеся в религиозных учениях, в конечном счете так искажены и систематически замаскированы под что-то иное, — пишет Фрейд, —

> что большинство не может осознать их истинного значения. Например, мы рассказываем ребенку, что маленьких детей приносит аист. И правда здесь представлена символически, поскольку мы знаем, что именно воплощает собой эта большая птица. Однако ребенку это неизвестно. Он чувствует фальшь, понимает, что его обманули, и мы знаем, как часто его недоверие к взрослым и нежелание им подчиняться начинается именно с таких переживаний. Мы пришли к убеждению, что лучше не искажать истину с помощью таких символов и не отказывать ребенку в знании реальных обстоятельств, учитывая уровень его интеллектуального развития[1].

Цель этой книги заключается именно в том, чтобы обнаружить природу некоторых из этих истин, знакомых нам под масками персонажей религий и мифов, свести воедино множество не слишком сложных для понимания характерных фрагментов, и так выявить их изначальный смысл. Древние учителя знали, что они имели в виду. Как только мы снова сможем прочесть их язык символов, нам потребуется овладеть искусством составителей антологий, с тем, чтобы дать современному человеку услышать, чему они учили. Но прежде нам следует изучить саму грамматику символов, и вряд ли найдется лучший инструментарий, — в качестве ключа к ее тайнам, — чем современный психоаналитический подход. Не стремясь представить этот метод как последнее слово науки, можно, тем не менее, допустить, что этот подход приемлем. Следующий шаг — свести воедино множество мифов и народных сказок со всех концов света и позволить им говорить самим за себя. Так станут непосредственно видны все смысловые параллели, таким образом мы сможем представить весь обширный и удивительный набор фундаментальных истин, которые определяли жизнь человека на протяжении тысячелетий на этой планете.

Пожалуй, можно упрекнуть меня в том, что, пытаясь выявить соответствия, я пренебрегал различиями в традициях Востока и Запада, нового времени, древности, примитивных народов. Однако подобное возражение можно выдвинуть и по отношению к любому пособию по анатомии, где явно пренебрегают расовыми отличиями в физиологических характеристиках ради фундаментально-

го общего понимания физической природы человека. Безусловно, существуют различия между многочисленными мифологическими и религиозными системами человечества, но эта книга посвящена, собственно, тому, что их объединяет; и коль скоро мы это уясним себе, мы обнаружим, что различия здесь не столь велики, как это принято считать в широких кругах непросвещенной публики (и, конечно же, среди политиков). Я надеюсь, что такого рода сравнительное исследование внесет свой вклад в не совсем, пожалуй, безнадежное дело тех конструктивных сил, которые стараются объединить современный мир, — не ради построения империи, основанной на единой религии или политических принципах, а на основе между людьми. Как гласят Веды: «Истина одна, мудрецы говорят о ней, используя многие имена».

Я бы хотел выразить признательность господину Генри Мортону Робинсону, чьи советы во многом помогли мне на начальной и заключительной стадиях многотрудной работы, связанной с приведением собранных мною материалов в удобочитаемую форму, а также госпоже Питер Джейджер, госпоже Маргарет Уинг и госпоже Хелен Макмастер, за их бесценные предложения после многократного чтения моих рукописей, и, наконец, моей супруге, которая работала рядом со мной с первого до последнего дня, слушая, читая и редактируя написанное.

Нью-Йорк,
10 июня 1948 г.,
Дж. К.

Ил. 1. Горгона Медуза (мрамор). Древний Рим, точная дата неизвестна

ПРОЛОГ

Мономиф

1. Миф и сновидение

Когда мы высокомерно наблюдаем за красноглазым шаманом из Конго в разгар ритуала или получаем изысканное наслаждение от чтения утонченных переводов загадочных стихов Лао Цзы; когда пытаемся вникнуть в сложную аргументацию Фомы Аквинского или внезапно улавливаем смысл причудливой эскимосской сказки — всегда мы встречаем одну и ту же, изменчивую по форме, но все же на удивление постоянную историю и вместе с тем один и тот же вызывающе настойчивый намек на то, что неизведанное, где-то ждущее нас, много больше, чем когда-либо можно будет познать и поведать миру.

Везде, где ступала нога человека, всегда и в любых обстоятельствах люди создавали мифы, живое воплощение работы человеческого тела и духа. Не будет преувеличением сказать, что миф — это чудесный канал, по которому оплодотворяют человеческую культуру во всех ее проявлениях неистощимые потоки энергии космоса. Религии, философии, искусства, формы социальной организации первобытного и исторического человека, открытия в науке и технике, и сами сновидения, вспышками врывающиеся в наш сон, — все это зарождается в изначальном, магическом круге мифа.

Просто удивительно, что самая незатейливая детская сказка обладает особой силой затрагивать и вдохновлять глубокие пласты творчества — подобно тому, как капля воды сохраняет вкус океана, а яйцо блохи вмещает в себе все таинство жизни. Ибо мифологические символы не рождаются сами по себе; их нельзя вызывать к жизни волею разума, изобретать и безнаказанно подавлять. Они представляют собой спонтанный продукт психики, и каждый из них несет в зародыше нетронутой всю силу своих первоисточников.

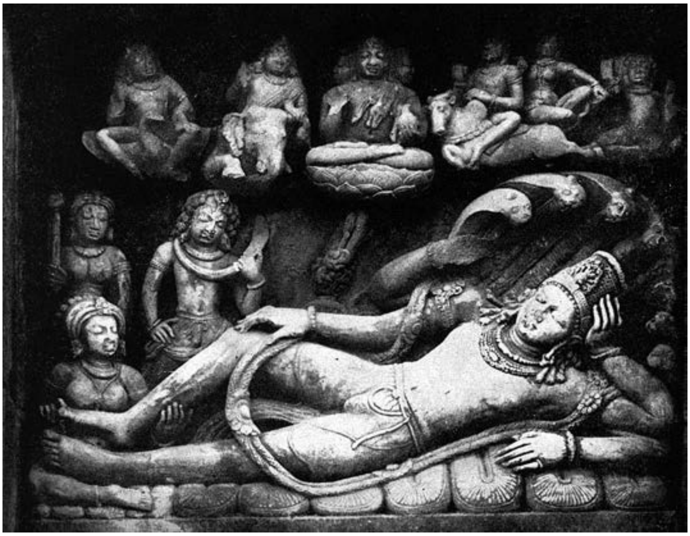
В чем кроется тайна этого неподвластного времени видения? В каких глубинах мозга оно зарождается? Почему мифы везде одни и те же, в какие бы одежды они ни рядились? И в чем их смысл?

Многие отрасли науки пытались ответить на этот вопрос. Археологи ищут ответ на раскопах в Ираке, на Крите и в Юкатане. Этнологи собирают информацию у хантов на берегах Оби и африканских племен буби, живущих в долинах

Фернандо-По. Новое поколение востоковедов недавно обнаружило священные тексты Востока, а также источники Священного Писания, созданные в доиудейскую эпоху. А другая группа целеустремленных исследователей-этнопсихологов еще в прошлом столетии пыталась ответить на вопрос о психологических истоках языка, мифов, религии, искусства в их развитии, норм морали.

Самые удивительные сведения мы получили благодаря исследованиям психиатров. Смелые и поистине эпохальные работы психоаналитиков незаменимы для изучающего мифологию; ибо, как бы мы ни оспаривали детали их подчас противоречивых толкований конкретных случаев и проблем, Фрейд, Юнг и их последователи неопровержимо продемонстрировали, что логика мифа, его герои и их деяния актуальны и по сей день. В отсутствие общезначимой мифологии каждый из нас имеет свой собственный, непризнанный, рудиментарный, но тем не менее подспудно действующий пантеон сновидений. Новейшие воплощения Эдипа и персонажи нескончаемой любовной истории Красавицы и Чудовища стоят сегодня на углу Сорок второй улицы и Пятой авеню, ожидая, когда поменяется сигнал светофора.

— Мне приснилось, — написал молодой американец автору одной из газетных колонок, — что я ремонтирую крышу своего дома. Вдруг я слышу, как снизу меня зовет отец. Я быстро поворачиваюсь, прислушиваясь, вдруг роняю молоток, он выскальзывает у меня из рук, скатывается с крыши и падает вниз. Потом глухой звук, словно кто-то упал.

Ил. 2. Вишну размышляет о Вселенной (каменная скульптура). Индия, 400–700-е гг. н. э.

В крайнем испуге я спускаюсь по лестнице и вижу отца, который лежит на земле с окровавленной головой. Вне себя от горя, я зову мать. Она выходит ко

мне, обнимает и говорит: «Не надо так, сынок, это просто несчастный случай, ты не виноват. Ты же будешь заботиться обо мне, даже если отца уже нет». Она целует меня, и я просыпаюсь.

Я старший из детей, мне двадцать три. Уже год, как я ушел от жены, что-то у нас не сложилось. Очень люблю и отца, и мать, и единственные разногласия, которые у меня возникали с отцом, были по поводу жены, потому что он настойчиво советовал мне вернуться к ней, а я понимаю, что несчастлив с ней. И так оно и будет[1].

Этот пример показывает, как мужчина, не состоявшийся как муж, наивно признается в том, что, вместо того чтобы попытаться наладить свою семейную жизнь, он в глубине души все еще пребывает в заколдованном трагикомическом треугольнике своего детского мира, где сын и отец соперничают за любовь матери. Из всех животных мы дольше всех остаемся у материнской груди, и это определяет наиболее постоянные характеристики человеческой души. Человек рождается слишком хрупким и уязвимым, он еще не готов встретиться с миром лицом к лицу. Именно мать защищает его от всех опасностей, своей заботой продлевая покой, который человек испытывал в период своего внутриутробного развития[2]. Именно потому ребенок и мать составляют единое целое, пережив травму рождения, и физиологически, и психологически[3]. Младенец переживает беспокойство, если матери долго нет рядом, и в результате у него развивается импульс агрессии; если мать не разрешает ему чего-то, это также вызывает его агрессию. Таким образом, первый объект враждебности и первый объект любви ребенка — это один и тот же человек, и он же его первый идеал (который впоследствии станет бессознательной основой всех образов блаженства, истины, красоты и совершенства), и он составляет основу двуединой сущности Богоматери и Младенца[4].

Именно отец, к сожалению, первым нарушает безмятежный покой внутриутробного мира, и оттого становится объектом враждебности. Агрессия, которая предназначена «дурной» или отсутствующей матери, выливается на него, но при этом влечение к доброй матери-кормилице, хорошей и заботливой, сохраняется. Именно так в детском сознании закладывается краеугольное представление об импульсе смерти (*танатос: деструдо*) и любви (*эрос: либидо*), которое закладывает основу для формирования знакомого всем эдипова комплекса, на который Зигмунд Фрейд примерно полвека назад возложил ответственность за незрелое поведение взрослых. Он пишет: «Царь Эдип, убивший своего отца Лая и женившийся на своей матери Иокасте, представляет собой лишь осуществление желаний нашего детства. Но более счастливые, нежели он, мы сумели отторгнуть наше сексуальное чувство к матери и забыть свою ревность по отношению к отцу»[5*]. А также: «Таким образом, в каждом зафик-

* Также указывается, что отец воспринимается как защитник, а мать — как искусительница. Так мы переходим от Эдипа к Гамлету. «О Боже! Заключите меня в скорлупу ореха, и я буду чувствовать себя повелителем бесконечности. Если бы только не мои дурные сны!» (Вильям Шекспир. Гамлет, принц датский. Действие 2, сцена 2 / Перевод Бориса Пастернака). («Каждый из невротиков, — пишет Фрейд, — или Эдип, или Гамлет».)

сированном отклонении от нормальной сексуальной жизни мы должны были увидеть задержку в развитии и инфантилизм»[6].

Во сне нередко видят люди, будто
Спят с матерью; но эти сны — пустое,
Потом опять живется беззаботно[7].

Печальная история женщины, любимый человек которой не смог повзрослеть и вместо этого заблудился в романтических сновидениях собственной детской, может быть интерпретирована более подробно на другом примере сновидений современного человека, и в этот момент мы начинаем понимать, что действительно входим в пространство древнего мифа, но воспринимаемого в очень своеобразном ракурсе.

«Мне приснилось, — пишет встревоженная женщина, —

что за мной повсюду неотступно следует огромный белый конь. Я оглядываюсь, чтобы посмотреть, здесь ли он еще, и тут он превращается в мужчину. Я велела ему зайти в парикмахерскую и сбрить гриву, и он послушался. Потом он вышел оттуда и выглядел почти как обычный мужчина, но у него по-прежнему были лошадиные копыта и лошадиная голова. Он так и шел за мной, потом приблизился и в этот момент я проснулась.

Я уже четырнадцать лет замужем, мне тридцать пять, у меня двое детей. Я уверена, что мой муж мне не изменяет»[8].

Бессознательное порождает в нашем мозгу всевозможные странные образы, таинственных персонажей, страхи и фантомы — когда мы спим, или бодрствуем, или когда теряем контроль над собой; потому что под маленьким аккуратным зданием, которое представляет собой наше сознание, есть нечто, напоминающее глубокие подземные пещеры Аладдина. И кроме драгоценного клада там таится и коварный джинн — это наши постыдные или запретные психологические влечения, которые мы не осмелились или не смогли выпустить на свободу. Там они и пребывают, пока какая-то мелочь — случайно вырвавшееся слово, аромат, глоток чая или мимолетный взгляд — не нажмут на скрытую пружину, и тогда в наш мозг нагрянут незваные опасные гости. Опасные оттого, что покушаются на наше ощущение безопасности, на котором строится наша жизнь и жизнь наших близких. Но их дьявольский соблазн обещает нам ключ к новому миру, где в конце заманчивого и полного опасностей путешествия мы откроем самих себя. Нас искушают разрушить построенный нами и обжитой мир и самих себя, потом заново отстроить его, сделав лучше, ярче, светлее, просторнее, и зажить там полной насыщенной жизнью — вот чем нас искушают, вот что нашептывают нам тревожные ночные гости из царства мифа, которое заключено в нас самих.

Психоанализ, современная наука толкования сновидений, научил нас быть внимательными к этим бестелесным образам. И они показали нам, как помочь эти духам выполнить их предназначение. Теперь позволено спокойно

проходить через опасные кризисы индивидуального развития под надежной защитой специалиста по толкованию сновидений, который действует, подобно древнему магу (μυσταγωγός), проводнику душ, или первобытному лесному колдуну, которые руководят таинственным обрядом инициации. Врач — это современный повелитель царства мифов, знающий тайный путь и владеющий заклятьями. Он выполняет ту же роль, что и Древний Мудрец из мифов и сказок, советы которого помогают герою преодолеть испытания и кошмары невероятного приключения. Именно он появляется и указывает, где хранится заколдованный сверкающий меч, которым будет повержен злодей-дракон, расскажет, где томится в ожидании невеста и находится замок с сокровищами, волшебным снадобьем исцеляет смертельные раны, а потом снова отправляет героя в обычный мир, когда путешествие в зачарованный мир окончено.

И если, помня обо всем этом, мы обратим свой взор на многочисленные странные ритуалы, о которых рассказывают исследователи примитивных племен, становится очевидным, что цель и подлинный эффект от них заключаются в том, чтобы плавно провести человека через сложные этапы трансформации, которые требуют изменений не только в сфере сознательного, но и подсознательного. Так называемые обряды перехода, занимающие значительное место в жизни примитивного общества (ритуалы, связанные с рождением, выбором имени, взрослением, заключением брака, погребением и т. д.), обязательно характеризуются формальными, очень жестокими действиями, суть которых заключается в полном разрыве с прошлой жизнью, освобождающими разум от всех прежних привычек, привязанностей и жизненных стереотипов*. После этого наступает период относительно длительного уединения, на протяжении которого исполняются обряды, цель которых ознакомить человека, идущего по жизни дальше, с теми новыми явлениями и ощущениями, которые ему предстоит узнать, и когда человек созрел для возвращения в обыденный мир, прошедший обряд посвящения по сути родится заново[9].

Самое удивительное, что многие ритуальные испытания и символы соответствуют образам, непроизвольно появляющимся в сновидениях в тот момент, когда пациент, проходящий курс психоанализа, начинает отказываться от своих детских фиксаций и делает шаг в будущее. Например, у австралийских аборигенов одно из основных испытаний в рамках обрядов инициации (когда юноша с вступлением в зрелый возраст отдаляется от своей матери и официально вводится в общество мужчин, получая доступ к их тайным знаниям) является обряд обрезания.

> Когда наступает время обрезания, мальчикам из племени Мурнджин (в современной классификации — австралийское племя йолнгу. — *Примеч. пер.*) отцы

* В таких ритуалах, как рождение и погребение, наибольшее воздействие оказывается, безусловно, на родителей и родных. Все ритуалы перехода нацелены не только на самого человека, но и на тех, кто входит в его непосредственное окружение.

> и старики говорят: «Большой Змей Отец чует запах твоей крайней плоти; он требует ее». Мальчики воспринимают это буквально и очень пугаются. Обычно они прячутся у матери, бабушки или у какой-либо другой любимой родственницы, так как знают, что мужчины собираются отвести их в мужское место, где рычит великий змей. Женщины ритуально оплакивают мальчиков; это делается для того, чтобы не дать великому змею проглотить их[10].

Теперь рассмотрим похожие явления из области бессознательного. «Один из моих пациентов, — пишет К. Г. Юнг, — увидел во сне, что из пещеры на него набросилась змея и укусила в область гениталий. Это приснилось ему, когда пациент поверил, что курс психоанализа идет ему на пользу, и стал освобождаться от своих комплексов, связанных с матерью»[11].

Самая важная функция мифа и ритуала — с помощью символов увлечь человеческий дух вперед, противостоять тем привычным человеческим представлениям, которые привязывают нас к прошлому. В действительности, высокий уровень невротических расстройств в наше время вполне может быть тем, что мы все меньше и меньше получаем духовную защиту и опору. Мы остаемся привязанными к нереализованным фантазмам нашего детства и оттого оказываемся не готовы к необходимому переходу к состоянию зрелости. В США существует совершенно противоположная тенденция, направленная на то, чтобы не взрослеть, а, напротив, пребывать в состоянии вечной юности; не отдаляться с наступлением зрелости от Матери, а оставаться с ней. Поэтому мужья, став юристами, коммерсантами или руководителями, выполнив волю родителей, все еще поклоняются своим мальчишеским идолам, а в это время их жены даже после четырнадцати лет семейной жизни, родив и воспитав чудесных детишек, все еще ищут любви, которая может прийти к ним только в образе кентавров, силенов, фавнов и других похотливых демонов из свиты Пана, или принимают образы слащавых киногероев в современных святилищах сладострастия. И вот наступает черед психоаналитика, который должен возродить проверенную временем мудрость древних учений, обращенных в будущее, носителями которых были пляшущие шаманы в масках и свершающие обряд обрезания колдуны; и вот мы видим, как в сновидении с укусом змеи, что снова сам собой оживает древний символизм инициации в сознании постепенно излечивающегося пациента. Очевидно, в этих образах инициации существует нечто настолько необходимое для психики человека, что если они не привносятся извне, через миф и обряд, то сами заявляют о себе изнутри, в сновидении — иначе наша сила навсегда останется пылиться в заброшенной детской или канет на дно морское.

Зигмунд Фрейд обращает особое внимание на переходные периоды и трудности первой половины человеческой жизни — кризисы младенческого и подросткового возраста, когда восходит солнце нашей жизни. А К. Г. Юнг обратил внимание на переломные моменты второй половины жизни — когда для того чтобы двигаться дальше, лучезарное светило должно подчиниться необ-

ходимости опускаться за горизонт и, наконец, исчезнуть в ночном могильном сумраке. Обычные символы наших стремлений и страхов трансформируются в собственные противоположности; потому что в это время уже не жизнь, а смерть бросает нам вызов. В это время сложно покинуть не лоно, а фаллос — если, конечно же, сердце еще не охватила усталость от жизни, когда не любовь юных дней, а смерть сулит нам блаженство. Мы проходим полный жизненный цикл, от покоя в утробе к покою смерти: неясное, загадочное вторжение в мир физической материи, которая скоро с нас спадет, рассеявшись как сон. И, оглядываясь назад на манившие нас когда-то невероятные, непредсказуемые и опасные приключения, мы видим: все, что мы приобрели к концу пути, — это ряд стандартных превращений, через которые прошли все мужчины и женщины на свете, во всех уголках мира, во все времена и во всех, самых невероятных обличьях, которые создавали цивилизации.

Например, есть легенда о великом Миносе, царе островной империи Крит в период ее расцвета. В ней говорится, что Минос нанял известного искусного мастера Дедала, чтобы тот придумал и построил для него лабиринт, где можно было бы спрятать нечто жуткое и постыдное для царской семьи. Потому что в его дворце жило чудовище, которое родила царица Пасифая. Легенда гласит, что в то время как Минос вел войну, защищая свои торговые пути, Пасифая согрешила с прекрасным снежно-белым, рожденным в море быком. Собственно, она согрешила не больше, чем мать Миноса, Европа, которую, как известно, на Крит в обличье быка перенес бог Зевс, и от этого благородного союза родился сам Минос, которого все уважали и слушались. Откуда же было знать Пасифае, что плодом ее прегрешения станет чудовище — сын с человеческим телом, но головой и хвостом быка?

Общество яростно осуждало царицу; но и царь чувствовал свою долю вины. Очень давно бык этот был послан богом Посейдоном, когда Минос еще оспаривал у своих братьев право на престол. Минос заявил свои права на трон, данные богом, и обратился к нему с просьбой дать знак своего расположения — морского быка; дав клятву немедленно принести животное в жертву в качестве подношения богу и символа своей преданности. Бык явился, и Минос взошел на престол; но когда он увидел, как красив посланный ему бык, какое это прекрасное и редкое животное и как замечательно будет оставить его у себя, то по-торгашески схитрил и заменил жертвенное животное, возложив на алтарь Посейдона другого лучшего белого быка из своего стада, а подаренного оставил себе.

Империя острова Крит достигла расцвета в период правления этого благоразумного прославленного царя, который был воплощением общепризнанных добродетелей. Столица Крита, город Кносс стал роскошным, изысканным центром главной торговой империи во всем цивилизованном мире. Корабли критского флота достигали всех островов и портов Средиземноморья; критские товары ценились в Вавилонии и Египте. Некоторые храбрые корабли даже осмеливались выйти через Геркулесовы столбы в открытый океан, за-

тем на север, стремясь завладеть золотом Ирландии или оловом Корнуэлла[12], плавали они и на юг, огибая Сенегал, к далеким берегам Йоруба и трудно доступным рынкам, в поисках слоновой кости, золота и рабов[13].

Ил. 3. Силены и менады (чернофигурная амфора, эллинистический период). Сицилия, 500–450 гг. до н. э.

А тем временем на его родине царица по воле Посейдона воспылала неодолимой страстью к быку. Она уговорила искусного мастера, служившего ее мужу, несравненного Дедала, изготовить для нее деревянную корову, которая ввела бы быка в заблуждение — и в которую она с нетерпением вошла; и бык был обманут. Царица зачала чудовище, которое со временем стало опасным. И теперь уже царь призвал Дедала и повелел ему возвести огромный лабиринт с тупиками, в котором можно было бы это чудище спрятать. Сооружение это было так искусно выполнено, что по окончании строительства Дедал сам едва нашел из него выход. Минотавра заточили в лабиринте и стали посылать к нему на съедение юношей и девушек, которых привозили из критских владений как дань от завоеванных народов[14].

И, если верить древней легенде, то основная вина лежала не на царице, а на царе, который действительно не мог ни в чем ее упрекнуть, понимая, что сам совершил. Событием общественной значимости он воспользовался в собственных корыстных целях, а взойдя на трон, он должен был забыть о своих личных мелочных интересах. Возвращение быка богам должно было символизировать его самоотречение и решимость исполнить свой долг. Но, присвоив их дар, он тем самым проявил склонность к самовозвеличиванию. И вот царь «по милости богов» стал опасным корыстным тираном, пекущимся лишь о собственной выгоде. Точно так же, как традиционные обряды перехода призваны научить человека навсегда умереть для своей прошлой жизни, возрождаясь к будущему, точно так и торжественные церемонии, наделяющие человека властью, призваны положить конец его жизни как частного лица и полностью посвятить себя грядущему призванию. Будь ты царь или ремесленник, идеал един для всех. Но, кощунственно нарушив ритуал, человек оторвал себя от общества, и вот Один распался на многих, и те многие стали яростно сражаться друг с другом — и каждый сам за себя — и усмирить их стало возможно только силой.

Образ тирана-монстра распространен в мифах, сказаниях, легендах и даже кошмарах во всем мире; и везде его черты одинаковы. Он покушается на общественное достояние. Он — чудовище, которое яростно защищает «свое по праву». В мифах и сказках описывается разрушение и хаос, которые он сеет в своем царстве от края и до края. Он может разрушать только свой дом или свою душу, он может разрушать жизни друзей и тех, кому помогает, он может разрушить свою собственную цивилизацию — всю, целиком. Безраздельно властвующее эго этого тирана стало проклятьем и для него, и для его мира — и неважно, каких успехов он при этом достиг. Он мучит себя, он боится себя, он готов встретиться лицом к лицу и отразить любые покушения извне, но так выражаются его собственные неконтролируемые импульсы обладать всем и вся, он могуществен и самодостаточен, но за ним по пятам идет несчастье, хотя он пытается себя убедить, что действует из лучших и гуманнейших побуждений. Чего бы он ни коснулся — все рождает стоны и проклятья, вслух и — куда горше, в глубине души, все призывают героя со сверкающим мечом в руках, сокрушительный удар которого освободил бы эту землю.

Здесь никто не может ни встать, ни сесть, ни лечь,
Здесь нет даже безмолвия в горах,
А лишь сухой, бесплодный гром без дождя.
Здесь нет даже уединения в горах,
А лишь красные угрюмые лица, ухмыляющиеся и брюзжащие
Из дверей своих домов с потрескавшейся глиной[15].

Герой — это человек, который добровольно смирился со своей судьбой. Но с чем именно он смирился? Вот какую тайну мы должны разгадать сегодня, и в этом основная миссия, историческое предназначение и подвиг героя.

Профессор Арнольд Тойнби в своем шеститомном труде о законах рождения и гибели цивилизаций[16] указывает, что схизма, расщепление души и раскол общества не могут быть преодолены и исцелены возвращением в добрые старые (архаичные) времена или посредством программ, которые провозглашают построение идеального будущего (футуризм), и даже самая реалистичная упорная работа не соберет воедино то, что распалось и подверглось деградации. Лишь рождение может победить смерть, именно рождение нового, но не возрождение старого. В самой душе, в самом обществе должно присутствовать «постоянство рождения» (*палингенез*), которое противостоит постоянной угрозе смерти. Ибо если для нас нет возрождения, то сами наши победы становятся для нас роковым приговором, который является на свет из оболочки нашей добродетели. И вот весь мир стал западней, и война, и перемены, и постоянство — все это западня. Когда смерть восторжествует над нами, то положит конец всему, и мы можем лишь взойти на Голгофу и воскреснуть, распасться на части и вновь возродиться.

Сразивший Минотавра герой Тесей попал на Крит из другого мира, став символом и орудием набирающей силу греческой цивилизации. Он был новый, он был живой. Но и в недрах империи самого тирана можно было найти источники возрождения. Профессор Тойнби употребляет понятия *detachment* (отстраненность) и *transfiguration* (преображение), чтобы описать кризис, в результате которого был достигнут более высокий уровень духовного развития, на котором снова возможно осознанное созидание. Первый шаг — отрешенность или отказ от прежней жизни, когда внутренняя жизнь становится важнее внешней, осуществляется переход из макрокосма в микрокосм, отказ от напрасных удовольствий опустевшего мира и вступление в покой мира внутреннего. Но этот мир, как мы знаем из психоанализа, представляет собой детское бессознательное. Именно в нем мы оказываемся, когда засыпаем. Он навсегда внутри нас. Там — великаны-людоеды и таинственные помощники из нашей детской, все волшебство нашего детства. Более того, все, чего мы не смогли достичь во взрослом возрасте, все остальные части нашей души тоже живут там; ведь эти золотые семена не знают смерти. И если бы хоть малую толику этого можно было вынести на свет, мы бы ощутили удивительный прилив сил, возродились бы заново. Расцвели бы наши таланты и достоинства. И если бы нам удалось возродить нечто забытое не только нами, но своим поколением или даже всей своей цивилизацией, то мы смогли бы принести благо всем, стать культовой личностью и в данный момент и на все времена. Словом, первая миссия героя заключается в том, чтобы удалить из внешнего мира вторичные последствия тех областей души, где по-настоящему живут трудности, выяснить, в чем корень зла и вырвать самое его основание (то есть сойтись с демонами детской лицом к лицу в их естественной среде обитания), тем самым совершив прорыв к ничем не замутненному, праведному существованию, усвоить то, что К. Г. Юнг назвал «архетипными образами»[17]. Этот процесс известен в индуизме и буддизме как *viveka*, «уничтожение неправильного».

Доктор Юнг указывает, что теория архетипов[18] — это не его изобретение.

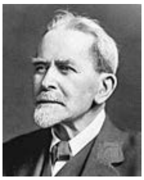
Сравним, что пишет Ницше: «Во сне и в мечтах мы преодолеваем расстояние, которое прошло человечество за весь период своего развития. Я имею в виду следующее: человек в своих мечтах рассуждает так же, как он рассуждал наяву тысячи лет назад.… Сон уносит нас назад, к более ранним этапам становления человеческой культуры, и дает нам средство лучше понять ее»[19].

Сравним с этнической теорией «Элементарных идей» (*Elementargedanken*) Адольфа Бастиана, которые в отношении своих базовых психических составляющих (соответствующих понятию стоиков *Logoi spermatikoi*) должны рассматриваться как «духовные или психические зачаточные предрасположенности, на основе которых постепенно развивалась вся социальная структура общества», и которые, как таковые, должны служить основой для индуктивных исследований[20].

Сравним с тем, что пишет Боас: «С тех пор как Вальц так детально обсуждал сходство различных народов не вызывает сомнений, что в области самых общих характеристик мышления между разными народами существует много общего. ...Исследования привели Бастиана к неприятному убеждению, что фундаментальные всеобщие для человечества идеи весьма примитивны… некоторые шаблоны ассоциированных идей могут быть выделены во всех типах культур»[21].

Сравним, что пишет сэр Джеймс Фрезер: «Для нас нет необходимости, отвечая на вопросы, поставленные некоторыми в древние и современные времена, предполагать, что люди Запада позаимствовали у более древних цивилизаций Востока понятие об Умирающем и Воскресшем Боге, вместе с соответствующими этому мифу ритуалами, где само представление об этом разворачивалось на глазах исповедующих такой культ. Более вероятно, что такое установленное сходство между религиями Востока и Запада не более чем то, что мы обычно, хотя и неправильно, называем случайным совпадением, возникающим в результате воздействия сил, сходных по своей природе, которые одинаковым образом действуют на сознание человека в различных странах и под разными небесами»[22].

Сравним у Фрейда: «Я с самого начала признавал символическую сущность сновидений, но только отчасти, и постепенно, с опытом, я полностью убедился, насколько это значительно, я сделал многое ...под влиянием Вильгельма Стекеля, который интуитивно пришел к интерпретации символов благодаря своему особому дару понимать их... Достижения в области опыта психоанализа привлекли наше внимание к пациентам, которые в значительной мере проявили четкое и ясное понимание символизма сновидений такого рода... Этот символизм присущ не самим снам, как таковым, а подсознательному образованию идей человеком и его можно обнаружить в фольклоре, в народных сказаниях, в идиомах, в мудрости, которая содержится в пословицах и современных шутках в более значительной степени, чем в сновидениях»[23].

Юнг указывает, что позаимствовал свой термин «архетип» из классических античных источников: у Цицерона, Плиния, у Августина из его *Corpus Hermetium* и так далее[24]. Бастиан указывает, что его теория соотносится с понятием *Logoi spermatikoi*, раскрытым в труде стоиков «Элементарные Идеи». Традиция осознания «субъективно понятных форм» (на санскрите: *antarjneya-rupa*) фактически сосуществует с мифологической традицией и является ключом к пониманию и применению мифологических образов — чему в последующих главах мы уделим значительное внимание.

Архетипы, которые необходимо обнаружить и ассимилировать, в точности те же, что послужили источником вдохновения для ритуалов, мифов и пророчеств на протяжении развития всей культуры человечества. Этих «Вечных Обитателей Снов»[25] нельзя путать с персонально модифицированными символическими персонажами, которые возникают в кошмарах и в бреду страдающего человека. Сновидение — это персонифицированный миф, миф — это деперсонифицированное сновидение; и миф, и сновидение символичны на основе тех законов, которые определяют движения души. Но образы сновидений вырастают из конкретных страданий конкретного человека, в то время как в мифе проблемы и их решения имеют общечеловеческую ценность.

Следовательно, герой — это мужчина или женщина, которым удалось преодолеть свои личные и конкретные исторические ограничения и прийти к универсальным, присущим всему человечеству формам. Такие видения, идеи и творческие импульсы человека порождаются в нетронутом чистом виде самой сутью человеческой жизни и мышления. Потому они красноречиво свидетельствуют не только о современном состоянии распадающегося общества и его отражения в мыслях, но и являют собой извечный неиссякаемый источник вечного возрождения общества. Герой как человек современный умира-

ет; но как человек вечный — совершенный, лишенный индивидуальных черт, универсальный — возрождается к новой жизни. Тойнби и все мифы человечества утверждают, что его вторая задача и миссия заключаются в том, чтобы в конце концов вернуться к нам совсем другим и преподать нам урок, который сам усвоил, о том, как возродиться.

Ил. 4. Минотавромахия (убийство Минотавра) (краснофигурный кратер). Греция, 470 г. до н. э.

Необходимо отметить, вступая в спор с профессором Тойнби, что он серьезно искажает представление о мифе, когда утверждает, что лишь христианское учение полноценно формулирует вторую задачу героя. *Все* религии учат этому, все мифы и фольклорные произведения. Профессор Тойнби заблуждается в результате своей неверной трактовки понятий «путь» и «*нирвана*», Будда и Бодхисатва; он противопоставляет эти идеи друг другу, давая им неверную трактовку, усложняя интерпретацию христианского понятия Град Господень. Именно это приводит его к ошибочному предположению, что спасение современного мира в его нынешнем состоянии может заключаться в возвращении в лоно Римско-католической церкви.

«Я бродила одна на окраине большого города, в трущобах по грязным улочкам, вдоль обшарпанных домишек», — описывает свой сон современная женщина.

> Я не знала, куда забрела, но мне нравилось с интересом смотреть по сторонам. Я пошла по одной из улиц, очень грязной, поперек которой было что-то вроде сточной канавы. Я пошла дальше мимо лачуг. Скоро я увидела небольшую речку, а за ней подъем, с сухой мощеной улицей. Река была красивая, с прозрачной водой и дном, поросшим водорослями. Я видела, как они колышутся на дне. Брода или моста нигде не было, и я зашла в маленький домик, чтобы найти лодку. Мужчина, которого я там нашла, согласился переправить меня на другой берег. Он вынес небольшой деревянный ящик и поставил его у самой воды, и я сразу поняла, что с помощью этого ящика смогу легко перебраться на другой берег. Я почувствовала себя вне опасности и мне хотелось отблагодарить этого человека.
>
> Размышляя об этом сне, я отчетливо чувствую, что у меня не было никакой причины ходить туда и что я могла бы выбрать прогулку по улице. Я отправилась в эти трущобы в поисках приключений и, раз уж я на это решилась, нужно было продолжать свой путь... Когда я думаю о том, как упорно шла вперед, во сне, то мне приходит на ум, что я осознанно стремилась к чему-то прекрасному там, впереди, например к этой прозрачной речке, заросшей водорослями вдоль берегов и надежной мощеной дорогой за ней. Если рассуждать с этой точки зрения, то это наводит на мысль о том, что это как решение родиться — или возродиться, в духовном, нравственном смысле этого слова. Возможно, многим из нас стоить пройти мрачный извилистый путь, чтобы выйти к чистой спокойной реке или найти свою дорогу в жизни[26].

Про этот сон рассказала знаменитая оперная певица, которая, подобно многим, кто предпочел не следовать по проторенному пути, а, услышав едва различимый зов, отправиться навстречу приключениям, что доступно лишь тем, кто прислушивается не только к звукам внешнего мира, но и к своему внутреннему голосу, сама выбрала свой одинокий путь. Преодолевая трудности, неведомые многим в обыденной жизни, «через трущобы», она познала сумерки души, земную жизнь пройдя до половины, очутившись в том девственном лесу, о котором писал Данте, и все круги ада:

Я увожу к отверженным селеньям,
Я увожу сквозь вековечный стон,
Я увожу к погибшим поколеньям[27].

Примечательно, что в этом сновидении основная схема универсальной мифологической формулы приключений героя воспроизводится во всех деталях. Эти исполненные глубокого смысла образы — препятствия, опасности и удача в пути — мы многократно и во множестве обличий повстречаем дальше в этой книге. Сначала во сне человек переходит через сточную канаву*, потом

* Сравним у Данте. Инферно. XIV. С. 76–84. «Маленькая книжечка, алый цвет которой застав-

ему встречается прозрачная река с заросшим водорослями дном*, потом появляется человек, готовый оказать помощь в самый драматический момент†, и за последней рекой — твердая земля на холме (Рай на Земле, Земля за рекой Иорданом)‡: — вот вечные прекрасные мелодии путешествия Души, повторяющиеся снова и снова, И каждый, кто осмелится прислушаться к ним и последовать на их тайный зов, познает тяготы опасного, одинокого странствия:

Остер, как лезвие бритвы, неодолим, недоступен этот
Путь — говорят мудрецы[28].

Во сне этой женщине удается перебраться на другой берег, используя подаренный ей небольшой деревянный ящик, вместо более привычных лодки или моста. Это символ ее неповторимого таланта и достоинств, с помощью которых она была перенесена через воды мира. Женщина, видевшая этот сон, ничего не рассказала нам о том, с чем она его ассоциировала, поэтому мы не знаем, что там такое было в ящике; но это, конечно, своего рода ящик Пандоры — дар богов прекрасной женщине, в котором хранятся семена всех бед и благ бытия, наполненного чем-то ценным, несущим надежду. С его помощью женщина в своем сне перебирается на другой берег. И таким чудесным образом каждый, чья работа связана с трудной, опасной миссией раскрыть самого себя и пройти путь развития, будет перенесен к дальним берегам океана жизни.

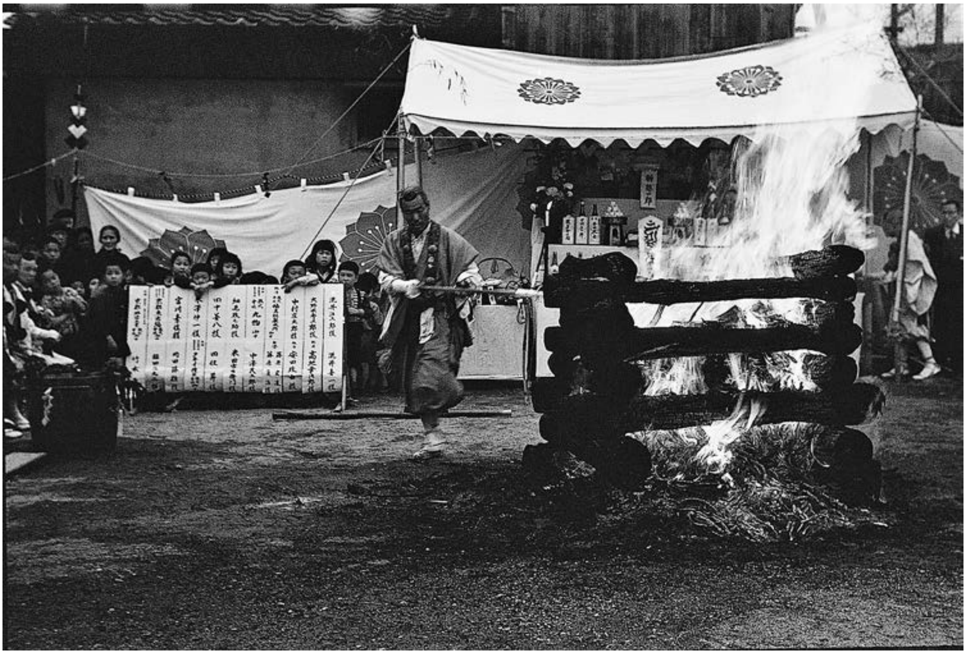
Многие мужчины и женщины идут по менее рискованному пути, более или менее бессознательно выполняя общественные или племенные законы жизни. Но эти странники также обретают спасение, опираясь на передаваемые по наследству символы, которые поддерживают человека, хранят благодать тайных обрядов, дарованных древним людям героями-искупителями, дошедшими до нас через тысячелетия. Спасутся лишь те, кому неведомы ни внутренний зов, ни чужие верования, исступленно выполняющие свои клятвы, то есть большинство из нас, сегодняшних людей, блуждающие в лабиринте внутри и вне собственных сердец. О где же ты, наш проводник, где наша возлюбленная Ариадна, дай же нам эту тонкую нить, что наполнит нас силой, чтобы встретиться лицом к лицу с Минотавром и надежду снова выйти на волю после того, как чудовище будет обнаружено и повержено?

ляет меня содрогнуться... которую читают между собой грешницы» (Данте Алигьери. Божественная комедия. Т. 1. С. 89).

* Сравним у Данте. Чистилище. XXVIII. С. 22–30. «Поток, струи которого нежно устремлялись влево, а по берегам росла трава. Никакие чистые воды земли не сравнятся с этими, которые ничего не скрывают». (Там же. Т. 2. С. 214).

† Вергилий Данте.

‡ «Те, кто раньше распевал песни о Золотом веке и о счастливой жизни в нем, возможно, Парнасе, мечтали очутиться там: там прошли первые невинные дни человечества, там — вечная весна и растут всевозможные фрукты, там — нектар, о котором каждый их них рассказывает» (Чистилище. XXVIII. С. 139–144. Там же. Т. 2. С. 219).

Ил. 5. Огненный ритуал Синто (фотография Джозефа Кэмпбелла). Япония, 1956 г.

Ариадна, дочь царя Миноса, влюбилась в мужественного Тесея, когда увидела его сходящим на берег в толпе несчастных афинских юношей и девушек, доставленных на корабле и обреченных на съедение Минотавру. Она сумела поговорить с ним и сказала, что поможет ему выбраться из лабиринта, если он пообещает увезти ее с собой с Крита и взять в жены. Он пообещал. Тогда Ариадна обратилась за помощью к мастеру Дедалу, который искусно построил этот лабиринт и помог матери Ариадны спрятать рожденное ею чудовище. Дедал дал девушке клубок простой льняной нити, которую отправившийся в лабиринт герой должен был привязать у входа в лабиринт и разматывать, когда отправится вглубь. Какая мелочь! Но без этого в лабиринте спасения нет.

То немногое, что нам нужно, совсем рядом — только руку протяни. Примечательно, что тот же самый мастер, что на службе преступного царя охотно замыслил ужасы лабиринта, так же охотно готов послужить спасению из него. Но в помощь ему — сердце героя. На протяжении веков Дедал был символом творческой личности и ученого: воплощая собой необычайное, почти дьявольское равнодушие личности, игнорирующей нормы общественной морали, и подчиняющегося не ей, а лишь своему творчеству. Такой герой следует по пути Мысли — он открыт, бесстрашен и убежден в том, что истина, к которой он стремится, освободит нас всех.

Итак, мы можем, подобно Ариадне, обратиться к нему за помощью. Лен для своей путеводной нити он собрал на полях человеческого воображения. По-

требовались многие столетия землепашества, десятилетия селекции, работа физическая и духовная, чтобы спрясть эту тугую нить. А нам можно даже не рисковать, отправляясь в этот путь в одиночку, ведь до нас этот путь проделали герои прежних дней; этот лабиринт детально изучен; нам остается лишь следовать за путеводной нитью, что указывает герою путь. Где мы опасались обнаружить мерзость и ужас, мы найдем Бога; там, где мы рассчитывали вырваться на волю, мы попадем в самое средоточие собственного существования; где думали остаться в одиночестве, мы воссоединимся со всеми людьми.

2. Трагедия и комедия

«Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Такими пророческими словами граф Лев Николаевич Толстой начал свой роман о духовном расколе героини его современности, Анны Карениной. На протяжении семи десятилетий, прошедших с тех пор, как эта сбившаяся с пути жена, мать в порыве слепой страсти бросилась под колеса поезда, символически завершив смертью физической духовную смерть заблудшей души, — роман за романом, новостные колонки газет и не слышные миру крики отчаяния, сливаясь в неистовый хор, все славят и славят быка — адское детище лабиринта — яростного, разрушительного, вселяющего безумие, воплощение того бога, который милосердно обновляет мир. Современные романтические истории, как и греческая трагедия, воспевают таинство расчленения, благодаря которому жизнь продолжается. Счастливый конец вызывает справедливое презрение, потому что он вводит нас в заблуждение; ибо известный и видимый нам мир, приведет нас лишь к одному концу — к смерти, разрушению, расчленению и невыразимым душевным страданиям, после того, как этот мир покинут те, кого мы любим.

«Жалость — это чувство, которое охватывает наш разум в присутствии всего, что составляет глубокий и непреходящий смысл человеческих страданий, приобщая нас к страдающему человеку. Ужас — это чувство, которое охватывает разум также в присутствии всего того, что составляет глубокий и непреходящий смысл человеческих страданий, приобщая нас к скрытой причине»[29]. Как отмечал Гильберт Мюррей в своем предисловии к английскому переводу «Поэтики Аристотеля»[30], трагический *катарсис* («очищение» или «обновление» эмоций зрителя трагедии посредством переживания жалости или ужаса) соответствует прежнему ритуальному *катарсису* («очищению общины от скверны пороков прошедшего года, от скверны греха и смерти»), функцию которого выполняли празднество и мистерии с расчленением бога-быка Диониса. Медитирующий разум во время мистерии сливается не с бренным, которое публично умерщвляется, а с вечным началом жизни, которое временно пребывало в этом теле, представляло собой реальность в ложном обличье (воплощая страдающее существо и тайную причину), субстрат, в котором растворяют-

ся наши личности, когда «трагедия, что разбивает лицо человека»[31], разбила вдребезги, расколола и окончательно разрушила нашу бренную оболочку.

Быком обернись ты, наш Вакх, наш бог,
Явись многоглавым драконом
Иль львом золотистым ты в очи метнись![32]

Эта гибель наших логических и эмоциональных связей с судьбоносным моментом нашей жизни, единственным и неповторимым во времени и пространстве, это признание вселенского его значения и переход к новому этапу жизни, бурлящей, победоносной, уничтожающей прежних нас, эта роковая любовь — *amor fati*, «любовь судьбоносная», которая неизбежно приводит к смерти и составляет суть искусства; в этом ее радость и экстаз искупления:

Настали дни мои, я слуга,
Идайского Юпитера Посвященный;
Куда бредет полуночный Загрей, бреду и я;
Я выдержал его окрик громовой;
И красные, кровавые пиры его свершил;
Я выдержал Великой Матери горный пламень;
Я свободен и назван именем
Бахус жрецов, в кольчуги облаченных[33].

Современная литература в значительной мере посвящена аллегорическим образам, переживающим болезненный раскол, окружающим нас повсюду и царящим в наших душах. Там, где подавлено естественное стремление выразить недовольство существующим нездоровым положением вещей — и нельзя выкрикнуть проклятия или провозгласить панацею — там приходит время искусства трагедии, которое оказывает на нас гораздо более мощное влияние, чем античная греческая трагедия: это реалистичная, глубоко личная и многоликая трагедия демократии, где бог распят не только у дворца, но и в скромных домах обычных людей, где все получают удар плетью и пощечины. Больше не мечтают о царствии небесном, будущем райском блаженстве и отпущении грехов, нечем облегчить страдания, мы достигли высшей власти, нам осталась лишь непроглядная тьма, пустота несбывшихся надежд, готовая поглотить жизни, выброшенные из материнского лона на свет лишь для того, чтобы потерпеть крах.

В сравнении с этим наши мелочные разговоры о достигнутых победах кажутся весьма жалкими. Нам слишком хорошо известно, какая горечь поражений, потерь, разочарований и несбывшихся надежд по иронии судьбы отравляет жизнь даже сильным мира сего. Потому мы не склонны ценить комедию так высоко, как трагедию. Комедия как сатира — не лишена смысла, она развлекает и помогает отвлечься от реального мира, но никогда сказка о счастье не может быть воспринята всерьез; она родом из далекой, призрачной страны детства, надежно укрытой от реального мира, всем тяготам которого мы скоро глянем в лицо, подобно тому, как мифы о рае всегда предназначены для стариков, чья жизни уже позади, а рыдающие души должны быть готовы пере-

шагнуть последний порог, открывающий переход во тьму — современное представление Запада о комедии строится на абсолютно неправильном понимании реалий, отображенных в сказке, мифе и божественных комедиях о спасении души. В древнем мире к ним относились как искусству более высокому, чем трагедия, более сложному для понимания, более стройному и содержащему больше откровений.

Счастливый конец сказки, мифа и божественной комедии души должен трактоваться не как противоречие, а как превосходство над вселенской трагедией человека. Объективный мир остается прежним, но, поскольку внимание обращено внутрь самого субъекта, именно он кажется изменившимся. Где раньше боролись жизнь и смерть, появляется бессмертное существо, которому так же нет дела до случайностей времени, как кипящей в котелке воде нет дела до играющих в ней пузырьков, или как космос никак не заметит появления или исчезновения галактики. Трагедия — это разрушение самой формы и нашей привязанности к формам вообще; комедия — это необузданная и беззаботная, неистощимая радость торжествующей жизни. Таким образом, трагедия и комедия являются выражениями единой мифологической темы и опыта, который включает и то, и другое, будучи скрепляем ими: это движение вниз и движение вверх (*kathodos* и *anodos*), которые вместе становятся откровением о жизни и которые человек должен познать и полюбить, если хочет очиститься от скверны греха (*катарсис* — очищение) (неповиновения божественной воле) и смерти (отождествления с бренной формой).

«Так, изменяется все, но не гибнет ничто и, блуждая, входит туда и сюда; тела занимает любые дух... Новые вечно, затем что бывшее раньше пропало, сущего не было, — все обновляются вечно мгновенья»[34].

«Преходящи эти тела Воплощенного, именуемого Вечным, непреходящего, неисповедимого...»[35].

Миссия истинного мифа и сказки в том и состоит, чтобы поведать истину об опасностях темного внутреннего перехода от трагедии к комедии и о том, как их преодолеть. Именно поэтому происходящее в них выглядит фантастическим и «нереальным»: потому что оно отражает не физические, а психологические победы. Даже когда легенда отражает события жизни реального исторического лица, его победы преподносятся не как обычные события, а как сказочные подвиги; ведь суть не в том, что именно было совершено в реальном мире, а в том, что прежде чем это свершилось, еще нечто иное, более важное и существенное должно было свершиться в лабиринте, который нам всем знаком и в который мы попадаем в наших снах. Хотя герой мифа ходит по твердой земле, его путь всегда ведет внутрь — в глубины, где ему предстоит борьба с темными силами и к нему возвращаются силы давно утерянные, забытые, необходимые для преобразования мира. Но вот подвиг совершен, всем несчастьям положен конец, свершилась победа над беспощадным временем и покорено пространство; но еще свежа память о пережитом ужасе, еще слышны пронзительные крики боли, и жизнь теперь наполняется всеобъемлющей

торжествующей любовью и сознанием своего собственного несокрушимого могущества. Обычно незримый, тлеющий в непроницаемых глубинах, свет с громким ревом прорывается наружу. И тогда страшные раны кажутся тенями имманентной, нетленной вечности; время уступает славе; и мир наполняется удивительной, ангельской, но, возможно, монотонной и навевающей дремоту музыкой небесных сфер. Как все счастливые семьи, все мифы о спасении и спасенные миры похожи друг на друга.

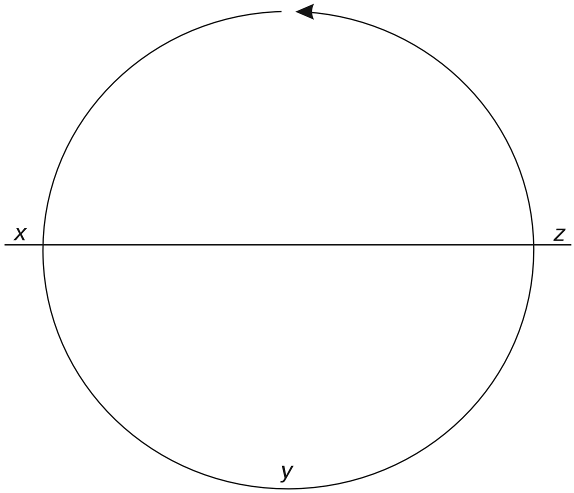

Ил. 6. Укротитель чудовищ (необработанные ракушки и ляпис лазурный). Шумер, Ирак, 2650–2400 гг. до н. э.

3. Герой и бог

Традиционный миф о приключениях героя обычно представляет в преувеличенном виде все обряды перехода: уединение — инициация — возвращение к обычной жизни, которую можно назвать центральным блоком мономифа[36].

Прометей вознесся на небеса, похитил у богов огонь и спустился вниз. Ясон, проплыв через Симплегады, попал в чудесное море, перехитрил дракона, охранявшего золотое руно, и с новыми силами вернулся с этой добычей, чтобы вырвать принадлежащий ему по праву трон у узурпатора. Эней спустился в подземный мир, переплыл Ахерон, одолел неподкупного Цербера, свирепого трехглавого пса, и, наконец, говорил с тенью умершего отца. Ему открылось все: судьбы душ, участь Рима, который он должен был основать, и то, «как невзгод избежать или легче снести их»[37]. Через ворота из слоновой кости он вернулся в обычный мир, чтобы исполнить намеченное.

Герой решается покинуть обыденный мир и направляется в область удивительного и сверхъестественного (*x*): там он встречается с фантастическими силами и одерживает решающую победу (*y*): в этом таинственном приключении герой обретает способность принести благо своим соплеменникам (*z*).

Возвышенное повествование о трудностях, выпавших на долю героя, их величественная суть, глубина их постижения и самоотверженность при выполнении задуманного представлены в передаваемой из поколения в поколение легенде о Великих Испытаниях Будды. Молодой принц Гаутама Шакьямуни тайком покинул дворец своего отца, чудом миновал на великолепном коне Кантхака охраняемые ворота и поскакал в ночь при свете факелов четырежды шестидесяти тысяч богов, легко преодолел величавую реку шириной в одиннадцать сотен и двадцать восемь локтей, а затем одним взмахом меча срезал свои королевские локоны — а оставшиеся волосы длиной в два пальца завились вправо и плотно обвили его голову. Облачившись в монашеские одежды, он отправился странствовать в облике нищего, и за годы этого, на первый взгляд бесцельного, скитания постиг и прошел восемь стадий медитации. Он жил как отшельник еще шесть лет и, стремясь к великой цели, дошел до высшей степени аскезы, и, казалось, пришла его смерть, но он вскоре воскрес и вернулся к менее суровой жизни странствующего аскета.

Однажды, сидя под деревом, он созерцал восточную часть света, и вдруг дерево озарилось сиянием. Явилась юная девушка по имени Суджата и поднесла ему молочный рис в золотой чаше. Когда Будда бросил пустую чашу в реку, та поплыла вверх, против течения в знак того, что он приближается к своей цели. Он поднялся и направился по дороге, проложенной богами, ширина которой была одиннадцать сотен и двадцать восемь локтей. Змеи, птицы, лесные и по-

левые божества приветствовали его цветами и райским благоуханием, звучала музыка небесного хора, десять тысяч миров были наполнены благоуханиями, гирляндами цветов, гармонией и приветствовали его; ибо он был на пути к великому дереву Просветления, дереву Бодхи, под которым он должен был принести освобождение этому миру. С решительным намерением он расположился под деревом Бодхи в Месте Покоя, и тут же перед ним возник Кама-Мара, бог любви и смерти.

Грозный тысячерукий бог явился верхом на слоне и в каждой руке держал оружие. На двенадцать лиг перед ним простиралась его армия — на двенадцать лиг влево и на двенадцать — вправо от него, а позади него — до самой границы мира; и на девять лиг в высоту. Боги, защитники вселенной, начали сражение, но будущий Будда сидел неподвижно под деревом. И тогда бог устремился к нему, стремясь нарушить его сосредоточенность.

Ил. 7. Будда Шакьямуни под Деревом Бодхи (резьба по аспидному сланцу). Индия, конец IX — начало X в. н. э.

Просветление Будды — это центральный момент в восточной мифологии, такой же важный, как и распятие Христа в западном мире. Будда под деревом просветления (деревом Бодхи) и Христос на Святом Кресте (древе Искупления людских грехов) — это аналогичные фигуры, воплощающие образ Спасителя и мотив Мирового древа,

один из древнейших символов с незапамятных времен. В последующих эпизодах мифа можно найти много вариантов событий. Место Покоя и гора Голгофа являются образами Сердцевины Мира, Мировой Оси.

Призыв к Земле стать свидетельницей происходящего в традиционном искусстве буддизма представлен в виде Будды, положившем на правое колено правую руку, с пальцами, слегка касающимися Земли.

Смысл в том, что буддистское учение невозможно передать словами, его можно лишь постичь на *пути* Просветления. Эта доктрина о непостижимости Истины, которая пребывает вне форм и имен, составляет основу учения великого Востока, а также присутствует в воззрениях Платона и его последователей. В то время как научные истины можно передать другим, поскольку они представляют собой доступные для демонстрации гипотезы, построенные на фактах, ритуал, мифология и метафизика суть проводники, которые ведут к грани откровения, последний шаг, который каждый человек может совершить лишь в сосредоточенном молчании. Поэтому в санскрите одно из слов, обозначающих «мудрый» — это *muni* («молчаливый»). Шакьямуни — одно из имен Будды Гаутамы — означает «молчаливый мудрец из клана Шакья». Хотя он и является основателем одной из главных мире религий, которые проповедуются перед людьми, главное в ней остается скрытым и постигается в молчании.

Противник обрушил на Спасителя смерчи, камни, громы и молнии, дымящееся оружие с острыми лезвиями, горящие уголья, горячий пепел, кипящую грязь, обжигающие пески и четырехкратную тьму, но все брошенное против него превращалось силой десяти совершенств Гаутамы в небесные цветы и благовония. Тогда Мара послал против него своих дочерей, Желание, Томление и Вожделение, окруженных внушающей сладострастные желания свитой, но им также не удалось отвлечь разум Великого Сущего. Наконец, утверждая свое право сидеть в Месте Покоя, этот бог в гневе метнул острый, как лезвие бритвы, диск и приказал своему устрашающему войску забросать его горными утесами. Но Будущий Будда лишь двинул своей рукой, чтобы коснуться кончиками пальцев земли, призывая таким образом богиню Землю засвидетельствовать его право сидеть там, где он сидит. И та откликнулась сотней, тысячью, сотней тысяч громов, и вот слон противника пал на колени в почтительном поклоне перед Будущим Буддой. Армия тут же рассеялась, и боги всех миров осыпали его гирляндами цветов.

Одержав эту победу перед заходом солнца, победитель в первую ночную стражу обрел знание своих прошлых жизней, во вторую стражу — божественное око всеведущего видения и в последнюю стражу — понимание цепи причинности. С приходом рассвета он испытал полное просветление.

Затем семь дней Гаутама — теперь уже Будда, Просветленный — сидел в блаженной неподвижности; семь дней стоял он в стороне, созерцая место, где

обрел просветление; семь дней ходил он между тем местом, где сидел, и тем, где стоял; семь дней пребывал он в шатре, воздвигнутом богами, и обдумывал учение о причинах всего сущего и избавления от страданий; семь дней сидел он под деревом, где девушка Суджата поднесла ему молочный рис в золотой чаше, и медитировал о доктрине блаженства *Нирваны*; он перешел к другому дереву, и страшная буря бушевала семь дней, но из корней дерева явился Царь Змей и защитил Будду, развернув свой капюшон; и, наконец семь дней Будда просидел под четвертым деревом, все еще предаваясь блаженству освобождения от страданий. Затем он усомнился в том, что сможет передать свое откровение другим, и подумал, не оставить ли мудрость в себе; но с небес снизошел бог Брахма и просил его стать учителем богов и людей. Так Будда приблизился к тому, чтобы проповедовать учение о Пути[38]. И тогда он отправился обратно в города к людям, где проповедовал им о том, что есть Путь.

Ветхий Завет повествует о похожем эпизоде в легенде о Моисее, который в третий месяц после исхода сыновей Израиля из земли Египетской пришел с народом своим в Синайскую пустыню; и там сыны Израиля разбили лагерь против горы. И взошел Моисей на гору, и воззвал к нему Господь с горы. Господь дал ему каменные Скрижали Закона, повелев Моисею вернуться с ними к сынам Израиля, избранному Богом народу[39].

Еврейская народная легенда гласит, что в день этого откровения с горы Синай доносились раскаты грома.

> Вспышки молний, сопровождаемые нарастающим трубным гласом, повергли народ в сильный трепет и страх. Бог склонил к земле небеса, привел в движение землю и потряс границы мира, так что задрожали глубины и страх объял небеса. Его величие явилось через четыре портала — через огонь, землетрясение, бурю и град. Цари земли затрепетали в своих дворцах. Сама земля в страхе ждала уже начала воскресения мертвых, когда ей придется отвечать за кровь убиенных, что она впитала, и за тела умерщвленных, что она укрыла. Земля не успокоилась, пока не услышала первые слова Десяти Заповедей.
>
> Небеса разверзлись, и гора Синай, освободившись из земли, поднялась в воздух, так что ее вершина ушла в небо, касаясь подножия Трона Господня, а ее склоны укрыло густое облако. Явился Бог, сопровождаемый по одну сторону двадцатью двумя тысячами ангелов с коронами для Левитов — единственного рода, оставшегося верным Господу, в то время как остальные поклонялись золотому тельцу. По другую сторону от него стояли шестьдесят мириад* три тысячи пятьсот пятьдесят ангелов, и каждый с огненной короной для каждого сына израильского народа. Вдвое большее число ангелов стояло по третью сторону; в то время как с четвертой стороны их было неисчислимое множество. Ибо Господь явился не с одной стороны, а сразу отовсюду одновременно, что, однако, не помешало и небесам и земле преисполниться Его славы. Несмотря на эти несметные армады, на горе Синай не было толчеи, не было столпотворения, места хватало всем[40].

* Myriad (англ.) — десять тысяч. — *Примеч. пер.*

Мы вскоре убедимся, что, будь то подробные описания деяний героев Востока, долгие описания древних греков или величественные строфы Библии, приключение героя, как правило, развивается в логике основных сюжетных линий, описанных выше: удаление от мира, приобщение к некоему источнику силы и возвращение в обычный мир с источником новой энергии, которая вернет утраченную некогда жизнь. Гаутама Будда принес на Восток благословенный дар — свое удивительное учение о Законе Добра — точно так же, как Запад обрел заповеди Моисея. Греки считали, что благодаря самоотверженности Прометея человечество получило огонь, которому оно обязано самим своим существованием, а римляне утверждали, что Эней, покинув павшую Трою и леденящий душу мир мертвых, основал их город, средоточие всего мира. Повсеместно, будь то любая сфера человеческой деятельности — религиозная, политическая или область личной жизни, — акты истинного творчества сначала предстают как смерть героя для всех окружающих и внешнего мира, и возвеличивается все, что происходит с ним в период небытия, после которого он, возрожденный, с новыми созидательными силами возвращается в этот мир, и человечество единодушно представляет события именно так. Нам нужно всего лишь проследить за бесчисленными героями, проходящими классические стадии общего для них всех приключения, чтобы снова увидеть то, что всегда являлось в откровении. Так мы сможем понять не только значение этих образов для современной жизни, но и единство человеческого духа в его стремлениях и превратностях, его силу и его мудрость.

Последующие страницы будут представлять собой одно общее сказание о множестве символических жизнеописаний, которые принципиально важны для *каждого* человека. Первая большая стадия, стадия *уединения* или *исхода*, будет представлена в пяти подразделах главы I, части I:

1. «Зов странствий», или знаки призвания героя.
2. «Отказ откликнуться на зов», или безрассудное бегство от бога.
3. «Сверхъестественное покровительство», неожиданная поддержка того, кто отправился в предначертанный ему путь, полный приключений.
4. «Преодоление первого порога».
5. «Чрево кита», или вступление в царство ночи.

Стадия *испытаний и побед инициации* будет рассмотрена в шести подразделах главы II:

1. «Путь испытаний», или опасные лики богов.
2. «Встреча с Богиней» (*Magna Mater*), или блаженство вновь обретенного младенчества.
3. «Женщина как искусительница», прозрение и агония Эдипа.
4. «Примирение с отцом».
5. «Апофеоз».
6. «Награда в конце пути».

Возвращение и воссоединение с обществом, которое необходимо для постоянного круговорота духовной энергии в мире и которое, с точки зрения общества, является оправданием для длительного отшельничества, может оказаться наиболее трудным испытанием для самого героя. Ибо когда он, подобно Будде, преодолев все трудности, приходит в состояние полной гармонии абсолютного просветления, возникает опасность, что это блаженное состояние может стереть из его памяти все беды мира, что он утратит интерес к миру и чаяниям людей; или же ему может показаться слишком сложной проповедь пути к просветлению людям, обремененным житейскими проблемам. Но если герой, вместо того чтобы пройти через все предварительные испытания, подобно Прометею, просто устремляется к цели и овладевает (силой, хитростью или благодаря удаче) благом, предназначающимся миру, то силы, которые он вывел из равновесия, могут прийти в такое возмущение, что он будет сокрушен как извне, так и изнутри — распят, подобно Прометею, на скале своего собственного бессознательного, которое он хотел безнаказанно обойти. Герой может благополучно и добровольно вернуться в мир людей и встретить при этом абсолютное непонимание и равнодушие тех, кому он пришел на помощь, и потерпеть поражение. Мы обсудим такой вариант завершения героических приключений в главе III под шестью подзаголовками:

1. «Отказ возвращаться», или отвержение мира.
2. «Волшебное бегство», или побег Прометея.
3. «Спасение извне».
4. «Преодоление порога, возвращение домой», или возвращение в мир повседневности.
5. «Властелин двух миров».
6. «Свобода жить», характер и функция предельного блага.

Если герой в своем приключении совершает полный круг, это представлено как негативное явление в историях о потопе, например, где не герой обретает силу, а сама сила противостоит герою, и он снова повержен. Истории о потопе рассказывают во всех уголках света. Они составляют неотъемлемую часть архетипичного мифа о земле, и в силу этих причин будут рассматриваться в части II «Космогонический цикл». Герой из легенд о потопе символизирует присущую человеку от рождения способность к выживанию, даже если на него обрушиваются самые страшные природные катаклизмы или он падет жертвой страшных грехов.

Собирательный герой мономифа обладает исключительными способностями. Часто соплеменники оказывают ему почести, часто бывает и так, что он не получает их признания и даже становится объектом презрения. Ему и/или

миру, в котором он живет, не хватает символов. В сказках это бывает какая-то небольшая деталь, например, у него нет золотого кольца, а в сказаниях об Апокалипсисе ущерб нанесен всей физической или духовной жизни на земле, она обращается в прах или находится на грани этого.

Обычно сказочный герой добивается локальной победы в пределах своего микрокосма, а герой мифа — победы всемирно-исторического, макрокосмического масштаба. В то время как герой сказки — младший или презираемый ребенок — обретает необычайные способности и одерживает победу над теми, кто его обижает, герой мифа в конце своего приключения добывает средство для возрождения всего своего общества в целом. Герои какого-то отдельного племени или страны, например китайский император Ци Хуан Ди, Моисей или Тескатлипока у ацтеков, приносят ценный дар своему собственному народу; герои универсальные — Магомет, Иисус, Гаутама Будда — несут свое послание для всего мира.

Вызывает ли наш герой смех или исполнен величия, грек он или варвар, еврей или кто-то еще — его приключения в основном сходны и мало в чем отличаются у разных народов. Народные сказки изображают героическое деяние как событие материальное; высокоразвитые религии акцентируют его нравственную значимость; несмотря на все это, в морфологии приключения, в действующих персонажах и одерживаемых ими победах обнаруживается удивительно мало различий. Если тот или иной основной элемент архетипной схемы в конкретной сказке, легенде, ритуале или мифе не упоминается явно, он обязательно так или иначе образом подразумевается — а то, что о нем явно не упоминали, как мы вскоре это увидим, может очень многое рассказать нам об истории и патологии данного примера.

Часть II, «Космогонический цикл», разворачивает перед нами великое видение сотворения и гибели мира, ниспосланное как откровение герою, которое предвещает успех его миссии. Глава I, «Эманации», рассказывает о зарождении из пустоты различных форм вселенной. Глава II, «Непорочное зачатие», посвящена рассмотрению животворящей и искупительной роли женского начала — в качестве Матери Вселенной, на уровне макрокосма, а затем Матери Героя, на уровне микрокосма человека. Глава III, «Метаморфозы героя», прослеживает ход легендарной истории человечества через типичные стадии, где герой появляется на сцене в разных обличьях, соответственно меняющимся потребностям рода человеческого. И, наконец, глава IV, «Растворение», рассказывает о предреченном конце — сначала героя, а затем окружающего его мира.

Удивительно, как много общего в описании космогонического цикла в священных текстах разных континентов[41], и приключение героя предстает в новом свете; ведь теперь оказывается, что его подвиги и риск были направлены не на поиск чего-то нового, а на обретение чего-то утраченного, стремились не к новым открытиям, а к открытию чего-то ранее существовавшего. Оказывается, что он с самого начала обладал теми божественными

силами, к которым он стремился и которые обрел с таким трудом, они всегда жили в его сердце. Оказывается, он «царский сын», наконец узнавший о своем истинном предназначении и ставший отныне обладателем особой силы — «Божьим сыном», постигшим все значение своего положения. С этой точки зрения герой символизирует тот созидательный и искупительный образ, который каждый из нас несет в себе, который лишь ждет своего часа, чтобы пробудиться к жизни.

«Ибо Единое, ставшее многим, остается Единым и неделимым, но в каждой части своей есть весь Христос», — читаем мы у святого Симеона-младшего (949–1022 н. э.).

> «Я увидел Его в своем доме, — продолжает святой. — Он явился неожиданно среди всех этих обычных вещей, и невыразимым образом соединился и слился со мною, и вошел в меня, как будто между нами ничего не было, как огонь в железо и свет в стекло. И Он сделал меня подобным огню и свету. И я стал тем, что я видел прежде и созерцал издалека. Я не знаю, как мне передать вам это чудо... Я человек по природе и Бог по милости Господней»[42].

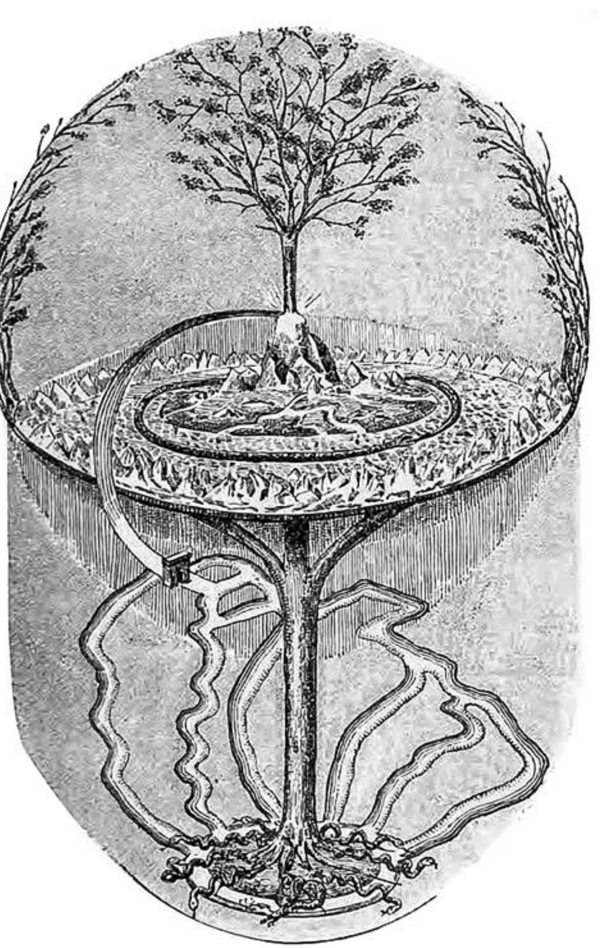
Подобное видение описывается и в апокрифическом Евангелии Евы.

> «Я стояла на высокой горе и увидела огромного мужчину и другого — карлика; и я услышала как бы глас грома и подошла ближе, чтобы слышать; и Он заговорил ко мне и сказал: Я есть ты, и ты есть Я; и где бы ты ни была, там есть и Я.
>
> Я рассеян во всем, и когда бы ты ни пожелала, ты вбираешь Меня, и, вбирая Меня, ты вбираешь себя»[43].

И герой, и его высшее божество, искатель и предмет исканий — воспринимаются как внешнее и внутреннее проявления одной тайны, которая сама в себе отражена и является отражением мистерии реального мира. Великий подвиг сверхъестественного героя заключается в том, чтобы показать это единство в многообразии и после поведать о нем другим.

4. Центр мироздания

После того как приключения героя успешно завершены, поток жизни освобождается и питает реальный мир. Чудесная сила этого потока может быть представлена в физическом смысле как циркуляция живительной субстанции, динамически — как поток энергии, а духовно — как проявление высшей благодати. Такие представления легко сменяют друг друга, отображая три степени концентрации одной жизненной силы. Обильный урожай является знаком милости Господней; милость Господня — это пища души; удар молнии — это предвестник благодатного дождя и в то же самое время проявление освобожденной божественной энергии. Милость Господня, питающая материя, энергия — все это питает живой мир, и всякий раз, когда этот процесс останавливается, жизнь прекращается и наступает смерть.

Ил. 8. Игдразиль, Мировое древо. Скандинавия, начало XIX в. н. э.

Источник этого потока невидим, а место, куда он вливается, это центр символического круга вселенной, Место Покоя из легенды о Будде[44], вокруг которого, можно сказать, вращается мир. Под этой точкой располагается голова космического змея, поддерживающего землю, дракона, символизирующего водные глубины, которые являются источником божественной животворящей энергии и субстанцией демиурга, источником рождения всего сущего в том мире[45]. Древо жизни, то есть сама вселенная, растет из этой точки. Своими корнями оно уходит в тьму, которая его породила; на его верхушке сидит золотая солнечная птица; у его корней журчит ручей, берущий свое начало в неисчерпаемом роднике. Это может быть и нечто похожее на космическую гору с божественным градом на вершине, подобному лотосу света, и городами демонов в ее лоне, освещаемыми драгоценными камнями. Или это может быть

фигура космического мужчины или женщины (например, сам Будда или танцующая индийская богиня Кали), которые сидят или стоят на этом месте или даже прикованы к дереву (Аттис, Христос, Вотан); ибо герой, как воплощение Бога, сам является центром мироздания, пуповиной, через которую энергии вечности вливаются вовремя. Таким образом, это Пуп Земли — символ непрерывного акта творения; таинства поддержания мира через вечное чудо обновления, которое оживляет собой все вокруг.

У индейцев пауни из северных территорий Канзаса и юга Небраски жрец во время церемонии Хако пальцем ноги чертит круг. Легенда гласит, что при этом жрец провозглашает: «Круг — это гнездо,

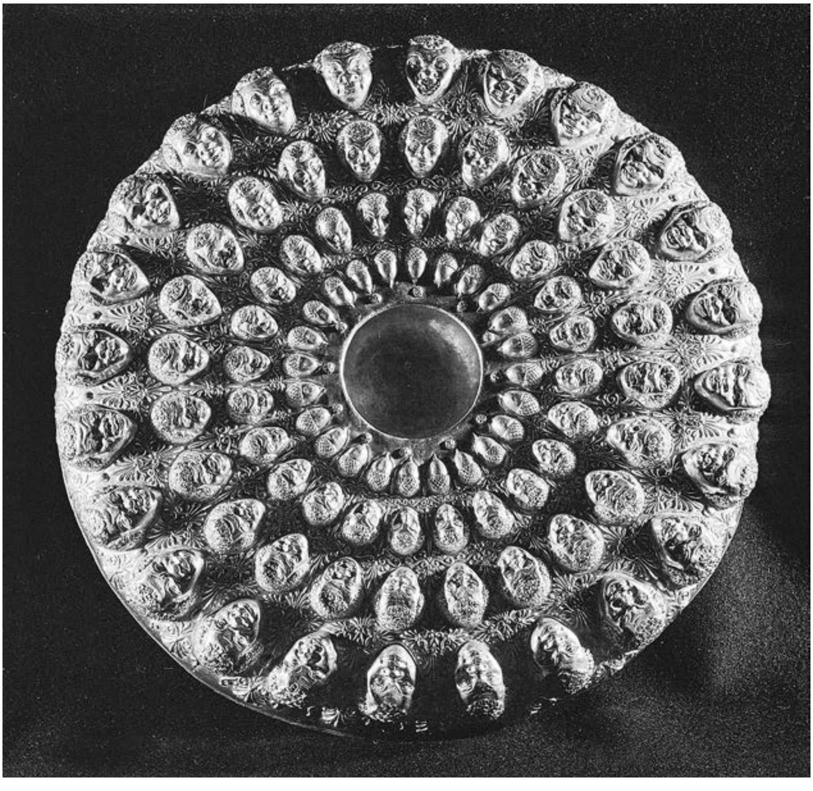
> и рисуется он пальцем ноги потому, что орел вьет гнездо своими когтистыми лапами. Хотя мы подражаем птице, вьющей гнездо, это действие имеет еще и другой смысл; мы думаем о том, как Тирава создает мир для людей. Если вы подниметесь на высокую гору и оглянетесь вокруг, то увидите, как со всех сторон небо соприкасается с землей, а внутри этого замкнутого кругом пространства живут люди. Поэтому каждый начертанный нами круг — не только гнездо, но и тот круг, который Тирава-Атиус сотворил, чтобы в нем жили все люди. Круги также символизируют родство группы, клана, племени»[46].

Небесный свод зиждется на четырех сторонах земли, иногда его держат, как атланты, четыре царя, карлики, слоны или черепахи. В этом традиционный смысл математической проблемы квадратуры круга: в ней заключается секрет трансформации небесных форм в земные. Очаг в доме, алтарь в храме — это ступица колеса земли, лоно Матери Вселенной, чей огонь — это огонь жизни. А отверстие в крыше шатра — или верхушка, вершина или фонарь купола — представляют сердцевину или центральную точку неба: солнечную дверь, через которую души возвращаются из времени обратно в вечность, как аромату жертвенных благовоний, сжигаемых в огне жизни и поднимающихся по оси восходящего дыма от ступицы земного колеса к ступице колеса небесного[47].

Так наполняется пищей Солнце — чаша, из которой вкушает Бог, это неистощимый Грааль с щедрым жертвоприношением, ибо плоть Господня истинно есть пища, а кровь Его истинно есть питие[48]. И оно же питает все человечество. Солнечный луч, зажигающий очаг, символизирует переход небесной энергии в лоно мира — и он же — та ось, что объединяет и вращает оба колеса. Через солнечную дверь непрерывно циркулирует энергия. Через нее спускается Бог и поднимается человек. «Я есмь дверь: кто войдет Мною, тот спасется, и войдет, и выйдет, и пажить найдет»[49]. «Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем»[50].

Культура все еще черпает источники силы в мифологии, и общая картина человеческой жизни, и каждый ее этап оживают благодаря намекам, которые заключаются в символах. В холмах и рощах обитают сверхъестественные

стражи, знакомые по общеизвестным эпизодам истории сотворения мира, которые рассказываются в каждой конкретной местности. Везде есть свои особо почитаемые святые места, где герой родился, боролся или снова ушел в небытие, они выделены и освящены. Там воздвигается храм, чтобы обозначить и вызывать чувство священного благоговения перед идеальным центром мироздания, ибо здесь и только здесь находится источник благополучия и процветания. Здесь открыли путь в вечность. Поэтому само это место помогает медитировать. Как правило, конструкция таких храмов воспроизводит четыре стороны света, а святое место или алтарь, расположенные в центре, символизируют источник вечной энергии. Каждый входящий внутрь храма и приближающийся к святая святых символически воспроизводит подвиг истинного героя. В нем должна снова пробудиться сила, лежащая в центре мироздания и дарующая жизнь.

Ил. 9. Омфалос (золотой фиал). Тракийская Болгария, IV–III вв. до н. э.

Древние города построены как храмы, их главные ворота ориентированы по четырем сторонам света, а в центре воздвигнуто главное святилище божественного основателя города. Жители города живут и трудятся в границах,

заданных этим символом. Точно по такому же принципу в каждой из крупных мировых религий присутствует некий священный город-мать, для западного христианства это Рим, для ислама — Мекка. Все мусульмане мира трижды в день совершают поклоны, направленные, как спицы мирового колеса, к центру, в котором размещается Кааба, образуя огромный живой символ «подчинения» (*islam*) всех и каждого воле Аллаха. «Ибо именно Он, — читаем мы в Коране, — покажет тебе истину всего того, что ты делаешь»[51]. И вот что еще важно: великий храм может быть воздвигнут где угодно. Потому что в конечном итоге Все пребывает повсюду, и любая точка может стать местом пребывания силы. В мифе любая травинка может принять образ Спасителя и провести ищущего странника в святая святых — его собственное сердце.

Таким образом, центр мироздания можно найти везде. Он — источник всего сущего, и в равной мере наполняет мир как добром, так и злом. Уродство и красота, грех и добродетель, удовольствие и боль — все это плоды его творения. «Для бога все вещи чисты, хороши и правильны, — провозглашает Гераклит, — ...но люди относят некоторые из них к правильным, а другие — к неправильным»[52]. И потому образы, которым поклоняются в храмах мира, никоим образом не являются всегда прекрасными, всегда милосердными или даже всегда обязательно праведными. Подобно божественной сущности из Книги Иова, они представляют собой нечто большее, чем набор человеческих добродетелей. Так же и главный герой мифов не всегда просто добродетельный человек. Добродетель — это лишь педагогическая прелюдия к кульминационному прозрению, которое проходит сквозь череду своих противоположностей. Добродетель подавляет самодостаточность эго и делает возможным внеличностное сосредоточение; но когда это достигается, что же тогда можно сказать о боли или удовольствии, пороке или добродетели как нашего собственного эго, так и эго любого другого человека. Трансцендентная сила постигается во всех жизненных проявлениях, она вездесуща, прекрасна во всех проявлениях и достойна глубочайшего почитания.

Ибо как сказал Гераклит: «Непохожее сливается воедино, и из различий проистекает самая прекрасная гармония, и все сущее существует посредством борьбы»[53]. Или, как это поэтически выразил Блейк: «Львиный рык, волчий вой, ярость бури и жало клинка суть частицы вечности, слишком великой для глаза людского»[54].

Этот сложный момент становится более понятным из рассказа, который можно услышать у племени йоруба (Западная Африка), о проказливом боге Эдшу. Однажды этот странный бог прогуливался по тропинке меж двух полей.

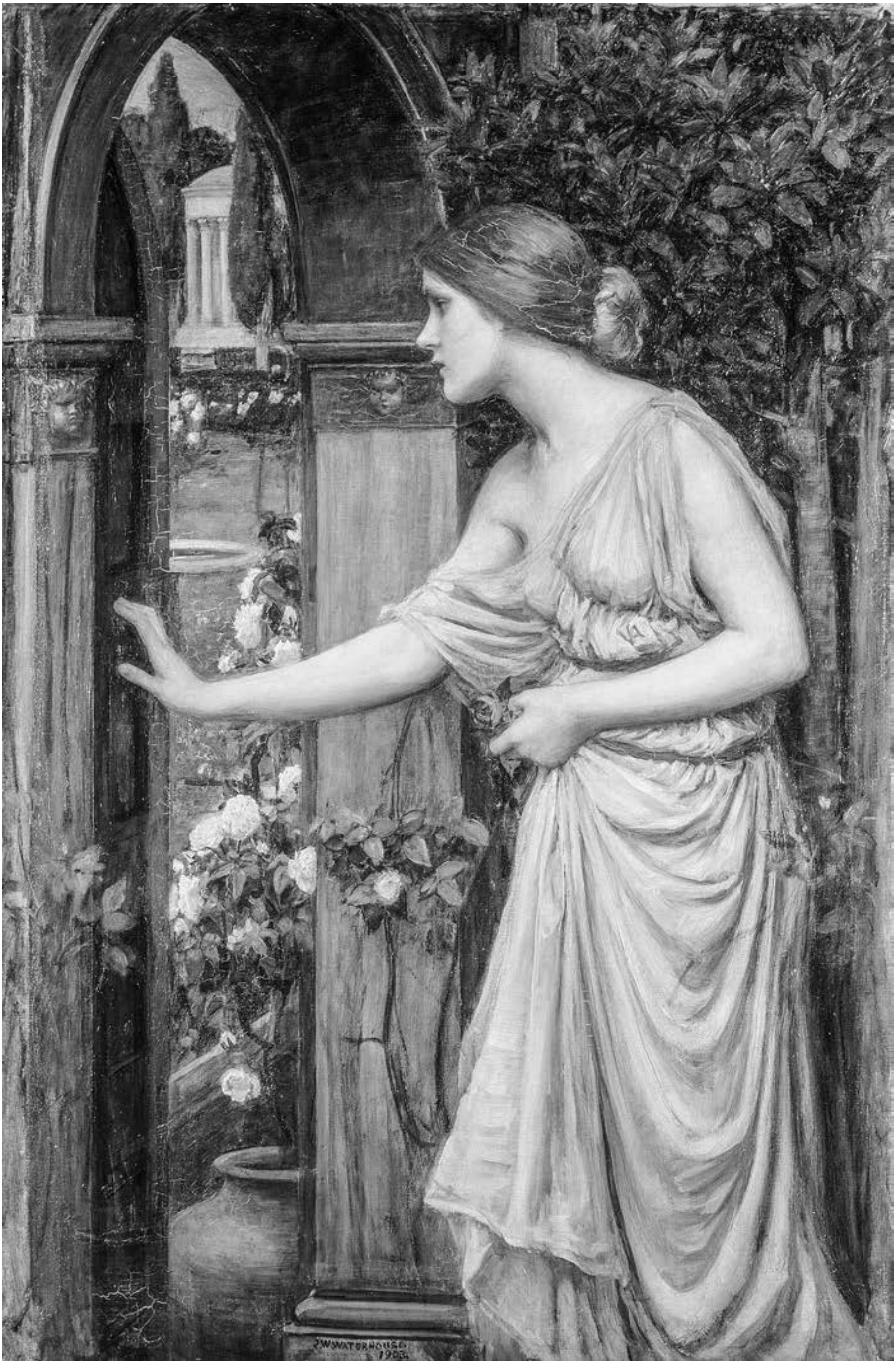
> Он увидел, что на каждом поле работал крестьянин, и решил подшутить над ними.
>
> Он надел шляпу, которая с одной стороны была красная, а с другой — белая, зеленая спереди и черная сзади [это цвета Сторон Света: то есть при этом Эдшу был олицетворением Центра, *axis mundi,* или Пупа Земли]; когда два друга воз-

вращались в свою деревню, один сказал другому: «Ты видел старика в белой шляпе, который проходил мимо?» Второй ответил: «Ты что, шляпа была красной». На что первый возразил: «Нет, она была белой». — «Красная она была! — упорствовал его друг. — Сам видел». «Да ты слепой», — заявил первый. «А ты, должно быть, пьян», — ответил другой. И они подрались. Когда в ход пошли ножи, соседи отвели спорящих к старосте, чтобы тот рассудил их. Эдшу затесался в толпу, собравшуюся в ожидании решения, и когда староста не смог определить, на чьей стороне истина, старый ловкач вышел вперед, рассказал о своем розыгрыше и показал шляпу. «Эти двое не могли не поссориться, — сказал он. — Я этого и хотел. Сеять раздор — величайшая радость для меня»[55].

Там, где моралист был бы охвачен негодованием, а поэт-трагик — состраданием и ужасом, мифология все превращает в великую и ужасную Божественную Комедию. Ее «олимпийский смех» ни в коей мере не отвлекает нас от действительности, напротив, он суров и реален, как сама жизнь, как сам Творец. Преломляясь через призму мифа, трагедия предстает несколько истеричной, сцены человеческих нравов — примитивными. Но эта суровость оправдывается тем, что видимый нам мир является лишь отображением силы, которая, не зная страданий, продолжает действовать. Таким образом, сказки лишены и жалости, и ужаса — они наполнены радостью высшей безымянной силы, которая проявляется в самолюбивых, сражающихся друг с другом эго, которые рождаются и умирают в пространстве времени.

ЧАСТЬ I

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ГЕРОЯ

Ил. 10. Психея входит в сад Купидона (холст, масло). Англия, 1903 г.

ГЛАВА I

Начало пути

1. Зов странствий

Давным-давно, когда люди желали и воплощали свои желания в жизнь, жил один царь, все дочери которого были красавицы, но самая младшая была так прекрасна, что само солнце, которое столько всего повидало на свете, дивилось ее красоте каждый раз, когда касалось своими лучами ее лица. Рядом с замком этого царя раскинулся большой темный лес, а в лесу под старой липой журчал родник, и в жаркий день царская дочь всегда отправлялась в лес и усаживалась подле прохладного родника. А чтобы чем-то занять это время, она любила брать с собой золотой шарик, с которым любила играть, подбрасывая его в воздух и ловя на лету.

Однажды принцесса не поймала шарик своей маленькой ручкой, он пролетел мимо, ударился о землю и укатился прямо в воду. Принцесса хотела разглядеть, куда он упал, но шарик исчез, родник был таким глубоким, что, казалось, у него нет дна. И тогда она расплакалась и безутешно рыдала все громче и громче. И вот ей послышалось, что кто-то говорит: «Что случилось, Принцесса? Ты так громко плачешь, что можешь разжалобить даже камень». Она огляделась, чтобы понять, кто говорит с ней, откуда доносится голос, и увидела торчащую из воды большую уродливую лягушачью голову. «А, это ты, попрыгушка речная, — сказала она. — Я плачу оттого, что мой золотой шарик упал в родник». «Не надо так плакать, — ответил лягушонок. — Я, конечно, помогу тебе. А что ты мне дашь, если я верну тебе твою игрушку?» — «Все, что ты захочешь, мой дорогой лягушонок, мои платья, жемчуга и драгоценные камни, даже золотую корону, которую я ношу». И лягушонок ответил: «Не надо мне твоих платьев, жемчугов и драгоценных камней, и короны тоже; но если ты будешь любить меня, позволишь дружить и играть с тобой, если ты позволишь мне сидеть рядом с тобой за твоим маленьким столиком, есть с твоей золотой тарелочки, пить из твоей золотой чашечки, спать в твоей кроватке, — если ты пообещаешь мне это, то я тут же нырну на дно и достану тебе золотой шарик». «Хорошо, — сказала принцесса. — Я обещаю тебе все, что ты пожелаешь, если только вернешь мне мой шарик». Но про себя она подумала: «Какую ерунду говорит этот глупый лягушонок! Пусть себе сидит в воде со своими друзьями лягушками, не бывать ему другом человека».

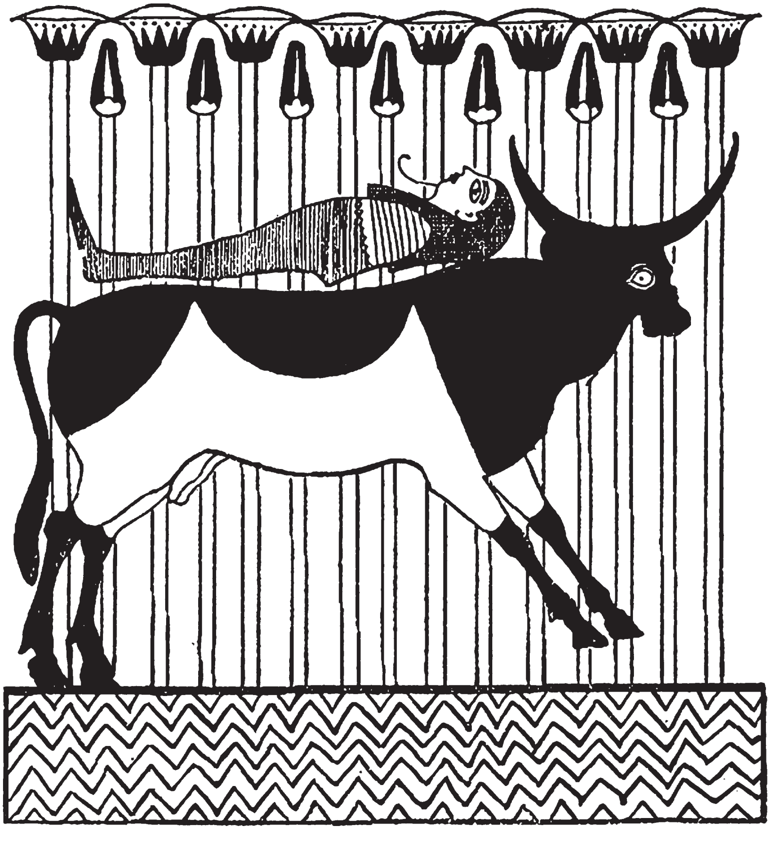
> Как только лягушонок услышал обещание, он нырнул, а через некоторое время снова всплыл на поверхность; во рту у него был шарик, который он бросил в траву. Принцесса обрадовалась, увидев свою прелестную игрушку. Она схватила шарик и побежала прочь. «Постой, постой, — закричал лягушонок, — возьми меня с собой; я не могу угнаться за тобой!» Он квакал и квакал изо всех сил, но Принцесса не обратила на него ни малейшего внимания и со всех ног побежала домой, совсем забыв о бедном лягушонке, которому пришлось снова нырнуть в родник[1].

Это один из примеров того, как может начаться приключение. Промах — казалось бы, чистая случайность — открывает перед человеком мир, о существовании которого он и не подозревал, и он невольно оказывается втянут во взаимоотношения с силами, природу которых понимает неверно. Как указал Фрейд[2], ошибки — это не просто случайность, а результат подавленных желаний и конфликтов. Это — волны на поверхности жизни, которые питают подземный, невидимый глазу родник. Они могут быть очень глубокими, как сама душа. Промах может открыть путь к новой судьбе. Так и происходит в этой сказке, где сначала шарик теряется в знак того, что в жизни принцессы должно что-то произойти, появление лягушонка — это второй знак судьбы, а необдуманное обещание — третий.

Лягушонка, который чудесным образом появляется как глашатай вступающих в игру новых сил, можно назвать «предвестником»; критический момент его появления это «зов странствий и приключений». Предвестник может призвать к жизни, как в данном случае, или, в более поздний момент жизненного пути — к смерти. Он может оповестить о важном историческом событии. Он может знаменовать религиозное озарение. Мистики называют это «пробуждением Самости»[3]. А для принцессы из этой сказки он знаменует начало юности. Будь этот зов громогласен или едва различим, на какой стадии или этапе жизни он бы ни приходил, он всегда возвещает начало таинства преображения — обряд или момент духовного перехода, — к смерти и рождению. Привычные рамки жизни стали тесны; старые понятия, идеалы и эмоциональные стереотипы изжили себя; пришло время переступить порог.

Обычными для такого зова декорациями являются темный лес, большое дерево, журчащий родник и отталкивающий, и потому вызывающий неправильную оценку, внешний вид глашатая судьбы. В этой сцене мы различаем символы центра мироздания. Лягушка, маленький дракон — это детская версия змея из преисподней, голова которого подпирает землю. Он олицетворяет глубинные, дарующие жизнь, демиургические силы. Этот маленький дракон поднимается с золотым солнечным шаром, который только что поглотили темные воды: в этот момент маленький лягушонок уподобляется великому китайскому дракону Востока, несущему в своей пасти восходящее солнце, или лягушке, на голове которой восседает юный бессмертный Хан Хсиань с корзиной персиков бессмертия в руках. Фрейд выдвинул предположение, что всякое состояние беспокойства воспроизводит болезненные ощущения, пере-

живаемые ребенком в момент первого отделения от матери — затрудненное дыхание, прилив крови и т. п., то есть ощущения кризиса рождения[4]. И наоборот, всякий момент разобщения и нового рождения вызывает чувство тревоги. Будь то царское дитя, стоящее на пороге выхода из незыблемого блаженного своего единства с царем-отцом, или божия дочь Ева, уже созревшая к тому, чтобы покинуть идиллию райского сада, или достигший высшей степени сосредоточения Будущий Будда, на пути к последним горизонтам сотворенного мира, — во всех этих случаях активируются одни и те же архетипные образы, символизирующие опасность, утешение, испытание, переход и загадочную святость таинства рождения.

Ил. 11. Апис в обличье быка переносит усопшего в облике Осириса в подземный мир (резьба по дереву). Египет, 700–650-е гг. до н. э.

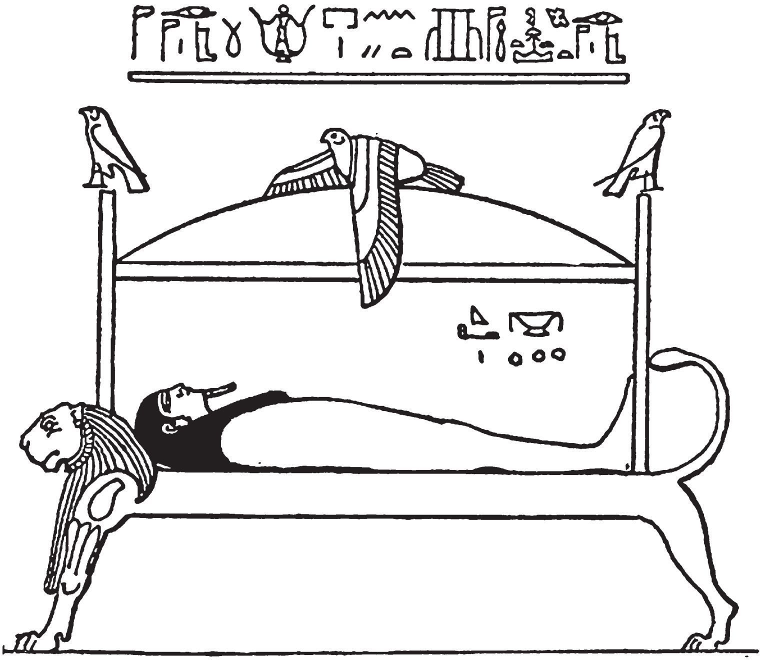
Вызывающие отвращение и отвергнутые лягушка или дракон из сказки поднимают из пучины солнечный шар, держа его во рту; лягушка, змей, отверженный — символизируют те глубины бессознательного («такие глубокие, что кажутся бездонными»), где пребывают все отвергнутые, непризнанные,

неизвестные или не поддающиеся определению факторы, законы и элементы бытия. Это жемчуга сказочных подводных дворцов русалок, тритонов и других водных стражей; это драгоценные камни, освещающие города демонов в подземном мире; это семена огня в океане бессмертия, который несет на себе Землю и окружает ее подобно змее; это звезды в глубинах вечной ночи. Это золотые самородки из клада дракона; запретные яблоки Гесперид; завитки золотого руна. Поэтому предвестник, или глашатай, приключения часто оказывается мрачным, отвратительным, вселяющим ужас или зловещим с точки зрения обыденного окружающего мира; но если последовать за ним, откроется путь через границу дня во тьму ночи, где сверкают драгоценные камни. Предвестником также может выступать зверь (как в сказке), который символизирует наши подавляемые инстинктивные животворные силы. Или, наконец, — это завуалированная таинственная фигура — незнакомец.

Например, есть вот такая история о короле Артуре и о том, как он собрался на конную охоту со своими рыцарями.

> Как только король оказался в лесу, он увидел большого оленя. «Он станет моей добычей», — сказал король Артур и, пришпорив коня, долго скакал по следу зверя и уже почти настиг его; но загнанный долгой погоней конь короля упал замертво; тогда слуга подвел королю другого коня. Так король загнал коня насмерть, но все же не упустил своей добычи. Он остановился у родника и сел, задумавшись. И тут ему почудилось, что он слышит лай гончих, числом до тридцати. И к нему вышел самый странный зверь изо всех, когда-либо виденных им, и изо всех, о которых ему когда-либо довелось слышать; зверь подошел к роднику, чтобы напиться, и шум, исходящий из его брюха, был подобен шуму от тридцати идущих по следу гончих; но все то время, пока зверь пил воду, брюхо его молчало: после чего зверь с громким шумом удалился, оставив короля в крайнем изумлении[5].

А вот история из совершенно другой части света о девочке племени арапахо с североамериканских равнин. У тополя она заметила дикобраза и попыталась его поймать, но животное спряталось за дерево и стало карабкаться вверх по стволу. Девочка отправилась за ним, чтобы схватить, но он был проворнее. «Хорошо! — сказала она. — Я залезу на дерево, чтобы поймать дикобраза, потому что мне нужны эти длинные иглы, а если понадобится, то и на самую макушку заберусь». Дикобраз добрался до верхушки дерева, но, как только девочка приблизилась к нему и протянула руки, чтобы схватить, тополь вдруг вырос, а дикобраз карабкался вверх, все выше и выше. Посмотрев вниз, девочка увидела собравшихся внизу друзей, которые, задрав головы, звали ее назад; но ее охватил азарт погони, и, хотя ей было страшно оттого, как высоко она забралась, она продолжала взбираться по дереву, пока не стала казаться крохотной точкой для тех, кто наблюдал за ней снизу, и так вместе с дикобразом она в конце концов добралась до самого неба[6].

Ил. 12. Исида в обличье ястреба следует за Осирисом в Подземный мир (резьба по дереву). Египет эпохи Птолемеев, I в. н. э.

Чтобы продемонстрировать спонтанное появление образа глашатая — предвестника в психике, созревшей для преобразования, достаточно будет привести два сновидения. Первое — это сон юноши, который пытается переосмыслить окружающий его мир:

«Зеленая страна, где пасется много овец. Это “страна овец”. Неизвестная женщина стоит в стране овец и указывает мне путь»[7].

Второй сон приснился девушке, у которой недавно умерла от туберкулеза легких подруга; она боится, что тоже заразилась.

«Я была в цветущем саду; закат был кроваво-красный. И тут передо мной появился черный, благородный рыцарь, который проникновенно обратился ко мне глубоким и пугающим голосом: “Пойдешь со мной?” Не ожидая моего ответа, он взял меня за руку и увел с собой»[8].

Будь то сновидение или миф, во всех этих приключениях образ внезапно возникающего проводника знаменует новый период, новый этап жизненного пути, и всегда окружен атмосферой неизъяснимого очарования. То, с чем нужно столкнуться лицом к лицу, и то, что каким-то образом до глубины знакомо бессознательному — хотя и представляется, как нечто неизвестное, удивительное и даже пугающее сознательному Я — открыто заявляет о себе; а то, что прежде было наполнено глубоким смыслом, может удивительным об-

разом утратить свое значение — подобно тому, как мир потускнел для принцессы, после того как ее золотой шарик канул в родник. После этого герой воспринимает все, что он делал раньше, как бессмыслицу, даже если на время снова возвращается к ней. И тогда один за другим появляются знамения — одно мощнее другого, наконец, сопротивляться зову уже невозможно — как в легенде о «четырех знаках», о которой мы сейчас расскажем, самом известном примером зова к приключению в мировой литературе.

Отец юного принца Гаутамы Шакьямуни, Будущего Будды, оградил его от всякого соприкосновения со старостью, болезнью, смертью и монашеством, чтобы тот и не подумал отрешиться от мира, ибо при рождении принца было предсказано, что он станет либо властелином мира, либо Буддой. Царь, предпочитавший, чтобы его сын тоже стал царем, дал ему три дворца и сорок тысяч танцовщиц, чтобы сын был привязан к плотскому миру. Но это только приблизило неизбежное; ибо еще в весьма юном возрасте принц уже исчерпал для себя сферу плотских радостей и созрел для иных переживаний. И в тот момент, когда он был готов к этому, сами собой появились должные предвестники:

> Однажды Будущий Будда пожелал отправиться в парк и велел своему вozничему приготовить колесницу. Поэтому слуга подготовил великолепную, изысканную колесницу и, роскошно украсив ее, запряг в нее четырех великолепных лошадей породы синхава, белых, как лепестки лотоса, и объявил Будущему Будде, что все готово. И Будущий Будда сел в колесницу, достойную богов, и отправился в парк.
>
> «Близится время для просветления принца Сиддхартхи, — решили боги, — мы должны послать ему знак»; один из них превратился в дряхлого старика с гнилыми зубами, седыми волосами, кривой и сгорбленной фигурой и, трясясь и опираясь на посох, явился Будущему Будде, но таким образом, что видеть его могли только он и возница.
>
> Тогда Будущий Будда обратился к вozничему: «Друг мой, молю тебя, скажи, кто этот человек? Даже волосы его не такие, как у других людей». И, выслушав ответ, он сказал: «Позор рожденью, ибо ко всякому, кто родился, должна прийти старость». После чего с волненьем в сердце он повернул обратно и вернулся во дворец.
>
> «Почему мой сын так скоро вернулся?» — спросил царь. «Ваше величество, он увидел старика, — прозвучал ответ, — а увидев старика, захотел уединиться от мира». «Ты хочешь убить меня, говоря такие вещи? Быстро распорядись, чтобы сыну моему показали какие-нибудь игры. Если нам удастся развлечь его, он перестанет думать о том, чтобы уединиться от мира». После чего царь расставил стражу на половину лиги в каждом направлении.
>
> И однажды снова, направляясь в парк, Будущий Будда увидел больного человека, посланного богами; и снова расспросив о нем, с волненьем в сердце он повернул обратно и вошел в свой дворец.
>
> И опять царь спросил, что произошло, отдал тот же приказ, что и прежде, и снова увеличил охраняемую территорию до трех четвертей лиги вокруг.

И опять в один день, когда Будущий Будда направлялся в парк, он увидел мертвого человека, посланного богами; и снова, расспросив о нем, он повернул обратно и с волнением в сердце вернулся в свой дворец.

И царь задал тот же вопрос и отдал то же повеление, что и раньше; и снова увеличил стражу, расставив ее на расстоянии лиги вокруг.

И наконец, в один день, когда Будущий Будда направлялся в парк, он увидел аккуратно и пристойно одетого монаха, которого послали боги; и он спросил возницу: «Прошу тебя, скажи мне, кто этот человек?» — «Принц, это человек, который уединился от мира»; после этого возничий начал перечислять достоинства уединения от мира. Мысль об уединении от мира понравилась Будущему Будде[9].

Первая стадия путешествия, описанного в мифе, — которую мы обозначили как «зов странствий», — означает, что судьба призвала героя и теперь его духовные интересы простираются за пределы привычного окружения, устремляясь в область неизвестного. Это судьбоносное обиталище и опасностей, и сокровищ может являться в разных обличьях: как далекая страна, лес, подземное, подводное или небесное царство, таинственный остров, высокая горная вершина или властно охватившее героя сновидение; но здесь всегда обитают причудливые создания, меняющие свой облик, здесь суждены невыносимые мучения, невероятные свершения и невыразимый восторг. Герой может по своей собственной воле отправиться в путь, как Тесей, услышавший по прибытии в Афины, город своего отца, ужасную историю о Минотавре; или же может быть заброшен или отправлен в свое приключение какой-нибудь доброй или злой силой, как Одиссей, который странствовал по Средиземному морю по воле ветров разгневанного Посейдона. Приключение может начинаться с простой ошибки, как в сказке о принцессе; или герой может просто отправиться на прогулку и вдруг заметить нечто такое, что уведет его прочь с проторенного пути. Таких примеров бесконечно много во всех уголках света.

В этой главе и далее в книге я не предпринимал никаких попыток привести все возможные примеры. Если бы я сделал это, как Фрезер в «Золотой ветви», то объем этой книги значительно увеличился, но это ни в коей мере не способствовало бы раскрытию основных мыслей, посвященных мономифу. Вместо этого я привожу в каждой главе несколько особенно ярких и убедительных примеров, опираясь на разрозненные сведения из наиболее репрезентативных для содержания книги традиций. В своей работе я использую сведения из самых разнообразных источников, чтобы читатель смог насладиться различными стилями повествования. Когда будет дочитана последняя страница, он получит представление о невероятном количестве мифов. Если он захочет выяснить, насколько возможно было процитировать их все для каждой из глав, посвященных мономифу, он может просто обратиться к списку литературы, указанному в примечаниях, и погрузиться в чтение многочисленных легенд и сказаний.

---

2. Отказ откликнуться на зов

Часто в реальной жизни и нередко в мифах и народных сказках мы встречаемся с печальной ситуацией, когда герой оставляет зов без ответа; ибо всегда просто отвлечься на что-то другое. Если не откликнуться на зов, то приключение превратится в свою противоположность. Погрузившись в повседневные заботы и тяжкий труд, в так называемую «культуру», человек теряет способность к судьбоносным решительным действиям и становится жертвой, которой уже кто-то другой должен прийти на помощь. Его цветущий мир обращается в пустыню, а жизнь кажется бессмысленной — пусть даже он, подобно царю Миносу, титаническими усилиями сможет создать процветающее государство. Какой бы дом он ни построил, это будет дом смерти: лабиринт с исполинскими стенами, в котором скроют от его глаз Минотавра. Единственное, что ему остается — создавать себе все новые и новые проблемы для себя и в ожидании той минуты, когда он и его мир рассыплются в прах.

«Я звала, и вы не послушались... За то и я посмеюсь вашей погибели; порадуюсь, когда придет на вас ужас; когда придет на вас ужас, как буря и беда, как вихрь принесется на вас; когда постигнет вас скорбь и теснота». «Потому что упорство невежд убьет их, и беспечность глупцов погубит их»[10].

Time Jesum transeuntem et non revertentem: «Бойся ухода Иисуса, ибо он не вернется»[11].

Мифы и народные сказки всего мира убедительно показывают, что такой отказ по своему существу представляет собой нежелание отказаться от так называемых личных интересов. Человек видит в будущем не смерть за смертью и рождение за рождением, вместо этого его собственная система идеалов, добродетелей, стремлений и достоинств кажется ему чем-то незыблемым, непреходящим. Царь Минос присвоил божественного быка, вместо того чтобы принести его в жертву и исполнить божественную волю, он выбрал то, что счел выгодным лично для себя. И так он не выполнил того, что было ему предначертано свыше — и мы все видим, к каким разрушительным и трагическим последствиям это привело. Само божественное предначертание обернулось для него проклятьем; ибо очевидно, что, если человек себя обожествляет, то сам Бог, его воля и могущество, уничтожат эгоцентричную систему этого человека, и божество превратится в чудовище.

Я бежал от Него сквозь ночи и дни;
Я бежал от Него сквозь аркады лет;
Я бежал от Него по запутанным тропам
Ума своего; и в самом сердце страхов своих
Укрывался я от Него и среди звучащего смеха[12].

Божество преследует человека день и ночь, отражая его собственное Я, заплутавшее в лабиринте психики, сбившейся с пути истинного. Нет пути к спасению: выхода нет. Человек лишь может, как Сатана, яростно цепляться за самого себя и жить в аду; или же быть низвергнутым и, наконец, раствориться в Боге.

«О безрассудный, слабый и слепой,
Я Тот, Кого ты ищешь!
Меня не принимая, ты гонишь от себя любовь».

Тот же таинственный голос слышен в призыве греческого бога Аполлона, обращенном к убегающей от него девушке Дафне, дочери речного бога Пенея, которую он преследует в долине.

«Нимфа, молю, Пенеида, постой, — кричит ей вслед бог, как в сказке лягушонок звал принцессу. — Не враг за тобою. Беги, умоляю, тише, свой бег задержи, и тише преследовать буду! Все ж полюбилась кому ты, спроси».

Ил. 13. Аполлон и Дафна (резьба по слоновой кости, коптское искусство). Египет, V в. н. э.

Больше хотел он сказать, но полная страха девушка мчится от него и его неоконченной речи. «Снова была хороша! Обнажил ее прелести ветер, сзади одежды ее дуновением встречным трепались. Воздух игривый назад, разметав, откидывал кудри. Бег удвоял красоту. И юноше-богу несносно нежные речи терять: любовью движим самою, шагу прибавил и вот по пятам преследует деву.

> Так на пустынных полях собака галльская зайца видит: ей ноги — залог добычи, ему ж — спасенья. Вот уж почти нагнала, вот-вот уж надеется в зубы взять и в заячий след впилась протянутой мордой. Он же в сомнении сам, не схвачен ли, но из-под самых песьих укусов бежит, от едва не коснувшейся пасти. Так же дева и бог, — тот страстью, та страхом гонимы. Все же преследователь, крылами любви подвигаем, в беге быстрей; отдохнуть не хочет, он к шее беглянки чуть не приник и уже в разметанные волосы дышит. Силы лишившись, она побледнела, ее победило быстрое бегство; и так, посмотрев на воды Пенея, молвит: "Отец, помоги! Коль могущество есть у потоков, лик мой, молю, измени, уничтожь мой погибельный образ!" Только скончала мольбу — цепенеют тягостно члены, нежная девичья грудь корой окружается тонкой, волосы — в зелень листвы превращаются, руки же — в ветви; резвая раньше нога становится медленным корнем, скрыто листвою лицо, — красота лишь одна остается»[14].

Как печально все закончилось, какое разочарование! Аполлон, солнце, властелин времени и бог плодородия, прекратил свою пугающую погоню и вместо этого просто назвал лавр своим любимым деревом, иронично рекомендуя плести из его листьев венки для победителей. Девушка отступила к образу своего родителя и там нашла защиту — подобно мужу, семейная жизнь которого не задалась, потому что его стремление к материнской любви мешало ему построить отношения с женой[15].

В литературе по психоанализу приводится множество примеров подобных отчаянных фиксаций. Они возникают в результате неспособности оставить свое детское эго, его эмоциональные отношения и идеалы. Детство становится для человека тюрьмой; отец и мать стоят на страже, а его робкая душа, боясь наказания[*], не в силах перешагнуть порог и родиться для жизни за его пределами.

Юнг описывает сновидение, которое очень напоминает миф о Дафне. Это сон того же молодого человека, что увидел себя в стране овец — то есть в стране, где невозможна самостоятельная жизнь. Его внутренний голос говорит: «Сначала я должен удрать от отца»; затем, несколькими ночами позднее, «Змея описывает круг вокруг сновидца, который стоит, вросши в землю как дерево»[16]. Это образ магического круга, в который личность была заключена дьявольской силой родителя, порождающего эту фиксацию.[†] Под такой же защитой была и девственность Брунгильды, которая многие годы оставалась просто дочерью Всеотца Вотана под охраной круга огня. Она спала в безвременье, пока не пришел Зигфрид.

Маленькую Спящую красавицу усыпила завистливая ведьма (бессознательный образ злой матери). И в сон погрузилась не только Спящая красавица, но и весь ее мир; но, в конце концов, «после долгих и долгих лет» пришел принц и разбудил ее.

---

[*] См. у Фрейда: комплекс кастрации.

[†] Змей (в мифе образ подземных вод) точно соответствует образу отца Дафны, речному богу Пенею.

> Король с королевой [сознательные образы хороших родителей], которые только что вернулись домой и входили в зал, стали засыпать, а вместе с ними и все королевство. Спали лошади в своих стойлах, собаки во дворе, голуби на крыше, мухи на стенах, да и огонь, который мерцал в очаге, застыл и погрузился в сон, а жаркое перестало кипеть. И повар, который собирался оттягать за волосы поваренка за то, что тот что-то забыл, оставил его в покое и уснул. И ветер утих, и ни один листочек не шевелился на деревьях. Затем вокруг замка начала расти колючая живая изгородь, которая с каждым годом становилась все выше, пока не закрыла все королевство. Она выросла выше замка, и уже ничего нельзя было увидеть, даже флюгер на крыше[17].

Однажды целый персидский город «обратился в камень» — царь с царицей, его жители и все вокруг — в наказание за то, что они не вняли зову Аллаха[18]. Жена Лота обратилась в соляной столп в наказание за то, что оглянулась назад, когда Яхве велел ей покинуть город[19]. Есть также сказание о Вечном Жиде, который был проклят бродить по Земле до Страшного Суда за то, что, когда Христос проходил мимо него, неся свой крест, этот человек, находивший среди людей, стоящих вдоль дороги, крикнул: «Пошевеливайся!». Непризнанный, оскорбленный Спаситель обернулся и сказал ему: «Я пойду, но ты останешься ждать до тех пор, пока я не вернусь»[20].

Некоторые из жертв навсегда остаются заколдованными (по крайней мере, насколько нам известно), других ждет спасение. Брунгильду оберегали в ожидании настоящего героя, а маленькую Спящую красавицу спас принц. Молодому человеку, превратившемуся в дерево, потом приснилась незнакомая женщина и, как таинственный проводник в неизведанное, указала ему путь[21]. Не все, кто сомневается, обречены. У психики есть в запасе множество секретов. И они не раскрываются до тех пор, пока этого не потребуют обстоятельства. Поэтому любое затруднительное положение — следствие упрямого нежелания подчиняться зову — может содержать в себе самом ключ к чудесному освобождению.

В действительности добровольная интроверсия является одним из классических атрибутов творческого гения и может быть использована осознанно. Она направляет психические энергии вглубь, пробуждая затерянные бессознательные детские и архетипные образы. Результатом этого, безусловно, может быть полная или частичная дезинтеграция сознания (невроз, психоз — плачевная участь заколдованной Дафны); но, с другой стороны, если личность способна впитать и интегрировать эти новые силы, то появляется ощущение самосознания почти сверхъестественной степени и способность виртуозно контролировать ситуацию. Это основной принцип индийских йоговских учений. По этому пути прошли также многие творческие личности Запада[22]. Это нельзя считать в полной мере реакцией на некий особый зов. Скорее, это осознанный категорический отказ отзываться на что-либо, кроме пока еще смутных требований какого-то внутреннего пространства, которое ждет, когда придет его время, отказ от привычных, навязанных извне обыденных норм

жизни, в результате чего сила перевоплощения создает проблемы, сталкиваясь с новыми мощными силами, где внезапно и окончательно ситуация разрешается.

Такая проблема героя проиллюстрирована в чудесном приключении принца Камар-аз-Замана и принцессы Будур из сказок «Тысячи и одной ночи». Юный и красивый принц, единственный сын царя Персии Шахрамана, упорно отвергал неоднократные увещевания, предложения, требования и, наконец, повеления своего отца жениться, как подобает нормальному человеку. Когда эта тема была затронута впервые, юноша ответил: «О мой отец, знай, что у меня нет стремления жениться, и душа моя не расположена к женщинам, ибо много книг я прочел и немало слышал разговоров об их лукавстве и вероломстве, и как сказал поэт:

О женщинах меня ты спрашиваешь,
Я отвечу: На редкость сведущ я в делах их!
Коль голова седеет у мужчины и кошелек пустеет,
Не пользуется он благосклонностью у них.

А другой сказал:

Отвергни женщин — и будешь ты служить полней Аллаху;
Тот юноша, что волю женщинам дает, оставить должен
всякую надежду на взлет мечты.
И в поисках его неведомого и высокого творенья
Они препятствие ему
Хоть сотни лет потрать он на изучение наук и
разных знаний».

А закончив стихи, он продолжил: «О мой отец, супружество — это то, на что я никогда не дам согласия; нет, даже если бы пришлось мне испить чашу смерти». Когда султан Шахраман услышал эти слова от сына, свет померк в его очах и горе охватило его; но он питал такую любовь к своему сыну, что перестал заводить разговоры об этом, а окружил сына всяческой заботой.

Прошел год, и лишь тогда отец снова задал свой вопрос, но юноша был непреклонен в своем отказе жениться и снова ответил ему стихами. Султан обратился за советом к своему визирю, и тот ответил:

> «О царь, подожди еще год, и если после этого ты захочешь говорить с ним о женитьбе, то не делай этого наедине, а обратись к нему в день праздника, когда все эмиры и визири со всею армией твоею будут стоять пред тобою. И когда все соберутся, тогда пошли за своим сыном, Камар-аз-Заманом, и призови его к себе; и когда он явится, заговори с ним о супружестве пред визирями, и знатью, и офицерами, и военачальниками твоего государства; и тогда он наверняка оробеет и, смутившись их присутствием, не посмеет ослушаться твоей воли».

Но когда такой момент наступил, и султан Шахраман перед всеми объявил сыну о своей воле, принц на некоторое время опустил голову, а затем повер-

нулся к отцу и, движимый юношеским безрассудством и поистине детской наивностью, ответил: «Что до меня, то я не женюсь никогда; уж лучше мне испить чашу смерти! Что ж до тебя, то ты велик годами и мал умом: разве ты уже дважды до сего дня не говорил со мною о женитьбе и разве я не отказался? Воистину страдаешь ты старческим слабоумием и не годен править даже стадом овец!» Сказав так, в приступе ярости Камар-аз-Заман расцепил сжатые за спиной руки и закатал рукава до плеч перед своим отцом; более того, будучи в разгоряченном состоянии духа, он прибавил множество слов своему родителю, не ведая, что творит.

Царь был смущен и посрамлен, так как все произошло в присутствии знати и военачальников, собравшихся по случаю большого праздника и государственного события; но вскоре в нем заговорило величие царского сана, он возвысил голос свой и привел сына в трепет. Потом повелел стражникам: «Схватите его!» И те вышли вперед, схватили принца и подвели к отцу, который велел связать сыну руки за спиной и в таком виде поставить пред всеми. И принц склонил голову в страхе и боязни, лоб и лицо его покрылись капельками пота; его охватил сильный стыд и замешательство. Затем отец стал ругать его и осыпать бранью и закричал: «Будь ты проклят, дитя прелюбодеяния и выкормыш омерзенья! Как осмеливаешься ты отвечать мне подобным образом в присутствии моих военачальников и солдат? Никто прежде не наказывал тебя. Знаешь ли ты, что содеянное тобою унизило меня пред всеми моими подданными?» И царь приказал своим стражникам ослабить ремни на руках сына и заточить его в одном из бастионов цитадели.

Принца схватили и бросили в старую башню с полуразрушенным залом, в центре которого был старый разрушенный колодец, но прежде этот зал подмели, отряхнули от пыли подстилку на полу и внесли ложе, на которое положили матрац, покрывало и подушку. А затем принесли большой фонарь и восковую свечу; ибо в этом месте было темно даже днем. И, наконец, стражники привели туда Камар-аз-Замана и поставили у двери евнуха. Когда все ушли, опечаленный принц, у которого было тяжело на душе, виня себя и раскаиваясь в том, что так оскорбительно вел себя с отцом, упал на ложе.

Тем временем в далекой Китайской империи подобное приключилось с дочерью царя Газура, Владыки Островов и Морей и Семи Дворцов. Когда красота ее явила себя во всем великолепии, а молва о ней разнеслась по всем сопредельным странам, все цари стали слать к ее отцу гонцов и просили руки принцессы; отец говорил с ней об этом, но ей была ненавистна сама мысль о замужестве. «О мой отец, — отвечала она, — я совсем не хочу замуж; ибо я женщина, наделенная верховной властью, и царица-властительница, вольная повелевать всякому. Как же мужчина будет повелевать мною?». И чем больше она отвергала тех, кто искал ее руки, тем сильнее становилось их рвение, и все царственные особы — властители островов, лежащих в китайских пределах, — посылали дары и редкостные подношения ее отцу, сопровождаемые посланиями, в коих просили ее руки. Царь настаивал, вновь и вновь затевая разговоры

о свадьбе; но она неизменно отвечала ему отказом, пока, наконец, в ярости не обратила к нему свой гневный взор и вскричала: «О мой отец, если ты хоть раз еще упомянешь при мне о замужестве, я уйду в свою комнату и возьму меч и, вонзив его рукоять в землю, нацелю его острие себе в живот; затем изо всех сил я ринусь вперед и буду падать, пока он не пронзит мою спину, и так сведу счеты с жизнью».

Когда царь услышал эти слова, свет погас в его глазах и сердце его опалил огонь, ибо он боялся, как бы она не убила себя; и он был преисполнен смятения, не зная, как ему быть с нею и со всеми царственными искателями ее руки. И тогда он сказал ей: «Если уж тебе предопределено никогда не выйти замуж и это непоправимо, тебе придется воздержаться от того, чтобы гулять где вздумается и выходить к людям». Затем он поместил ее в доме и закрыл в комнате, назначив десять старух-нянек, чтобы они присматривали за ней, и запретил дочери посещать Семь Дворцов. Более того, он уже не скрывал свой гнев, и отправил послания всем царям, дав им знать, что она одержима безумием от руки Великого Джинна[23].

Когда и герой, и героиня, разделенные целым азиатским континентом, оба встали на путь самоотречения, воистину можно уповать лишь на чудо, дабы свершилось единение этой изначально обреченной четы. Где же искать ту силу, что способна разорвать заклятие отречения от жизни, разрешив негодование двух инфантильных отцов?

Все мифы мира одинаково отвечают на этот вопрос. Ибо, как настойчиво повторяется на священных страницах Корана: «Во имя Аллаха, милостивого, милосердного! Тебе мы поклоняемся и просим помочь!» Нужно только понять, в чем состоит механизм этого чуда. И секрет этот откроется нам только на последующих страницах нашей «Тысяча и одной ночи».

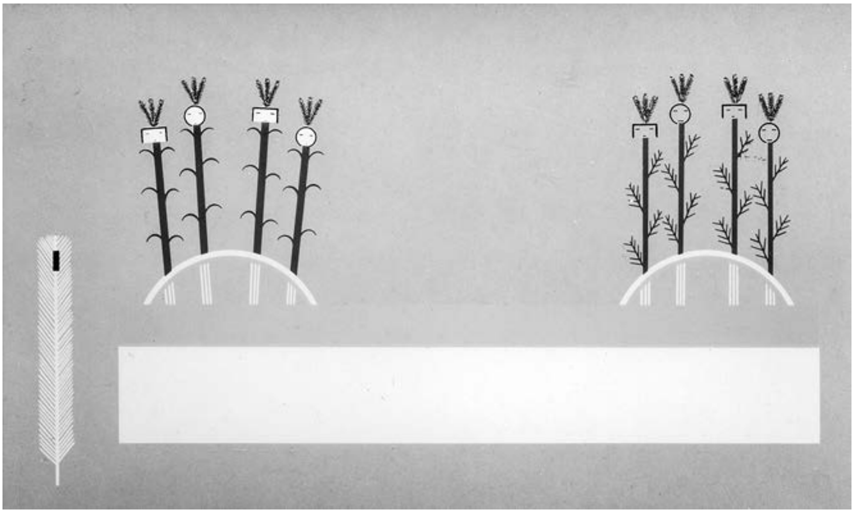
3. Сверхъестественное покровительство

Первый, с кем предстоит столкнуться неотвергнувшим зов в их героическом путешествии, это персонаж-защитник (чаще всего это древняя старуха или старик), который должен подарить странникам амулеты против несокрушимой силы драконов, которые непременно встретятся им на пути.

Восточноафриканские племена, например племя вачага из Танганьики, рассказывают об очень бедном человеке по имени Кьязимба, который отправился в путь в страну, где восходит солнце. Путешествие его было долгим; он устал и остановился, чтобы передохнуть, устремив свой взгляд к горизонту, где ждала его страна, куда он держал свой путь, и тут он услышал, как у него за спиной кто-то приближается к нему. Он обернулся и увидел дряхлую старушку. Она подошла и спросила, что он здесь делает. Когда он рассказал ей, она обернула его своим покрывалом и, оторвавшись вместе с ним от земли, поднялась прямо в небо, где полуденное солнце застыло в зените. Затем с чудовищным грохотом с востока явилось множество воинов, и среди них Великий Вождь;

он слез со своего быка и сел пировать с подданными. Старуха попросила его помочь Кьязимбе. Вождь благословил его и отправил домой. Далее говорится, что отныне он жил в достатке[24].

Среди американских индейцев, населявших некогда юго-западные территории, излюбленным персонажем-заступником и благодетелем всегда была Женщина-Змея — чья-то бабка, маленькая женщина, живущая под землей. Близнецы — боги войны навахо, — следуя священным путем к дому своего отца, Солнца, и едва успев покинуть свой дом, столкнулись с подобным удивительным маленьким созданием.

Ил. 14. Горы, что падают. Тростник, что режет. (песчаная живопись индейцев навахо). Северная Америка, 1943 г.

Мальчики быстро шли по священному пути и вскоре после восхода солнца увидели дым, поднимающийся вверх. Они направились к месту, откуда шел дым, и увидели, что он выходит из отверстия для дыма в подземном жилище. Из этого же отверстия торчала черная от дыма лестница. Заглянув вниз, внутрь жилища, они увидели старуху, Женщину-Паука, которая посмотрела на них и сказала: «Добро пожаловать, дети. Входите. Кто вы и откуда?» Мальчики не ответили, но спустились по лестнице. Когда они добрались до пола, женщина снова обратилась к ним, спрашивая: «Куда вы держите путь?» — «Куда глаза глядят, — ответили они, — мы шли, шли, вот и пришли сюда». Женщина спрашивала их четыре раза и каждый раз получала один и тот же ответ. Тогда она сказала: «Может быть, вы хотели бы отыскать своего отца?» — «Да, — ответили дети, — если бы мы только знали, как найти его». — «Ах! — воскликнула женщина. — Путь к дому вашего отца, Солнца, долог и опасен. Множество чудовищ обитает там, и, возможно, когда вы попадете к отцу, он не обрадуется встрече с вами и накажет за то, что вы пришли. Вам придется пройти через четыре опасных места: скалы, что обрушиваются на путника; камыш, что режет его на куски; тростниковые

кактусы, что разрывают его на куски; и зыбучие пески, что засасывают его. Но я дам вам кое-что, что усмирит ваших врагов и сохранит вам жизнь». Она дала им амулет под названием «перо чужих богов», который представлял собой обруч с двумя живыми перьями (перьями, выдернутыми из живого орла) и еще одно живое перо, чтобы сохранить им жизнь. Она также научила их магическому заклинанию, которое, если его произносить перед врагами, смиряет их гнев: «Опусти свои ноги в пыльцу. Опусти свои руки в пыльцу. Опусти свою голову в пыльцу. И тогда твои ноги — пыльца; твои руки — пыльца; твое тело — пыльца; твой ум — пыльца; твой голос — пыльца. Путь прекрасен. Будь спокоен[25*].

Образы доброй старухи-заступницы и сказочной крестной — характерная черта европейского сказочного фольклора; в христианских легендах о святых эту роль обычно играет Дева Мария. Дева Мария своим заступничеством может помочь снискать милость Отца. Женщина-Паук со своей паутиной может управлять движением Солнца. Герою, оказавшемуся под защитой Космической Матери, не может быть причинен вред: Нить Ариадны благополучно провела Тесея через опасности лабиринта. Это направляющая сила, которая выступает у Данте в женских образах Беатриче и Девы Марии и появляется в «Фаусте» Гете последовательно как Гретхен, Елена Троянская и Дева Мария. Пройдя через опасности Трех Миров, к ней обращает свою молитву Данте.

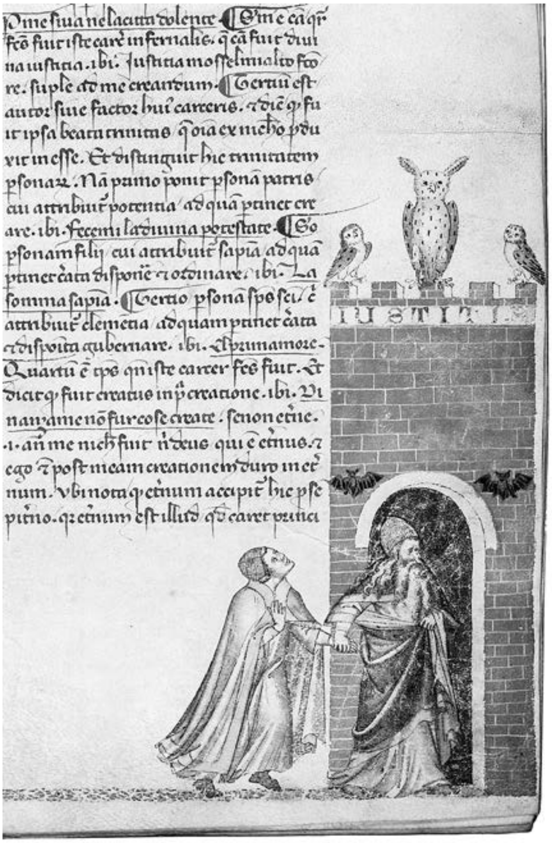
Ты так властна и мощь твоя такая,
Что было бы стремить без крыл полет —
Ждать милости, к тебе не прибегая.
Не только тем, кто просит, подает
Твоя забота помощь и спасенье,
Но просьбы исполняет наперед.
Ты — состраданье, ты — благоволенье,
Ты — всяческая щедрость, ты одна —
Всех совершенств душевных совмещенье[26].

В этом образе воплощается благосклонная к нам, оберегающая сила судьбы. Этот образ сулит нам, что блаженство Рая, впервые познанное нами в утробе матери, не будет утеряно; что оно питает настоящее и присутствует как в будущем, так и в прошлом (есть и омега, и альфа); что всемогущество лишь кажется утраченным, когда мы преодолеваем жизненные пороги и пробуждаемся к жизни — оберегающая сила всегда и при любых обстоятельствах присутствует в глубине сердца, внутренне присуща всем этим незнакомым явлениям мира или непосредственно в них воплощается. Нужно только знать и верить, и вечные ангелы-хранители явятся нам. Ответив на зов и продолжая смело следовать за ним в любых обстоятельствах, герой обнаруживает, как все силы бессознательного приходят ему на помощь. Сама Мать Природа помо-

---

* Пыльца — это символ мистической духовной энергии американских индейцев, обитающих на юго-востоке. Этот символ очень часто используется во всех церемониях, чтобы отогнать злых духов и символически обозначить жизненный путь.

гает выполнить великую миссию. И насколько свершение героя совпадает с тем, к чему готово само общество, настолько он представляется несущимся на гребне огромной волны исторического процесса. «Меня влечет к себе неведомая цель, — заявил Наполеон в начале Русской кампании. — Как только я приду к ней, как только я стану не нужен, атома будет достаточно, чтобы сокрушить меня. Но до того момента все силы человечества не смогут помешать мне»[27].

Ил. 15. Виргилий ведет Данте (чернила, пергамент). Италия, XIV в. н. э.

Нередко сверхъестественный помощник является в мужском образе. В сказке это может быть лесовичок, чародей, отшельник, пастух или кузнец, дающий амулет или совет, которые потребуются герою. Более высокоразвитые мифологии представляют в этой роли возвышенный образ наставника, учителя, паромщика, проводника душ в потусторонний мир. В классическом мифе — это Гермес (Меркурий); в египетском — как правило, Тот (бог-ибис, бог-бабуин); в христианском — Святой Дух[28]. У Гете в «Фаусте» проводник — это мужчина в образе Мефистофеля; и нередко в мифе подчеркивается, как опасна эта

«деятельная» фигура; ибо Мефистофель завлекает невинные души в царство искушения. В изложении Данте эту роль играет Вергилий, а затем Беатриче у порога Рая. Дающий защиту и излучающий опасность, материнский и отцовский одновременно, этот сверхъестественный источник покровительства и руководства объединяет в себе всю неопределенность бессознательного, и это значит, что сознательная часть нашей личности поддерживается этой другой мощной системой, но при этом проводник, за которым мы следуем с риском для всех наших рациональных представлений, непостижим для осмысления с их помощью.

Вот сон, в котором явно прослеживается взаимосвязь этих составляющих нашего сознания: «Мне приснилось, что я пришел на улицу Красных фонарей и вошел к одной из проституток. Как только я зашел в комнату, она превратилась в мужчину, который лежал, полуодетый, на кушетке и спросил меня: “Тебя не смущает, что я теперь мужчина?” Это был уже пожилой мужчина с седыми висками. Он был похож на главного лесника, с которым дружил мой отец»[29]. Все сновидения, как отмечает Штекель, имеют бисексуальный оттенок. Где бисексуальность не прослеживается явно, она угадывается в латентном контексте сновидения[30].

Обычно герой, которому является такой помощник, — это один из тех, кто откликнулся на зов. Фактически, зов — первая весть о приближении жреца, который проведет обряд инициации. Но даже если человек стал косным и невосприимчивым и ему тоже может явиться такой сверхъестественный заступник; ибо как мы видели: «Аллах милостив и милосерден».

Совершенно случайно в древней заброшенной башне, где спал Камар-аз-Заман, персидский принц, оказался старый римский колодец*, в котором жила ифритка из племени Иблиса Проклятого, по имени Маймуна, дочь Аль-Димирайята, царя джиннов.

Сравним Маймуну и лягушонка из сказки. В домагометанской Аравии джиннами и ифритами называли демонов, которые обитали в пустынных и диких местах. Они были волосатые и уродливые или являлись в образе животных, иногда — страусов или змей — для обычных людей они были очень опасны. Пророк Магомет признавал существование этих языческих духов[31] и включил их в магометанскую систему, которая признает три сотворенных Аллахом воплощения разума: ангелы, сотканные из света, джинны, созданные из чистого огня, и человек — из праха земного. Магометанские джинны способны по своему желанию принимать любое обличье, но не плотнее сущности огня и дыма, таким

* Колодец — символ бессознательного, сравним со сказкой о лягушонке.

образом они могут делать себя видимыми для смертных. Существуют три категории джиннов: небесные, земные и подводные. Есть поверье, что многие из них приняли истинную веру, и они считаются добрыми; остальные из них — злые. Эти живут и действуют вместе с падшими ангелами, главой которых является Иблис («Отчаявшийся»).

Прошла первая треть ночи, и Камар-аз-Заман все спал. В это время Маймуна решила выбраться из колодца, намереваясь подняться к небесному своду, чтобы тайком подслушать речи ангелов, но когда она поднялась к краям колодца, то, против обыкновения, заметила свет в башне. Удивившись, она поднялась выше и выбралась из колодца и тогда она увидела ложе, а на нем фигуру человека с восковой свечой, горящей в изголовье, и фонарем в ногах. Она сложила свои крылья, подошла к кровати и, стянув покрывало, увидела лицо Камар-аз-Замана. Целый час она простояла без движенья в восхищении и изумлении «Хвала Аллаху, — воскликнула она, придя в себя, — Господу миров, милостивому, милосердному», — ибо она была правоверным джинном.

Затем она поклялась себе, что не причинит Камар-аз-Заману никакого вреда и испугалась, как бы его, отдыхающего в этом заброшенном месте, не убил кто-либо из ее родственников, маридов. Склонясь над ним, она поцеловала его меж глаз и накрыла его лицо покрывалом, спустя некоторое время она расправила крылья, взмыла в воздух и полетела вверх, пока не приблизилась к самому нижнему из небес.

И случаю или судьбе было угодно, что парящая в воздухе Маймуна вдруг услышала рядом с собой громкое трепетание крыльев. Полетев на звук, она поняла, что он доносится от ифрита по имени Дахнаш. И она спикировала на него, как ястреб-перепелятник. Когда Дахнаш увидел ее и признал в ней дочь царя джиннов, Маймуну, то ужасно испугался, его бока задрожали и он стал умолять ее о пощаде. Но она велела ему отвечать, откуда он явился в эту пору ночи. Он ответил, что возвращается с островов Внутреннего Моря земли китайской, владений царя Газра, Владыки Островов и Морей и Семи Дворцов.

«Там, — сказал он, — я видел его дочь, красивее которой в отпущенное ей время не сотворил Аллах». И он пустился восхвалять принцессу Будур.

Ее нос, — сказал он, — как лезвие блестящего клинка, а щеки, как пурпурное вино или кроваво-красные анемоны, ее губы подобны кораллу и сиянью сердолика, а вкус ее уст слаще старого вина, он может погасить боль адского огня. Ее речи движимы мудростью великой и остроумны, ее грудь — искушение для всех, кто видит ее (слава Ему, придавшему ей форму и доведшему до совершенства); ко всему этому прибавь две руки, гладкие и округлые, как сказал о ней поэт:

«Ее запястия и без браслетов
Сияют серебром из рукавов».

Он продолжал восхвалять прелести принцессы, и, выслушав все это, Маймуна застыла в изумленном молчании. Дахнаш далее описал могущественного царя, ее отца, его богатства и Семь Дворцов, а также как принцесса отказалась выйти замуж. «И я, — сказал он, — о моя госпожа, каждую ночь отправляюсь к ней, дабы насытить свой взор созерцанием ее лица, и целую ее меж глаз, и из-за своей любви к ней я не могу причинить ей никакого вреда». Он предложил Маймуне слетать с ним в Китай и взглянуть на красоту, очарование и совершенство принцессы. «И после этого, если пожелаешь, — сказал он, — можешь наказать меня или сделать рабом своим ибо в твоей воле карать и миловать».

Маймуна пришла в негодование от того, что кто-то осмелился так превозносить какое-то создание в мире после того, как она только что созерцала Камар-аз-Замана «Тьфу! Тьфу!» — вскричала она, рассмеялась и плюнула Дахнашу в лицо. «Поистине, сегодня ночью видела я юношу, — сказала она, — встретив которого, хоть даже и во сне, ты окаменел бы от восхищенья, и слюна потекла бы из твоего рта». И она описала то, что видела. Дахнаш усомнился, что кто-либо может быть красивее принцессы Будур, и Маймуна велела ему спуститься вместе с ней вниз и посмотреть самому.

«Слушаю и повинуюсь», — сказал Дахнаш.

И так они спустились в башню, и Маймуна подвела Дахнаша к постели и, протянув руку, откинула шелковое покрывало, скрывающее лицо Камар-аз-Замана, и оно засверкало, заблестело, замерцало и засияло, как восходящее солнце. Она секунду смотрела на него, а затем обернулась к Дахнашу и сказала: «Смотри, о ненавистный, и не будь самым низким из безумцев, я дева, и все ж сердце мое он пленил».

«Клянусь Аллахом, о моя госпожа, тебя можно понять, — ответил он, — но есть иная сторона, которую следует принять во внимание, все дело в том, что достоянье женское отличается от мужского. Клянусь могуществом Аллаха, милый твоему сердцу принц изо всех созданий, сотворенных по красоте своей, очарованью, изяществу и совершенству более всего подобен моей возлюбленной; будто бы они были созданы по одним меркам красоты».

Свет померк в очах Маймуны, когда она услыхала эти слова, и она с такой силой ударила крылом по голове Дахнаша, что чуть не лишила того жизни. «Я заклинаю тебя светом восхитительного обличья моей любви, о ненавистный, — приказала она, — сейчас же отправляйся и доставь сюда свою возлюбленную, которую ты так нежно и безрассудно любишь, и возвращайся немедля, чтобы мы смогли положить их вместе и посмотреть на них, спящих бок о бок; и тогда станет ясно, кто из них прекраснее».

Итак, благодаря чему-то такому, о чем принц не имел ни малейшего представления, судьба Камар-аз-Замана, который противился жизни, начала свершаться сама собою, без какого-либо сознательного вмешательства с его стороны[32].

4. Преодоление первого порога

В сопровождении глашатаев своей судьбы, которые помогают ему и указывают путь, герой продвигается вперед навстречу приключениям до тех пор, пока не приходит к «стражу порога», охраняющему вход в царство, где правят некие высшие силы. Такие хранители оберегают мир с четырех сторон, а также сверху и снизу — они знаменуют границы настоящего или горизонт жизни героя. За ними — тьма, неизвестность и опасность, подобная той, которой подвергается ребенок, лишенный родительской опеки, или которой подвергается человек, оставшийся без защиты своего племени. Обычный человек чувствует себя вполне комфортно в заданных ему рамках поведения и даже гордится этим, а общественное мнение всячески удерживает его от малейшей попытки совершить шаг в неизведанное. Например, моряков на кораблях Колумба, дерзнувших вырваться за привычные рамки средневековых представлений о жизни и выйти, как они считали, в безбрежный океан бессмертного бытия, окружающего космос, как мифическая змея, кусающая себя за хвост,[33] — нужно было, как детей, подгонять вперед хитростью и убеждением, потому что они испытывали страх перед левиафанами, русалками, драконами и другими ужасными обитателями морских глубин, о которых знали из легенд.

Народная мифология заселяет все безлюдные места, которые находятся вне привычных для жителей деревни маршрутов, коварными и опасными существами. Так, например, готтентоты описывают великана-людоеда, которого порой можно встретить среди кустарниковых зарослей и песков. Его глаза растут на подъеме стопы, поэтому, чтобы увидеть, что происходит, он должен опуститься на четвереньки и поднять вверх одну ногу. Тогда его глаз видит то, что происходит сзади; в остальное же время он постоянно обращен в небо. Этот монстр охотится на людей, разрывает их в клочья своими страшными, длинными, как пальцы, зубами. И легенда гласит, что эти создания охотятся стаями[34]. Другое призрачное существо готтентотов, Хай-ури, продвигается вперед, перепрыгивая через заросли кустов, вместо того, чтобы обходить их[35]. Опасное одноногое, однорукое и однобокое существо — получеловек — невидимое, если смотреть на него сбоку, встречается во многих уголках света. В Центральной Африке существует поверье, что такой получеловек обращается к прохожему: «Раз мы встретились с тобой, то давай драться». Если его победить, он взмолится: «Не убивай меня. Я покажу тебе множество снадобий», — и тогда удачливый человек становится искусным врачевателем. Но если побеждает получеловек (которого называют Чируви, «загадочное существо»), его жертва умирает[36].

Все неизведанные места (пустыня, джунгли, морские глубины, далекая земля и т. п.) — это области проекции содержания бессознательного. Поэтому кровосмесительное *либидо* и отцеубийственное *деструдо* индивида и его общества отражаются в образах, воплощающих угрозу насилия и вообража-

емое опасное наслаждение — не только в фигурах великанов-людоедов, но и в виде сирен загадочно обольстительной, ностальгической красоты. Русским крестьянам, например, известны некие «дикие женщины» лесов, которые живут в горных пещерах, где ведут домашнее хозяйство, как обычные люди. Это статные женщины с крупной широкой головой, длинными косами и телом, покрытым волосами. Когда они бегут или кормят детей, то перебрасывают груди через плечо. Ходят они группами. С помощью притираний, приготовленных из корней лесных деревьев, они могут стать невидимыми. Они любят насмерть закружить в хороводе или до смерти защекотать каждого, кто в одиночку забредет в лес, и всякий, кто случайно оказался свидетелем их запретных игрищ с танцами, умирает. Но если люди оставляют для них еду, они жнут пшеницу, прядут, присматривают за их детьми и прибирают в доме; если девочка начешет конопли для их пряжи, они дают ей листья, которые превращаются в золото. Они с удовольствием берут себе мужчин в любовники, часто выходят замуж за деревенских юношей и слывут прекрасными женами. Но, как и все сверхъестественные супруги, они безо всякого следа исчезают, как только муж с их своеобразной точки зрения хоть чем-то провинится.

Ил. 16. Одиссей и сирены (деталь картины, раскрашенный лекиф). Греция, V в. до н. э.

Еще один пример того, как опасное злое существо связано с обольщением, это русский водяной. Он может искусно менять свое обличье и по поверью топит людей, купающихся в полночь или в полдень. Бесприданниц или утонувших девушек он берет себе в жены. Он умеет хитро заманивать несчастных женщин в свои сети. Водяной любит плясать ночью при луне. А всякий раз, когда его жене приходит время рожать, он отправляется в деревню за повитухой. Но его можно узнать по воде, сочащейся из-под краев его одежды. Он лыс, у него толстый, как бочонок, живот, одутловатые щеки, зеленая одежда

и высокая шапка из камыша; но он может также появляться в образе привлекательного юноши или какого-нибудь хорошо известного в деревне человека. Водяной не так силен на берегу, но в своей стихии ему нет равных. Он живет в глубинах рек и озер, предпочитая места поближе к водяным мельницам. Днем он прячется, как старая форель или лосось, но ночью всплывает на поверхность, плещется и бьется, как рыба, выгоняя свой подводный скот, овец и лошадей, пастись на берег, или же взбирается на верхушку колеса водяной мельницы и не спеша расчесывает свои зеленые волосы и бороду. Весной, просыпаясь от долгого сна, он разбивает лед вдоль реки, нагромождая огромные торосы. Он на потеху ломает колеса водяных мельниц. Но в хорошем настроении он загоняет стаи рыб в сети рыбаков или предупреждает людей о приближающихся наводнениях. Повитуху, которая следует за ним, он щедро одаривает золотом и серебром. Его прекрасные дочери-русалки, высокие, бледные и печальные, одеты в прозрачные зеленые платья, терзают и мучают утонувших. Водяницы любят сидеть на ветвях деревьев, распевая чудные песни[38].

Аркадский бог Пан — самый известный античный пример опасного существа, которое живет сразу же за пределами защищенной территории человеческого поселения. В Древнем Риме таких существ называли Сильван или Фавн[*]. Он придумал пастушью свирель, на которой играл танцующим нимфам, а его спутниками были сатиры[†]. У людей, которые случайно забредали в его владения, он вызывал чувство «панического» страха, внезапного беспричинного испуга. И тогда любая мелочь — треснувшая ветка, трепетание листа — наводила на беспричинные мысли о грозящей опасности, и в безумном усилии избавиться от своего собственного разбуженного бессознательного жертва бежала прочь и умирала от страха. Однако Пан благоволил к тем, кто почитал его, и приносил им волшебные дары: достаток фермерам, скотоводам и рыбакам, которые подносили ему свои первые плоды, и здоровье всем, кто должным образом относился к его целительным священным местам. А еще он дарил мудрость — мудрость Средоточия, Центра Мироздания; ибо преодоление порога — это первый шаг в священную область вселенского источника. На горе Ликаон пророчествовала нимфа Эрато, которую вдохновлял Пан, так же как Аполлон покровительствовал дельфийским оракулам. Плутарх перечисляет экстатические оргиастические обряды Пана, наряду с исступлением Кибелы, вакхическими безумствами Диониса, поэтическим самозабвением, вдохновленным музами, военным безумством бога Ареса (Марса) и, самой неистовой изо всех, безумной любовной страстью, в качестве примеров божественного «воодушевления», что подавляет разум и высвобождает разрушительные и вместе с тем созидательные силы тьмы.

«Мне приснилось, — рассказывает женатый мужчина средних лет, — что я хочу попасть в удивительный сад. Но его охраняет сторож, который не раз-

* В александрийскую эпоху Пан ассоциировался с итифаллическим божеством Мин, который в числе прочих своих обязанностей охранял пустынные дороги.

† Сравним с Дионисом, который у трахейцев был таким же божеством, как и Пан.

решает мне войти. Я видел в саду мою приятельницу фройляйн Эльзу; она протягивала мне руку через ворота. Но сторож помешал ей, он взял меня за руку и отвел домой.

"Будьте же благоразумны, — сказал он. — Вы же знаете, что не должны этого делать"»[39*].

Это сновидение выявляет значение первого, охраняющего аспекта стража порога. Лучше не бросать вызов стражу установленных границ. Но только нарушив эти границы и пробудив другой, деструктивный, аспект этих сил, человек живой или умерший, переходит в новый мир. На языке пигмеев Андаманских островов слово *око-јиту* («мечтатель», «тот, кто говорит из снов») обозначает тех почитаемых и внушающих страх людей, которые, в отличие от своих соплеменников, обладают сверхъестественными способностями, обрести которые можно, лишь встретившись с духами — прямо в джунглях, в необычном сновидении или пережив смерть и возврат к жизни[40]. Приключение всегда и повсюду открывает завесу между известным и неизвестным; силы, которые стоят у границы, опасны; иметь с ними дело — рискованно; однако, если ты уверен в своих силах и отважен, эта опасность отступает.

На островах Банкс (Новые Гебриды), если юноша, возвращаясь вечером с рыбалки на камнях, вдруг увидит

> девушку, голова которой увенчана цветами, подзывающую его со склона горы, мимо которой лежит его тропа, и он узнает в ней кого-то из своей или соседней деревни, он в нерешительности останавливается и думает, что она, должно быть, *мей*[†]; он присматривается к ней замечает, что ее локти и колени сгибаются не в ту сторону; так юноша догадывается, кто она на самом деле, и убегает прочь. Если ему удается ударить искусительницу листом драконова дерева драцены, существо обретает свой истинный облик и змеей уползает прочь.

Но эти же змеи, что внушают столь сильный страх, по поверью становятся близкими друзьями для тех, кто вступает с ними в близкие отношения[41]. С такими демонами, одновременно опасными и дарующими магическую силу, предстоит встретиться каждому герою, который хотя бы на дюйм выходит за пределы обыденного.

---

[*] Вильгельм Штекель считает, что «образ стража символизирует сознание или, если хотите, обобщенное представление о морали и ограничениях, которые воплощаются в сознании». «Фрейд, — продолжает Штекель, — описал бы стража как сверх-Я, но в действительности это всего лишь внутреннее Я, "интер-Эго"». Сознание препятсвует воплощению опасных желаний и совершению аморальных поступков. Именно в этом смысле нужно интерпретировать действия сторожа, полицейского или представителя власти в таких сновидениях. Wilhelm Stekel, *Fortschritte und Technik der Traumdeutung* (Wien — Leipzig — Bern: Verlag fur Medizin, Weidmann und Cie., 1935), p. 37.

[†] Змея-амфибия с темными и яркими пятнами всегда до той или иной степени внушает страх, где бы она ни появилась.

Два ярких восточных сюжета послужат нам примером того, как неоднозначен этот сложный переход, и покажут, как, несмотря на то, что перед подлинной психологической готовностью все ужасы должны отступить, слишком дерзкого искателя приключений, переоценившего свои силы, может ждать постыдное поражение.

Первая история — о проводнике каравана из Бенареса, который дерзнул повести свой богато нагруженный караван в пятьсот повозок в безводную пустыню демонов. Заранее зная об опасности, он предусмотрительно погрузил на повозки огромные глиняные кувшины, наполненные водой, так что, рассуждая логически, его шансы успешно совершить переход через пустыню длиной не более шестидесяти лиг были очень велики. Но когда он прошел половину пути, великан-людоед, обитавший в этой пустыне, подумал: «Я заставлю этих людей вылить ту воду, что они взяли с собой». И он сотворил чарующую взор повозку, запряженную молодыми белоснежными бычками и с заляпанными грязью колесами, и появился с ней на пути каравана. Впереди него и позади него шагали демоны, составлявшие его свиту. Головы и одежды их были мокрыми, а сами они были обвешаны гирляндами белых и голубых водяных лилий, в руках несли букеты белых и красных цветов лотоса и жевали мясистые стебли водяных лилий, с которых стекали капельки воды и грязь. И когда караван и компания демона разошлись в стороны, чтобы уступить друг другу дорогу, великан-людоед дружески приветствовал проводника. «Куда вы направляетесь?» — вежливо спросил он. На что проводник каравана ответил: «Господин, мы идем из Бенареса. Но я вижу, что вы идете обвешанные голубыми и белыми водяными лилиями, с белыми и красными цветами лотоса в руках, жуете мясистые стебли водяных лилий, перепачканные грязью, и капли воды стекают с ваших одежд. Разве там, откуда вы держите путь, идет дождь? А озера сплошь покрыты голубыми и белыми водяными лилиями и красными и белыми цветами лотоса?»

И великан-людоед сказал: «Видишь вон ту темно-зеленую полосу деревьев? За ней все вода и вода, все время идет дождь; все рытвины залиты водой; повсюду озера, сплошь заросшие красными и белыми цветами лотоса». А затем, пока мимо него одна за другой проезжали повозки, он поинтересовался: «А какой же у вас товар в этой повозке и вот в той? Последние так тяжело нагружены; что же за товар на них?» «Там у нас вода», — ответил проводник «Вы, конечно же, поступили разумно, взяв с собой воду; но теперь у вас нет причины обременять себя. Разбейте глиняные кувшины на куски, вылейте воду, идите налегке». Великан-людоед отправился своей дорогой, а, скрывшись из виду, сразу вернулся в свой город людоедов.

А безрассудный проводник каравана по глупости послушал людоеда, разбил глиняные кувшины и направил повозки вперед. Впереди не было ни капельки воды. Его люди изнывали от жажды. Они шли до заката солнца, а затем распрягли повозки, поставили их в круг, а быков привязали к колесам. Не было ни воды для быков, ни жидкой овсянки, ни вареного риса для людей.

Обессилевшие люди попадали, кто где придется, и уснули. В полночь из своего города пришли великаны-людоеды, убили всех до единого быков и людей, обглодали их мясо, разбросав одни лишь голые кости, после чего удалились. Кости людей и животных так и остались лежать, разбросанные по сторонам, а пять сотен повозок стояли полными и нетронутыми[42].

А вот немного другая история. Она повествует о юном принце, который только что закончил обучение военному искусству у всемирно известного учителя. Получив в качестве знака отличия титул принца Пяти Оружий, он принял от своего учителя пять видов оружия, поклонился и во всеоружии зашагал по дороге, ведущей в город его отца, царя. Путь его преградил лес. Люди предостерегали принца: «Господин, не входите в этот лес, — сказали они, — в нем живет великан-людоед по имени Липкие Волосы; он убивает всех, кого увидит».

Но принц был самоуверен и бесстрашен, как гривастый лев. Он все равно вошел в лес. Когда он добрался до его середины, показался сам великан-людоед. Он вырос перед принцем внезапно, был он ростом с пальму, а голову себе наколдовал большую, как летний домик с колоколообразной крышей, с глазами огромными, как жертвенные чаши, и с двумя чудовищными клыками, как гигантские луковицы или почки; у него был ястребиный клюв; а брюхо пятнистое; руки и ноги темно-зеленые. «Куда ты направляешься? — грозно спросил он. — Остановись! Ты моя добыча!»

Принц Пяти Оружий ответил безо всякого страха, уверенный в своих приобретенных умении и мастерстве. «Людоед, — сказал он, — я нарочно вошел в этот лес. Подумай хорошо, прежде чем нападать на меня; ибо моя ядовитая стрела пронзит твою плоть, и ты упадешь, не сойдя с места!»

Так грозно обратившись к людоеду, молодой принц вложил в свой лук стрелу, пропитанную ядом, и выпустил ее. Она прилипла прямо к волосам людоеда. Тогда принц выпустил в него пятьдесят стрел, одну за другой. И все они прилипли прямо к волосам людоеда; тот стряхнул их все до единой, и они попадали к его ногам, а сам он приблизился к молодому принцу.

Принц Пяти Оружий пригрозил великану-людоеду во второй раз и, вытащив свой меч, нанес ему мастерский удар. Меч, длиной в тридцать три дюйма, прилип прямо к волосам людоеда. Тогда принц ударил его копьем. Но и оно прилипло к волосам людоеда. Увидев это, принц ударил людоеда булавой, которая также прилипла к волосам людоеда.

Увидев, что и булава прилипла, принц сказал: «Господин людоед, ты никогда прежде не слышал обо мне. Я принц Пяти Оружий. Когда я вошел в этот лес, в котором ты обитаешь, я надеялся не на лук и подобное оружие; когда я вошел в этот лес, я надеялся лишь на себя. И сейчас я разобью тебя и сотру тебя в прах!» Заявив так о своей решимости, с громким криком он ударил людоеда правой рукой. И его рука прилипла прямо к волосам людоеда. Он ударил его левой рукой. Но и она прилипла. Он ударил правой ногой. Она также прилипла. Он ударил левой ногой, но и она прилипла. Тогда принц подумал:

«Я разобью его своей головой и сотру его в прах!» И он ударил великана головой. Но и она также прилипла прямо к волосам людоеда*.

Ил. 17. Баал с копьем-молнией (стела, известняк). Ассирия, XV–XIII вв. до н. э.

* Приключение принца Пяти Оружий интерпретируется как самое раннее упоминание знаменитой и почти повсеместно встречающейся сказки из народного фольклора о смоляном бычке и т. п. (См.: Aurelio M. Espinosa, «Notes on the Origin and History of the Tar-Baby Story», Journal of American Folklore, 43, 1930, pp. 129–209; «A New Classification of the Fundamental Elements of the Tar-Baby Story on the Basis of Two Hundred and Sixty-Seven Versions», ibid., 56, 1943, pp. 31–37; Ananda K. Coomaraswamy, «A Note on the Stickfast Motif», ibid., 57, 1944, pp. 128–131.)

Принц Пяти Оружий попал в ловушку пять раз и, прочно прилипнув пятью частями тела, свисал с великана-людоеда. Но он все равно не утратил мужества. А великан-людоед призадумался: «Это непростой человек, это человек благородный, лев, а не человек! Вот я, великан-людоед, поймал его, а он не дрожит и не трепещет! Сколько поджидаю я путников на этой дороге, а такого не встречал! Почему, скажите на милость, он не боится?» Не отваживаясь съесть принца, он спросил: «Юноша, почему ты не боишься? Почему ты не дрожишь от страха смерти?»

«А почему я должен бояться тебя, людоед? Ведь всякая жизнь неизменно имеет свой конец. Да кроме всего, в животе у меня еще одно оружие — удар молнии. Если ты съешь меня, то это оружие переварить не сможешь. Оно разорвет твои внутренности на куски и клочья и убьет тебя. Тогда мы погибнем оба. Вот почему я не боюсь!»

Читатель должен понимать, что принц Пяти Оружий имел в виду Оружие Знания, которое было в нем. В действительности этот молодой герой был не кто иной, как Будущий Будда в своем предшествующем воплощении.

«Этот юноша говорит правду, — подумал людоед, охваченный смертельным ужасом. — Мой желудок не сможет переварить даже маленького, как фасолина, кусочка плоти этого человека-льва. Отпущу его!» И он отпустил принца Пяти Оружий. Будущий Будда изложил ему Учение, покорил его, направил на путь самоотречения, а затем превратил в духа, принимающего подношения в лесу. Напомнив великану-людоеду, что он должен быть внимательным, юноша покинул лес и, едва выйдя из него, рассказал всю эту историю людям; после чего пошел своей дорогой[44].

Удар молнии (*vajra*) является одним из основных буддийских символов: он символизирует духовную силу буддизма (несокрушимого просветления), которая разбивает иллюзорность реального мира. Абсолютный, или Ади Будда на Тибете представлен в образе «Держателя Алмазной Молнии» (*Vajra-Dhara,* на тибетском *Dorje-Chang*).

В образах богов, пришедших из древней Месопотамии (Шумер и Аккад, Вавилония и Ассирия), такая же молния, как *vajra,* имеет огромное значение (см. ил. 62); позднее возникает образ Зевса-громовержца.

Нам также известно, что воины примитивных народов говорили о своем оружии как об ударе молнии *Sicut in coelo et in terra* (на небе и на земле (лат.)) и посвященный воин воплощает божественную волю; он не только мастерски владеет оружием, но и обладает духовным совершенством. Его удары смертельны не только потому, что он физически силен и умеет пользоваться ядами, но и оттого, что обладает магической мощью (сверхъестественной силой удара молнии). Совершенному мастеру физическое оружие не требовалось вообще, достаточно было силы его магического слова.

Об этом и повествует притча о принце Пяти Оружий. Но она учит и тому, что человек, который гордится или полагается только на свои приобретенные физические качества, заранее проиграл. «Мы имеем здесь образ героя, — пишет доктор Кумарасвами, — который, возможно, запутался в сетях эстетического восприятия ["пять частей тела" представляют пять органов чувств], но благодаря своему подлинному моральному превосходству ему удается не только выпутаться самому, но и освободить других»[43].

Великан-людоед символизирует мир, к которому мы приклеиваемся пятью органами чувств и с которым невозможно справиться физическими усилиями, полагаясь на эти свои пять органов, и он был повержен, когда Будущий Будда, оставшись без защиты пяти оружий своего бренного статуса и эфемерной физической природы, обратился к безымянному и невидимому шестому чувству: божественному удару молнии знания трансцендентного принципа, который лежит вне мира имен и форм, доступных чувственному восприятию. И ситуация немедленно изменилась. Теперь он был не пойман, а освобожден; потому что он воспринимал себя свободным с самого начала. Сила монстра из чувственного мира была повержена, а сам он встал на путь самоотречения. Отрекшись от своих интересов, он стал частью божества — духом, принимающим подношения — как и сам мир, если его осознавать не как что-то конечное, а просто как имя и форму того, что превосходит и в то же самое время присуще всем именам и формам.

«Стены Рая», скрывающие Бога от человеческого взора, Николай Кузанский описывает как состоящие из «совмещения противоположностей», а его ворота охраняются «высочайшим духом разума, который преграждает путь до тех пор, пока не будет побежден»[45]. Пары противоположностей (бытие и небытие, жизнь и смерть, красота и уродство, добро и зло и все остальные полярности, что подчиняют чувства надежде и страху, а органы действия — самозащите и захвату) — это те же сталкивающиеся скалы, Симплегады, которые грозят неминуемой смертью путникам, но герои всегда их преодолевают. Этот сюжет известен во всем мире. У греков это были два скалистых островка в Черном море, которые смыкались словно под властью шторма, но Ясон на «Арго» проплыл между ними, и с тех пор они так и стоят в отдалении друг от друга[46]. Близнецов из легенды навахо предупредила о похожей опасности Женщина-Паук; но под защитой цветочной пыльцы, символа пути, и орлиных перьев, выдернутых из живой птицы солнца, они смогли продолжить свой путь[47].

Как дым жертвоприношения поднимается к небу через солнечную дверь, так и герой, освободившийся от Эго, проходит сквозь стены мира, а его Эго так и остается прилипшим к волосам великана-людоеда, сам же герой продолжает свой путь.

5. Чрево кита

Идея о том, что, преодолевая магический порог, мы возрождаемся, символически представлена распространенным образом лона как чрева кита. Герой, вместо того чтобы покорить или умилостивить силу, охраняющую порог, бывает проглочен, попадает в неизведанное и считается умершим.

Сам тогда он с дна поднялся,
Весь дрожа от дикой злобы,
Боевой блистая краской
И доспехами бряцая,
Быстро прыгнул он к пироге,
Быстро выскочил всем телом
На сверкающую воду
И своей гигантской пастью
Поглотил в одно мгновенье
Гайавату и пирогу[48].

Эскимосы, живущие на берегах Берингова пролива, рассказывают о героехитреце Вороне: однажды сидя на берегу и просушивая свою одежду, он увидел самку кита, которая степенно плыла к берегу. Он закричал: «Дорогая, в следующий раз, когда вынырнешь, чтобы глотнуть воздуха, открой рот и закрой глаза». Затем он быстро превратился в ворона, собрал палочки для разведения огня и взлетел над водой. Самка кита вынырнула на поверхность. Она сделала так, как ей было велено. Ворон устремился через ее разверзнутые челюсти прямо в утробу. Пораженная самка кита защелкнула челюсти и издала трубный звук; Ворон внутри нее встал на ноги и огляделся[49].

У зулусов есть история о матери с двумя детьми, проглоченных слоном. Когда женщина оказалась в желудке животного, «она увидела огромные леса и большие реки и возвышенности; с одной стороны возвышались скалы; еще было много людей, построивших там свою деревню; и много собак, и много скота; и все это было внутри слона»[50].

Ирландский герой Финн Маккул был проглочен чудовищем неопределенной формы, известным в кельтском мире как *peist*. Маленькую девочку Красную Шапочку проглотил волк. Любимого героя полинезийцев, Мауи, проглотила его прапрабабушка Хайн-нуи-те-по. И весь греческий пантеон, кроме Зевса, был проглочен их отцом Хроносом.

Греческий герой Геракл, остановившийся в Трое на пути домой с поясом царицы амазонок, узнает, что город измучило чудовище, посланное морским богом Посейдоном. Зверь выходил на берег и пожирал людей. В качестве искупительной жертвы царь велел приковать к скалам свою дочь, прекрасную Гесиону, и отважный герой согласился спасти ее за вознаграждение. В положенный час чудовище всплыло на поверхность моря и разверзло свою огромную пасть. Геракл бросился в его глотку, прорубил себе путь через его брюхо и вышел на свет из мертвой твари, целый и невредимый.

Ил. 18. Сатурн, пожирающий своих детей (деталь картины, холст, масло). Испания, 1819 г.

Этот распространенный сюжет подчеркивает, что переход порога — это разновидность самоуничтожения. Сходство с темой Симплегад очевидно. Но здесь, вместо того чтобы выходить наружу, за рамки видимого мира, герой, дабы родиться заново, отправляется вовнутрь. Это исчезновение соответствует вхождению верующего в храм — там он вспоминает, кто он и что он, а именно: прах и пыль — если, конечно, он не бессмертен. Внутренность храма, чрево кита и божественная земля за пределами мира — это одно и то же. Поэтому пути к храмам и входы в храмы защищены огромными фантастическими фигурами и горгульями, расположенными по обе стороны: драконами, львами, воинами с обнаженными мечами, которые борются с демонами, злобными карликами и крылатыми быками. Это — стражи порога, призванные отгонять всякого, кто не готов встретиться с высшим безмолвием внутри. Они предупреждают об опасности, подобно той, что исходит от людоеда в мифах, который охраняет границы привычного мира, и символизируют зубы кита. Они являются символом того, что истинно верующий преображается, как только

входит в храм. Все мирское в нем остается снаружи; он сбрасывает его, как змея кожу. Находясь внутри, он символически умирает по отношению ко времени и возвращается в Лоно Мира, к Центру Мироздания, в Рай Земной. Любой может физически пройти мимо стражей храма, но это не умаляет их значения; ибо если самозванец не способен прикоснуться к святая святых, значит по сути он так и остался снаружи. Всякий, кто не способен понять бога, видит в нем дьявола, и потому не допускается к нему. Таким образом, аллегорически вхождение в храм и прыжок героя в пасть кита являются тождественными событиями, одинаково обозначающими на языке образов «центростремительное» действо, обновляющее жизнь.

Ил. 19. Стражи у входа, вооруженные молниями (раскрашенное дерево). Япония, 1203 г. н. э.

«Ни одно существо, — пишет Ананда Кумарасвами, — не может достичь высшего уровня Бытия, не прекратив своего существования»[51]. Действительно, физическое тело героя на самом деле может быть умерщвлено, расчленено и разбросано по земле или над морем — как в египетском мифе о спасителе Осирисе: он был помещен в саркофаг и брошен в Нил своим братом Сетом*, а когда он ожил, брат убил его снова, разорвал тело на четырнадцать частей и разбросал их по всей земле. Воинственные близнецы-герои навахо должны были пройти не только сталкивающиеся скалы, но и камыш, что режет путника на куски, и зыбучие пески, что засасывают его. Герой, чья привязанность к Эго уже уничтожена, переступает границы мира и возвращается вновь, попадает в чрево дракона и выходит из него так же легко, как царь переступает порог покоев дворца. И в этом заключается его способность нести спасение; так как его переход и возвращение демонстрируют нам, что за всеми противоречиями феноменального мира остается Несотворенное и Нетленное, и нам нечего бояться.

И так происходит во всем мире — люди, кто исполнял обряды убиения дракона, которые символизировали возрождение жизни на земле, совершали над своими телами великий символический акт — разбрасывание своей плоти, подобно телу Осириса, ради обновления мира. Во Фригии, например, в честь умерщвленного и воскресшего спасителя Аттиса 22 марта срубали сосну и приносили ее в храм Великой матери, Кибелы, где ее, подобно телу умершего, украшали, обматывая лентами и венками из фиалок. К середине ствола привязывали изображение юноши. На следующий день происходило церемониальное прощание с ним под звуки труб. Двадцать четвертое марта было известно как День Крови — верховный жрец пускал кровь из своих рук, которую приносил в жертву; жрецы низшего ранга кружились в ритуальном танце под звуки барабанов, горнов, флейт и цимбал до тех пор, пока не впадали в экстаз, они кололи ножами свои тела, орошая кровью алтарь и священное дерево; а новообращенные, подражая богу, смерть и воскрешение которого они праздновали, кастрировали себя и падали без чувств[52].

Аттис совершал именно то жертвоприношение, от которого уклонился царь Минос, присвоив Посейдонова быка. Как доказал Фрэзер, ритуальное цареубийство являлось распространенной традицией в древнем мире. «В Южной Индии, — пишет он, — жизнь и правление царя заканчивались с полным оборотом планеты Юпитер вокруг Солнца. В Греции судьба царя висела на волоске по прошествии каждых восьми лет... Не будучи чрезмерно опрометчивыми, мы можем предположить, что дань из семи юношей и семи девушек, которых афиняне должны были каждые восемь лет присылать Миносу, имеет некоторое отношение к пролонгации царской власти на следующий восьмилетний цикл»[53]. Принесение в жертву быка, которое требовалось от царя

---

* Саркофаг и гроб символизируют чрево кита. Также вспомним о Моисее в плетеной корзине.

Миноса, подразумевало, что в соответствии с традиционной схемой он принесет в жертву себя по завершении восьми лет своего правления. Но вместо себя он, по-видимому, предложил замену — афинских юношей и девушек. Наверное, именно так божественный Минос превратился в монстра Минотавра, в царя, что уничтожает сам себя, в алчного тирана, а священное государство, в котором каждому определено его место, превратилось в торговую империю, где каждый сам за себя. Практика таких замен приобрела общий характер во всем античном мире ближе к концу существования великих ранних культовых государств, в период III–II тысячелетий до н. э.

Ил. 20. Возвращение Ясона
(краснофигурная ваза, этрусское искусство). Ок. 470 г. до н. э.

И точно так же царь Квилакары, одной из южных провинций Индии, по завершении двенадцатого года своего правления, в день торжественного праздника, повелел возвести деревянные подмостки и задрапировать их шелком. Совершив ритуальное омовение в бассейне, с пышными церемониями, под звуки музыки, он затем отправился в храм, где совершил богослужение. После чего перед всем народом он взошел на подмостки и, взяв в руки несколько очень острых ножей, стал отрезать свои члены — нос, уши, губы и сколько смог свою плоть. Он разбрасывал вокруг части своего тела, пока не пролил столько собственной крови, что начал терять сознание, и тогда в завершение обряда он перерезал себе горло[54].

Ил. 21. Искушение святого Антония (гравюра на меди). Германия, 1470 г. н. э.

ГЛАВА II

Инициация

1. Путь испытаний

Шагнув за порог, герой оказывается в фантастической стране с удивительно изменчивыми, неоднозначными формами, где ему предстоит подвергнуться одному испытанию за другим. Приключения — это излюбленная часть мифа. Сколько было создано литературных произведений об удивительных странствиях и нелегких испытаниях. Рядом с героем постоянно незримо присутствует и помогает советом, амулетами и тайными силами сверхъестественный помощник, которого он встречает перед тем, как попасть в эту страну. Или случается, что он впервые только здесь узнает о существовании милосердной силы, всюду помогающей ему в этом сверхчеловеческом переходе.

Одним из наиболее известных и самых очаровательных примеров сюжета о «нелегких испытаниях» является история о том, как Психея искала своего пропавшего возлюбленного, Купидона[1]. Здесь все главные персонажи поменялись местами: не влюбленный освобождает невесту, а невеста отправляется на поиски своего возлюбленного; и не жестокий отец не пускает дочь к возлюбленному, а ревнивая мать, Венера, скрывает своего сына, Купидона, от невесты. Когда Психея обратилась с мольбой к Венере, богиня схватила ее за волосы и сильно ударила головой о землю, затем взяла целую гору пшеницы, ячменя, проса, семян мака, гороха, чечевицы и бобов, смешала все это и велела девушке перебрать до наступления ночи. Пришли муравьи и помогли Психее. Затем Венера велела ей настричь золотой шерсти опасных диких овец с острыми рогами и ядовитыми зубами, которые паслись в глухой лесной чаще. Но зеленый тростник научил Психею, как собрать в тростниковых зарослях клочья золотой шерсти, которые овцы оставляли на своем пути. Теперь богиня потребовала принести воды из ледяного ключа, бьющего на вершине высокой скалы, которую сторожил недремлющий дракон. На помощь Психее пришел орел и выполнил это трудное задание. И наконец ей было велено принести из самой преисподней дивной красоты шкатулку. Но над ней сжалились камни и научили ее, как спуститься в подземный мир, дав ей монеты для Харона и приманку для Цербера.

Путешествие Психеи в потусторонний мир является всего лишь одним из подобных бесчисленных путешествий бесчисленных героев сказок и мифов. Самыми опасные из них — походы шаманов у народов Крайнего Севера (саамов, жителей Сибири, эскимосов и некоторых племен американских индейцев), которые отправляются на поиски заблудившейся или похищенной души больного соплеменника, чтобы вернуть ее. Сибирские шаманы для такого путешествия облачаются в магические одежды, изображающие птицу или оленя, постоянного спутника шамана, образ его души. Его барабан символизирует его животное — орла, оленя или лошадь; считается, что он летает или скачет верхом на нем. Другим инструментом, помогающим ему в странствии, служит шест, который он носит с собой. Ему помогают его друзья, невидимые духи.

Ил. 22. Психея и Харон (холст, масло). Англия, 1873 г. н. э.

Один из первых путешественников, побывавших у саамов, оставил нам яркое описание причудливого исполнения обряда одним из этих странных эмиссаров, имеющих доступ в царство мертвых[2]. Поскольку иной мир (тот свет) — это мир вечной ночи, то обряд шамана должен происходить после наступления темноты. В тускло освещаемом мерцающим огнем жилище заболевшего человека собираются его друзья и соседи и внимательно наблюдают за действиями колдуна. Сначала он вызывает духов-помощников, те появляются, невидимые для всех, кроме шамана. Две женщины в церемониальных нарядах, но без поясов и с льняными капюшонами на головах, мужчина без пояса или капюшона

и не достигшая зрелости девочка помогают шаману. Тот обнажает свою голову, развязывает пояс и шнурки на обуви, закрывает лицо ладонями и начинает кружиться. Внезапно, отчаянно жестикулируя, он кричит: «Запрягите оленя! Подготовьте его в дорогу!». Схватив топор, он начинает ударять себя им по коленям и замахиваться в направлении женщин. Он голыми руками вытаскивает из костра горящие поленья, три раза обегает вокруг каждой из женщин и, в конце концов, падает на землю «как мертвый». На протяжении всего этого времени никому не позволено прикасаться к нему. Пока он лежит в трансе, за ним нужно тщательно присматривать, чтобы даже муха не могла сесть на него. Душа шамана покинула его и осматривает священные горы, на которых обитают боги. Женщины-помощницы перешептываются друг с другом, пытаясь угадать, в какой части иного мира он может сейчас находиться.

Они могут не знать, в какой части потустороннего мира он находится сейчас, и тогда дух шамана не сможет вернуться в тело. Или дух враждебного ему шамана сможет победить его и увлечь в небытие. Говорят, что многие шаманы так и не вернулись[3].

Если они правильно определяют, на какой горе находится шаман, он двигает рукой или ногой. Наконец он начинает возвращаться. Тихим, еле слышным голосом он произносит несколько слов, услышанных в потустороннем мире. Затем женщины начинают петь. Шаман медленно пробуждается, называет причину болезни и указывает, какое жертвоприношение требуется совершить. Затем он объявляет, сколько времени потребуется для выздоровления больного.

> «Во время своего утомительного путешествия, — пишет другой наблюдатель, — шаману приходится встречаться с рядом препятствий (*pudak*), которые ему следует преодолеть и с которыми не всегда можно легко справиться. Пройдя через темный лес и широкую горную гряду, где он иногда натыкается на кости других шаманов и их верховых животных, погибших в пути, шаман достигает отверстия в земле. Теперь перед ним открываются глубины потустороннего мира с его удивительными явлениями, и начинается самый сложный этап приключения... Задобрив стражей царства мертвых и преодолев многочисленные опасности, он наконец приходит к Владыке Преисподней, самому Эрлику. И последний со страшным ревом бросается на него; но если шаман достаточно искусен, то ему удается успокоить чудовище и обещаниями роскошных подношений заставить отступить. Этот момент диалога с Эрликом является критическим моментом обряда. Шаман впадает в транс»[4].

«В каждом примитивном племени, — пишет доктор Геза Рохейм, — мы видим, что в центре общины — знахарь-шаман, и нетрудно доказать, что этот знахарь является либо невротиком, либо психотиком или что, по крайней мере, в основе его мастерства лежат те же процессы, которые характерны для не-

вроза и психоза. Сообщества людей действуют в соответствии со своими идеалами, а они непосредственно связаны с инфантильными ситуациями»[5]. «Ситуация, которая характерна для состояния младенчества, изменяется или претерпевает инверсию в процессе созревания, снова изменяется в связи с тем, что человеку необходимо приспосабливаться к реальному миру, и все же она не исчезает окончательно и формирует те незримые связи на основе либидо, без которых не может существовать ни одно сообщество людей»[6]. Таким образом, знахари просто выявляют и демонстрируют всем фантастические символы, которые присутствуют в психике каждого взрослого члена их общины. «Они лидеры в этой инфантильной игре и проводники, выражающие общее беспокойство. Они сражаются с демонами, чтобы остальные люди могли охотиться и в целом противостоять реальному миру»[7].

Таким образом, если какой-либо член сообщества совершает опасное путешествие во тьму, целенаправленно или случайно спускаясь в извилистые закоулки лабиринта своего собственного духовного мира, он вскоре оказывается в стране символических образов (любой из которых может поглотить его), и эта страна не менее удивительна, чем дикий мир сибирских священных гор и препятствий. Мистики называют это второй стадией Пути, стадией «очищения Самости», когда чувства «очищаются и смиряются», а энергии и влечения «сосредоточиваются на трансцендентных вещах»[8]; или, говоря более современным языком, это процесс расчленения, преодоления или преобразования инфантильных образов нашего личного прошлого. Каждую ночь в наших сновидениях мы все так же встречаемся с вечными опасностями, фантастическими существами, испытаниями, таинственными помощниками и фигурами наставников; в их облике пред нами предстает не только вся картина настоящего, но также и ключ к спасению.

«Я стоял перед входом в темную пещеру, — рассказывает о своем сновидении в начале курса психоанализа один пациент, — и был в ужасе при мысли о том, что не смогу найти дорогу обратно»[9]. «Я видел разных зверей, — записал в своей книге сновидений Эмануэль Сведенборг виденное им в ночь 19–20 октября 1744 г., — они расправили крылья, и оказалось, что это драконы. Я летел над ними, но один из них поддерживал меня»[10].[*] А столетие спустя (13 апреля 1844 г.) драматург Фридрих Геббель написал: «Во сне меня с огромной силой несло по морю; кругом были ужасные глубины, и мне то и дело встречались скалы, за которые можно было ухватиться»[11]. Фемистоклу приснилось, что змея обвила его тело, затем приблизилась к шее, а когда коснулась лица, то превратилась в орла, который схватил его когтями, поднял ввысь, перенес на значительное расстояние и опустил на внезапно появившийся золотой жезл герольда, причем так благополучно, что он сразу же избавился ото всех своих больших тревог и страхов[12].

---

* Собственный комментарий Сведенборга на эту тему: «Такие драконы, которых узнаешь лишь увидев их крылья, символизируют неискреннюю любовь. Я как раз сейчас записываю свои мысли на эту тему» (Ježower, Das Buch der Träume. Berlin: Ernst Rowohlt Verlag, 1928, p. 97).

Индивидуальные психологические проблемы человека очень часто с трогательной простотой и силой раскрываются в сновидении: «Я должен был взобраться на гору. На пути мне попадались разные препятствия. Мне приходилось то перепрыгивать через канаву, то пробираться через густой кустарник, и наконец я вынужден был остановиться, потому что у меня перехватило дыхание». Это сновидение заики[13].

«Я стояла у озера, которое казалось совершенно спокойным. Вдруг налетела буря, поднялись высокие волны, так что все мое лицо забрызгало водой»; это сновидение девушки с боязнью покраснеть на людях (эрейтофобия), потому что, когда она краснела, ее лицо покрывалось испариной[14].

«Я следовал за девушкой, которая шла впереди меня по темной улице. Я мог видеть ее только сзади и любовался ее великолепной фигурой. Меня охватило страстное желание, и я побежал за ней. Вдруг сноп света резко упал откуда-то, пересек улицу и преградил мне путь. Я проснулся, мое сердце лихорадочно билось». Этот пациент гомосексуалист; луч, пересекающий улицу, является фаллическим символом[15].

«Я сел в машину, но не знал, как ею управлять. Сидящий на заднем сидении человек давал мне указания. Наконец все наладилось, и мы приехали на площадь, где стояло много женщин. Мать моей невесты от души приветствовала меня». Этот мужчина был импотентом, но психоаналитик сумел помочь ему[16].

«Камень разбил лобовое стекло моего автомобиля. Теперь ветер и дождь ворвались в салон, и я заплакала. Доеду ли я, куда хотела, на этом автомобиле?» Этот сон приснился девушке, которая потеряла девственность, и это ее беспокоило[17].

«Я увидел, что на земле лежит половина лошади. У нее было только одна передняя нога, она пыталась встать, но ей это не удавалось». Этот пациент был поэтом, которому приходилось зарабатывать на жизнь, работая журналистом[18].

«Меня укусил ребенок». Этот сон приснился человеку, страдавшему психосексуальным инфантилизмом[19].

«Я оказался заперт в темной комнате вместе со своим братом. У него в руке был большой нож. “Ты сведешь меня с ума, и я попаду в сумасшедший дом”, — сказал я ему. Он рассмеялся со злобным удовлетворением, отвечая: “Ты никуда не денешься. Нас сковывает цепь”. Я посмотрел на свои ноги и впервые заметил, что меня с братом сковывала толстая железная цепь». Брат, комментирует Штекель, символизирует болезнь пациента[20].

«Мне снится, что я иду по узкому мостику, — рассказывает шестнадцатилетняя девушка, — вдруг он ломается подо мной, и я падаю в воду. За мной ныряет полицейский и крепкими руками вытаскивает на берег. И тут мне неожиданно кажется, что я умерла. И полицейский тоже выглядит очень бледным, как мертвец»[21].

«Человеку снится, что он оказывается абсолютно покинут и одинок в глубоком подвале. Стены помещения, в котором он находится, сужаются и давят

на него, так что он не может шевельнуться». В этой картине сочетаются идеи материнского лона, заточения, тюремной камеры и могилы[22].

«Мне снится, что я должен пройти по бесконечным коридорам. Затем я долгое время остаюсь в маленькой комнатке, которая похожа на бассейн в банях. Меня заставляют уйти оттуда и пройти по мокрому, скользкому, узкому коридору, а потом через маленькую решетчатую дверь наружу. Я чувствую, что как будто заново родился и думаю: “Это означает для меня духовное возрождение благодаря психоанализу”»[23].

Не может быть никакого сомнения в том, что психологические проблемы, которые предшествующие поколения решали с помощью символов и ритуалов своего мифологического и религиозного наследия, мы, современные люди (поскольку мы неверующие, а если и верующие, то унаследованные нами верования не в состоянии отражать реальные проблемы современной жизни), должны решать самостоятельно или, в лучшем случае, лишь опираясь на неуверенные, импровизированные и зачастую не очень эффективные попытки помочь нам. В этом наша проблема как современных, «просвещенных» личностей, которые уничтожили силой своей рациональности и богов, и демонов*. Но в тех многочисленных мифах и легендах, которые дошли до нас и собраны со всех концов света, мы все еще способны узнать за расплывчатыми очертаниями нечто такое, что по-прежнему актуально для нашего осмысления действительности. Однако для того чтобы внять этой мудрости, человек должен каким-то образом очиститься и отрешиться от прежней жизни. И наша проблема отчасти состоит в том, что мы не знаем, как сделать это. «Или вы думали, что войдете в рай, когда вам еще не пришло подобное тому, что пришло к прошедшим до вас?»[24]

Самым древним из дошедших до нас повествований о том, как пройти через ворота метаморфоз, является шумерский миф о спуске богини Инанны в преисподнюю.

От «великого превыше» она устремилась помыслами
к «великому прениже»,
Богиня из «великого превыше» устремилась помыслами
к «великому прениже».
Инанна из «великого превыше» устремилась помыслами
к «великому прениже».
Моя госпожа покинула небо, покинула землю,
в преисподнюю спустилась она,

* «Проблема не нова, — пишет К. Г. Юнг. — Поскольку все предыдущие поколения так или иначе верили в бога. Лишь невероятная деградация символизма позволит нам признать существование богов как реальных физических факторов, то есть архетипов бессознательного... Рай стал для нас космическим пространством, которое изучают физики, а божественные эмпиреи — слабым напоминанием о том, чем они были когда-то. Но горит жар нашего сердца, и мы страстно стремимся познать источник нашего бытия» (Jung. The Archetypes of the Collective Unknown, p. 50).

Инанна покинула небо, покинула землю,
в преисподнюю спустилась она,
Оставила власть, оставила владенья,
в преисподнюю спустилась она.

Она облачилась в свои королевские одежды и драгоценные каменья. Семь божественных повелений пристегнула она к своему поясу. Она была готова войти в «страну, из которой нет возврата», в потусторонний мир смерти и тьмы, где правит ее сестра и враг, богиня Эрешкигал. Опасаясь, что сестра может убить ее, Инанна велела Ниншубуру, своему посланнику, в том случае, если она не вернется через три дня, отправиться на небо и бить тревогу в месте, где собираются боги.

И Инанна спустилась вниз. Она пришла к замку из лазурита, у ворот которого ее встретил главный привратник, который спросил, кто она и зачем пришла. «Я царица небес, места, где восходит солнце», — ответила она. «Если ты царица небес, — сказал привратник, — места, где восходит солнце, то скажи на милость, зачем пришла ты в страну, из которой нет возврата? Как сердце твое привело тебя на дорогу, на которой путнику нет возврата?» Инанна заявила, что она пришла, чтобы присутствовать на церемонии похорон мужа своей сестры, господина Гугаланны, после чего Нети, привратник, попросил ее подождать, пока он не доложит Эрешкигал. Нети было велено отворить перед царицей небес семь ворот, но придерживаться установленного обычая и у каждого входа снимать часть ее одежды.

И чистой Инанне сказал он: «Входи, Инанна, входи».
И как вошла она в первые врата,
Снята была шугурра, «корона равнины» с ее головы.
«Скажи на милость, что это?»
«О Инанна, законы преисподней чрезвычайно совершенны.
О Инанна, не подвергай сомненью обычаи преисподней».
Когда вошла она во вторые ворота,
Был взят у нее жезл из лазурита.
«Скажи на милость, что это?»
«О Инанна, законы преисподней чрезвычайно совершенны.
О Инанна, не подвергай сомненью обычаи преисподней».
Когда вошла она в третьи ворота,
С шеи было снято ожерелье из лазурита.
«Скажи на милость, что это?»
«О Инанна, законы преисподней чрезвычайно совершенны.
О Инанна, не подвергай сомненью обычаи преисподней».
Когда вошла она в четвертые ворота,
С ее груди были сняты сверкающие каменья.
«Скажи на милость, что это?»
«О Инанна, законы преисподней чрезвычайно совершенны.
О Инанна, не подвергай сомненью обычаи преисподней».
Когда вошла она в пятые ворота,

С ее руки было снято кольцо золотое.
«Скажи на милость, что это?»
«О Инанна, законы преисподней чрезвычайно совершенны.
О Инанна, не подвергай сомненью обычаи преисподней».
Когда вошла она в шестые ворота,
С ее груди был снят нагрудник.
«Скажи на милость, что это?»
«О Инанна, законы преисподней чрезвычайно совершенны.
О Инанна, не подвергай сомненью обычаи преисподней».
Когда вошла она в седьмые ворота,
Все одежды ее светлости были сняты с ее тела.
«Скажи на милость, что это?»
«О Инанна, законы преисподней чрезвычайно совершенны.
О Инанна, не подвергай сомненью законы преисподней».

Обнаженную, ее подвели к трону, и она низко поклонилась перед троном Эрешкигал, где сидели семь судей преисподней, Аннунаки, устремив на Инанну взгляды смерти.

При их словах, словах, что терзают дух,
Несчастная женщина превратилась в труп,
Труп был подвешен к столбу[25].

Инанна и Эрешкигал, две сестры, свет и тьма, согласно древнему способу символизации, вместе представляют одну богиню в ее двух ипостасях; их столкновение подводит итог пути, полном испытаний. Герой, будь то бог или богиня, мужчина или женщина, персонаж мифа или человек, наблюдающий за собой во сне, обнаруживает и ассимилирует свою противоположность (свою собственную ранее неизвестную сущность) либо проглатывая его сам, либо будучи им проглочен. Один за другим барьеры сопротивления разбиваются. Он должен отречься от своего достоинства, добродетели, красоты и жизни, подчинившись или покорившись чему-то абсолютно невыносимому. Тогда он обнаруживает, что он и его противоположность не разнородны, а суть едина плоть[25].[*]

Жестокое испытание делает переход первого порога более сложным, когда все еще не решен вопрос: может ли эго уничтожить само себя? Ибо у этой гидры, обвивающей его со всех сторон, много голов; отрубишь одну — вырастут две новые, если не прижечь обрубок, как должно. Отбыть в страну испытаний — значит пуститься в долгий тернистый путь, где странника ждут бесчисленные испытания на пути инициации, а временами моменты озарения. Теперь нужно убить дракона, снова и снова преодолевая множество неожиданных препятствий. Путника ждут начальные победы, мистические прозрения, которые теперь всегда будут сопровождать его, и мимолетные видения чудесной страны.

[*] Или как это описал Джеймс Джойс: «Единства противоположностей, движимые одной силой природы или духа, единственным условием или способом проявления единства мужского и женского начала» (*himundher* — оригинальный англо-немецкий термин «him-und-her». — *Примеч. пер.*) (Joyce. Finnegans Wake, p. 92).

Ил. 23. Мать Богов (деревянная скульптура).
Эгба-Йоруба, Нигерия, дата неизвестна

2. Встреча с Богиней

Последнее приключение, когда все преграды и великаны-людоеды остались позади, обычно представляется как мистический брак победоносного героя — души с царственной Богиней Мира. Это переломный момент — в минуту поражения, в зените или на краю земли, в центре Вселенной, под сводами храма или в самом потаенном уголке нашего сердца.

На западе Ирландии есть сказка о принце Острова Одиночества и хозяйке удивительного пылающего колодца Туббер Тинти. В поисках чудодейственного снадобья для королевы Эрина, отважный юноша отправился за водой из колодца Туббер Тинти. По совету своей тетки-волшебницы, встретившейся ему на пути, принц верхом на подаренной ему теткой безобразно грязной, тощей, маленькой, косматой лошаденке пересек огненную реку и благополучно миновал рощу ядовитых деревьев. Лошадь со скоростью ветра промчалась мимо замка Туббер Тинти; принц запрыгнул с нее в открытое окно и оказался внутри, цел и невредим.

Там повсюду, куда ни глянь, спали морские и земные чудовища — огромные киты, скользкие угри, медведи и прочие звери. Принц, пробираясь мимо них и перешагивая через них, наконец подошел к огромной лестнице. Поднявшись наверх, он вошел в комнату, где увидел прекраснейшую женщину, она спала на кушетке. «Мне нечего сказать тебе», — подумал он и пошел дальше; и так он заглянул

в двенадцать комнат. В каждой была женщина прекраснее, чем в предыдущей. Но когда он подошел к тринадцатой комнате и открыл дверь, взор его был ослеплен блеском золота. Он застыл на месте, пока снова не обрел способность видеть, а затем вошел. В большой светлой комнате стояла золотая кровать на золотых колесах. Колеса непрерывно вращались; кровать постоянно двигалась по кругу, не останавливаясь ни днем, ни ночью. Там почивала королева Туббер Тинти; и хотя двенадцать ее девушек были прекрасны, рядом с ней красота их меркла. В ногах кровати находился сам Туббер Тинти — огненный колодец. Колодец был закрыт золотой крышкой и вращался вместе с кроватью королевы.

«Клянусь, — сказал принц, — я отдохну здесь немного». И он прилег на кровать и не вставал с нее шесть дней и ночей[26].

Хозяйка Дома Сна — это хорошо известный персонаж сказок и мифов. Мы уже сталкивались с ней, говоря об образах Брунгильды и маленькой Спящей красавицы[27]. Она — образец красоты, воплощение мечтаний, желанная цель земных и внеземных поисков каждого героя. Она мать, сестра, возлюбленная, невеста. Все, что в этом мире манит нас, все, что сулит наслаждение — все это знаки ее существования, если не в реальном мире — в его городах и лесах, то в глубинах сна. Ибо она — воплощение совершенства; она сулит душе, однажды познавшей ее и вновь вернувшейся в обыденный мир из иного мира странных грез и причудливых видений блаженство, которое посетит ее вновь и вновь, она несет покой, она питает, она — «хорошая мать», молодая и красивая, которую мы когда-то познали и даже ощутили ее вкус, давно, в далеком прошлом. Время наложило на нее печать и отняло у нас, но она не исчезла навсегда, а словно застыла вне времени на дне вечного моря.

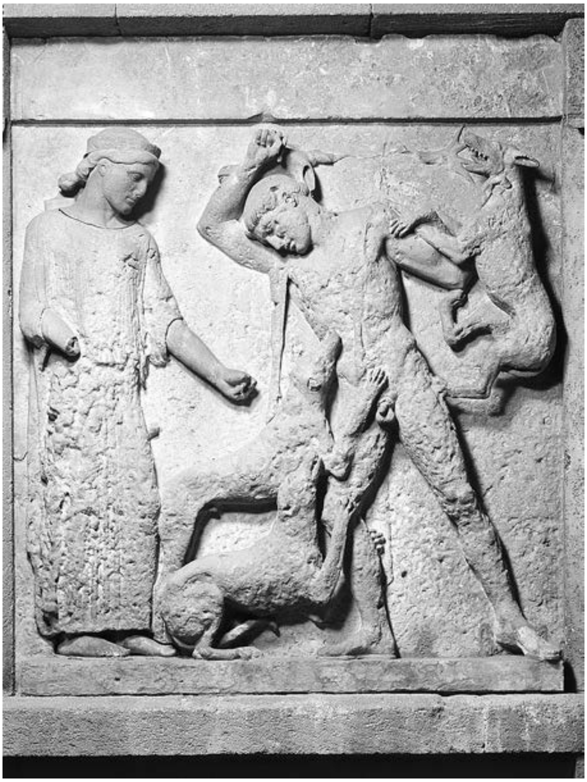
Однако сохранившийся в памяти образ не только милосерден; ибо в скрытой сфере детских воспоминаний взрослого человека также сохраняется, а иногда могущественно существует образ «злой» матери: 1) отсутствующей, недоступной, против которой направлены агрессивные фантазии и от которой со страхом ждут ответной агрессии; 2) не разрешающей чего-то, налагающей запреты, карающей матери; 3) матери, насильно удерживающей подле себя взрослеющего ребенка, пытающегося оттолкнуться от нее; и наконец, 4) желанной, но запретной матери (эдипов комплекс), само присутствие которой является опасным соблазном (комплекс кастрации). Это и лежит в основе образов столь недосягаемых великих богинь, как целомудренная и ужасная Диана — ее расправа над юным охотником Актеоном лишь дает нам понять, какой ужас заключен в подобных символах запретных желаний ума и тела.

Актеон случайно увидел опасную богиню в полдень; в тот роковой момент, когда солнце завершает свой по-юношески полный сил подъем, останавливается и срывается вниз навстречу смерти. Посвятив все утро охоте за дичью, он оставил своих друзей отдыхать, с ними были испачканные кровью добычи собаки, а сам пошел куда глаза глядят, покинув знакомые ему охотничьи угодья, по окрестным лесам. Он пришел в долину, заросшую кипарисами и соснами. С любопытством он спустился туда и нашел пещеру, где тихо журчал родник,

а вытекавший из него ручей привел его к озеру, поросшему камышом. В этом тенистом укромном уголке любила отдыхать Диана, и в тот час она нагая купалась там вместе со своими нимфами. Она оставила в стороне охотничье копье, колчан, лук с ослабленной тетивой, а также сандалии и платье. Одна из нимф уложила ее косы в узел; а другие поливали ее водой из больших кувшинов.

Когда молодой странник внезапно появился в этом укромном уголке, женщины подняли крик и окружили госпожу, стараясь своими телами скрыть ее от недостойного взора. Но ее голова и плечи возвышались над ними. Юноша не мог оторвать от нее взгляд. Она поискала взглядом свой лук, но он лежал далеко, поэтому быстро зачерпнула пригоршню воды и плеснула в лицо Актеону. «Теперь рассказывай всем, ежели сможешь, как ты увидел богиню без покровов», — гневно крикнула она ему.

На голове юноши выросли рога. Его шея вытянулась, стала большой и длинной, кончики ушей заострились. Его руки вытянулись до ног, а ладони и ступни превратились в копыта. В ужасе он помчался прочь, удивляясь тому, как стремительно бежит. Но остановившись, чтобы перевести дух и напиться воды, он увидел свое отражение в воде и в ужасе отпрянул.

Ил. 24. Диана и Актеон (мраморный метоп, эллинский период). Сицилия, 460 г. до н. э.

Затем его постигла страшная участь. Его собственные собаки, учуяв крупного оленя, с лаем бросились в лес. Сначала он на минуту обрадовался, услышав их, и остановился, но вдруг испугался и побежал. Стая преследовала его, постепенно приближаясь. Когда собаки нагнали его, и первая из них бросилась, чтобы вцепиться ему в бок, Актеон попытался окликнуть их по именам, но голос, вырвавшийся из его глотки, человеческим уже не был. Собаки вонзили в него свои клыки. Он упал, и его собственные товарищи по охоте, криками подгоняя собак, успели нанести ему последний милосердный удар, отнимающий жизнь, *coup de grace*.

Диана, чудесным образом знавшая о паническом бегстве и смерти Актеона, теперь могла быть спокойна[28].

Мифологическая фигура Вселенской Матери привносит в космос женственные черты первой питающей, ласковой заботы в жизни человека. Этот образ возникает спонтанно, ибо существует близкое и явное соответствие между отношением маленького ребенка к своей матери и отношением взрослого к окружающему его материальному миру[29]. Но во многих религиозных традициях этот архетипный образ встречается и сознательно используется в воспитательных целях, с тем, чтобы уравновесить ум и открыть для него природу зримого мира.

В тантрической литературе средневековой и современной Индии обитель этой богини называется Мани-двипа, «Остров Драгоценных Камней». Там в роще деревьев, исполняющих желания, стоит ложе-трон богини. Там простираются пляжи из золотого песка. Их омывают тихие волны океана, из нектара бессмертия. В богине кипит огонь жизни; земля, солнечная система, галактики уходящего вдаль космоса — все растет в ее лоне. Ибо она — создательница мира, вечная матерь и вечная дева. Она объемлет все сущее, питает страждущих и несет жизнь всем живущим на земле.

Она также есть смерть для всего смертного. Весь жизненный цикл существования свершается под ее властью, от рождения, к юности, зрелости и старости, к могиле. Она и лоно, и могила: свинья, пожирающая своих новорожденных детенышей. И так она объединяет и «доброе», и «злое», являя собой две формы сохранившегося в памяти образа матери, и не только собственной матери человека, но и матери вселенской. Верующий должен рассматривать и одну и другую с равным беспристрастием. Именно так человек очищает свой дух от своих инфантильных эмоций и обид, тогда его ум открывается непостижимому присутствию, которое существует в первую очередь не как «добро» или «зло» с точки зрения его детского комфорта, его благополучия и невзгод, но как закон и образ сущности бытия.

Священные тексты индуизма (шастры) подразделяются на четыре класса: 1) Шрути, которые считаются прямым божественным откровением; сюда входят четыре Веды (древние книги молитв) и некоторые из Упанишад (древние философские книги); 2) Смрити, которые включают традиционные учения ортодоксальных мудрецов, канонические наставления

для домашних ритуалов и некоторые трактаты относительно мирских и религиозных законов; 3) Пурана, которые в основном являются мифологическими и эмпирическими произведениями; в них затрагиваются вопросы космогонических, теологических, астрономических и физических знаний; 4) Тантра — тексты, описывающие методы и ритуалы поклонения божествам и овладения сверхчеловеческой силой. Среди Тантр есть группа особенно важных писаний (называющихся агамы), которые, как считается, были непосредственно открыты вселенским богом Шивой и его богиней Парвати (поэтому они называются «Пятой Ведой»). Они поддерживают мистическую традицию, известную, в частности, как «тантра», которая оказала значительное влияние на поздние формы индуистской и буддийской иконографии. Тантрический символизм вместе со средневековым буддизмом проник из Индии в Тибет, в Китай и Японию.

Великий индуистский мистик прошлого столетия Рамакришна (1836–1886) служил во вновь возведенном храме в честь Космической Матери в Дакшинесваре, пригороде Калькутты. Скульптурное изображение богини в храме представляло ее в двух ипостасях одновременно — в ужасной и милосердной. Ее четыре руки представляют символы ее вселенской силы: верхняя левая рука угрожающе воздета с окровавленной саблей, нижняя — схватила за волосы отрубленную человеческую голову; верхняя правая рука поднята в жесте «не бойся», нижняя — простерта в даровании благ. На шее у нее ожерелье из человеческих голов; ее юбка сделана из отрубленных человеческих рук; ее длинный язык высунут, чтобы лизать кровь. Она представляет собой Космическую Силу, всеединство вселенной, единство всех противоположностей, она парадоксальным образом сочетает в себе ужас абсолютного разрушения с безличным, и при этом материнским утешением. Воплощение изменений, река времени, поток жизни, богиня одновременно создает, сохраняет и уничтожает. Ее имя — Кали, Черная; ее титул — Проводник через Океан Бытия[30].

Однажды в тихий полдень Рамакришна увидел прекрасную женщину, которая вышла из Ганга и шла к роще, где он медитировал. Он понял, что она должна вот-вот родить. Через мгновение ребенок появился на свет, и женщина начала нежно качать его. Но вскоре облик ее стал ужасен, она схватила младенца своими, теперь страшными, челюстями и разорвала его на куски. Проглотив его, она снова вошла в Ганг и исчезла[31].

Лишь гений, способный к высочайшему пониманию, может вынести всю полноту откровения возвышенности этой богини. Для более ограниченных людей она приглушает свой блеск и являет себя в образах, которые неразвитые личности в состоянии воспринять. Увидеть ее в полном блеске было бы невыносимо для любого духовно неподготовленного человека: свидетельством чему служит несчастный случай с Актеоном, сильным и молодым мужчиной. Он не был святым, а был охотником, не готовым к откровению образа, который следует созерцать без обычных человеческих (то есть инфантильных) оттенков и подтекстов желания, удивления и страха.

Ил. 25. Кали пожирает свою жертву (деревянная скульптура). Непал, XVIII–XIX вв. н. э.

Женщина, на образном языке мифологии, представляет все, что может быть познано. Герой — это тот, кто приходит, дабы познать. Он проходит путь инициации длиною в жизнь, и по мере этого образ богини преображается для него: она никогда не может быть величественнее, чем он сам, хотя всегда может обещать большее, чем он способен на данный момент постичь. Она манит, она направляет, она наставляет его разорвать свои путы. И, если он в состоянии соответствовать ее сущности, то и он, и она, познающий и познаваемая, будут свободны от всех ограничений. Женщина является проводником к возвышенному кульминационному моменту высшего акта познания всех чувств. Низменный взор низводит ее до низшего состояния; злой невежественный взгляд превращает ее в нечто банальное и безобразное. Но взор осмысленный возвращает ей ее истинное величие. Герой, который может принять ее такой,

как она есть, без излишнего смятения, но с той сердечностью и твердостью, которых она требует, способен стать царем, воплощенным богом мира, сотворенного ею.

Так, например, есть рассказ об ирландском царе Эохаиде и его пяти сыновьях: о том, как они однажды отправились на охоту и сыновья заблудились. Изнывая от жажды, они один за другим отправились на поиски воды. Фергюс отправился первым:

> и он пришел к колодцу, который охраняла старуха. И вот каков был ее вид: от головы до ступней вся она была были чернее угля; седые патлы, что пробивались сквозь кожу головы, были как хвост дикой лошади; а серпами своих позеленевших от времени клыков, что торчали у нее изо рта и загибались назад, касаясь ушей, она могла бы срубить зеленую ветку дуба в полном соку; почерневшие и помутневшие глаза ее слезились; нос кривой, с широкими ноздрями; морщинистый, весь в пятнах, отвратительный живот; кривые, распухшие голени с массивными лодыжками, ступни широкие, угловатые колени и синюшные ногти. Старая карга была омерзительна. «Так-так...» — произнес юноша. «Именно так», — ответила она. «Значит, ты сторожишь этот колодец?» — спросил он, и она ответила: «Да». «Ты не позволишь мне набрать немного воды?» — «Позволю, — согласилась она, — только если ты поцелуешь меня». — «Ну уж нет», — сказал он. «Тогда воды не получишь». — «Клянусь, — продолжал он, — что скорее умру от жажды, чем поцелую тебя!» После чего юноша отправился туда, где остались его братья, и поведал им, что не добыл воды.

Точно так же отправлялись на поиски воды Олиол, Бриан и Фиахра и так же приходили к тому же колодцу. Каждый из них просил у старухи воды, но отказывался целовать ее.

> И наконец, когда пришла очередь Ниала отправиться за водой, он также пришел к тому самому колодцу. «Женщина, позволь мне набрать воды!» — попросил он. «Я дам тебе воды, — сказала она, — только поцелуй меня». Он ответил: «Я не только поцелую, а даже и обниму тебя!» После чего он наклонился, обнял ее и поцеловал. Когда он сделал это и посмотрел на нее, то увидел девушку, грациознее которой не было во всем мире, с лицом, прекраснее которого не было во вселенной: каждой своей частичкой, от головы до пят, она была как только что выпавший снег, лежащий на обочинах дороги; у нее были округлые и царственные плечи, длинные, тонкие пальцы и прямые ноги, радующие глаз; ее гладкие, мягкие белые ступни отделяли от земли бледно-бронзовые сандалии; на ней была просторная накидка из чистейшей шерсти малинового цвета, а в платье — брошь из белого серебра; зубы ее сверкали жемчугом, у нее были царственные глаза и алый, как ягоды рябины, рот. «Эта женщина само очарование», — сказал юноша. «Воистину так». — «Но кто же ты?» — продолжал он. «Я Королевская Власть», — ответила она и произнесла следующее:
>
> «Король Тары! Я Королевская Власть... Теперь иди к своим братьям, — продолжала она, — и возьми с собой воду; кроме того, отныне и вовеки веков ко-

> ролевство и верховная власть будут принадлежать тебе и твоим детям. И так же как вначале ты увидел меня уродливой, безобразной и отвратительной, а в конце прекрасной, — такова и королевская власть: ибо без сражений, без жестоких столкновений ее нельзя завоевать; но в конце концов тот, кто несмотря ни на что стал царем, будет благородным и справедливым»[32].

Такова королевская власть. Такова сама жизнь. Богиня, страж бездонного колодца — найдет ли ее Фергюс, или Актеон, или принц Острова Одиночества — требует, чтобы герой был наделен тем, что трубадуры и менестрели называют «милостью сердечной». Ни животное желание Актеона, ни утонченное отвращение Фергюса не могут постичь ее сущность, оценить ее способна лишь доброта: в романтической изысканной поэзии Японии X–XII столетий это называлось *aware* («милостивое участие»)...

В милостивом сердце Любовь находит пристанище,
Как птицы под сенью зеленой дубрав.
Прежде милостивого сердца природа
Не знала Любви, как и милостивого сердца — прежде Любви.
Ибо с появлением солнца тут же
И свет разливается; не могло быть
Прежде солнца рождения света.
Так и Любовь проявляется в милосердии
Самости; пусть даже
В жаре чрезмерном срединного пламени[33].

Встреча с богиней (которая живет в каждой женщине) становится последним испытанием для героя и призвана проверить, достоин ли он любви (милосердие: *amor fati*), которая есть сама жизнь, устремленная в вечность.

Когда же искатель приключения в такой ситуации не юноша, а девушка, она благодаря своим качествам, своей красоте или своему страстному желанию достойна стать супругой бессмертного. В этом случае небесный жених спускается к ней и ведет к своему ложу — независимо от ее желания. И если она избегала его, то пелена спадает с ее глаз; если она искала его, то ее желание находит удовлетворение.

Девушку из племени арапахо, которая последовала за дикобразом по выросшему до небес дереву, заманили в лагерь небесного народа. Там она стала женой небесного юноши. Именно он, в образе манящего дикобраза, завлек ее в свое небесное жилище.

Царская дочь из детской сказки на следующий день после приключения у родника услышала, как в дверь ее комнаты в замке постучали: это явился Король лягушек с требованием исполнить обещание. И, несмотря на огромное отвращение принцессы, лягушонок последовал за ней к ее креслу за столом, ел вместе с ней с ее маленькой золотой тарелочки и пил из ее чашечки и даже настоял на том, чтобы лечь спать с ней в ее маленькой шелковой постели. В гневе

принцесса схватила лягушонка и швырнула о стену. Когда тот ударился об пол, то обернулся царским сыном с добрыми и прекрасными глазами. А потом мы знаем, что они поженились и в красивой карете отправились в ожидавшее юношу царство, где они стали царем и царицей.

А когда Психея прошла все трудные испытания, сам Юпитер дал глотнуть ей элексира бессмертия; и с тех пор она навеки соединилась с Купидоном, своим возлюбленным, в раю, где царит совершенство.

Православная и Римско-католическая церкви отмечают подобное таинство праздником Успения.

«Дева Мария вознесена в брачный чертог небесный, где Царь Царей восседает на звездном престоле. О Дева Премудрая, камо грядеши, лучезарная, аки утренняя звезда? Вся Ты краса и услада Дщерь Сиона, блага яко луна, избранна яко солнце»[34].

Ил. 26. Дева Мария открывающаяся (раскрашенная деревянная скульптура). Франция, XV в.

3. Женщина как искусительница

Мистический брак с царственной богиней мира символизирует полное господство героя над жизнью; ибо женщина есть жизнь, а герой — познавший ее господин. А испытания героя, в результате которых он обрел опыт и совершил свои подвиги, символизировали те душевные испытания и пережитые кризисы, благодаря которым развивалось его сознание, пока он не стал достаточно силен, чтобы полностью обладать матерью-разрушительницей, своей суженой. В этот момент он узнает, что он и отец едины: он занимает место отца.

Если проблему описывать в такой утрированной форме, может показаться, что к интересам современного человека она не имеет никакого отношения. Но, в конечном счете, всякий раз, когда мы не способны справиться с жизненными коллизиями, это происходит в силу ограниченности нашего сознания. Войны и вспышки раздражения — это непосредственные проявления невежества; раскаяние — это запоздалое озарение. Весь смысл повсеместно распространенного мифа о пути героя заключается в том, что он должен быть примером для всех мужчин и женщин, независимо от их социального статуса. Поэтому он представлен относительно обобщенно. Человеку нужно понять, какое отношение лично к нему имеют эти обобщения, и использовать их, чтобы преодолеть сдерживающие его ограничения. Кто его великаны-людоеды? Это есть отражения его неразрешенных личных проблем. Что есть его идеалы? Это знаки того, насколько успешно он осмысливает свою жизнь.

На приеме у современного психоаналитика снова выходят на дневной свет вехи героического путешествия, отражаясь в сновидениях и иллюзиях пациента. Бездна за бездной обретают воображаемые формы, а психоаналитик выступает в роли жреца, помогающего пройти обряд инициации. И всегда странствие, такое увлекательное и яркое в начале пути, затем становится темным, жутким, внушает отвращение, а его призрачные образы вызывают страх.

Подобные сложности возникают оттого, что осознанные представления жизни редко соответствуют реальному положению вещей. Как правило, мы отказываемся признать, что и в нас, и в наших близких царит подавляющее, обороняющееся, зловонное, плотоядное, развратное нервное возбуждение, которое составляет сущность органической клетки. Мы склонны скорее все приукрашивать и истолковывать по-своему; мы всячески убеждаем себя, что все ложки дегтя в бочке меда, все волоски в супе — это просто чья-то злая воля.

Но когда мы внезапно осознаем или просто не можем более игнорировать то обстоятельство, что все, что мы думаем или делаем, неизменно несет на себе плотскую печать, то мы, как правило, испытываем отвращение: жизнь, явления жизни, органы жизни, в частности женщина как великий символ жизни — все это становится невыносимым для чистой души.

О, если б этот плотный сгусток мяса
Растаял, сгинул, изошел росой!
Иль если бы предвечный не уставил
Запрет самоубийству! Боже! Боже!

Так формулирует эту ситуацию Гамлет, восклицая:

Каким докучным, тусклым и ненужным
Мне кажется все, что ни есть на свете!
О мерзость! Это буйный сад, плодящий
Одно лишь семя; дикое и злое
В нем властвует. До этого дойти![35]

Простодушный восторг Эдипа от первого обладания царицей сменяется ужасом и нравственными страданиями, когда он узнает, кто эта женщина на самом деле. Как и Гамлета, его постоянно преследует образ отца, который воплощает для него нравственный идеал. Как и Гамлет, он отвергает радости обыденного мира и ищет во тьме иное, более высокое царство, чем то, в котором он живет, отравленное кровосмешением и изменой, где царит погрязшая в роскоши падшая мать. Стремясь к более нравственной жизни, он должен отрешиться от обыденного, отринуть искушения и подняться ввысь, в мир горний.

И многократно, ясно бог воззвал:
Эдип, Эдип, что медлишь ты идти?
И так уже ты запоздал намного![36]

Отвращение терзает день и ночь душу Эдипа-Гамлета; мир, тело и прежде всего женщина становятся уже символами не победы, а поражения. Тогда отрицающая все мирское этическая система, монашеская и пуританская, радикально и стремительно преображает образы мифа. Герой уже больше не может наслаждаться невинностью по отношению к воплощенной богине, ибо она стала царицей греха.

«До тех пор, пока человек тяготеет к этому разлагающемуся телу, — пишет индуистский монах Шанкарачарйя, —

> он нечист и страдает как от своих врагов, так и от рождения, болезни и смерти; но когда он думает о себе как о Чистом, как о сущности Добра и как о Недвижимом, он становится свободным... Преодолейте ограничения тела, инертного и развратного по своей природе. Не заботьтесь о нем больше. Ибо вещь, которую изрыгнули наружу (как вы должны были вытолкнуть наружу ваше тело), может вызвать лишь отвращение, едва лишь подумаешь о нем»[37].

Такие убеждения знакомы Западу по житиям и писаниям святых.

> Когда святой Петр увидел, что его дочь Петронилла слишком красива, он стал молить Бога, чтобы он наслал на нее лихорадку. Однажды, когда его ученики были подле него, Тит спросил: «Ты лечишь все недуги, почему ты не сделаешь так, чтобы Петронилла поднялась с постели?» И Петр ответил ему: «Потому что я доволен ее состоянием». Это никоим образом не означает, что он не мог излечить ее; ибо тут же он сказал ей: «Встань, Петронилла, и прислуживай

нам». И девушка тут же выздоровела, встала и подошла, чтобы прислужить им. Но когда она закончила работу, ее отец сказал ей: «Возвращайся в постель, Петронилла!» Она вернулась, и ее тут же охватила лихорадка. Позднее, когда она стала совершенной в своей любви к Богу, отец исцелил ее окончательно.

В ту пору благородный господин, по имени Флакк, пораженный ее красотой, пришел просить ее руки. Она ответила: «Если ты хочешь жениться на мне, то пришли девушек, чтобы они проводили меня к твоему дому». Но когда девушки прибыли, Петронилла тотчас стала поститься и молиться. Получив причастие, она снова слегла в недуге и спустя три дня отдала свою душу Богу[38].

В детстве святой Бернар Клервосский страдал от головных болей. Однажды к нему пришла молодая женщина, чтобы своими песнями облегчить его страдания. Но возмущенный ребенок выгнал ее из комнаты. И Бог вознаградил его за такое рвение; больной тут же встал со своей постели и был исцелен.

Извечный враг человека, увидев в юном Бернаре такое устремление к целомудрию, постарался расставить для него ловушки. Однако, когда однажды юноша, подстрекаемый дьяволом, все-таки задержал свой взгляд на женщине, ему вдруг стало стыдно за самого себя, и он вошел в ледяной пруд, чтобы искупить свой грех, и оставался там, пока не продрог до костей. В другой раз, когда он спал, в постель к нему легла обнаженная девушка. Бернар, заметив ее, молча отвернулся от нее, уступив таким образом ей часть своего ложа, и снова уснул. Лаская и поглаживая его некоторое время, несчастная вскоре настолько устыдилась своего поступка, несмотря на все свое бесстыдство, что вскочила с кровати и бежала, полная отвращения к самой себе и восхищения перед юношей.

И однажды, когда Бернар вместе со своими друзьями гостил у одной богатой госпожи, она, увидев его красоту, воспылала страстью к нему. Ночью она поднялась со своего ложа и легла рядом с гостем. Но он тотчас, как почувствовал кого-то рядом с собой, начал кричать: «Воры! Грабят!». После чего женщина сразу же убежала, весь дом поднялся на ноги, зажгли фонари, и все бросились на поиски грабителя. Но так как никого не нашли, все вернулись в свои постели и уснули, кроме той самой госпожи, которая, будучи не в силах сомкнуть глаза, снова поднялась и скользнула в постель к своему гостю. Бернар опять стал кричать: «Воры!». И снова поднялся крик, и начались поиски. И даже после этого хозяйка дома в третий раз предприняла попытку и вновь была отвергнута; после чего она наконец отказалась от своей порочной затеи, либо испугавшись, либо осознав, что продолжать все это бесполезно. На следующий день в дороге спутники Бернара спросили его, почему ночью ему так навязчиво снились воры. И он ответил: «Мне действительно пришлось отражать нападения вора; ибо хозяйка пыталась лишить меня сокровища, потеряв которое, я бы уже никогда не обрел его вновь».

Все это убедило Бернара в том, что жить рядом со змеей опасно. Поэтому он решил уйти от мира и вступить в монашеский орден цистерцианцев[39].

Но и монастырские стены и уединение в пустыни не могут защитить от женского присутствия; ибо до тех, пор пока плоть отшельника облекает его кости и полна жизни, мирские образы всегда готовы смутить его. Святого Антония, который предавался аскезе близ египетских Фив, смущали сладострастные галлюцинации демонов-искусителей, которые, узнав о том, что он

пребывал в уединении, слетелись к нему. Видения такого рода, с чреслами неотразимой привлекательности и манящими персями, на протяжении всей истории монашества смущали отшельников в их пристанищах. «Ah! bel ermite! bel ermite! Si tu posais ton doigt sur mon epaule, ce serait comme une trainee de feu dans tes veines. La possession de la moindre place de mon corps t'emplira d'une joie plus véhemente que la conquête d'un empire. Avance tes lévres...»*[40]

Вот что пишет Коттон Мадер из Новой Англии:

> «Пустыня, через которую мы идем в Землю Обетованную, полна Огненных летающих змеев. Но, слава Богу, ни одному из них пока еще не удалось окончательно сбить нас с пути! Весь наш путь к Небесам лежит мимо *Логова Львов* и *Леопардовых Гор*; наш путь преграждают сонмища Дьяволов... Мы сирые и убогие странники в мире, который стал Полем Дьявола или Дьявольским *Острогом,* где каждый Укромный уголок есть прибежище Дьявола с сущей Бандой Разбойников, готовых наброситься на всякого, кто обращен своим ликом к Сиону»[41].

4. Примирение с отцом

«Тетива Божьего Гнева натянута, и Лук готов выпустить Стрелу; Правосудие нацеливает Стрелу в ваше Сердце и натягивает Тетиву; и нет ничего, кроме Соизволения Господа, Гнев Господний, — и никаких Обещаний и Обязательств, ничего, что бы удержало эту Стрелу за Миг от того, как хлынет из жил ваша Кровь...»

Эти слова Джонатана Эдвардса вселяли ужас в сердца его прихожан в Новой Англии, без прикрас раскрывая перед ними жуткий лик Отца. Проповедь была призвана пригвоздить их к скамьям жуткими картинами мифологического суда божьего; ибо хотя пуританство не допускало образов рукотворных, оно не ограничивало себя в образах словесных.

> — Гнев Божий, — вещал Эдвардс, — подобен великим Водам, пока еще сдерживаемым; но их собирается все больше и больше, они поднимаются все выше и выше, пока им не будет дан Выход; и чем дольше сдерживается Поток, тем стремительнее и сильнее хлынут его Воды, если наконец дать ему волю. Воистину Правосудие над вашими порочными Деяниями еще не свершилось; Потоки Возмездия Божьего сдерживаемы; но Вина ваша со Временем непрестанно растет, и каждый День вы навлекаете на себя все больший Гнев Его; Воды непрестанно поднимаются и прибывают; и нет ничего, кроме Соизволенья Господнего, что бы сдерживало эти Воды, не поддающиеся усмирению и с силой

* Суккуб в облике богини Шебы: «О милый отшельник, милый отшельник! Если бы ты лишь пальцем коснулся моего плеча, то огонь загорелся бы в твоих венах. Только слегка коснись меня, и тебя охватит такое блаженство, по сравнению с которым обладание вселенной покажется тебе лишь малостью. Приблизь ко мне свои губы...» (перевод с фр.). — *Примеч. ред. оригинала.*

> рвущиеся вперед; и стоит Господу лишь убрать свою Руку от преграждающих путь этим Водам Врат, как они тут же отворятся, и огненные Потоки Неудержимого Гнева Господнего ринутся вперед с немыслимой Яростью и падут на вас со всемогущей Силой; и будь Сила ваша в Десять Тысяч Раз более, чем теперь, да и в Десять Тысяч Раз сильнее Силы самого упорного, несокрушимого Дьявола в Аду, то и тогда ничто не поможет вам противостоять и вынести Гнев Божий...

Пригрозив гневом водной стихии, пастор Джонатан далее обращается к геенне огненной.

> Для Бога, что держит вас над Преисподней Ада, как держат Паука или другое мерзкое Насекомое над Огнем, вы ненавистны и достойны страшного гнева; его Гнев, обращенный к вам, пылает подобно Огню, он видит в вас исчадия, достойные лишь быть брошенными в Огонь; его Очи настолько чисты, что не могут вынести вашего вида; в его Очах вы в Десять Тысяч Раз отвратительнее самой отвратной, в наших глазах, ядовитой Змеи. Вы согрешили против него бесконечно больше, чем любой упрямый Бунтовщик против своего Господина; и все же каждое Мгновение ничто, кроме его Руки, не удерживает вас от падения в Огонь...
>
> О Грешник!.. Ты висишь на тонкой нити, вокруг которой сверкают вспышки Пламени Гнева Господнего, в каждую Секунду готового оборвать ее, объяв огнем; и никакой Заступник вам не поможет, и не за что вам ухватиться, чтобы спасти себя; нет ничего, что могло бы удержать вас от Геенны Огненной, — ничего вам присущего, ничего из того, что вы когда-либо свершите, ничего из того, что вы могли бы свершить, — ничего, что бы побудило Господа подарить вам одно лишь Мгновение...

А теперь, наконец, как спасение предлагается картина второго рождения — однако лишь на мгновение:

> Так все вы, никогда не испытавшие великой Перемены в Сердцах своих от действия могучей Силы Духа ГОСПОДНЕГО на ваши души, все, не рожденные заново и не ставшие новыми Существами и не восставшие из смерти в Грехе к Обновлению и к прежде никогда не испытанному Свету и Жизни (как бы вы ни исправляли свою Жизнь во множественных Вещах, какие бы набожные Чувства вы ни питали, какую бы Форму Религии вы ни исповедовали в Семьях своих и в Уединении и в Храме Господнем и как бы строго ее ни придерживались), — все вы в Руках разгневанного Бога; ничто, кроме одного его Соизволения, не удерживает вас от того, чтобы сию же Секунду и на веки вечные Низвергнуты будете[42].

«Одно лишь соизволение Бога», что оберегает грешника от стрелы, потопа и огня, в традиционной фразеологии христианства называется «милосердием» Божьим, а «могучая сила духа Господа», которая изменяет душу — это «милость» Божья. В мифических образах, как правило, милосердие и милость представлены так же ярко, как справедливость и гнев, и таким образом сохраняется равновесие, и сердце скорее ощущает поддержку, чем карается на сво-

ем пути. «Не бойтесь!» — гласит жест руки бога Шивы, исполняющего перед поклоняющимися ему танец вселенского разрушения. «Не бойтесь, ибо все благополучно пребывает в Боге. Формы, что приходят и уходят, — одной из которых и есть ваше тело — это мелькание моих конечностей в танце. Узнавайте Меня во всем, и чего вам тогда бояться?» Магия священных таинств (воплощенных в Страстях Господних или медитациях Будды), оберегающая сила примитивных амулетов и талисманов и сверхъестественные помощники мифов и сказок всех народов мира — все это заверения человечества в том, что стрела, огонь и потоп не так жестоки, как кажутся.

Ил. 27. Сотворение мира (деталь фрески). Италия, 1508–1812 г.

Ибо жуткий лик отца, наводящий на воспоминания о людоеде, является отражением эго его жертвы — берущим свое начало в переживаниях детства, оставшихся в прошлом, но спроецированным в будущее; и сила фиксации, заключенная в этом поклонении идолам из педагогических соображений, это уже нечто неправедное, оно заставляет человека чувствовать себя грешником, и таким образом удерживает дух, устремленный к взрослению, от более уравновешенного и реалистичного взгляда и на отца, и на мир в целом. Примирение с ним (по-английски «примирение» (atonement) можно разбить на отдельные слоги и получится at-one-ment = стать единым целым, одним. — *Примеч. пер.*) — это просто отказ от двойного монстра, которого мы сами и породили; оно не более, чем дракон, которого приняли за Бога (супер-эго), и всего лишь дракон, символизирующий грех, подавляемое Ид. Но тогда нужно отрешиться от привязанности к самому Эго, и это сложнее всего. Человек должен верить, что отец милосерден, и полагаться на это милосердие. И тогда центр веры переносится за пределы заколдованного круга, где представления о Боге скупы и ограниченны, и тогда жуткие великаны-людоеды исчезают.

Ил. 28. Шива, бог Космического Танца (литая бронза). Индия, X–XII в. н. э.

Символизм этого выразительного образа был подробно разъяснен Кумарасвами[43] и Циммером[44]. В вытянутой правой руке он держит барабан, его удары — это пульс времени, а время — это главный принцип созидания; в его простертой левой руке горит пламя гибели сотворенного мира; вторая правая рука обращена к нам в жесте «не бойся», а вторая левая рука, указывает на поднятую левую ногу, находясь в положении, символизирующем «слона», «прокладывающего дорогу через джунгли мира», то есть божественного проводника; правая нога попирает спину карлика, демона «Неведения», обозначающего переход душ от бога в материю, а левая нога поднята, обозначая освобождение души: на левую ногу указывает «рука — слон», и представляет она основание утверждения «Не бойся». Голова бога уравновешена, безмятежна и спокойна посреди динамизма созидания и разрушения, который символизируется раскачивающимися руками и ритмом медленного притопывания правой ноги. Это означает, что в центре все спокойно. Правая серьга Шивы мужская, левая — женская; ибо бог включает в себя и находится выше любой пары противоположностей. Выражение лица Шивы не печальное и не радостное, а является ликом Непоколебимой Движущей Силы, пребывающей вне мирской радости и боли, которая при этом присутствует в них. Ниспадающие локоны, длинные и растрепанные, как подобает индийскому йогу, разметались в танце жизни; ибо то, что составляет сущность радостей и горестей жизни и что обретается посредством углубленной медитации суть два аспекта одного и того же универсального, не-двойственного триединства Сатчитананда Бытие-Знание-Блаженство (*sat-cit-ānanda*). Браслеты Шивы, кольца на запястьях и лодыжках и брахманская нить сделаны из живых змей[45]. Это означает, что он прекрасен благодаря силе Змеи — таинственной созидательной энергии бога, которая является материальным и формальным источником и его собственного бытия, и бытия вселенной со всеми ее существами. В волосах Шивы мы видим череп, символизирующий смерть, на лбу — украшение Властелина Разрушения, а также полумесяц, символизирующий рождение и умножение, которые символизируют его блага для этого мира. В его волосах распустился цветок дурмана — растения, из которого готовят опьяняющий напиток (сравните с вином Диониса и церковным вином для причастия). В его локонах скрыт образ богини Ганга, ибо именно на его голову ниспадает с небес божественный Ганг, откуда несущие жизнь и спасение воды потом мягко разливаются по земле и служат для физического и духовного возрождения человечества. Позу танцующего бога можно рассматривать как символизирующую слог начальной мантры Ом ॐ — вербальный эквивалент четырех состояний сознания и их сфер восприятия, где звук А — сознание в состоянии бодрствования, У — сознание в состоянии сна, М — сон без сновидений, безмолвие вокруг священного слога — Неявленное Трансцендентное[46]. Таким образом, бог пребывает и в самом верующем, и вне его.

Эта танцующая фигура иллюстрирует смысл и предназначение рукотворного образа и показывает, почему верующим, приходившим к этому скульптурному изваянию, не нужны были долгие проповеди. Каждый мог вникнуть в смысл божественного символа в глубокой тишине и в подходящее для него время. Кроме того, такие же браслеты, как на руках и лодыжках бога, носят и его поклонники, и означают они то же, что и браслеты бога. Они сделаны из золота, тогда как у бога — это змеи, золото — металл, не подверженный коррозии — символизирует бессмертие, бессмертие является таинственной созидательной энергией бога, красоту тела.

Множество других деталей и местных обычаев похожим образом повторяются, интерпретируются и наделяются глубоким смыслом в образе скульптур, изображающих богов. Так все, что встречается в жизни, становится материалом для медитации. Человек постоянно погружен в безмолвную молитву.

Именно в таких испытаниях герой обретает надежду и получает поддержку от женщины, ее советы или чары защищают его от разрушительных действий отцовской инициации, угрожающих стереть его в порошок. Ведь если лик отца внушает такой ужас, что поверить в него невозможно, тогда нужно верить в кого-то еще: в Женщину-Паука, в Благословенную мать; и с ее помощью пережить кризис, который в конечном итоге приводит к осознанию того, что отец и мать есть отражение друг друга и по существу представляют собой единое целое.

Когда воинственные боги-близнецы навахо покинули жилище Женщины-Паука и благодаря ее совету и оберегающим талисманам благополучно миновали опасные сталкивающиеся скалы, тростник, что режет на куски, кактусы, что разрывают на части, и зыбучие пески, они наконец пришли к дому их отца Солнца. Дверь охраняли два медведя, они встали на дыбы и зарычали; но мальчики произнесли слова, которым их научила Женщина-Паук, и звери улеглись на землю. Потом на Близнецов напали две змеи, потом им угрожали ветры, потом молнии: стражи последнего порога*. Однако всех их легко успокоили слова заклинания.

Дом Солнца, выстроенный из бирюзы, огромный и квадратный в основании, стоял на берегу бурного потока. Мальчики вошли в него и увидели женщину, сидящую у западной стены, двух красивых юношей — у южной и двух красивых девушек — у северной. Девушки, не говоря ни слова, поднялись, окутали новоприбывших четырьмя небесными покрывалами и уложили их на полати, мальчики спокойно лежали, пока трещотка, висевшая над дверью, не простучала четыре раза, и одна из девушек сказала: «Идет наш отец».

Тот, кто носит солнце, вошел в свой дом, снял со своей спины солнце и повесил его на крючок на западной стене комнаты, где оно некоторое время раскачивалось, позвякивая «тла-тла-тла-тла». Он повернулся к старшей женщине

---

* Сравните рубежи, которые легко преодолела Инанна.

и гневно спросил: «Кто эти двое, что вошли сюда сегодня?» Но женщина не ответила. Юноши и девушки лишь молча глядели друг на друга. Носитель солнца еще четыре раза задавал свой вопрос, тогда женщина наконец промолвила: «Ты бы лучше попридержал язык. Двое юношей пришли сюда сегодня в поисках своего отца. Ты же говорил мне, что ни к кому не заходишь, когда покидаешь дом, и что у тебя не было другой женщины, кроме меня. Тогда чьи же это сыновья?» Она указала на покрывала, и дети многозначительно глянули друг на друга.

Носящий солнце развернул все четыре покрывала (одеяния рассвета, голубого неба, желтого вечернего света и тьмы), и мальчики упали на пол. Он тут же схватил их и в ярости швырнул на огромные острые шипы белой раковины, что лежала у восточной стены. Мальчики крепко ухватились за свои перья жизни и отскочили назад. Тогда он швырнул их на острые выступы из бирюзы на южной стене, затем на желтый гелиотис на западе и на черную скалу на севере. Мальчики каждый раз крепко хватались за свои перья жизни и отскакивали обратно. «Вот было бы хорошо, — сказал Отец Солнце, — чтобы они действительно были моими детьми».

Затем жуткий отец попробовал обварить мальчиков паром в бане. Но им помогли ветры, которые защитили от пара один уголок, где дети смогли спрятаться. «Да, это мои дети», — сказал Отец Солнце, когда они вышли, но это была лишь его уловка, ибо он все еще намеревался уличить их во лжи. Последним испытанием явилась курительная трубка, набитая ядом. Покрытая колючими волосками гусеница предупредила мальчиков и дала им положить что-то себе в рот. Они курили трубку безо всякого вреда для себя, передавая ее друг другу, до тех пор пока не выкурили до конца. Они даже сказали, что она пришлась им по вкусу. Отец Солнце испытал гордость за них. Он был совершенно доволен. «А теперь, дети мои, — спросил он, — что вы хотите от меня? Зачем вы искали меня?» Так герои-близнецы завоевали полное доверие Солнца, своего отца[47].

Отец, так осторожно и неохотно принимающий в своем доме лишь тех, кто прошел испытания, напоминает известный греческий миф о неудаче юного Фаэтона. Фаэтона родила в Эфиопии дева, товарищи донимали его вопросами об отце, и он отправился через Персию и Индию в поисках дворца Солнца; ибо мать сказала ему, что его отец Феб — бог, правящий солнечной колесницей.

«Дворец Солнца поднимался в небо на высоких колоннах, сверкавших золотом и бронзой, они горели как огонь. На верху фронтона светилась слоновая кость; двойные раздвижные двери сияли отполированным до блеска серебром. А тончайшая отделка была еще прекраснее, чем драгоценности, из которых была сделана».

Поднявшись по крутой лестнице, Фаэтон вошел во дворец. Там он увидел Феба, который восседал на изумрудном троне в окружении Часов и Времен Года, а также Дня, Месяца, Года и Столетия. Отважному юноше пришлось остановиться у порога, ибо его глаза смертного не могли вынести такого сияния; но отец ласково заговорил с ним из другого конца зала.

Ил. 29. Падение Фаэтона (пергамент, чернила). Италия, 1533 г.

«Зачем ты пришел? — спросил отец. — Чего ты хочешь, о Фаэтон, сын, которым может гордиться любой отец?»

Юноша почтительно ответил: «О мой отец (если дозволяешь мне так называть тебя), о Феб! Свет всего мира! Прошу тебя о доказательстве, мой отец, благодаря которому все могли бы знать, что я твой родной сын».

Великий бог отложил свою сверкающую корону и попросил юношу приблизиться. Он заключил его в свои объятия и затем пообещал, скрепив свое обещание клятвой, что любое желание юноши будет удовлетворено.

Фаэтон пожелал, чтобы отец разрешил ему взять на один день свою колесницу с крылатыми лошадьми и позволил самому покататься на ней. «Такая просьба, — сказал отец, — говорит о том, что мое обещание было опрометчивым». Отстранив от себя юношу, он попытался отговорить его. «В своем неведении ты просишь о том, что не может быть дано даже богам, — сказал он. — Каждый бог волен поступать по своему желанию, но никто, кроме меня, не может занять мое место в моей огненной колеснице; даже сам Зевс».

Так убеждал его Феб. Но Фаэтон настаивал на своем. Отец не мог нарушить свою клятву, и все медлил, но в конце концов уступил и привел своего упрямого сына к удивительной колеснице: ее оси и дышло были золотыми, ее колеса с серебряными спицами украшены золотом. Хомут был отделан драгоценными камнями и хризолитами. Часы уже выводили четверку пышущих огнем и насытившихся божественной пищей лошадей из высоких стойл. Они надели на них звенящие уздечки; огромные животные били копытами по загону. Феб смазал лицо Фаэтона особой мазью, чтобы защитить его от огня, а затем надел на его голову сияющую корону.

> «Послушай меня хотя бы, — советовал ему бог, — не хлещи коней с кнутом и крепко держись за поводья. Кони сами достаточно быстро бегут. И не следуй прямой дорогой через пять поясов неба, а сверни у развилки влево — следы моих колес будут ясно видны тебе. Кроме того, чтобы небеса и земля прогревались одинаково, не поднимайся слишком высоко и не опускайся слишком низко; ибо если ты поднимешься слишком высоко, то опалишь небо, а если опустишься слишком низко, то подожжешь землю. Самый безопасный путь посередине.
>
> Но поспеши! Ибо пока я говорил, прохладная Ночь уж достигла своей цели на западном берегу. Нас зовут. Смотри, алеет рассвет. Мальчик мой, пусть лучше Фортуна помогает тебе и правит тобою там, где тебе будет трудно. Вот, держи поводья».

Богиня моря Тетис открыла заграждение, и лошади резко рванули с места; разбивая своими копытами тучи, разгоняя своими крыльями воздух, быстрее ветра, что поднимались в той же восточной части. И тут же — ибо колесница была слишком легка без своего привычного веса — повозку начало раскачивать, как корабль без балласта, бросаемый волнами. Охваченный ужасом возничий забыл о поводьях и уже не обращал никакого внимания на дорогу. Дико взметнувшись вверх, упряжка задела небесный свод, потревожив самые далекие созвездия. Большая и Малая Медведицы опалились. Змея, лежавшая свернувшись кольцом вокруг полярных звезд, разогрелась и с поднявшимся жаром рассвирепела. Волопас, бросив свой плуг, бежал. Скорпион стал бить своим хвостом.

А далее, после того как колесница, сталкиваясь со звездами, некоторое время неслась по бескрайним небесным путям, она низверглась к облакам у самой земли; и Луна в изумлении увидела лошадей своего брата, мчащихся ниже ее собственной колесницы. Облака превратились в пар. Земля вспыхнула пла-

менем. Горы запылали; стены городов обрушились; народы превратились в пепел. Это было время, когда народ Эфиопии почернел; ибо от жара кровь прилила к поверхности их тел. Ливия превратилась в пустыню. Нил в ужасе бежал на край земли и спрятал там свою голову, где она скрыта и поныне.

Мать Земля, прикрывая рукой свои опаленные брови, задыхаясь от горячего дыма, громким голосом призвала Юпитера, отца всего сущего, и стала просить его спасти мир. «Взгляни вокруг! — закричала она ему. — Небо от полюса до полюса в дыму. Великий Юпитер, если погибнет море, и земля, и все сферы небесные, тогда мы снова окажемся в хаосе начала! Подумай! Подумай об опасности, грозящей нашей вселенной! Спаси от пламени то, что еще осталось!»

Юпитер, Всемогущий Отец, призвал в свидетели богов, что если быстро не предпринять меры, то все будет потеряно. После чего он поспешил к зениту, взял в свою правую руку молнию и метнул ее из-за спины. Повозка разлетелась; охваченные ужасом лошади вырвались на свободу; Фаэтон с охваченными пламенем волосами, подобно метеору, полетел вниз. И его горящее тело упало в реку По.

И Наяды той земли поместили его тело в гробницу, на которой была начертана следующая эпитафия:

Здесь погребен Фаэтон, колесницы отцовской возница.
Пусть ее не сдержал, но, дерзнув на великое, пал он[48].

Эта история о родительском попустительстве иллюстрирует античное представление о том, что, когда силы жизни оказываются в руках недостаточно подготовленных, это влечет за собой хаос. Когда ребенок отрывается от материнской груди, идиллия заканчивается, и он попадает в мир взрослых поступков, с духовной точки зрения он переходит в мир отца, который указывает своему сына его предназначение, а для дочери становится прообразом ее будущего мужа. Известно ему это или нет, независимо от его положения в обществе, отец — это жрец, проводящий обряд инициации, с помощью которого молодые вступают в больший мир. И подобно тому, как ранее мать создавала представления о «добре» и «зле», так теперь эту роль берет на себя отец, но только сложность в том, что в картине мира появляется новый элемент — соперничество: сына с отцом *за господство во вселенной* и дочери с матерью за то, чтобы быть этим *завоеванным миром*.

Традиционно инициация заключается в приобщении к приемам, обязанностям и прерогативам своего призвания, при этом эмоциональное отношение к родительским образам подвергается переосмыслению. Мистагог (отец или фигура его замещающая) доверял принадлежащее ему по праву только сыну, который действительно достиг очищения от изживших себя инфантильных катексисов (κάθεξις — термин из области психоанализа, обозначающий интенсивность проявления психических процессов и направленность психической энергии личности. — *Примеч. пер.*), которому бессознательное, сознательное и, возможно, логически обоснованное стремление с возвеличиванию

самого себя уже не помешает справедливо, бесстрастно использовать обретенные силы. В идеале посвященный человек отказывается от обычной человеческой сущности и становится носителем беспристрастной космической силы. Он рождается дважды: он сам становится отцом, обретая его силу. И поэтому он сам теперь может проводить обряд инициации, быть проводником, солнечной дверью, через которую человек может пройти от инфантильных иллюзий «добра» и «зла» к восприятию величия законов вселенной, очиститься от надежды и страха, обрести покой, постигнуть откровения бытия.

«Однажды мне приснилось, — рассказывает маленький мальчик, — что меня взяли в плен пушечные ядра [*sic*]. Они подпрыгивали и кричали. Я с удивлением понял, что нахожусь в гостиной своего дома. Горел огонь, а над ним котел, полный кипящей воды. Они бросили меня в него, и время от времени появлялся повар, который тыкал в меня вилкой, проверяя, сварился я или нет. Затем он вытащил меня из котла и отдал хозяину, который собирался откусить от меня кусочек, и тут я проснулся»[49].

— Мне приснилось, что я сижу за столом со своей женой, — рассказывает воспитанный, культурный джентльмен, —

> во время еды я протягиваю руку через стол, беру нашего второго ребенка, младенца, и как ни в чем не бывало начинаю засовывать его в зеленую супницу с каким-то горячим бульоном; потом вынимаю его оттуда, и он напоминает только что приготовленное куриное фрикасе.
>
> Я кладу это кушанье на доску для нарезания хлеба и разрезаю его своим ножом. Когда мы съели почти все, за исключением маленького, как куриный желудок, кусочка, я с беспокойством смотрю на жену и спрашиваю: «Ты уверена, что именно этого хотела от меня? Ты хотела съесть его на ужин?»
>
> Она, хмыкнув, ответила: «Раз уж он так вкусно сварился, что ж поделаешь». Я доедал последний кусочек и тут проснулся[50].

Этот архетипный кошмар отца-людоеда встречается в испытаниях инициации примитивных племен. Как мы уже видели, мальчиков австралийского племени мурнгинов вначале сильно пугают, вынуждая их убегать к своим матерям. Великий Змей Отец требует их крайнюю плоть, и женщины стараются защитить их. Звучит устрашающий рог, называемый Йурлунггур, что означает зов Великого Змея Отца, который вылез из своей норы. Когда мужчины приходят за мальчиками, женщины хватают копья и делают вид, что не только сражаются, но также плачут и причитают, так как малыши будут отняты у них и «съедены». Треугольная площадка, где танцуют мужчины, символизирует тело Великого Змея Отца. На ней в течение многих ночей мальчикам показывают многочисленные танцы, символизирующие различных тотемных предков, и учат мифам, объясняющим существующий мировой порядок. Их также отправляют в длительное путешествие к соседним и далеким кланам, имитирующее мифологические блуждания фаллических предков[51].Таким символическим образом, «в утробе» Великого Змея Отца они попадают в новую увле-

кательную реальность и знакомятся с ней, и это компенсирует для них потерю матери; теперь центральной точкой (*axis mundi*) воображения вместо женской груди становится мужской фаллос.

Кульминацией посвящения одного обряда за другим является освобождение героя-пениса мальчика от защиты его крайней плоти, посредством пугающего и болезненного нападения на него мужчины, выполняющего обрезание.

«Именно отец (тот, кто выполняет обряд обрезания) отрывает ребенка от матери, — указывает доктор Рохейм. — На самом деле от ребенка отрезают мать… Крайняя плоть — это место, которое ребенок занимал рядом с ней»[52].

Интересно, что ритуал обрезания сохранился до наших дней у иудеев и мусульман, в культурах, где женское начало считается нечистым и всячески изолируется в соответствии с официальной монотеистической религией. «Господь не простит греха от того, что поклоняются другим богам вместе с ним, — читаем мы в Коране. — Язычники, не признающие Аллаха, поклоняются женским божествам»[53].

У племени арунта, например, со всех сторон звучат трещотки, когда наступает момент этого решающего разрыва с прошлым. Ночью, в причудливых отблесках пламени костра внезапно появляется совершающий обрезание и его помощник. Шум трещоток — это голос великого духа церемонии, а пара мужчин, совершающих обрезание, — это его воплощения. С бородами, засунутыми в рот, что означает гнев, с широко расставленными ногами и вытянутыми вперед руками двое мужчин стоят совершенно неподвижно. Тот, кто будет проводить обрезание, стоит впереди с маленьким кремниевым ножом в правой руке, которым будет оперировать. Его помощник стоит сразу же за ним, так что их тела соприкасаются друг с другом. Затем в свете костра приближается другой мужчина, удерживая щит на своей голове и одновременно щелкая большим и указательным пальцами обеих рук. Трещотки страшно шумят, звук слышен даже женщинам и детям вдали от места проведения обряда. Мужчина со щитом на голове опускается на одно колено немного впереди оперирующего, и тут же одного из мальчиков поднимают с земли несколько его дядьев, которые подносят его ногами вперед к щиту и помещают сверху на него, в то время как все мужчины глубокими громкими голосами повторяют нараспев монотонный речитатив. Операция проходит быстро, страшные фигуры тут же покидают освещенное место, бесчувственного мальчика передают другим мужчинам, по отношению к которым он теперь станет равным, и они поздравляют его. «Ты молодец, — говорят они, — ты не кричал»[54].

Мифология австралийских туземцев свидетельствует о том, что в ранних обрядах инициации юношей убивали[55]. Таким образом, видно, что, кроме всего прочего, этот ритуал является театрализированным выражением агрессии старшего поколения в эдиповском преломлении; а обрезание — смягченной

формой кастрации[56]. Но эти обряды также удовлетворяют каннибалический отцеубийственный импульс подрастающей группы мужчин и в то же самое время открывают милосердный акт самопожертвования архетипного отца; потому что в течение длительного периода символического посвящения инициируемых некоторое время заставляют питаться только свежей кровью, взятой у старших мужчин.

«Туземцы, — как нам рассказывали, — особенный интерес проявляют к христианскому обряду причастия и, услышав о нем от миссионеров, сравнивают его со своими собственными обрядами принятия крови»[57].

«Вечером приходят мужчины и занимают свои места согласно обычаю этого племени. Мальчик кладет голову на колени своего отца. Он должен лежать совершенно неподвижно, иначе умрет. Отец закрывает ему глаза ладонями, ибо считается, что если мальчик увидит то, что будет происходить, умрут его *отец и мать*. Сосуд из дерева или коры ставится рядом с одним из братьев матери мальчика. Мужчина, легко перетянув свою руку, протыкает ее в верхней части костью из носа и держит руку над сосудом до тех пор, пока в нем не наберется небольшое количество крови. Затем свою руку протыкает мужчина, сидящий рядом с ним, и так далее до тех пор, пока сосуд не наполнится. Он может вмещать около двух кварт*.

Мальчик делает большой глоток крови. На тот случай, если его желудок не примет ее, отец мальчика держит его за горло, чтобы не дать ему извергнуть кровь, потому что, если это случится, *умрут его отец, мать и все братья и сестры*. Остаток крови выливается на него.

Далее, начиная с этого времени, иногда в течение целого месяца, мальчику не разрешается принимать никакой иной пищи, кроме человеческой крови. Этот закон установил Йамминга, мифический предок... Иногда крови в сосуде дают застыть, и тогда опекун своей костью из носа разрезает ее на куски, и мальчик ест их, в первую очередь, придерживая за концы. Кровь должна быть разделена на равные куски, иначе мальчик умрет»[58].

Часто мужчины, отдающие свою кровь, теряют сознание и находятся в коме от потери крови в течение часа или более[59]. «В былые времена, — пишет другой исследователь, — эту кровь (которую ритуально пили новообращенные) брали от человека, которого специально убивали для этой церемонии, а части его тела съедали»[60]. «Здесь, — комментирует доктор Рохейм, — мы подходим как никогда близко к ритуальному представлению убийства и поедания первичного отца».

В одном известном случае два мальчика не послушались и посмотрели вверх во время обряда. «Тогда к ним шагнули старики с ножами в руках. Они склонились над мальчиками и вскрыли им вены. Хлынула кровь, и окружавшие их мужчины пронзительно закричали. Мальчики

* Кварта в Англии равна 1,14 л; в Америке — 0,95 л. — *Примеч. пер.*

испустили дух. Старые wirreenuns (шаманы) обмакнули каменные церемониальные ножи в кровь убитых и все присутствующие пригубили ее… Тела этих жертв изжарили на костре. Каждый участник церемонии пяти Бура отведал их приготовленной плоти. Другим было запрещено это видеть[61].

Какими бы варварскими ни казались нам обряды обнаженных австралийских аборигенов, их символические церемонии, несомненно, представляют сохранившуюся до нынешних времен невероятно древнюю систему духовного просвещения, широко распространенные свидетельства которой можно встретить не только во всех частях света и островах Индийского океана, а также в памятниках древних центров цивилизации, к которой мы склонны причислять себя. Что именно было известно древним людям, по опубликованным материалам наших западных исследователей судить сложно. Но из сравнения деталей австралийского ритуала со знакомыми нам в культурах более высокоразвитых, можно судить, что и вечные темы, и вечные архетипы, и их воздействие на душу все те же.

Рекомендуем обратиться к труду Джона Лейярда[62], в котором подробно описана обнаруженная в современной Меланезии удивительно сохранившаяся символическая система, по сути своей идентичная египетско-вавилонским и трояно-критским «комплексам лабиринтов» II тысячелетия до н. э. У. Ф. Дж. Найт в своей книге обсуждал явное сходство «путешествия в потусторонний мир» у малекула и классическое нисхождение в подземный мир Энея и вавилонянина Гильгамеша[63]. У. Дж. Перри полагал, что свидетельства этой общности культур можно обнаружить на всем пространстве культуры, от Египта и Шумера до островов Океании и до Северной Америки[64]. Многие ученые указывали на близкое соответствие деталей классических греческих и примитивных австралийских обрядов инициации, особенно Джейн Харрисон[65].

До сих пор неясно, каким образом и в какие времена мифологические и культурные формы различных архаичных цивилизаций могли распространиться в самые отдаленные уголки земли; однако с уверенностью можно заявить, что лишь немногие (если вообще таковые найдутся) из так называемых «примитивных культур», когда-либо изучавшихся нашими антропологами, имеют аборигенное происхождение. Как правило, это или местная адаптация, или локальная вырожденная форма и невероятно древняя «окаменелость» обычаев, родившихся в совершенно иных странах, часто в намного более сложных обстоятельствах, и у других рас[66].

Приди, о Дифирамб,
Войди в мое мужское лоно[67].

Этот призыв Зевса Громовержца, обращенный к своему сыну Дионису, звучит лейтмотивом во всех греческих мистериях, повествующих об инициирующем втором рождении. «И громкие крики взревели к тому же откуда-то от невиданных, страшных видений и из барабана, как будто из подземного грома в воздухе, преисполненном ужасом, родился образ»[68]. Само по себе слово «дифирамб» в качестве эпитета смерти и воскресения Диониса понималось греками как «некто из двойной двери», то есть тот, кто пережил достойное благоговения чудо второго рождения. И нам известно, что хоровые песни (дифирамбы) и мрачные, кровавые обряды в честь этого бога — ассоциировавшиеся с возрождением растения, возрождением луны, возрождением солнца, возрождением души, которые совершались в сезон воскрешения года и, стало быть, воскрешения бога — это обряды, которые стали основой аттической трагедии. На протяжении всего античного периода такие широко распространенные обряды и мифы, как смерть и воскрешение Таммуза, Адониса, Митры, Вирбия, Аттиса, Осириса и различных животных, олицетворявших их (козлов и овец, быков, свиней, лошадей, рыб и птиц), хорошо известны всем, обратившимся к сравнительному анализу религии; популярные карнавальные празднества — вроде Зеленой Троицы, чествования Джона Ячменного Зерна, Проводов Зимы, Встречи Лета и Умерщвления Рождественского Крапивника — продолжают эту традицию в атмосфере веселья уже в наше время[69]; они проникли в христианскую церковь (в мифологии Падения и Искупления, Распятия и Воскресения, «второго рождения» крещения, символического удара по щеке во время конфирмации, символического причастия Кровью и Плотью) и в ее ритуалы, с помощью которых мы торжественно и зачастую эффективно воссоединяемся с древними образами силы, получаемой человеком при инициации, и с самых первых дней своего существования на земле человек с их таинственной помощью преодолевал ужас перед окружающим миром, достигая способности узреть бессмертное бытие, которое преображало все вокруг. «Ибо, если кровь тельцов и козлов и пепел телицы чрез окропление освящает оскверненных, дабы чисто было тело, то кольми паче Кровь Христа, Который Духом Святым принес Себя непорочного Богу, очистит совесть нашу от мертвых дел, для служения Богу живому и истинному!»[70]

У племени басумбва в Восточной Африке есть легенда о мужчине, которому явился мертвый отец, гнавший скот Смерти. Он провел сына по дороге, что вела под землю, в огромную нору. Они пришли к просторному месту, где были какие-то люди. Отец спрятал сына и отправился спать. На следующее утро появился Великий Вождь Смерть. С одной стороны он был прекрасен; другая же — гниющая — кишела червями. Его спутники подбирали падающие на землю личинки. Когда они закончили промывать его язвы, Вождь Смерть сказал: «Тот, кто родился сегодня, если отправится торговать, будет ограблен. Женщина, зачавшая сегодня, да умрет с зачатым ребенком. Муж-

чина, что возделывает землю сегодня, да потеряет весь урожай. Тот, кто отправится в джунгли, да будет съеден львом».

Ил. 30. Шаман (наскальный рисунок, выполненный черной краской; эпоха палеолита). Франция, 10 000 лет до н. э.

Таким образом, провозгласив всеобщее проклятие, Вождь Смерть отправился отдыхать. Но на следующее утро, когда он появился, его спутники промыли его прекрасную сторону, умастив ее маслом. Когда они закончили, Вождь Смерть произнес благословение: «Тот, кто родится сегодня, да будет богат. Пусть женщина, зачавшая сегодня, родит ребенка, который проживет до старости. Тот, что родится сегодня, пусть идет торговать; пусть заключает только выгодные сделки; пусть смело торгует вслепую. Мужчина, что войдет в джунгли, да добудет богатую добычу, да совладает он даже со слонами. Потому что сегодня благословенный день».

Тогда отец сказал сыну: «Если бы ты пришел сегодня, то обладал бы многим. Но теперь ясно, что тебе предопределена бедность. Завтра тебе лучше уйти».

После чего сын вернулся к себе домой[71].

Солнце Преисподней, Повелитель Мертвых, является другой стороной того же лучезарного царя, что дарит день и правит днем; ибо: «Кто посылает вам удел с неба и земли? И кто выводит живое из мертвого и выводит мертвое из живого? И кто правит делом?»[72]. Здесь уместно вспомнить сказку племени вачага об очень бедном человеке, Кьязимба, которого одна старуха перенесла к зениту неба, где в полдень отдыхает Солнце[73]; там Великий Вождь даровал

ему процветание. Можно также вспомнить описанного в сказке, лукавого бога Эдшу, родившегося у другого берега Африки[74]: величайшим удовольствием для него было сеять раздор между людьми. Это различное видение одного и того же страшного Провидения. Оно вмещает в себя и от него исходят все противоречия, добро и зло, жизнь и смерть, боль и радость, блага и лишения. Это фигура, стоящая у солнечной двери, источник всех единств противоположностей «У Него — ключи тайного; к Нему ваше возвращение, потом Он сообщит вам, что вы делали»[75].

Таинство внутренне противоречивого отца прекрасно передает образ великого доисторического перуанского бога по имени Виракоча. Он носит солнце на голове вместо тиары; в каждой руке он крепко держит молнии; а из его глаз в виде слез идут дожди, которые питают жизнь в долинах мира. Виракоча — это Вселенский Бог, творец всех вещей; но в легендах он появляется на земле в облике нищего, в лохмотьях, всеми презираемый. На ум приходит Проповедь о Марии и Иосифе, которых никто не пускал переночевать в Вифлееме[76], и классическая история о том, как Юпитер и Меркурий просили о ночлеге в доме Филемона и Бавкиды[77]. Также вспоминается история о том, как никто не узнал бога Эдшу. Эта тема часто встречается в мифологии; ее суть прекрасно выражают слова из Корана «и куда бы вы ни обратились, там лик Аллаха»[78]. «Этот Атман, скрытый во всех существах, не проявляется, но острым и тонким рассудком его видят проницательные»[79]. «Разломи палку, — гласит афоризм в духе гностиков, — и там найдешь Христа»[80].

И вот так вездесущий Виракоча напоминает своим характером всех могущественных богов вселенной. Более того, синтез бога-солнца и бога-бури тоже нам знаком по древнеиудейскому мифу о Яхве, в котором объединены черты двух богов (бога бури и солнечного бога); он прослеживается у навахо в ликах отца богов-близнецов; он явно проступает в характере Зевса, а также в сочетании молнии и солнечной короны в некоторых формах образа Будды. Суть в том, что милость, льющаяся во вселенную через солнечную дверь, это и энергия молнии, которая разрушает, сама являясь неразрушимой: разбивающий иллюзии свет — то же самое, что и свет творящий. Или на это можно посмотреть как на вторичную полярность природы: пламя, горящее в солнце, присутствует также и в грозе, несущей влагу земле; энергия, стоящая за элементарным единством противоположностей, огнем и водой, все та же.

Но самая удивительная и трогательная черта Виракочи, этого замечательного перуанского образа универсального бога (деталь, которая является его специфической особенностью) — это его слезы. Живительные воды — это слезы Бога. В этом смысл монашеского отречения от мира: «Все в жизни есть тлен» соотносится с заветом отца, дарующего жизнь: «Да будет жизнь!» Осознавая мучения сотворенных его рукой созданий, полностью сопереживая морю страданий, раздирающих разум огней заблуждающейся и опустошающей саму себя, похотливой и гневливой, им же сотворенной вселенной, этот бог предоставляет жизни право поддерживать жизнь. Удерживать оплодотво-

ряющие воды означало бы уничтожить мир; дать им волю означает создание мира, который мы знаем. Ибо сущность времени — это течение, разложение существующего на мгновения; а сущность жизни — это время. В своем сострадании, в своей любви к тленным формам творец людей сохраняет это море страданий; но так как он осознает, что делает, то осеменяющие воды жизни, которые он дарует миру, — это слезы, бегущие из его глаз.

Парадокс сотворения, приход тленных форм из вечности — это отцовская тайна зачатия. Ее никогда нельзя полностью осознать и объяснить. Поэтому в каждой религиозной системе существует своя пуповина, ахиллесово сухожилие, которого коснулся перст матери жизни, и возможность совершенного знания здесь ограничена. Проблема героя заключается в том, чтобы пронзить себя (а вместе с тем и мир) именно в этой точке; разбить и уничтожить этот ключевой узел своего ограниченного существования.

Ил. 31. Плачущий Вселенский Отец
(бронза, доинковский период). Аргентина, 650–750 гг. н. э.

Проблема героя, который стремится встретиться с отцом, в том, чтобы, победив свой ужас, открыть свою душу до такой степени, чтобы суметь понять, каким образом величие Бытия оправдывает самые отвратительные и безумные трагедии этой огромной безжалостной вселенной. Герой преступает пределы жизни с ее своего рода слепым пятном и на краткий миг способен смотреть на источник света. Он видит облик отца, понимает его и приходит к примирению с ним.

В библейском сказании об Иове Господь не делает никакой попытки оправдать — ни с человеческой, ни с какой-либо иной точки зрения — недостойную плату, определяемую им своему добродетельному слуге, «человеку непорочному, справедливому и богобоязненному и уклоняющемуся от зла». И слуги Иова были убиты халдейскими воинами, а его сыновья и дочери раздавлены упавшей крышей вовсе не за совершенные грехи. Когда его друзья прибыли, дабы утешить его, они с благочестивой верой в правосудие Господне сказали, что Иов, должно быть, совершил какой-то грех, за что и заслужил такое страшное наказание. Но честный, смелый, отстаивающий истину на земле и страдающий Иов настаивал, что свершения его были благими; после чего утешитель его, Елиуй, обвинил его в богохульстве за то, что тот мнит себя более справедливым, чем Бог.

Когда Господь отвечает Иову из бури, Он не делает никакой попытки оправдать содеянное Им с этической точки зрения, а лишь восхваляет Свое Присутствие и советует Иову поступать на земле подобным образом в человеческом подражании небесному пути:

> «Препояшь, как муж, чресла твои: Я буду спрашивать тебя, а ты объясняй Мне. Ты хочешь ниспровергнуть суд Мой, обвинить Меня, чтобы оправдать себя? Такая ли у тебя мышца, как у Бога? И можешь ли возгреметь голосом, как Он? Укрась же себя величием и славою, облекись в блеск и великолепие. Излей ярость гнева твоего, посмотри на все гордое, и смири его. Взгляни на всех высокомерных, и унизь их, и сокруши нечестивых на местах их. Зарой всех их в землю, и лица их покрой тьмою. Тогда и Я признаю, что десница твоя может спасать тебя»[81].

Не найти ни слова объяснения, никакого упоминания о двусмысленном споре с Сатаной, описанном в главе первой Книги Иова; только лишь немилосердная демонстрация факта из фактов, а именно: человек не может судить волю Бога, которая исходит из того, что лежит вне человеческого разумения, которое воистину полностью и окончательно сокрушает Всемогущий в Книге Иова. Но для самого Иова это откровение представляется имеющим душеспасительный смысл. Он был героем, который своей отвагой в огненном горниле, своим нежеланием сломиться и пасть ниц перед распространенным пониманием образа Всевышнего доказал свою способность смело встретить большее откровение, чем все, что признавали его друзья. Его слова

из последней главы никак нельзя истолковывать как простое отчаяние. Это слова человека, который *увидел* нечто превосходящее все, что было *сказано* в оправдание случившегося. «Я слышал о Тебе слухом уха; теперь же мои глаза видят Тебя; поэтому я отрекаюсь и раскаиваюсь в прахе и пепле»[82]. Набожные утешители посрамлены; Иову дарован новый дом, новая прислуга и новые дочери и сыновья. «После того Иов жил сто сорок лет, и видел сыновей своих и сыновей сыновних до четвертого колена. И умер Иов в старости, насыщенный днями»[83].

Сын, который созрел достаточно, чтобы понять отца, переносит изнурительные испытания с готовностью; для него мир уже не юдоль слез, а блаженство от проявления вечного Присутствия. Сравните с гневным разъяренным Богом из проповедей Джонатана Эдвардса вот этот исполненный любви стих, который сочинили в одном из беднейших восточноевропейских гетто того же столетия:

О Владыка Вселенной,
Я буду петь Тебе песнь.
Где Тебя можно найти
И где Тебя не найти?
Куда я иду — там Ты.
Где я остаюсь — там тоже Ты.
Ты, Ты и только Ты.
Все, что добр — благодаря Тебе.
Все, что зло — тоже благодаря Тебе.
Ты есть, Ты был и Ты будешь.
Ты правишь, Ты правил и Ты будешь править.
Небеса — Твои и Земля — Твоя.
Ты заполняешь высшие сферы,
И низшие Ты тоже заполняешь.
Куда бы я ни обернулся, там есть Ты[84].

5. Апофеоз

Один из самых могущественных и почитаемых бодхисаттв в махаянском буддизме Тибета, Китая и Японии — это Носящий Лотос, Авалокитешвара, «Владыка, Глядящий Вниз с Состраданием», и называют его так потому, что он с состраданием относится ко всем живым существам, страдающим от зла в этом бренном мире. К нему обращена повторяемая миллионом молитвенных барабанов и храмовых гонгов Тибета молитва *Om mani padme hum*, «Драгоценный камень — в лотосе». Возможно, к нему ежеминутно возносится больше молитв, чем к любому другому из богов, известных человечеству; ибо когда в своем последнем воплощении на земле в качестве человеческого существа он разбил для себя все преграды последнего порога (что открыло перед ним безвременье пустоты за всеми ведущими к разочарованию за-

гадками — миражами имен и границ космоса), он остановился: он поклялся, что прежде чем войдет в пустоту, он приведет к просветлению все существа без исключения; и с тех пор он привносит в зримый облик существования божественную благодать своего спасительного присутствия, так что самая скромная молитва, адресованная ему, во всей обширной духовной империи Будды оказывается благосклонно услышанной. В различных образах он пересекает десять тысяч миров и появляется в час, когда нужна его помощь и когда ему возносят молитву. В образе человека он является с двумя руками, в сверхчеловеческих образах — с четырьмя руками или с шестью, а также с двенадцатью или же с тысячей рук, и в одной из своих левых рук он держит лотос мира.

Как и Будда, это богоподобное создание является образом божественного состояния, которого достигает человеческий герой, когда переступает последний порог ужаса незнания. «Когда оболочка сознания разрушается, тогда он становится свободным ото всех страхов, вне досягаемости перемен»[85]. Это потенциальное освобождение, которое каждый из нас носит в себе и в состоянии достичь, совершая героические поступки; ибо, как мы читаем: «Всякое существование есть существование Будды»[86]; или, например (и это утверждение похоже на предыдущее): «Все сущее лишено самости».

Хинаяна (сохранившаяся на Цейлоне, в Бирме и Таиланде) почитает Будду как героя в человеческом облике, высшего святого и мудреца. А махаяна (распространенная на севере) считает Просветленного спасителем мира, воплощением вселенского принципа просветления.

Бодхисаттва — это человек, который приближается к состоянию Будды: хинаяна утверждает, что это адепт, который в следующей реинкарнации будет Буддой; махаяна (как будет видно далее) это тип спасителя мира, воплощающий в себе вселенский принцип сострадания. Слово *Бодхисаттва* (санскрит) означает: «Тот, чьим бытием или сущностью является просветление».

В махаяне существует целый пантеон, в котором представлены во множестве бодхисаттвы и прошлые и будущие Будды. Все они в той или иной мере вбирают в себя проявляющиеся силы трансцендентного, единственного Ади-Будды («Извечного Будды»)[87], который является высшим возможным источником и крайним пределом всего бытия, висящим в пустоте небытия, подобно чудесному шару.

Весь мир наполняет собой и освещает Бодхисаттва («просветленный»); но не мир вмещает его, а именно он держит мир, лотос. Он не окружен болью и радостью, а вмещает их — в своем глубоком покое. И так как все мы можем стать таким, как он, само его присутствие, его образ, простое произнесение его имени спасительно.

Ил. 32. Бодхисаттва (плакат в храме). Тибет, XIX в.

«На нем венок из восьми тысяч лучей — полное отражение состояния совершенной красоты. Его тело пурпурно-золотого цвета. В его ладонях смешан цвет пяти сотен лотосов, а на кончике каждого его пальца восемьдесят четыре тысячи печатей, и в каждой печати восемьдесят четыре тысячи цветов; каждый цвет излучает восемьдесят четыре тысячи лучей, мягких, нежных и освещающих все сущее. Этими драгоценными руками он привлекает и обнимает все существа. По всему нимбу, окружающему его голову, рассеяны чудесно преображенные Будды, число которых пятьсот, каждого из них окружают пятьсот Бодхисаттв, они же, в свою очередь, окружены бесчисленными богами. Когда он ступает своей ногой на землю, на все стороны света все покрывается цветами рассыпающихся бриллиантов и драгоценных камней. Лицо его цвета золота. В своей высокой короне из драгоценных камней Будда возвышается на полных двести пятьдесят миль»[88].

В Китае и Японии этот возвышенно мягкий Бодхисаттва представлен не только в мужском образе, но также и в облике женского божества Гуань Инь в Китае, Каннон в Японии — эта Мадонна Дальнего Востока — являет миру милосердную заботу женщины. Ее можно встретить в каждом буддийском храме стран Восточной Азии. Она одинаково священна как для непосвященных, так и для мудрого; ибо в основе ее священного служения лежит глубокое понимание, спасающее и поддерживающее мир. Остановка на пороге нирваны, непоколебимое решение воздержаться до скончания времени от погружения в безмятежную заводь вечности символизирует осознание того, что различие между вечностью и временем иллюзорно — так работает наш рациональный разум в силу необходимости, на деле же они растворяются в совершенном знании разума, который преодолел единство противоположностей. Так приходит понимание того, что время и бесконечность — это два аспекта одной и той же целостной реальности, две плоскости одного и того же бытия — неделимого и невыразимого; драгоценный камень вечности находится в лотосе рождения и смерти: «От mani padme hum».

Здесь прежде всего удивляет двуполый характер Бодхисаттвы: в мужском образе — Авалокитешвара, в женском — Гуань Инь. Объединяющие в себе мужское и женское начало боги нередко встречаются в мире мифа. Их появление всегда связано с некой тайной; они уводят ум за грани объективного восприятия в символическую сферу, где двойственность отсутствует. Об Авонавилоне, главном божестве народности зуни, боге — создателе и вместилище всего сущего, иногда говорят как о мужском образе, однако в действительности это единство «он — она». Священная женщина Тай Юань, Великая и изначальная из Китайских хроник, воплощает и мужской принцип Ян, и женский — Инь.

Ил. 33. Гуань Инь, Авалокитешвара Бодхисаттва (раскрашенное дерево). Китай, XI–XIII в. н. э.

Ян воплощает светлое мужское начало, а *Инь* — темное, пассивное женское; в своем взаимодействии они составляют первооснову, образующую весь мир форм («десять тысяч вещей»). Они исходят из *Дао* как источника и закона бытия и являются его выражением. *Дао* означает «дорога» или «путь». *Дао* — это путь или ход развития вещей, судьбы, космического порядка. Поэтому *Дао* есть также «истина» и «праведность». В своем единстве *Ян* и *Инь* как *Дао* обозначаются следующим образом ☯. *Дао* лежит в основе космоса *Дао,* присутствуя в каждой сотворенной вещи.

Каббалистические учения средневековых иудеев, так же как сочинения христианских гностиков II столетия, представляют Слово, Ставшее Плотью,

андрогинным — каковым было состояние Адама на момент его сотворения, до того как женская сущность, Ева, была перемещена в другую форму. И у греков не только Гермафродит (сын Гермеса и Афродиты)[89], но также и Эрос, бог любви (первый из богов согласно Платону)[90], был двуполым. «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их»[91]. Если задаться вопросом относительно природы образа Божьего, то ответ на него следует искать в тексте, где он выражен вполне ясно. «Когда Священный, будь Он Благословен, создал первого человека, Он создал его двуполым»[92]. Женское начало перемещается в иную форму, знаменуя нисхождение от совершенства к двойственности; в результате этого происходит изгнание из Рая, где «Бог ходил по земле», познается двойственность добра и зла, и возводится стена Рая, образуемая «единством противоположностей»[93]; эта стена отделяет Человека (теперь раздвоившегося и ставшего мужчиной и женщиной), он отрезан не только от созерцания Образа Божия, но самого воспоминания о нем.

Это библейский вариант мифа, известного во многих странах. В нем описывается один из основных путей символизации таинства творения: развитие вечности во времени, разделение одного на два, а затем на множество, а также зарождение новой жизни через воссоединение пары.

Этот образ знаменует и начало космогонического цикла[94], и момент завершения миссии героя, когда стена Рая растворяется, и вновь открывается и обретается божественная форма, вновь обретается мудрость[95].

Тиресий, слепой провидец, был двуполым — его глаза были закрыты для искаженных форм мира отраженного света и пар противоположностей, однако в своей внутренней темноте он увидел судьбу Эдипа[96]. В одной из своих форм, известной как Ардханариша (бог полуженщина-полумужчина), Шива представлен слитым в одном теле со своей супругой Шакти (его половина тела справа, ее половина тела — слева)[97]. На изображениях предков некоторых африканских и меланезийских племен на одном теле мы видим и груди матери, и бороду и пенис отца[98]. И в Австралии примерно через год после тяжелого испытания обрезания юноша, вступающий в полную зрелость, подвергается второй ритуальной операции — нижнего надрезания (нижняя часть пениса разрезается для образования постоянной щели в уретре). Этот разрез называется «лоном пениса» и символизирует мужское влагалище. Благодаря обряду герой становится больше, чем мужчиной[99].

Кровь для ритуальных рисунков и для приклеивания белых птичьих перьев к своему телу австралийские отцы берут из своих нижних надрезов. Они вновь вскрывают старые раны и пускают кровь, которая одновременно символизирует менструальную кровь и мужскую сперму, а также мочу, воду и мужское молоко[100]. Кровотечение демонстрирует, что старики несут в себе источник жизни и питания[101], то есть они являют собой неистощимый мировой источник жизни[102].

Ил. 34. Предок-андроген (деревянная скульптура). Мали, XII в. н. э.

Зов Великого Отца Змея пугал ребенка, мать защищала его. Но приходил отец. Он был проводником в тайны неведомого. Первый незваный гость в раю ребенка и его матери, отец представляется архетипным врагом, и на протяжении всей жизни любой враг в сфере бессознательного символизирует отца. «Что бы ни было убито, оно становится отцом»[103]. Отсюда и почитание голов, принесенных домой с набегов на враждебные племена, в общинах, где практикуется охота за головами (например, в Новой Гвинее)[104]. Отсюда вытекает непреодолимое стремление воевать, импульс уничтожить отца постоянно трансформируется в публичное насилие. Старшие мужчины родовой общины или племени защищают себя от своих растущих сыновей психологической магией своих тотемных обрядов. Они разыгрывают роль страшного отца, а затем намекают, что являются также и кормящей матерью. Так образуется новый, более просторный рай. Но в этот рай не допускаются традиционно враждебные роды или племена, на которые постоянно направляется агрессия. Все «добро», которое несут мать вместе с отцом, сохраняется для дома, а «зло» выносится

за его пределы. «Кто этот необрезанный филистимлянин, что так поносит воинство Бога живого?»[105]. «И не слабейте в поисках этих людей. Если вы страдаете, то и они страдают так, как вы страдаете, притом что вы надеетесь от Аллаха на то, на что они не надеются»[106].

Тотемные, родовые, племенные или агрессивно насаждаемые миссионерами культы — все это лишь частичные решения психологической проблемы победы любви над ненавистью, они проводят инициацию лишь частично. Эго в них не уничтожается, его рамки скорее раздвигаются, и, вместо того чтобы думать лишь о себе самом, индивид посвящает себя *своему* обществу целиком. А остальная часть мира (то есть бóльшая часть человечества) его симпатии не вызывает, и он не хочет прилагать никаких усилий в этой области, потому что его богу нет до этого никакого дела. И поэтому возникает драматический разрыв между двумя принципами — любви и ненависти, и мы находим немало подтверждений этому в мировой истории. Вместо того чтобы очистить свое собственное сердце, последователь культа пытается очистить мир от скверны. Законы Града Божьего применяются лишь к тем, кто входит в его непосредственное окружение (племени, церкви, нации, классу и т. п.), при этом огонь вечной священной войны направляется (с чистой совестью и с глубоким убеждением в своей священной правоте) против любого необрезанного, любого варвара, язычника, туземца любого народа, волею судеб оказавшегося вблизи границ его страны[107].

В мире постоянно кто-то с кем-то борется: поклонники различных тотемов, представители разных народов, последователи разных партий. Даже так называемые христианские нации, — которые должны были бы следовать учению мирового спасителя, — известны скорее своей колониальной жестокостью и междоусобицей, а не каким-либо практическим проявлением бескорыстной любви, тогда мир в действительности был бы покорен, было бы преодолено его эго и эго племенных богов, и настало бы время той любви, к которой призывал Бог, веру в которого они декларировали.

> Но вам слушающим говорю любите врагов ваших, благотворите ненавидящим вас, благословляйте проклинающих вас и молитесь за обижающих вас. Ударившему тебя по щеке подставь и другую, и отнимающему у тебя верхнюю одежду не препятствуй взять и рубашку. Всякому, просящему у тебя, давай, и от взявшего твое не требуй назад. И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними. И если любите любящих вас, какая вам за то благодарность, ибо и грешники любящих их любят. И если делаете добро тем, которые вам делают добро, какая вам за то благодарность ибо и грешники то же делают. И если взаймы даете тем, от которых надеетесь получить обратно, какая вам за то благодарность ибо и грешники дают взаймы грешникам, чтобы получить обратно столько же. Но вы любите врагов ваших, и благотворите, и взаймы давайте, не ожидая ничего, и будет вам награда великая, и будете сынами Всевышнего, ибо Он благ и к неблагодарным и злым. Итак будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд[108].

Сравним вот с этим христианским письмом:

В год 1682 от Рождества Христова

Дорогой мой старый и любезный моему сердцу Мистер Джон Хиггинсон!

Сейчас в море находится корабль под названием *Желанный,* на борту которого 100 или более еретиков и злодеев, зовущихся квакерами, с негодяем В. Пенном во главе. В связи с этим Генеральный Суд препоручил святую миссию капитану Малачи Хаскотту брига *Дельфин* — ловко перехватить вышеупомянутый корабль *Желанный* как можно ближе к полуострову Кейп-Код и пленить вышеупомянутого Пенна с его безбожной командой, дабы имя Господа Бога было восстановлено на земле этой новой страны и не подвергалось языческому глумлению этими нечестивцами. Продав их всех на Барбадосе, можно хорошо заработать, там за рабов хорошо платят ромом и сахаром, и мы не только совершим благое дело, наказав нечестивых, но и будем действовать на благо Его Преосвященства и всего нашего народа.

Во имя Господа,
Ваш Коттон Мадер[109].

Если мы освободимся от своих провинциальных предрассудков, из-за которых истолкование мировых архетипов сводится к узко церковным, локальным племенным или узко национальным интерпретациям, то сможем понять, что высшая инициация происходит не под руководством отцов и матерей своего племени, которые затем ради собственной защиты проецируют агрессию на соседей. Благая весть, которую принес Спаситель Мира и которой возрадовались столь многие, с готовностью проповедовали, но неохотно исповедовали и воплощали в собственной жизни, заключается в том, что Бог есть Любовь, что его можно и должно любить и что все мы без исключения — дети его[110]. Такие сравнительно тривиальные вопросы, как ортодоксальные детали символа веры, религиозные обряды и церковная иерархия (которые настолько поглощают все интересы западных теологов, что сегодня они серьезно обсуждаются как принципиальные вопросы религии), приводят к изощренному педантизму, если не подчинить их основам самого учения. И где об этом забывали, начинался откат назад, к более примитивным верованиям: образ отца сводился к тотемному образу. Именно это, безусловно, и произошло во всем христианском мире. Словно нам дали право решать, кого из нас Отец Небесный любит больше других. Но тогда христианское учение формулирует все совсем не в нашу пользу: «Не судите, да не судимы будете»[111]. Крест Спасителя Мира, несмотря на поведение на словах поклоняющихся ему священников, — это более демократичный символ, чем национальный флаг отдельно взятой страны[112].

Доктор Карл Меннингер отмечает[113], что хотя еврейские раввины, протестантские и католические священники иногда еще могут прийти к согласию, обсуждая теоретические расхождения религиозной доктрины, когда они начинают говорить о правилах и принципах достижения вечной жизни, их взгляды безнадежно расходятся. «До этого момента программа безукоризненна, — пишет доктор Меннингер, — но если никто определенно не знает, каковы правила и принципы, все приходит к абсурду». Ответ на это, безусловно, дает Рамакришна:

«Бог создал различные религии для того, чтобы удовлетворить требования различных людей, стремящихся к Богу, различных времен и стран. Все учения — это лишь множество путей; но путь ни в коей мере не есть Сам Бог. Воистину, человек может прийти к Богу, если будет следовать по любому пути с искренней приверженностью… Пирожное с сахарной глазурью можно есть, начиная как спереди, так и сбоку. В любом случае вкус его будет сладок»[114].

Осознание высшего и решающего смысла спасительных для мира слов и символов христианских традиций было столь основательно извращено на протяжении бурных столетий, прошедших с момента объявления св. Августином священной войны *Civitas Dei* против *Civitas Diaboli,* что современный мыслитель, желая приобщиться к основам мировой религии (то есть доктрины всеобщей любви), должен обращаться к другому великому и (намного более древнему) всеобщему вероучению: вероучению Будды, где первичным словом до сих пор остается мир — мир всему сущему.

Я не упоминаю ислам, потому что в этом учении также присутствует такое понятие, как священная война, и поэтому оно также подвергается искажению. Несомненно, и там, и здесь, многим было известно, что истинное поле битвы разворачивается не в географическом пространстве, а в психологическом (ср.: Rumi, *Mathnawi,* 2. 2525: «Что означает «обезглавить»? Умертвить плотскую душу в священной войне»[115]); тем не менее общераспространенные и ортодоксальные положения как магометанского, так и христианского учения были настолько жесткими, что усмотреть в проповедях любого из них принцип любви возможно, лишь очень тщательно вдумываясь в их смысл.

Вот эти тибетские стихи, например состоящие из двух гимнов поэта — святого Миларепы, — были сложены приблизительно в то же время, когда Папа Урбан II призывал к первому крестовому походу.

В Городе Иллюзий Шести Плоскостей Мира
Всем движет грех и помрачение, рожденные пороком;
Там существо следует велениям пристрастий и предубеждений,
Так никогда и не постигнув Равенства:
О сын мой, избегай пристрастий и предубеждений[116].

Осознайте Пустоту Всех Вещей,
И сострадание родится в сердцах ваших;
Утратьте все различия меж собой и другими,
И будете готовы служить другим вы;
И когда в служении другим вы добьетесь успеха,
Тогда вы встретитесь со мною;
И, найдя меня, вы достигнете Просветления[117].

Всеобщая пустота (санскрит: *śūnyatā*) с одной стороны относится к обыденному миру, который есть иллюзия, а, с другой стороны, говорит о том, что знакомые нам в чувственном мире качества не применимы к феноменальному миру непознаваемых высших идей:

В божественном сиянии пустоты
Нет там ни теней вещей, ни понятий,
Но тем не менее там есть все, что можно познать,
Подчинившись неизменной Пустоте[118].

Покой лежит в основе всего, потому что Авалокитешвара — Каннон, великий Бодхисаттва, Безграничная Любовь, включает в себя каждое чувствующее существо, внимает каждому и пребывает в каждом (без исключения). Он все видит — и мимолетное совершенство изящных крылышек насекомого — ведь и сам он есть их совершенство и их мимолетность; и длящееся годами страдание человека, самого себя терзающего, заблудшего, запутавшегося в сетях своего собственного незамысловатого бреда, потерявшего надежду, но все же несущего в себе нераскрытую, абсолютно неизведанную тайну освобождения. И он безмятежен над человеком и над ангелами; и он ниже человека, демонов и несчастных умерших: все они притягиваются к Бодхисаттве лучами его драгоценных рук, и они — это он, а он — это они. Мириады ограниченных, скованных центров сознания на каждом уровне существования (и не только в этой нашей вселенной, ограниченной Млечным Путем, но и далее в глубинах космоса) — галактика за галактикой, вселенная за вселенной, миры, возникающие из вечной бездны пустоты, в которых жизнь вспыхивает, а затем лопается как мыльный пузырь; опять и опять; бесчисленное множество жизней; все страдающие; каждый заключен в свой собственный узкий круг и ограничен им — они сражаются, убивают, ненавидят друг друга и жаждут почивать на лаврах победителей: все они — Дети, безумные персонажи преходящего, но неисчерпаемого, мирового видения, которое все длится и длится.

Видения всебъемлющего, сущностью есть Пустота: «Бог, Взирающий Вниз с Состраданием».

Но это имя означает также: «Бог, Видимый Внутри»*. Все мы являемся отражениями образа Бодхисаттвы. Внутри нас страдает эта божественная сущность. Мы и отец, оберегающий нас, составляем единое целое. И в этом — искупление и спасение. Кого бы мы ни встретили — это наш отец, оберегающий нас. Поэтому следует знать, что в облике несведущего, ограниченного, страдающего, защищающего себя тела, которое ощущает угрозу и воспринимает ее источник как врага, также живет Бог. Великан-людоед побеждает нас, но герой достойно проходит инициацию «как мужчина»; и оказывается, что это и был отец: мы в Нем и Он в нас[119]. Наше тело — эта милостивая, оберегающая нас мать, больше не в силах защитить нас от Великого Отца-Змея; смертное, материальное тело, которое она подарила нам, отдано во власть этой грозной силы. Но не смерть ждет нас в конце испытаний. Нам даруются новая жизнь, новое рождение, новое познание бытия (и мы живем не только в этом теле, а во всех телах мира, как Бодхисаттва). Наш отец явился нам как лоно, как мать, даровав нам второе рождение[120].

В этом и заключается значение образа двуполого бога. В нем — главное таинство инициации. Нас отнимают от матери, «пережевывают» и по кусочкам ассимилируют в разрушающее мир тело великана-людоеда, для которого самые бесценные формы и существа являются лишь пищей на его пиру; но затем, чудодейственно возродившись, мы оказываемся чем-то большим, чем были прежде. Если Бог — это родовой, племенной, национальный или конфессиональный архетип, то мы тогда — борцы за его дело; но если он — господь самой вселенной, тогда мы выступаем как просветленные, для которых *все* люди без исключения — братья. И в том, и в другом случае мы находимся по ту сторону родительских образов «добра» и «зла» и представлений о них. Мы освободились от желаний и страхов; ибо мы теперь и есть тот, к кому стремились и кого боялись. Все боги, Бодхисаттвы и Будды присутствуют в нас, словно в пантеоне могущественного держателя лотоса мира.

> Потому: «Пойдем и возвратимся к Господу! ибо Он уязвил — и Он исцелит нас, поразил — и перевяжет наши раны; оживит нас через два дня, в третий день восставит нас, и мы будем жить пред лицем Его. Итак познаем, будем стремиться познать Господа; как утренняя заря — явление Его, и Он придет к нам как дождь, как поздний дождь оросит землю»[121].

В этом суть первого чуда Бодхисаттвы: андрогинность его образа, в котором воссоединяются два явно противоположных эпизода его мифологических

* Avalokita — санскрит, «глядящий вниз», но также и «видящий». *iśvara* — владыка, отсюда его имя «Владыка, глядящий вниз с состраданием» и «Владыка, видимый изнутри» звуки e и i совмещаются в санскрите, и потому имя звучит как Авалокитешвара. См.: W.Y. Evans-Wenz, *Tibetan Yoga and Secret Doctrines* (London: Oxford University Press, 1935), p. 233, note 2.

приключений: Встреча с Богиней и Примирение с Отцом. Ибо во время первого посвященный узнает, что мужчина и женщина являются (как это сказано в «Упанишадах») «двумя половинами расколотой горошины»[122]; а во время второго обнаруживается, что Отец предшествует разделению полов: местоимение «Он» было не более чем манерой выражения, миф с привлечением темы Сына — не более чем пунктирной линией маршрута, которую надлежит стереть. И в обоих случаях обнаруживается (или, скорее, вспоминается), что герой сам является тем, кого он был призван найти.

Второй удивительный момент в мифе о Бодхисаттве, который следует отметить, — это стирание границы между жизнью и освобождением от жизни, что символизируется (как мы уже видели) добровольным отречением Бодхисаттвы от *Нирваны*. Понятие *нирвана* означает «Затушить Тройственный Огонь Желания, Враждебности и Иллюзии». Читатель помнит, как в легенде об искушении под Деревом Бодхи (см. Пролог, подраздел «Герой и бог») противником Будущего Будды был маг Кама-Мара, буквально «Желание-Враждебность» или «Любовь и Смерть», мастер Иллюзии. Он был олицетворением Тройственного Огня и трудностей последнего испытания, он охранял последний порог, который должен был преодолеть герой вселенского масштаба на своем высоком пути к Нирване.

Глагол *nirvā* (санскрит) в буквальном переводе означает «гаснуть», как гаснет огонь, который перестает разгораться... Без источника огонь жизни «умиротворяется», то есть гасится с обузданием разума, человек достигает «покоя Нирваны», «приобщения к Божеству», «деспирации в Боге»... Прекращая разжигать огонь, мы достигаем покоя, о котором в другом предании сказано, что «он дает понимание»[123]. Слово «деспирация», которое используется в этом контексте, образовано как буквальный латинизм санскритского *«нирвана»; nir* — «прочь, наружу, из, из чего-то, от, от чего-то»; *vāna* — «выдутый»; *nirvāna* — «выдутый, ушедший, угасший».

Погасив в себе Тройственный Огонь, движущую силу вселенной, так что он стал подобен тлеющему угольку, Спаситель видит вокруг себя отраженными, как в зеркале, последние проекции фантазий, порожденных примитивным желанием физического тела жить как другие люди — отдаваясь страсти и вражде, в иллюзорном окружении причин и следствий, целей и средств, доступных чувственному восприятию. Он подвергается последней яростной атаке презренной плоти. И это переломный момент; ибо от одного уголька вновь может заняться большой пожар.

Эта удивительная легенда — прекрасный пример близкой связи восточного мифа с психологией и метафизикой. Яркие воплощения готовят разум к доктрине о тесной зависимости внутреннего и внешнего миров. Читателя,

несомненно, поразило определенное сходство этой древней мифологической доктрины движущих сил психики с современным учением Фрейда и его последователей. По Фрейду, желание жизни (*эрос* или *либидо*, соответствующие буддийскому *Кама,* «страсть») и Желание смерти (*танатос* или *деструдо, соответствующие буддийскому Мара,* «враждебность или смерть») — это два импульса, которые не только движут индивидом изнутри, но также и наполняют для него жизнью и смыслом весь окружающий мир[124]. Кроме того, скрытые в бессознательном иллюзии, пробуждающие желание и отвращение, в обеих системах рассеивает психологический анализ (санскритское *viveka*) и просветление (санскритское *vidyā*). Однако цели этих двух учений — древнего, дошедшего до нас через многие поколения, и современного — не совсем сходны.

Ил. 35. Бодхидхарма (роспись по шелку). Япония, XVI в. н. э.

Психоанализ — это метод лечения людей, чрезмерно страдающих от бессознательно неверно направленных желаний и враждебностей, которые сплетают вокруг них свою паутину из нереальных страхов и амбивалентных зависи-

мостей, освобожденный от них пациент оказывается способен относительно спокойно найти свое место в культуре своего времени с ее более реалистичными страхами и предубеждениями, эротическими и религиозными стремлениями, деловыми проектами, войнами, развлечениями и домашними заботами. Но для того, кто намеренно предпринял сложное и опасное путешествие за пределы своей общины, эти интересы также предстают как основанные на заблуждении. Потому целью религиозного учения является не излечение индивида с целью вернуть его к общим иллюзиям, а полное его отрешение от иллюзий, и не посредством изменения структуры желания (*эроса*) и враждебности (*танатоса*) — ибо это лишь создает новый контекст для иллюзии, а путем радикального *«погашения»* (*«деспирации»*) побуждений, направляя героя на славный буддийский Восьмиричный Путь.

Правильная Вера, Правильные Намерения,
Правильная Речь, Правильные Действия,
Правильная Жизнь, Правильные Старания,
Правильная Забота, Правильная Концентрация.

Когда окончательно «уничтожаются иллюзии, желания и враждебности» (нирвана), разум постигает, что у него были неверные представления обо всем об этом, и представления покидают его. Дух пребывает в своем истинном состоянии, и может пребывать в нем до тех пор, пока не сбросит с себя тело.

Звезды, тьма, лампа, призрак, роса, пена,
Сон, вспышка молнии и облако —
Так мы будем смотреть на все сотворенное[125].

Однако Бодхисаттва не уходит от жизни. Отвратив свое внимание от внутреннего мира постижимой с помощью мыслей истины (которая может быть описана как «пустота», так как она выше речи), он вновь устремляет ее вовне, в миру явлений, он постигает там тот же океан бытия, который нашел внутри, ибо «Форма есть пустота, а пустота воистину есть форма. Пустота не отличается от формы, а форма не отличается от пустоты. Что есть форма, то и есть пустота; а что есть пустота, то есть форма. И то же самое относится к восприятию, имени, концепции и знанию»[126]. Преодолев иллюзии своего прежнего самоутверждающегося, самообороняющегося, направленного на самого себя эго, он познает, как внутри, так и снаружи, один и тот же покой. То, что он видит снаружи, является видимым аспектом великой, превосходящей мысль пустоты, обусловливающей его собственные восприятия эго, форму, ощущения, речь, концепции и знания. Он полон сострадания к существам, которые сами себе причиняют страдания, которые страдают от собственных кошмаров. Он поднимается, возвращается к ним и пребывает с ними как освободившийся от собственного эго, демонстрируя принцип пустоты во всей его простоте. В этом и состоит его великий «акт сострадания»; ибо посредством этого акта открывается истина — в понимании того, кто погасил в себе Тройственный Огонь Желания, Враждебности и Иллюзии, этот мир *есть* нирвана. Такой че-

ловек источает «волны благодати», несущие всем нам освобождение. «Наше существование в обыденном мире и есть сама Нирвана, и между ними не существует ни малейшего различия»[127].

Таким образом, можно сказать, что современная цель терапии, которая заключается в том, чтобы вернуть пациента к жизни, может быть в конечном счете достигнута благодаря древнему религиозному учению, но Бодхисаттва движется по огромному кругу; и его отрешение от мира рассматривается не как недостаток, а как первый шаг на этом благородном пути, в отдаленной поворотной точке которого достигается понимание глубокой пустоты вселенского круга. Такой идеал хорошо известен и в индуизме, где человек, свободный в жизни (*jīvan mukta*), не имеющий желаний, сострадательный и мудрый «Истинный йог видит Меня во всех существах, и также видит все существа во Мне. Такой йог поклоняется Мне и всегда остается во Мне, что бы ни случилось»[128].

Есть легенда об ученике Конфуция, который обратился к двадцать восьмому буддийскому патриарху, Бодхидхарме, с просьбой «успокоить его душу». Бодхидхарма ответил: «Покажи мне ее, и я ее успокою». На что конфуцианец сказал: «Вот в этом и есть моя беда, я не могу ее найти». Тогда Бодхидхарма сказал: «Твое желание исполнено». Конфуцианец все понял и ушел с миром[129].

Те, кто знает не только о том, что Вечный живет в них, но и о том, что и они, и все сущее *есть* Вечный, обитают в рощах исполняющих желания деревьев, пьют напиток бессмертия и всюду слышат благозвучную музыку вечного согласия. Они бессмертны. Даосские пейзажи Китая и Японии весьма выразительно передают божественность этого земного состояния. Четверо священных животных — феникс, единорог, черепаха и дракон — обитают в ивовых садах, бамбуковых рощах, среди слив, в дымке священных гор, невдалеке от благодатных сфер. Мудрецы с изможденными телами, но вечно молодыми душами медитируют среди этих скал, скачут верхом на странных волшебных животных среди вечных потоков или наслаждаются беседой за чашкой чая под звуки флейты Лай Цзай-хо.

Хозяйкой земного рая китайских бессмертных является сказочная богиня Хси Ванг Му, «Золотая Мать Черепахи». Она живет во дворце на горе Кунлун, где благоухают цветы, за золотой стеной вокруг сада, с зубчатыми башнями из драгоценных камней*. Она — квинтэссенция западного ветра. Ее гостей на «Празднике Персиков», который устраивается, когда созревают персики, один раз каждые шесть тысяч лет, обслуживают грациозные дочери Золотой Матери в беседках и павильонах у Озера Драгоценных Камней. В нем струятся воды живительного источника. Подаются костный мозг феникса, печень

---

* Это стена Рая. Сейчас мы находимся *внутри*. Хси Ванг Му — это женское воплощение божества, гуляющего в саду, которое создало мужчин и женщин по образу и подобию своему. (Книга Творения, 1:27)

дракона и другие мясные кушанья; персики и вино даруют бессмертие. Слышна музыка невидимых инструментов; песни слетают с бессмертных уст; танцы девушек воспевают радость вечности во времени[130].

Церемонии чаепития в Японии воссоздают дух даосского земного рая. Помещение для чайной церемонии, которое называется «обителью фантазии», — это хрупкое строение, которое сооружается, чтобы создать обстановку для поэтической интуиции. Называемое также «обителью пустоты», оно лишено украшений. Временно там располагается одиночная картина или композиция из цветов. Домик для чаепития называется «обителью несимметричного»: несимметричное предполагает движение; намеренно незаконченное оставляет вакуум, в который может погружаться воображение наблюдателя.

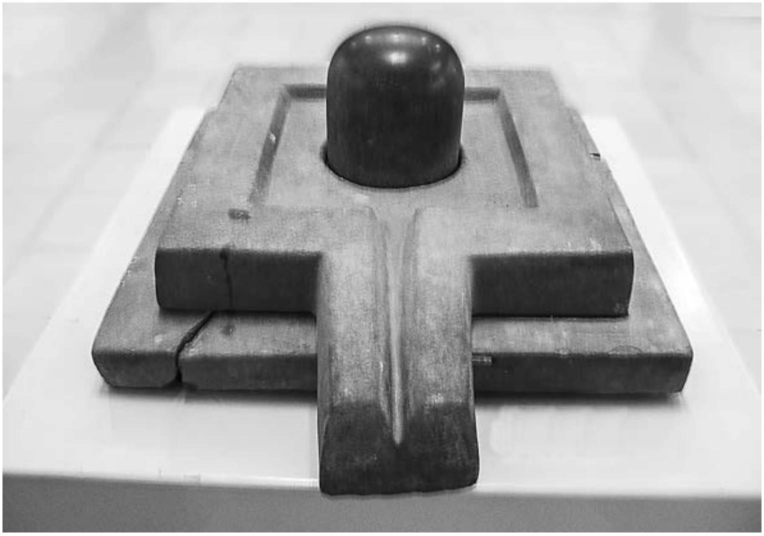
Гость подходит к чайному домику по садовой дорожке и должен склониться, чтобы пройти через низкий вход. Он почтительно кланяется картине или композиции из цветов, кипящему чайнику и занимает свое место на полу. Самый обычный предмет, обрамленный господствующей в чайной церемонии простотой, становится загадочным, а его безмолвие хранит тайну существования во времени. У каждого гостя есть возможность ощутить это. Каждый гость созерцает вселенную в миниатюре, начиная осознавать свое скрытое родство с бессмертными.

Ил. 36. Чайная церемония: Обитель Пустоты (фотография Джозефа Кэмпбелла). Япония, 1958 г.

Великие мастера чайных церемоний стремились создать подходящий момент для приобщения к божественному чуду; затем это ощущение переносилось из чайного домика в жилой дом, а затем принимало общенациональный масштаб[131]. На протяжении длительного и мирного периода Токугавы (1603–1868), до прихода Коммодора Перри в 1854 г., весь уклад японской жизни строился на общезначимых ритуалах, и бытие до мельчайших деталей превращалось в сознательное выражение вечности, а сам ландшафт становился святилищем. И на Востоке, и во всем античном мире, и в доколумбовой Америке общество и природа являли разуму невыразимое. «Растения, камни, огонь, вода — все они живые. Они смотрят на нас и знают, что нам нужно. Они видят, когда у нас нет ничего, чтобы защитить себя, — говорил старый рассказчик из племени апачей, — именно тогда они открываются и говорят с нами»[132]. Именно это буддисты называют «проповедью неодушевленного».

Однажды аскет прилег отдохнуть у священного Ганга, положив ноги на священный «лингам» Шивы (скульптурная композиция, представляющая собой сочетание фаллоса и вульвы, символизирующее соединение Бога со своей Супругой). Проходивший мимо жрец заметил, что мужчина отдыхает в такой неподобающей позе, и отчитал его. «Как ты осмелился осквернить этот символ Бога, положив на него ноги?» — стал он отчитывать аскета. Тот ответил: Добрый господин, я сожалею об этом, но не могли бы вы взять мои ноги и положить туда, где нет такого священного лингама?» Жрец схватил аскета за лодыжки и повернул вправо, но когда он опустил их, из земли вырос фаллос, и ноги по-прежнему попирали его. Жрец снова подвинул их, и другой фаллос принял их. «Я понял!» — сказал посрамленный жрец, поклонился отдыхающему святому и отправился своей дорогой.

Ил. 37. Лингам-Йони (резьба по камню). Вьетнам, XIX в. н. э.

Третий удивительный эпизод из мифа о Бодхисаттве заключается в том, что первое чудо (а именно двуполая форма) символизирует второе (тождественность вечности и времени). Ибо на языке божественных образов мир времени является великим материнским лоном. Жизнь в нем, зачатая отцом, состоит из ее тьмы и его света[133]. Мы были зачаты в матери и жили в ней отделенные от отца, но, покидая лоно времени в момент нашей смерти (которая является нашим рождением в вечность), мы попадаем в его руки. Мудрые понимают, даже пребывая в этом лоне, что они пришли от отца и вернутся к нему; в то время как очень мудрые знают, что он и она по существу есть одно.

В этом заключается смысл тех тибетских образов соединения Будды и Бодхисаттвы со своими собственными женскими аспектами, которые казались такими непристойными многим христианским критикам. Согласно одному из традиционных взглядов на подобные вспомогательные средства медитации, женские образы (тибетское: *yum*) следует рассматривать как время, а мужские (*yab*) — как вечность. Их единение дает начало миру, в котором все вещи являются одновременно преходящими и вечными, созданными по образу этого познавшего себя полумужского-полуженского воплощения Бога. Посвященный посредством медитации подходит к воспоминанию об этой Форме форм (*yab-yum*) внутри себя. Или же, с другой стороны, мужскую фигуру можно рассматривать как символизирующую инициирующий принцип и путь инициации; в этом случае женская представляет цель, к которой ведет инициация. Но этой целью является нирвана (вечность). Таким образом, обе фигуры, и мужская и женская, должны попеременно представляться и как время, и как бесконечность. То есть обе они суть одно и то же, каждая есть и то и другое, и двойственная форма (*yab-yum*) является лишь следствием иллюзии, которая сама по себе, однако, ничем не отличается от просветления.

Сравним с индуистской богиней Кали[134], которая изображается попирающей ногами распростертое тело бога Шивы, своего супруга. Меч смерти в ее руке символизирует духовную дисциплину. Истекающая кровью человеческая голова говорит верующему, что если он потеряет свою жизнь ради нее, то найдет ее. Жесты «не бойся» и «дарение благ» учат, что она защищает своих детей, что пары противоположностей вселенского катаклизма — отнюдь не то, чем кажутся, и что для человека, сосредоточившегося на вечности, преходящие «добро» и «зло» является лишь умозрительным построением — как и сама богиня; хотя кажется, что она попирает ногами бога, в действительности она есть его блаженное видение.

Богиня Острова Драгоценных Камней[135] также представляет два аспекта бога: первый — это лицо, а второй аспект, с лицом, обращенным вверх, неразрывно слит с нею и является созидательным, радующимся миру аспектом; но второй — лицо, обращенное в сторону —

является *deus absconditus,* божественной сущностью самой в себе и самой по себе, вне происходящего и вне перемены, пассивной, дремлющей, пустой, стоящей даже выше чуда таинства двуполости[136].

Ил. 38. Кали Астриде Шива (гуашь, бумага). Индия, дата неизвестна

Это высшее выражение великого противоречия, с помощью которого раскалывается стена, образуемая парами противоположностей, и прошедший инициацию допускается к видению Бога, который, создавая человека по своему подобию, сотворил его мужчиной и женщиной. В правой, мужской, руке он держит молнию, которая является наиболее полным соответствием его мужского образа, в то время как в левой руке он держит колокол, символизирующий богиню. Молния символизирует и путь, и вечность, а колокол — «просветленный дух»; звук этого колокола символизирует прекрасный голос вечности, который слышит лишь чистый ум во всем мироздании, а следовательно, и в себе самом[137].

Именно этот колокол звонит во время обряда христианского причастия в тот момент, когда Бог, благодаря силе слов освящения, нисходит в хлеб и вино. Таково же и христианское толкование смысла происходящего: *Et Verbum caw factum es*[*], или, иными словами, «Драгоценный камень — в Лотосе»: *Om mani padme hum.*

[*] «И мир стал плотью» как возвестил ангел Деве Марии, непорочно зачавшей Иисуса.

Сравните с эпизодом из приключений героя «Упанишад» (Каушитаки упанишада, 1:4), который достиг мира Брахмы: «Подобно тому, как человек, управляющий колесницей, смотрит вниз на два ее колеса, так и он смотрит на день и ночь, поступки добрые и злые и на всякую пару противоположностей. Ему неведомы ни добро, ни зло, он познал Бога и идет прямо к Нему».

В этом разделе рассматриваются следующие соответствия:

Пустота	Мир
Вечность	Время
Нирвана	Сансара
Истина	Иллюзорность
Просветление	Сострадание
Бог	Богиня
Враг	Друг
Смерть	Рождение
Молния	Колокол
Драгоценный Камень	Лотос
Субъект	Объект
Яб	Юм
Ян	Инь

Дао
Высший Будда
Бодхисаттва
Дживан Мука
Слово, Ставшее Плотью

6. Награда в конце пути

Принц Острова Одиночества шесть дней и ночей пребывал на золотом ложе со спящей королевой Туббер Тинти. Ложе держалось на золотых колесах, которые непрерывно вращались, и с ними Ложе катилось по кругу, не останавливаясь ни днем, ни ночью. На седьмой день он сказал: «Пришло время уходить отсюда». И он сошел с ложа, наполнив три сосуда водой из огненного колодца. В золотой комнате стоял золотой стол, а на столе лежала баранья нога и хлеб; и, если бы все люди Эрина на протяжении двенадцати месяцев ели со стола, эта баранья нога и этот хлеб не убавились бы.

> Принц сел за стол, вволю насытился бараниной с хлебом, но от них не убавилось ни кусочка. Затем он поднялся, взял сосуды с водой, положил их в свою котомку и уже собирался выйти из комнаты, когда вдруг подумал: «Жаль уходить, не оставив чего-нибудь, чтобы королева могла узнать, кто здесь побывал, пока она спала». И он написал письмо, сообщая, что сын Короля Эрина и Королевы Острова Одиночества провел шесть дней и ночей в золотой комнате Туббер Тинти, набрал воды из огненного колодца и поел с золотого стола. Положив письмо под подушку Королевы, он подошел к открытому окну, спрыгнул на спину своей худой и косматой лошаденки, и та целым и невредимым привезла его домой, за лес и за реку[138].

Легкость, с которой завершается это путешествие, доказывает, что герой выше простого человека, он королевской крови. О такой легкости рассказывают многие сказки и всех легенды, в которых описываются подвиги воплощенных богов. Там, где обычный герой столкнулся бы с трудностями, избранный не встречает никаких препятствий и не совершает никаких ошибок. Колодец — это Центр Мироздания, его огненная вода — это неразрушимая сущность бытия, кровать, безостановочно катящаяся по кругу, подразумевает Ось Мира. Спящий замок — это бездна, в которую погружается сознание во сне, где индивидуальная жизнь находится на грани растворения в огне однородной энергии: растворение в ней означало бы смерть; но отсутствие огня — это тоже смерть. Тема пищи, которая все не иссякает (берущая свое начало в детской фантазии), символизирует вечно дарящие жизнь силы вселенского источника. В сказках это аналог мифологической неистощимой щедрости пира богов. Сведение вместе двух великих символов — встречи с богиней и похищения огня — с предельной ясностью и простотой раскрывает статус антропоморфных сил в сфере мифа. Они не являются самоцелью, а лишь стражем, воплощением или носителем благодати нетленной жизни — живительным напитком, молоком, пищей, огнем. Такой образ можно отчасти легко интерпретировать как изначально психологический; на самых ранних стадиях развития ребенка можно наблюдать признаки зарождения своеобразной «мифологии», в которой отражается состояние вне превратностей времени. Они появляются как реакция, как спонтанный эффект защиты против угрожающих фантазий о разрушении тела, которые приходят в голову ребенка, когда его отлучают от материнской груди[139]. «Ребенок реагирует на это вспышкой раздражения, и фантазм, которая сопровождает эти вспышки раздражения, состоит в том, чтобы вырвать все из тела матери... После этого ребенок боится наказания за эти импульсы, то есть боится, что у него самого все будет вырвано изнутри»[140]. Ребенок опасается, что целостность его тела будет нарушена, думает о том, как компенсировать причиненный ущерб, испытывает безмолвную глубокую потребность в том, чтобы остаться целым и невредимым и защититься от «злых» сил, грозящих нам изнутри и снаружи, и эти фантазии начинают руководить развивающейся психикой; они сохраняются в качестве определяющих факто-

ров и в последующей невротической и даже нормальной жизненной деятельности, в духовных стремлениях, религиозных верованиях и ритуалах повседневной жизни взрослого человека.

Например, шаманская практика — это ядро всех примитивных обществ, «зарождается... на основе детских фантазий разрушения тела с привлечением ряда защитных механизмов»[141]. В Австралии основная концепция, исповедуемая колдунами, заключается в том, что духи изымают внутренности колдуна и заменяют их галькой, кристаллами кварца, чем-то вроде веревки, а иногда еще и небольшой змеей, наделяя их силой[142].

> Первая схема описывает фантазию, в которой мои внутренности уже уничтожены, за этим следует реакция — мои внутренности — это не что-то разлагающееся, полное фекалий, а нечто неподвластное разложению, наполненное кристаллами кварца. Вторая схема — проекция: «Это не я пытаюсь проникнуть в тело, а чужие колдуны, которые вводят субстанцию болезней в людей». Третья формула — восстановление: «Я не пытаюсь разрушать внутренности людей, я исцеляю их». При этом элемент исходной фантазии, относительно ценного содержимого, вырванного из тела матери, возвращается в виде техники врачевания: высосать, вытащить, стереть что-то с больного[143].

Другой образ невозможности разрушить тело представлен в народных сказаниях о духовном «двойнике» — внешней душе, которую не затрагивают телесные увечья и травмы и которая пребывает в безопасности в некотором отдаленном месте[144]. «Моя смерть, — говорит один из таких устрашающих персонажей, — далеко отсюда и отыскать ее нелегко, она в широком океане. В этом океане есть остров, а на острове растет зеленый дуб, а под дубом — железный сундук, а в сундуке — маленький ларец, а в ларце — заяц, а в зайце — утка, а в утке — яйцо; и тот, кто найдет яйцо и разобьет его, в тот же час убьет и меня»[145]. Сравните со сновидением современной преуспевающей деловой женщины:

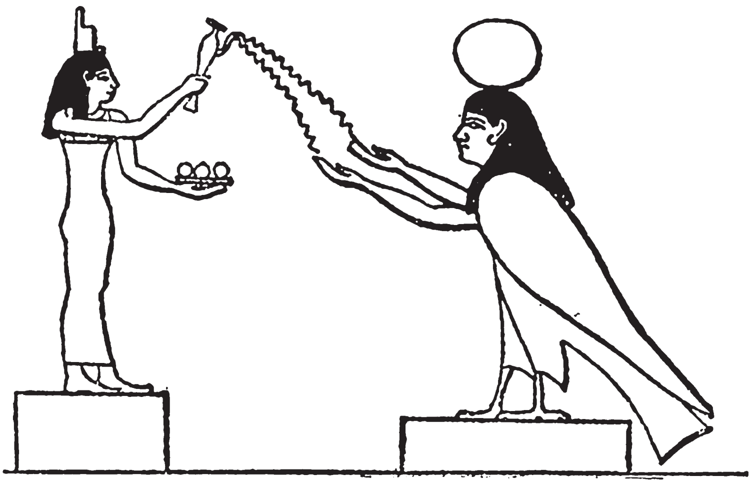
> Я попала на берег необитаемого острова. Вместе со мной там оказался католический священник. Он как-то перебросил доски с одного острова на другой, чтобы можно было пройти по ним. Мы перешли на другой остров и там спросили женщину, куда я ушла. Она ответила, что я в море с какими-то ныряльщиками. Затем я пошла куда-то вглубь острова, где было прекрасное озеро, полное драгоценностей и самоцветов, и другая «я» ныряла там с аквалангом. Я стояла там, глядя вниз и наблюдая сама за собой[146].

Существует прелестная индийская сказка о царской дочери, которая была согласна выйти замуж только за того мужчину, который найдет и разбудит ее двойника в Стране Солнечного Лотоса, на дне морском[147]. Прошедшего инициацию австралийца после женитьбы его дед подводит к священной пещере и показывает там небольшой кусок дерева с вырезанными на нем аллегори-

ческими рисунками: «Это и есть твое тело, — говорят ему, — ты и твое тело — одно и то же. Не переноси его в другое место, иначе тебе будет больно»[148]. Манихейцы и христианские гностики I в. н. э. учили, что, когда душа блаженного попадает на небеса, ее встречают святые и ангелы и преподносят ей «одеяние из света», которое сберегалось именно для нее.

Высшим блаженством для Нетленного Тела является непрерывное пребывание в Неиссякаемом Молочном Раю:

> Возвеселитесь с Иерусалимом и радуйтесь о нем, все любящие его! Возрадуйтесь с ним радостью, все сетовавшие о нем, чтобы вам питаться и насыщаться от сосцев утешений его, упиваться и наслаждаться преизбытком славы его. Ибо так говорит Господь: вот, Я направляю к нему мир как реку, и богатство народов — как разливающийся поток для наслаждения вашего; на руках будут носить вас и на коленах ласкать[149].

Ил. 39. Исида подносит Душе хлеб и воду. Египет, дата неизвестна

Даром «Все Исцеляющего» неистощимого соска служит пища для души и тела, душевный покой. Гора Олимп поднимается к небесам; боги и герои вкушают там амброзию (от греч.: ἀ — не, μβρόσιος — смертный). В зале Вотана в горах четыреста тридцать две тысячи героев вкушают неиссякаемую плоть Сахримнира, Космического Вепря, и запивают ее молоком, что струится из вымени козы Хейдрун — она кормится листьями Игдразиля, Ясеня Мира. На сказочный холмах Эрина бессмертный Туатха Де Данаан питается самовозрождающимися свиньями Мананнан, вволю запивая их элем Гвибне. В Персии в саду на горе Хара Березаити боги пьют дающую бессмертие хаому, приготовленную из дерева жизни Гаокерена. Японские боги пьют саке,

полинезийские — аве, ацтекские боги пьют кровь мужчин и девственниц. И спасенным в горнем саду Яхве подают неиссякающее восхитительное мясо химерных созданий — Бегемота, Левиафана и Зиза, и пьют они напитки четырех сладких рек Рая[150].

Очевидно, что детские фантазии, которые продолжают жить в нашем бессознательном, постоянно подпитывают и миф, и сказку, и учение церкви как символы нетленности живого существа. Это помогает (человеку. — *Примеч. пер.*), потому мир образов — это естественная стихия разума, и среди них он словно вспоминает что-то, что раньше знал. Но в этом кроется и проблема, так как чувства опираются на символы и яростно сопротивляются всякой попытке выйти за их пределы. Чудовищная пропасть между теми, по-детски блаженными массами людей, что наполняют мир набожностью, и теми, кто воистину свободен, открывается на границе, где символы отступают и остаются *по ту сторону*. «О вы, — пишет Данте, покидая Земной Рай, — которые в челне зыбучем, желая слушать, плыли по волнам вослед за кораблем моим певучим, поворотите к вашим берегам! Не доверяйтесь водному простору. Как бы, отстав, не потеряться вам! Здесь не бывал никто по эту пору: Минерва веет, правит Аполлон, Медведиц — Музы указуют взору»[151]. Здесь граница, за пределы которой мышление не выходит, за которой все чувства поистине мертвы: как конечная станция на горной железной дороге, откуда уходят альпинисты и куда они возвращаются, чтобы общаться с теми, кто любит горный воздух, но боится высоты. Невыразимое понимание неописуемого блаженства приходит к нам непременно в образах, напоминающих воображаемое блаженство времен детства; отсюда и обманчивая детскость сказок. Отсюда также и неадекватность любого чисто психологического толкования.

В опубликованных трудах по психоанализу изучаются источники символов в сновидениях, их скрытое значение для бессознательного, а также следствия их воздействия на психику; но еще один факт — что великие учителя использовали их сознательно в качестве метафор — остается без внимания: по умолчанию считается, что великие учителя прошлого были невротиками (за исключением, конечно, некоторых из греков и римлян), ошибочно принимавшими свои фантазии за откровение и не подвергавшие их критике. В таком же духе и откровения психоанализа многими неспециалистами рассматриваются как продукт «извращенного ума» доктора Фрейда.

Изощренный юмор детских фантазий, подвергнутых искусной мифологической обработке метафизического учения, великолепно передает один из наиболее хорошо известных великих мифов восточного мира: индийское предание о великой битве в начале времен между титанами и богами за напиток бессмертия. Прародитель земных существ, Кашиапа, «Человек Черепаха», взял в жены тринадцать дочерей еще более древнего патриарха демиурга Дакши,

«Бога Добродетели». Двое из этих дочерей, по имени Дити и Адити, родили соответственно титанов и богов. Однако в бесконечном ряду семейных распрей многие из этих сыновей Кашиапы были убиты. Но вот верховный жрец титанов благодаря великому аскетизму и медитациям снискал благосклонность Шивы, Бога Вселенной. Шива наделил его способностью оживлять мертвых. Это обеспечило титанам преимущество над богами, что вскоре было доказано одной из последующих битв. Боги в смятении отступили, и, устроив совет, обратились к верховным богам Брахме и Вишну.

Брахма-Создатель, Вишну-Хранитель и Шива-Разрушитель, составляют триединство в индуизме, воплощая три аспекта действия одной созидающей субстанции. После VII в. до н. э. статус Брахмы претерпел изменения, и он стал просто созидающим посредником Вишну. Таким образом, индуизм сегодня разделен на два основных лагеря: в одном главным образом поклоняются созидателю-хранителю Вишну, в другом — Шиве, разрушителю мира, который соединяет душу с вечным. Но эти двое по сути составляют единое целое. В упоминаемом мифе именно благодаря их совместным усилиям добывается эликсир жизни.

Ил. 40. Брахма, Вишну и Шива со своими спутниками (цветная миниатюра). Индия, начало XIX в. н. э.

Брахма и Вишну посоветовали богам заключить временное перемирие со своими братьями, во время которого они могли бы склонить титанов помочь им взбить Молочный Океан бессмертной жизни, чтобы добыть масло Амрита — «нектар бессмертия». Польщенные таким приглашением, которое они посчитали за признание своего превосходства, титаны с радостью согласились принять в этом участие; и так началось эпохальное совместное приключение, которое знаменовало начало четырех веков мирового цикла. В качестве «пестика» для взбивания была выбрана гора Мандара Васуки, Царь змей согласился быть веревкой, с помощью которой нужно было крутить гору, а сам Вишну, в образе черепахи, нырнул в Молочный Океан, чтобы своей спиной поддерживать основание горы. После того как змею намотали на гору, боги

ухватились за один ее конец, а титаны — за другой. И затем на протяжении тысячи лет все они дружно взбивали океан.

Первым с поверхности океана поднялся черный ядовитый дым, называющийся Калакута, «Черная Вершина», то есть высочайшая концентрация силы смерти. «Выпей меня», — сказала Калакута; и работу нельзя было продолжать до тех пор, пока не найдется кто-нибудь, способный выпить ее. Вдалеке в уединении медитировал Шива, обратились к нему. Величаво вышел он из глубокой медитации и направился к месту взбивания Молочного Океана. Набрав настой смерти в кубок, он одним глотком осушил его и своей силой йога удерживал напиток в горле. Горло его посинело. Поэтому Шиву называют «Синяя Шея», Нилакантха.

Снова стали взбивать океан, и вот из бездны стали подниматься совершенные формы концентрированной силы. Появились Апсары (нимфы), богиня счастья Лакшми, молочно-белая лошадь по имени Уччайхшравас, «Громко Ржащая», жемчужина драгоценностей Каусиубха и тринадцать других замечательных вещей. Последним появился искусный лекарь богов Дханвантари, держа в руке луну, чашу нектара жизни.

И сразу же началась великая битва за обладание бесценным напитком. Один из титанов, Раху, изловчился и сделал глоток, но ему отрубили голову до того, как жидкость прошла по его горлу; его тело истлело, а голова осталась бессмертной. Эта голова и сейчас непрестанно следует через небеса за луной, пытаясь снова схватить ее. Когда ей это удается, чаша луны легко проходит через рот и снова выходит из горла: оттого и бывают затмения луны.

Но Вишну, беспокоясь о том, чтобы боги не потеряли своего превосходства, превратился в прекрасную танцующую девушку. И пока похотливые титаны стояли, в восхищении застыв без движения, очарованные ее прелестями, она схватила чашу-луну с напитком Амрита, немного подразнила их ею, а затем неожиданно передала чашу богам. Вишну тут же снова превратился в могущественного героя, встал на сторону богов против титанов и помог оттеснить врага к скалам и темным ущельям нижнего мира. Теперь боги вечно вкушают напиток Амрита в своих прекрасных дворцах на вершине горы Сумеру, в Центре мира[152].

Мифы от более буквальных и сентиментальных теологических произведений всегда отличает юмор. И боги, и иконы сами по себе не несут особого смысла. Их занимательные мифы переносят разум и дух не *к ним наверх,* а *по ту сторону от них,* в пустоту, где тяжеловесные теологические догмы кажутся не более чем педагогическими уловками: их цель — увести недалекий интеллект прочь от нагромождения конкретных фактов и событий в сравнительно возвышенную область, где все существование — небесное, земное или инфернальное — превращается в нечто, напоминающее простой детский сон, готовый в любой миг рассеяться, и который приходит к нам снова и снова, принося то блаженство, то кошмары. «С одной точки зрения, все эти божества существуют на самом деле, — ответил недавно тибетский *лама* на вопрос разумного западного гостя, — с другой — они вымышлены»[153]. Древнее ортодоксальное тантрическое учение гласит: «Все эти мысленно представляемые

божества — всего лишь символы, отражающие различные явления, что встречаются на Пути»[154]; это же утверждается и в концепции современных школ психоанализа[155].

То же самое метатеологическое понимание, по-видимому, неявно присутствует в последних строках Данте, где просветленный путешественник наконец-то способен проникнуть своим бесстрашным взором за пределы блаженного видения Отца, Сына и Святого Духа к единому Вечному Свету[156].

Таким образом, и богов, и богинь следует считать воплощениями и хранителями эликсира Бессмертного Бытия, но не самим Высшим Бытием в его первичном состоянии. Герой стремится не общению с ними, а к их благосклонности, стремится овладеть их силой, источником и основой бытия. Лишь эта чудесная энергия-субстанция и есть Нетленное; а имена и образы богов, которые воплощают, распространяют и представляют ее повсюду, приходят и уходят. Это чудодейственная энергия молний Зевса, Яхве и Высшего Будды, плодородие дождя Виракоча, благодать колокольного звона во время мессы, во время обряда причастия[157], это свет окончательного просветления святого и мудреца. Ее стражи допускают к ней только достойных, прошедших испытания.

Но боги бывают слишком строги, слишком осторожны, в этом случае герой должен хитростью выманить у них их сокровище. Такая задача стояла перед Прометеем. В таком расположении духа даже высшие боги кажутся злобными, скрывающими жизнь страшными существами, и героя, который обманывает, убивает или усмиряет их, почитают как спасителя мира.

Полинезийский Мауи отправился к Маху-ика, стражу огня, чтобы добыть у него его сокровище и отдать его человечеству. Мауи подошел прямо к гиганту Маху-ика и обратился к нему: «Расчисть от кустарника это ровное поле, чтобы мы смогли померяться с тобой силами в честном соревновании». Мауи, следует сказать, был великим героем и мастером на всякие хитрости.

> Маху-ика поинтересовался: «В какой же доблести и мастерстве мы будем с тобой соревноваться?».
>
> «В мастерстве бросания», — ответил Мауи. Маху-ика согласился; тогда Мауи спросил: «Кто начнет?» Маху-ика ответил: «Я начну». Мауи дал свое согласие, и Маху-ика схватил Мауи и подбросил его в воздух; Мауи взлетел высоко и упал прямо в руки Маху-ика; снова Маху-ика бросил Мауи вверх, приговаривая: «Бросаю, бросаю — лети к небесам!».
>
> Мауи полетел вверх, и Маху-ика произнес следующее заклинание:
>
> *Лети вверх до первого неба,*
> *Лети вверх до второго неба,*
> *Лети вверх до третьего неба,*
> *Лети вверх до четвертого неба,*
> *Лети вверх до пятого неба,*
> *Лети вверх до шестого неба,*
> *Лети вверх до седьмого неба,*
> *Лети вверх до восьмого неба,*

Лети вверх до девятого неба,
Лети вверх до десятого неба!

Мауи несколько раз перевернулся в воздухе, полетел вниз и упал рядом с Маху-ика; тогда Мауи сказал: «Ишь, как тебе весело!».

«Конечно же! — воскликнул Маху-ика. — А ты думаешь, что сможешь подбросить кита высоко в небо?»

«Я могу попытаться!» — ответил Мауи. И Мауи ухватился за Маху-ика и подбросил его вверх, приговаривая: «Бросаю, бросаю — лети к небесам!».

Маху-ика полетел вверх, и теперь Мауи произнес заклинание:

Лети вверх до первого неба,
Лети вверх до второго неба,
Лети вверх до третьего неба,
Лети вверх до четвертого неба,
Лети вверх до пятого неба,
Лети вверх до шестого неба,
Лети вверх до седьмого неба,
Лети вверх до восьмого неба,
Лети вверх до девятого неба,
Лети вверх до десятого неба!

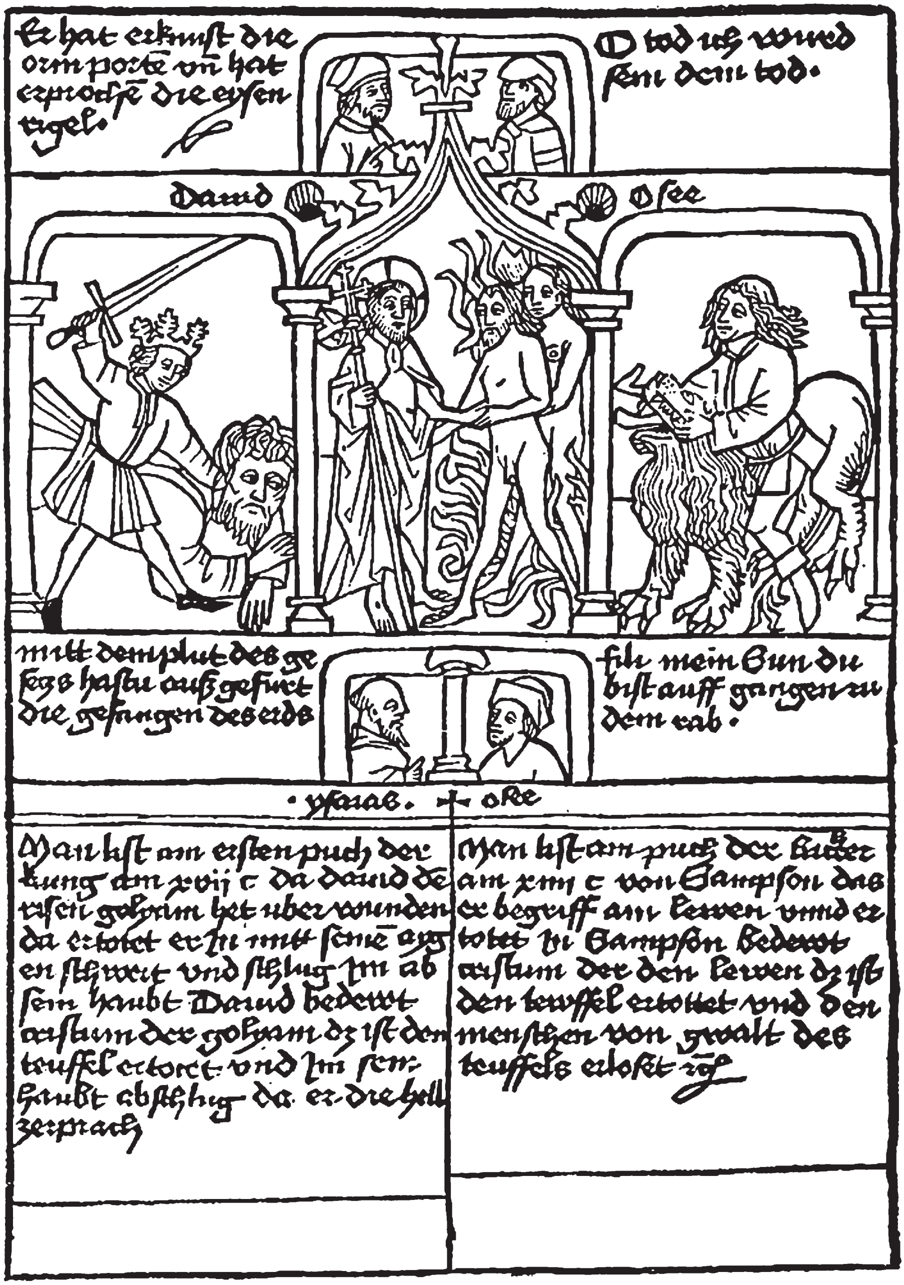
Маху-ика несколько раз перевернулся в воздухе и начал падать вниз; когда он почти достиг земли, Мауи выкрикнул следующие волшебные слова: «Тот, кто вверху, — пусть упадет прямо на свою голову!».

Маху-ика упал; его шея сложилась в гармошку, и Маху-ика умер.

Герой Мауи тут же ухватил голову великана Маху-ика и отрубил ее, затем он завладел огнем, который подарил миру[158].

Величайшая легенда о поиске эликсира в месопотамской добиблейской традиции — сказание о Гильгамеше, легендарном царе шумерского города Урука, который отправился на поиски водяного кресса, растения бессмертия, растения вечной молодости. Благополучно миновав львов, которые охраняли подножия гор, и людей-скорпионов, стороживших несущие на себе небо вершины, он оказался среди гор, в райском саду, полном цветов, плодов и драгоценных камней. Он отправился дальше и пришел к морю, окружавшему мир. В пещере рядом с морем жила Сидури-Сабиту, воплощение богини Иштар, и эта женщина, закутанная с головы до ног, закрыла перед ним ворота. Но когда он рассказал ей свою историю, она пустила его к себе и посоветовала ему оставить поиски и научиться довольствоваться радостями смертной жизни:

«Гильгамеш, зачем ты идешь этой дорогой? Той жизни, что ты ищешь, ты никогда не найдешь. Когда боги сотворили человека, смерть определили они человечеству в удел, а жизнь оставили в своих собственных руках. Насыть свое чрево, Гильгамеш; наслаждайся день и ночь; и каждый день готовь себе приятные развлечения. И день и ночь будь весел и беззаботен; пусть одежды твои будут прекрасны, тело омыто и чиста голова. Уважь дитя, что за руку тебя возьмет. Пусть будет счастлива супруга на твоей груди».

Ил. 41. Победа над чудовищем: Давид и Голиаф; Мучения в аду; Самсон, побеждающий льва (гравюра). Германия, 1471 г.

Этот отрывок отсутствует в классическом ассирийском варианте данной легенды и встречается в намного более раннем вавилонском фрагментарном тексте[159]. Часто отмечалось, что совет пророчицы призывает к гедонизму, но следует также отметить, что в этом отрывке описывается испытание посредством инициации, а не моральная философия древних вавилонян. Так и в Индии, столетия спустя, когда ученик подходил к своему учителю с просьбой открыть тайну бессмертной жизни, то вначале учитель отговаривал его, описывая прелести смертной жизни[160]. И лишь если ученик упорствовал, то допускался к следующей инициации.

Но Гильгамеш продолжал настаивать на своем, и Сидури-Сабиту позволила ему пройти дальше и предупредила об опасностях в пути.

Женщина посоветовала Гильгамешу отыскать перевозчика Урсанапи, которого он нашел, когда тот рубил деревья в лесу, охраняемый группой людей. Гильгамеш победил спутников перевозчика (они назывались «те, что радуются жизни», «те, что из камня»), и тот согласился переправить его через воды смерти. Это путешествие заняло полтора месяца. Гильгамеша предупредили о том, чтобы он не дотрагивался до воды.

В далекой земле, к которой они приближались, жил Утнапиштим*, герой первого потопа, который обитал здесь со своей женой в вечном мире. Утнапиштим издалека увидел приближающееся одинокое маленькое суденышко из дальней дали и подумал про себя: «Почему “те, что из камня”, чья лодка, повержены, и кто-то, кто не служит мне, плывет в ней? Тот, что приближается, разве он не человек?».

Когда Гильгамеш высадился на берег, то ему пришлось выслушать от патриарха долгий пересказ истории о потопе. Затем Утнапиштим велел своей жене испечь семь хлебов и положить их у изголовья Гильгамеша, спавшего у лодки. Утнапиштим дотронулся до Гильгамеша, тот проснулся, и хозяин велел перевозчику Урсанапи отвести гостя к купальне помыться и дать ему чистую одежду. После этого Утнапиштим открыл Гильгамешу тайну растения: «Гильгамеш, нечто тайное открою я тебе и дам тебе свое наставление. Это растение подобно шиповнику в поле, шип его, как розы шип, вопьется в руку твою. Но если рука твоя до растения этого доберется, ты вернешься в родные земли».

Это растение росло на дне космического моря. Урсанапи снова вывез героя в открытое море, Гильгамеш привязал к своим ногам камни и нырнул. Он устремился вниз, проявляя недюжинную выносливость, а перевозчик оставался в лодке. Достигнув дна глубокого моря, ныряльщик сорвал растение, хотя оно и поранило его руку, отвязал камни от ног и устремился к поверх-

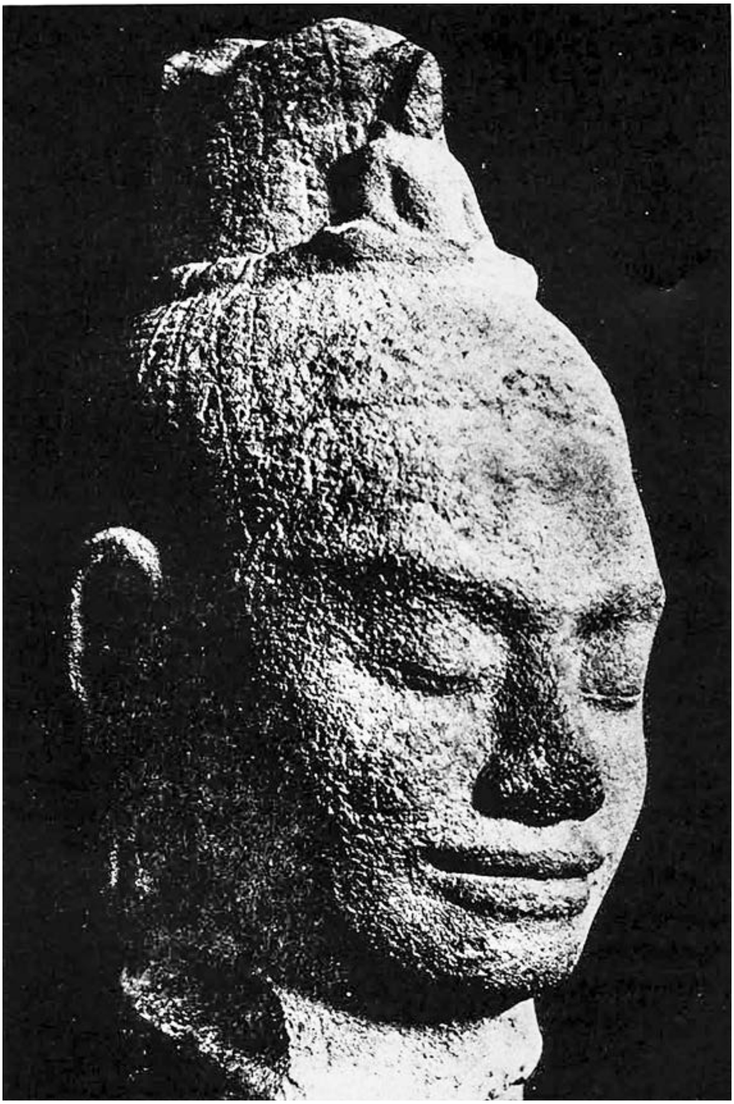
* Вавилонский прототип библейского Ноя.

ности. Когда он вынырнул и лодочник втащил его обратно в лодку, Гильгамеш торжествующе произнес: «Урсанапи, это то растение, с которым человек сможет обрести всю полноту жизненной силы. Я отвезу его в Урук, город овчарен. Его имя означает "В своей старости человек снова становится молодым". Я отведаю его и снова обрету здоровье своей юности».

Ил. 42. Ветвь бессмертия (алебастровый барельеф). Ассирия, 885–860 гг. до н. э.

Хотя по дороге сюда героя предостерегли о том, что воды касаться нельзя, теперь он может безо всякого вреда для себя входить в нее. Это произошло оттого, что он обрел силу, посетив древних хозяев Вечного Острова. Утнапиштим-Ной, герой потопа, представляет собой архетипный образ отца; его остров, Центр Мира, является прообразом последующего римско-греческого Острова Благословенных.

Ил. 43. Бодхисаттва (каменная скульптура). Камбоджа, XII в. н. э.

И они поплыли по морю. Когда они пристали к берегу, Гильгамеш искупался в прохладном озерце и прилег отдохнуть. Но пока он спал, змея учуяла удивительный аромат растения, метнулась вперед и утащила его. Съев растение, змея тут же обрела способность сбрасывать кожу и таким образом возвращать себе молодость. А Гильгамеш, проснувшись, сел и заплакал, «и слезы текли по крыльям его носа»[161].

И по сей день мысль о физическом бессмертии привлекает людей. Утопическая пьеса Бернарда Шоу «Назад к Мафусаилу», написанная в 1921 г.,

превращает эту тему в современную социально-биологическую притчу. За четыреста лет до этого более приземленный Хуан Понсе де Леон в поисках земли Бимини, где он рассчитывал найти источник юности, открывает Флориду. А за столетия до этого и на другом конце света китайский философ Ко Хун провел последние годы своей долгой жизни, изготавливая пилюли бессмертия.

> «Возьмите три фунта чистой киновари, — писал он, — и один фунт белого меда. Смешайте их. Высушите смесь на солнце. Затем подержите над огнем до тех пор, пока из этой смеси можно будет сформовать пилюли. Каждое утро принимайте по десять пилюль размером с конопляное семя. В течение года седые волосы потемнеют, сгнившие зубы заменятся новыми, а тело станет гладким и лоснящимся. Если старик будет долгое время принимать это снадобье, то превратится в юношу. Тот, кто принимает его постоянно, будет наслаждаться вечной жизнью и никогда не умрет»[162].

Однажды в гости к одинокому экспериментатору и философу явился его друг, но все, что он нашел, — пустые одежды Ко Хуна. Старец исчез, он ушел в царство бессмертных[163].

Поиск *физического* бессмертия берет свое начало от ошибочного понимания традиционного учения. Основная проблема заключается вот в чем: как расширить зрачок глаза так, чтобы бренное *тело* человека, не загораживало поле зрения. В этом случае бессмертие воспринимается как реальный факт «Вот оно, здесь!»[164].

> «Все вещи находятся в процессе развития, поднимаются вверх и возвращаются обратно. Растения расцветают, но только для того, чтобы вернуться к корню. Возвращение к корню подобно поиску покоя. Поиск покоя подобен движению навстречу судьбе. Движение навстречу судьбе подобно вечности. Познание вечности есть просветление, а непризнание вечности несет беспорядок и зло.
>
> Познание вечности делает человека понимающим, понимание расширяет его кругозор, широкий кругозор приносит благородство, благородство подобно небесам.
>
> Небесный подобен Дао. Дао есть Вечный. Разложения тела не следует бояться»[165].

У японцев есть пословица: «Боги только смеются, когда люди молят их о богатстве». Благо, даруемое верующему, всегда соответствует его достоинствам и самому его заветному желанию: этот дар — всего лишь символ жизненной энергии, низведенный до уровня обыденных желаний. Ирония, конечно же, заключается в том, что, хотя герой, снискавший благосклонность бога, и может просить его о благе полного просветления, все, к чему он обычно стремится — это продлить жизнь, получить оружие, чтобы убить соседа, или здоровье для своего ребенка.

Греки рассказывают о царе Мидасе, которому посчастливилось заслужить обещание Бахуса исполнить любое его желание. Он попросил, чтобы все, к чему бы он ни прикоснулся, превращалось в золото. Когда Мидас ушел от Бахуса, по пути для пробы он сорвал веточку дуба, и та сразу стала золотой; он поднял камень, тот превратился в золото; яблоко стало золотым самородком в его руке. В восторге он приказал устроить великолепный пир, чтобы отпраздновать это чудо. Но когда он сел за стол и коснулся пальцами жареного мяса, оно превратилось в золото; вино, коснувшись его губ, стало жидким золотом. А когда его маленькая дочь, которую он любил больше всего на свете, пришла утешить отца в его несчастье, то она превратилась в прелестную золотую статую в ту же секунду, как Мидас обнял ее.

Муки преодоления собственных ограничений — это муки духовного роста. Искусство, литература, миф и религия, философия и аскетические дисциплины являются инструментами, помогающими индивиду преодолеть свои ограничения и шагнуть в бесконечные сферы познания. Переступая порог за порогом, одолевая дракона за драконом, он постигает величие божества, которое просит исполнить свое заветное желание, он растет и распространяется, приобретая космические масштабы. И тогда, наконец, разум прорывается сквозь ограничивающую сферу космоса к сознанию, превосходящему все восприятия формы, — все символы, всех богов — к осознанию неотвратимой пустоты.

Поэтому, когда Данте совершает последний шаг в своих духовных странствиях и приближается к предельному символическому видению Триединого Бога в образе Небесной Розы, ему суждено испытать еще одно просветление, выйдя за пределы образа Отца, Сына и Святого Духа. Он пишет: «Бернард с улыбкой показал безгласно, что он меня взглянуть наверх зовет; но я уже так сделал самовластно. Мои глаза, с которых спал налет, все глубже и все глубже уходили в высокий свет, который правда льет. И здесь мои прозренья упредили глагол людей; здесь отступает он, а памяти не снесть таких обилий»[166].

«Туда не проникает глаз, не проникает ни речь, ни разум. Мы не знаем, не распознаем, как можно учить этому. Поистине, это отлично от познанного и выше непознанного»[167].

Так происходит высшее и абсолютное распятие не только героя, но и его бога. И в этом в равной степени прекращают свое существование и Сын, и Отец — как две личины, скрывающие то, чему нет имени. Ибо как плоды мечтаний, питаемые жизненной энергией одного мечтателя, являют нам лишь смутный рисунок наложения сложно и разнонаправленно устремленных векторов одной-единой силы, так и все возможные формы всех сущих миров, будь то земных или божественных, отражают вселенскую силу одной и единой непостижимой тайны: силу, которая создает атомы и управляет орбитами звезд.

Этот источник жизни составляет саму суть человека, и он откроет ее в себе, если сможет сорвать скрывающие ее покровы. Языческий германский бог Один (Вотан) отдал глаз за то, чтобы разорвать пелену света, через которую не могло

пробиться знание этой бесконечной тьмы, а затем перенес ради него страдания распятия:

Знаю, висел я
в ветвях на ветру
девять долгих ночей,
пронзенный копьем,
посвященный Одину,
в жертву себе же,
на дереве том,
чьи корни сокрыты
в недрах неведомых[168].

Победа Будды под деревом Бодхи — это классический восточный пример такого подвига. Мечом своего разума он пронзил пузырь Вселенной — и она превратилась в ничто. Весь мир обыденного восприятия, а также континенты, небеса и преисподняя традиционных религиозных верований распались — вместе с их богами и демонами. Но величайшим чудом явилось то, что, и распавшись, все, однако, затем возродилось, ожило и засияло в лучезарном свете истинного бытия. Воистину, даже боги спасенных небес, сливая свои голоса в дружном хоре, приветствуют человека-героя, который проник выше их, в ту пустоту, что была их истоком, их жизнью.

> Флаги и знамена, стоящие на восточном краю мира, развернули свои полотнища до западного края мира; а стоящие на западном краю мира — до восточного края мира; стоящие на северном краю мира — до южного края мира; а стоящие на южном краю мира — до северного края мира; в то время как те, что стояли на земле, взметнули свои полотнища вверх, до самого мира Брахмы; а те, что стояли в Брахма-Мире, опустили до самой земли. Во всех десяти тысячах миров. Расцвели, благоухая, деревья; деревья в садах сгибались под тяжестью своих плодов; на стволах других деревьев расцвели лотосы стволов; на ветвях деревьев расцвели лотосы ветвей; на лианах — лотосы лиан; висящие лотосы — в небе; лотосы побегов пробились меж камней и поднялись семерками. Все десять тысяч миров уподобились гирлянде цветов, подброшенной в воздух, или же толстому ковру из живых цветов; между мирами все преисподние, протяженностью в восемь тысяч лиг, которые ранее даже свет семи солнц не в состоянии был осветить, теперь были залиты сиянием; океан глубиною в восемьдесят четыре тысячи лиг стал сладким на вкус; реки остановили свое течение; слепые от рождения прозрели; калеки от рождения исцелились; а путы и кандалы плененных разорвались и упали[169].

Ил. 44. Возвращение блудного сына (холст, масло). Голландия, 1662 г.

ГЛАВА III

Возвращение

1. Отказ возвращаться

Когда герой завершил свои странствия, открыв источник силы или получив помощь богов в облике мужчины или женщины, человека или животного, ему, искателю приключений, еще предстоит возвращение к обыденной жизни с бесценным сокровищем, которое он приобрел и которое несет жизнь всему сущему. По законам мономифа, герой должен совершить полный круг и теперь выполнить еще одну миссию — доставить руны с мудрыми изречениями, золотое руно или заколдованную спящую принцессу в то царство людей, откуда он вышел и в котором этот дар поможет возродить его общину, нацию, планету или десять тысяч миров.

Но бывает так, что герой отказывается исполнить этот долг. Даже Будда после своего триумфа сомневался, можно ли донести до других пришедшее к нему откровение. Есть предания и о святых, что так и покинули этот мир, пребывая в божественном экстазе. И немало сказаний о героях, которые навечно остались на благословенном острове с вечно молодой Богиней Бессмертия.

Есть трогательная сказка о древнем индийском царе-воине Мучукунде. Он родился от левой половины своего отца, так как отец по ошибке проглотил детородную настойку, приготовленную браминами для его жены*; и в полном соответствии с этим символическим чудесным способом рождения на свет, рожденное без матери чудесное дитя, плод мужского лона, выросло царем среди царей, и когда однажды боги потерпели поражение в своей вечной борьбе с демонами, они обратились к нему за помощью. Он помог им одержать великую победу, и они милостиво обещали ему исполнить его самого заветное желание. Но о чем может мечтать всемогущий царь? Что могло бы стать величайшим даром для величайшего из людей? Легенда гласит, что царь Мучукунда очень утомился после битвы: и его единственным желанием было по-

* Эта деталь символизирует рационализацию рождения от отца-гермафродита, проводящего обряд инициации.

грузиться в вечный сон, и чтобы всякий, кто посмеет этот сон нарушить, был бы сожжен дотла, как только царь откроет глаза.

Он получил этот дар. Глубоко в недрах горы, в пещерном гроте царь Мучукунда заснул спокойным сном. Одна эра сменяла другую, люди, народы, цивилизации, мировые эпохи поднимались из небытия и уходили снова, а царь древнего мира блаженно спал. Он вышел за пределы времени, как фрейдовское бессознательное под всеми напластованиями исполненного драматизма и подвластного времени мира колеблющихся восприятий нашего «я», этот древний человек в недрах горы, погруженный в глубокий сон, все жил и жил.

Его разбудили, но это произошло таким образом, что все представления о пути героя по кругу приобретают новое толкование и помогают понять тайну желания могущественного царя погрузиться в сон, представляя его как величайшее благо, которое только можно представить.

Вишну, Владыка Мира, воплотился в личность прекрасного юноши по имени Кришна, который после спасения Индии от расы демонов-тиранов занял престол. Ничто не нарушало его безмятежного царствования, пока с северо-запада вдруг не вторглась армия варваров. Царь Кришна выступил против них. И, как и подобает его божеству, играючи, одолел их с помощью простой хитрости. Без оружия и украшенный лотосами он вышел из своей крепости, и, когда царь варваров погнался за ним, надеясь поймать его, он неожиданно нырнул в пещеру. Варвар последовал за ним и обнаружил кого-то спящего в гроте.

«А! — подумал он. — Заманил меня в пещеру и притворяется, что безобидно спит».

Он пнул ногой спящего, и тот зашевелился. Это был царь Мучукунда. Он поднялся, и тот, кто проспал бесчисленные столетия творения мира, вехи мировой истории и крушения миров, медленно открыл глаза. Первый взгляд их поразил вражеского царя, и тот вспыхнул огненным факелом, превратившись в дымящуюся кучку пепла. Мучукунда повернулся, и второй его взгляд упал на увешанного цветами прекрасного юношу, в котором разбуженный царь сразу же узнал по его сиянию воплощение Бога. Мучукунда склонился перед своим Спасителем с такими словами:

> «Владыка мой, Бог! Раньше я просто жил и трудился, как простой человек, — непрестанно сбиваясь с пути; в течение многих жизней, рождение за рождением, я искал и страдал, не зная, где остановиться или отдохнуть. Горе я считал радостью. Миражи, рожденные над пустыней, я в заблуждении принимал за сулящие свежесть воды. Я гнался за наслаждениями, а находил лишь страдания. Царская власть и земные блага, богатство и могущество, друзья и сыновья, жена и последователи, все, что услаждает чувства, — вот к чему я стремился, ибо верил, что это принесет мне блаженство. Но как только я овладевал всем этим, оно меняло свою природу и обжигало меня, как огонь.

Затем нашел я свою дорогу в сонм богов, зачем они с радостью приняли меня как равного? И где мое пристанище? И где мой покой? Все создания этого мира, включая богов, обмануты твоей хитроумной игрой, мой Бог, мой Владыка; и вот они не могут вырваться из тщетного круга рождений, жизненных страданий, старости и смерти. В промежутке между возрождениями они предстают перед владыкой смерти и вынуждены терпеть адские муки. И ты всему этому виной!

Мой Бог и Владыка, обманутый твоей хитроумной игрой, и я также был жертвою мира, блуждая в лабиринте иллюзий, и я бился в сетях сознания своего “я”. Поэтому теперь я пытаюсь утешиться твоим Присутствием — безграничным и невыразимым — желая лишь освободиться от всего этого навсегда».

Когда Мучукунда вышел из своей пещеры, он увидел, что с того времени, как он покинул мир, люди стали меньше ростом. Он был среди них гигантом. И тогда он снова удалился от них, ушел в высочайшие горы и там стал вести аскетическую жизнь, которая в конце концов должна была освободить его от последней привязанности к бренным формам бытия[1].

Иными словами, Мучукунда, вместо того чтобы вернуться, решил еще на один шаг удалиться от мира. И кто может с уверенностью сказать, что это решение было совсем уж бессмысленным?

2. Волшебное бегство

Если победивший герой снискал благоволение богини или бога, а затем был отправлен ими в обыденный мир, чтобы спасти его с помощью какого-нибудь чудодейственного средства, то в самом конце приключения его поддерживают все силы его сверхъестественного покровителя. Но если трофей был добыт против воли охранявших его или если желанию героя вернуться в мир противятся боги либо демоны, в этом случае последняя стадия мифического путешествия по кругу завершается погоней, описанной живо и зачастую не без юмора. Этот побег обрастает подробностями — всякого рода магическими и чудесными препятствиями и уловками.

Например, у валлийцев есть легенда о герое Гвион-Бахе, который оказался в Подводной Стране, на дне озера Бала, вблизи Мерионетшира, на севере Уэльса. Там, на дне озера обитал древний великан Тегид Лысый со своей женой Керидвен. В одном из своих обличий она была покровительницей пшеницы и щедрых урожаев, а в другом — богиней поэзии и письма. У нее был огромный котел, в котором она собиралась сварить напиток вдохновения и науки. С помощью волшебных книг она приготовила черное зелье и поставила его вариться на огонь в течение года. По истечении этого времени у нее должно было получиться три благословенные капли, дарующие вдохновение.

Ил. 45а. Одна из сестер горгон преследует Персея, убегающего с головой Медузы (краснофигурная амфора). Греция, V в. до н. э.

Ил. 45б. Персей убегает с головой горгоны Медузы в сумке (краснофигурная амфора). Греция, V в. до н. э.

Она велела нашему герою помешивать зелье в котле, а слепому человеку по имени Морда поддерживать огонь, «и велела им следить, чтобы зелье не переставало кипеть в течение одного года и одного дня. А сама она, по книгам астрономов, каждый день в конкретные часы, определенные по положению планет, собирала всевозможные колдовские травы. И однажды, когда год близился к концу, в то время как Керидвен срывала растения и произносила заклинания, случилось так, что три капли волшебной жидкости выплеснулись из котла и упали на палец Гвион-Баха. И так как они были обжигающе горячие, он сунул палец в рот, и как только эти чудодейственные капли попали ему в рот, ему тотчас же открылось все, что свершится в будущем, и постиг, что главная его забота отныне — остерегаться коварства Керидвен, ибо мастерство ее было непревзойденным. В великом страхе он бежал восвояси. А котел раскололся надвое, потому что все содержимое его, за исключением этих трех несущих в себе чары капель, было ядовито, и поэтому все лошади Гвидно Гарангира отравились водой из ручья, в который попало варево из котла, а место слияния этого ручья с тех пор называется Отравой Лошадей Гвидно.

Когда Керидвен вернулась, она увидела, что все труды целого года пропали. Она схватила полено и стала бить бедного слепого по голове до тех пор, пока один его глаз не выскочил на щеку. И он сказал: «Напрасно ты покалечила меня, ибо не я виноват. Твоя потеря произошла не по моей вине». «Ты говоришь правду, — сказала Керидвен, — это Гвион-Бах обворовал меня».

И она пустилась за ним вслед. Он увидел это и, обратившись в зайца, метнулся прочь. Но она превратилась в борзую и бросилась за ним по пятам. Он нырнул в воду и стал рыбой. И она в образе выдры преследовала его под водой, пока он не обратился в птицу. Она же ястребом последовала за ним и в небе. Она уже была готова камнем упасть на него, когда он, в смертельном страхе, заметил вдруг на полу амбара кучу просеянной пшеницы, упал в зерна и превратился в одно из них. Тогда она стала черной курицей с высоким гребнем и подошла к пшенице и начала разгребать зерно своей лапой, нашла его и проглотила. И, как гласит история, она носила его девять месяцев, а когда разрешилась им, то не смогла убить, потому что он был очень красив. Тогда она положила его в кожаный мешок и бросила в море на милость Бога, двадцать девятого дня, месяца апреля[2].

Легенда о Гвион-Бахе дошла до нас как часть сказаний Талиесин в Мабиногионе, коллекции валлийских сказаний, переведенных Леди Шарлоттой Гест и изданных в четырехтомнике с 1838 по 1849 г. «Талиесин — Бард Бардов Запада мог быть реальной исторической личностью, жившим в VI в. н. э. во времена кородя Артура, сказания о котором возникли позже. Легенды и поэмы барда сохранились в манускрипте XIII в. «Книга Талиесина», вошедшей в четырехтомник «Четыре старинных валлийских книги» (См.: Gertrude Schoepperle. *Tristan and Isolt. A Study of the Sources of the Romance.* London and Frankfurt a. M., 1913.)

Ил. 46. Кардивен в облике гончей преследует Гвион-Баха в образе зайца (литография). Великобритания, 1877 г.

Мабиног (*mabinog*) — это валлийское слово, обозначающее ученика барда. Термин «*мабиноги*» (*mabinogi*) обозначает «обучение юношества» с использованием традиционного материала (мифы, легенды, поэмы), которые преподаются *мабиногу* и которые он должет заучить наизусть. *Мабиногион* — это термин, который обозначает множественное от *мабиноги*, он был придуман Шарлоттой Гест для ее перевода «Старинных валлийских книг».

Богатейшее наследие бардов Уэльса, так же как и в Шотландии и Ирландии, восходит к старинной богатейшей кельтской устной традиции. Их сказания пересказывались и были литературно обработаны христианскими миссионерами и авторами хроник, начиная с V в. н. э. и позднее, ими же были записаны старинные сказания и были предприняты попытки совместить эти древние легенды с постулатами Библии. В X в., в котором было создано немало замечательных романов, в основном в Ирландии, это старинное литературное наследие подверглось существенной литературной обработке и было осовременено. Кельтские барды появлялись при королевских дворах в средневековой Европе, кельтские темы зазвучали в творениях скандинавских скальдов. Значительная часть европейских волшебных сказок и литературных произведений из цикла легенд о короле Артуре, восходит к этому яркому периоду западной литературы[3].

Побег — излюбленный эпизод народной сказки, и существует немало ярких историй такого рода.

Буряты, живущие неподалеку от Иркутска в Сибири, например, рассказывают, что знания Моргон-Кара, их первого шамана, были столь велики, что он мог возвращать к жизни души умерших. Владыка Мертвых пожаловался на это Верховному Богу Небес, и тот решил испытать шамана. Он завладел душой одного человека и поместил ее в сосуд, закрыв отверстие своим большим пальцем. Этот человек заболел, и его родственники послали за Моргон-Карой. Шаман повсюду искал пропавшую душу. В лесу, в воде, в горных ущельях, в стране мертвых и, наконец, «сев верхом на свой барабан», он поднялся в верх-

ний мир, где ему опять пришлось долго искать ее. В конце концов он заметил, что Верховный Бог Небес держит бутыль, зажав ее большим пальцем. Шаман тотчас догадался, что внутри нее и находится та самая душа больного, которую он ищет. Хитрый шаман превратился в осу. Он подлетел к богу и так ужалил его в лоб, что тот отдернул палец от отверстия, и плененная душа вылетела на свободу. А потом Бог увидел, как шаман Моргон-Кара, сидящий верхом на своем барабане спускается вниз к земле с освобожденной душой. Однако на этот раз его полет закончился не так благополучно. Ужасно рассердившись, Бог окончательно и бесповоротно уменьшил силу шамана, расколов его барабан надвое. Вот почему барабаны шаманов, на которые раньше (согласно этому рассказу бурятов) натягивалось два слоя кожи, с тех пор и поныне имеют только один[4].

Часто рассказывают как, убегая, герой оставляет вместо себя различные предметы, которые разговаривают его голосом и таким образом задерживают погоню. Маори из Новой Зеландии рассказывают о рыбаке, который, придя однажды домой, обнаружил, что его жена проглотила двоих их сыновей. Она лежала на полу и стонала. Рыбак спросил, что случилось, и жена сказала, что заболела. Он спросил, где двое их сыновей, а она сказала, что дети ушли. Но рыбак знал, что жена лжет. Своей магией он заставил ее отрыгнуть детей: они вышли из нее целыми и невредимыми.

После этого происшествия рыбак стал бояться своей жены и решил бежать от нее вместе с мальчиками при первой же возможности.

Когда людоедка ушла за водой, мужчина заколдовал воду и заставил ее схлынуть перед ней, так, чтобы ей пришлось уйти как можно дальше. Затем жестами он повелел хижинам, деревьям, растущим возле деревни, свалке мусора и храму на вершине холма отвечать за него, когда жена вернется и станет звать их. Он бежал с детьми к своему каноэ и поднял парус. Женщина вернулась и, никого не найдя, начала звать их. Первой ответила мусорная куча. Женщина направилась в ее сторону и позвала снова. Ответили дома; затем откликнулись деревья. Один за другим различные предметы, расположенные поблизости, отвечали ей, и, сбитая с толку, она бросалась в разные стороны. Она ослабела, начала тяжело дышать и всхлипывать, а затем наконец поняла, что ее перехитрили. Она поспешила к храму на вершине холма и вгляделась в море, где каноэ уплыло так далеко, что стало казаться пятнышком на горизонте[5].

Другой распространенный сценарий побега, во время которого стремительно убегающий герой бросает за спину ряд предметов, задерживающих погоню.

> Брат с сестрой играли у ключа и во время игры вдруг упали в него. Там была старая водяная колдунья, и эта водяная колдунья сказала: «Теперь вы мои! Теперь вы будете работать на меня, не покладая рук!» И она унесла их с собой. Она дала маленькой девочке спутанный клубок грязного льна для прядения и заставила ее носить воду в бездонную бадью; мальчик должен был рубить дерево тупым топором; а кормила она их лишь твердыми, как камень, кусками засохшего теста. Наконец дети не выдержали и решились на побег, они дождались одного

воскресенья, когда старая карга отправилась в церковь, и убежали. Когда служба в церкви закончилась, старая колдунья обнаружила, что ее птички улетели, и огромными прыжками помчалась вслед за ними.

Но дети издалека ее заметили, и маленькая девочка бросила за спину щетку для волос, которая тут же превратилась в большую гору, заросшую кустарником с тысячами и тысячами колючек, через который ведьме очень трудно было пробраться; все же в конце концов она вновь стала догонять детей. Как только дети увидели ее, мальчик бросил за спину гребень, который тут же превратился в гребень горы с тысячью тысяч острых уступов; но ведьма знала, как за них ухватиться и в конце концов преодолела и эту преграду. Тогда маленькая девочка бросила за спину зеркало, и оно превратилось в зеркальную гору, такую гладкую, что старуха не смогла перебраться через нее. Она подумала: «Поспешу-ка я домой, возьму топор и разрублю эту зеркальную гору надвое». Но когда она вернулась и разбила стекло, детей уже и след простыл, и старой карге не оставалось ничего другого, как поплестись обратно к своему ключу»[6].

Силам пучины нельзя легкомысленно бросать вызов. На Востоке всячески подчеркивают, что, занимаясь йогой без опытного наставника, можно сойти с ума. Медитации послушника должны усложняться постепенно, в зависимости от того, как он развивается и добивается успеха, чтобы на каждом этапе его воображение было под защитой *devatas* (соответствующими его видению богами), пока не наступит тот момент, когда подготовленная душа сможет шагнуть в новое измерение самостоятельно. Как очень мудро заметил Юнг:

Исключительная польза догматического символа заключается в том, что он защищает человека от непосредственного восприятия Бога до тех пор, пока не перестает опрометчиво ставить себя под удар. Но если... он оставляет дом и семью, слишком долго живет в одиночестве и слишком глубоко вглядывается в темное зеркало, то, встретившись с Ним, он может не пережить этого. Но даже в этом случае передаваемый из поколения в поколение символ, достигший в ходе столетий полного расцвета, сможет подействовать на него как исцеляющий глоток воды и отвратить роковое вторжение живого божества в освященное пространство церкви[7].

Волшебные предметы, которые испуганный герой бросает за спину — это защитные толкования, принципы, символы, обоснования, все что угодно, которые задерживают и поглощают силы сорвавшейся с цепи Небесной Гончей, позволяя искателю приключений благополучно вернуться к своим соплеменникам и, возможно, принести им волшебные дары. Но бывает так, что ему приходится дорого заплатить за это.

Один из наиболее потрясающих примеров бегства «с препятствиями» — это бегство греческого героя Ясона. Он отправился в странствие, чтобы добыть золотое руно. Выйдя в море на великолепном корабле «Арго» со своими мужественными соратниками, он поплыл к Черному морю и, хотя в пути его подстерегало множество невероятных опасностей, прибыл наконец в город

царя Ээта, расположенный за много миль от Босфора. За дворцом Ээта росла роща, и там, на дереве, висело, под охраной дракона, золотое руно.

Дочь царя Медея влюбилась в прекрасного чужеземного гостя, и, когда ее отец в качестве цены за золотое руно потребовал выполнения неосуществимого задания, она приготовила волшебное средство, которое позволило Ясону получить желаемое. Задание заключалось в том, чтобы вспахать поле огнедышащими быками с бронзовыми ногами, затем засеять его зубами дракона и убить воинов, которые тут же должны были взойти. Но благодаря своей силе и кольчуге, смазанной волшебной мазью Медеи, Ясон смог управиться с быками; а когда из семян дракона взошла армия воинов, он бросил камень в самую середину поля, и это заставило их повернуться лицом к лицу и сражаться друг с другом, пока они не уничтожили друг друга.

Потерявшая голову от любви девушка провела Ясона к дубу, на котором висело золотое руно. Его охранял дракон со страшным гребнем, языком с тремя жалами и угрожающе изогнутыми клыками; но с помощью сока чудодейственной травы двое влюбленных усыпили грозное чудовище. После чего Ясон сорвал трофей, Медея решила бежать вместе с ним, и «Арго» вышел в море. Но царь немедленно снарядил за ними погоню. Когда Медея увидела, что паруса отца сокращают расстояние между ними, она убедила Ясона убить Апсирта, своего младшего брата, которого она взяла с собой, и бросить куски расчлененного тела в море. Это заставило царя Ээта остановиться, собрать куски и вернуться на берег, чтобы с надлежащими почестями предать их земле. Тем временем «Арго», гонимый ветром, оказался вне пределов досягаемости для разгневанного царя[8].

В японских «Записях о делах древности» представлена другая страшная сказка, имеющая, однако, совершенно иной смысл: сказка о том, как отец всего сущего Идзанаги спустился в преисподнюю, чтобы вернуть из страны Желтой реки свою умершую сестру — супругу Идзанами. Она встретила его у двери в подземный мир, и он сказал ей: «О августейшая, о любимая моя младшая сестра! Земли, что ты и я создавали, еще нужно достроить; поэтому возвращайся!» Она же ответила: «Воистину прискорбно, что ты не пришел раньше! Я уже отведала пищи этой страны Желтой реки. И все же меня покорила оказанная мне твоим августейшим посещением честь, о восхитительный мой брат, поэтому я хочу вернуться. Более того, я сама поговорю об этом с богами Желтой реки. Будь осторожен, не смотри на меня!»

Она удалилась во дворец; но, так как она оставалась там очень долго, Идзанаги устал ждать. Он отломал зубец от гребня, который придерживал слева его августейшие волосы, поджег его как маленький факел, вошел и огляделся. Тут он увидел разлагающуюся Идзанами, кишащую червями.

Идзанаги пришел в ужас от этого зрелища и убежал. Идзанами сказала: «Ты открыл мой позор».

Идзанами послала в погоню за ним Отвратительную Женщину из преисподней. Идзанаги на полном бегу снял со своей головы черную шапку, бросил

ее вниз и она тут же превратилась в виноград, и, пока его преследовательница задержалась, поедая его, он продолжал свой побег. Но женщина снова погналась за ним и уже настигала его. Тогда Идзанаги вытащил правый гребень со множеством часто расположенных зубчиков, разломал его и бросил вниз. Гребень тут же превратился в побеги бамбука, и, пока преследовательница срывала и ела их, он побежал дальше.

Тогда его младшая сестра послала за ним в погоню восемь богов грома и с ними полторы тысячи воинов Желтой реки. Выхватив саблю о десяти рукоятях, что висела на его августейшем поясе, Идзанаги побежал, размахивая ею позади себя. Но воины продолжали преследование. Достигнув границы, разделяющей мир живых и страну Желтой реки, Идзанаги сорвал три персика, что росли там, подождал и, когда армия приблизилась к нему, швырнул в них. Персики из мира живых разбили воинство страны Желтой реки, преследователи повернулись и побежали прочь.

Последней настигла его сама августейшая Идзанами. Тогда Идзанаги взял камень, поднять который было под силу лишь тысяче человек, и загородил ей путь. И, разделенные камнем, они стояли друг против друга, обмениваясь прощальными речами. Идзанами сказала: «О августейший, восхитительный мой старший брат, раз уж ты так поступил, то впредь я сделаю так, что в твоем царстве каждый день будет умирать по тысяче человек». Идзанаги ответил: «О августейшая, о очаровательная моя младшая сестра! Если ты сделаешь так, то я сделаю, что каждый день полторы тысячи женщин будут рожать»[9].

Шагнув из созидательной сферы всеобщего отца Идзанаги в область разложения, Идзанами стремилась защитить своего брата-мужа. Увидев больше, чем он мог вынести, он лишился наивных представлений о смерти, но своей высочайшей волей к жизни поставил могучую скалу в качестве оберегающей завесы, которая с тех пор заслоняет могилу от взора каждого из нас.

Древнегреческий миф об Орфее и Эвридике, и сотни аналогичных сказаний по всему миру, так же как и эта древняя легенда Дальнего Востока, наводят на мысль о том, что, несмотря на известные неудачи, существует возможность возвращения влюбленного вместе с утерянной возлюбленной, оказавшихся по ту сторону от ужасного порога. Малейший просчет, самое незначительное, но решающее проявление человеческой слабости делает невозможной связь между мирами, и возникает искушение поверить, что если бы этой небольшой, досадной случайности можно было избежать, то все было бы хорошо. Однако в полинезийских вариантах романтической истории, в которых влюбленной паре обычно удается убежать, и, скажем, в древнегреческой комедии «Алкеста», где повествуется о счастливом возвращении в обыденный мир, результат не вселяет надежды, что так будет всегда, а лишь указывает на то, что эти события — сверхъестественные. Мифы о неудаче вызывают в нас сочувствие, потому что в них повествуется о трагедии жизни, а мифы об успехе просто кажутся невероятными. И все же, чтобы мономиф выполнил свою роль, мы должны увидеть не человеческие неудачи или сверхчеловеческие успехи,

а человеческий успех. Именно в этом заключается проблема критического момента на пороге возвращения. Вначале мы рассмотрим ее в сверхчеловеческих символах, а затем поищем практические наставления для обычного человека.

3. Спасение извне

Герою, для того чтобы вернуться в обыденный мир из сверхъестественного приключения, может потребовать помощь извне. Тогда посланник мира должен прийти к нему и увести его за собой. Ибо нелегко отказаться от высшего блаженства и расколоть себя на куски, вернувшись в обыденный мир. «Кто, отрекшись от мира, — читаем мы, — возжелает снова вернуться в него? Он бы желал быть только *там*»[10]. Но пока человек жив, жизнь будет манить его. Общество завидует тому, кто остается за его пределами, и придет за ним. Если герой не хочет этого и, как Мучукунда, непреклонен в своем решении, нарушитель спокойствия переживает страшное потрясение; но, с другой стороны, если тот, кого зовут, всего лишь не спешит с возвращением — погруженный в блаженное состояние совершенного бытия (напоминающее смерть) — его спасают, и искатель приключения возвращается.

Ил. 47. Воскрешение Осириса (барельеф). Египет эпохи Птолемеев, 282–145 гг. до н. э.

Когда Ворон из эскимосской сказки влетел со своими палочками для разведения огня в чрево самки кита, он оказался у входа в большую комнату, в дальнем конце которой горела лампа. Он увидел там красивую девушку и удивился. Комната была сухой и чистой, ее потолок подпирал позвоночник кита, а ребра образовывали ее стены. Из трубки, идущей вдоль позвоночника, в лампу медленно капало масло.

Когда Ворон вошел в комнату, девушка взглянула на него и закричала: «Как ты сюда попал? Ты первый человек, что вошел сюда». Ворон рассказал ей, как он это сделал, и она предложила ему присесть у противоположной стены комнаты. Эта девушка была душой (*inua*) кита. Она накрыла стол для гостя, угостила его ягодами и маслом, и рассказала о том, как она собирала эти ягоды в прошлом году. Ворон на протяжении четырех дней оставался гостем Души в чреве кита, и все это время пытался понять, что это за трубка на потолке. Всякий раз, когда женщина выходила из комнаты, она запрещала ему прикасаться к этой трубке. Но на этот раз, когда она вышла, он подошел к лампе, протянул лапу, и в нее упала большая капля, которую он слизал языком. Она оказалась такой сладкой, что Ворон снова сделал то же самое, а затем стал ловить одну за другой каждую падающую каплю. Однако вскоре от жадности ему показалось, что капли падают слишком медленно, поэтому он потянулся вверх, оторвал кусок трубки и съел его. Едва он сделал это, как в комнату хлынул поток масла, загасил свет, а сама комната стала сильно раскачиваться. Эта качка продолжалась четыре дня. Ворон едва не умер от усталости и от грохота, не прекращавшегося все это время. Затем все стихло, и комната перестала раскачиваться. Ворон повредил одну из сердечных артерий самки кита, и она умерла. *Душа* никогда больше не появлялась. Тело кита водой выбросило на берег.

Но теперь Ворон оказался в ловушке. Пока он размышлял, что же ему делать, он услышал разговор двух мужчин, взобравшихся на спину кита, которые решили позвать всю деревню, чтобы помочь им справиться с китом. Очень скоро люди прорубили дыру в верхней части огромной туши*. Когда дыра стала достаточно большой, и все люди ушли с кусками мяса, чтобы отнести их на высокий берег, Ворон незаметно вышел на волю.

Но спустившись на землю, он тут же вспомнил, что оставил внутри свои палочки для разведения огня. Он снял свое облачение ворона, и, вернувшись, люди увидели маленького черного человечка, одетого в шкуру неизвестного животного. Они с любопытством смотрели на него. Он предложил им свою помощь, засучил рукава и принялся за работу.

Вскоре один человек из тех, что работали внутри кита, закричал: «Смотрите, что я нашел! Палочки для разведения огня в брюхе кита!» Ворон сказал: «Вот тебе на, но это же плохо! Моя дочь однажды рассказывала мне, что, когда внутри кита, брюхо которого разрезали люди, находили палочки для разведе-

---

* Во многих мифах о герое на помощь ему приходят птицы, которые проклевывают отверстия в теле кита, и пленник выходит на свободу.

ния огня, то многие из этих людей умирали. Нужно бежать отсюда». Он спустил рукава и ушел и люди поспешили вслед за ним. А потом Ворон вернулся и некоторое время пировал в одиночестве[11].

Один из наиболее значительных и любопытных синтоистских японских мифов, который считался древним еще в VIII столетии, когда его внесли в «Записи о делах древности», рассказывает о том, как в непростой период становления человечества прекрасная богиня солнца Аматэрасу вышла из своей небесной пещеры.

«Синто», или «путь Богов», — это древний свод верований японцев, который в отличие от буддизма представляет собой культ верований в жизнь и ее хранителей (духов, силу предков, героев, Божественного правителя, ныне здравствующих родителей и ныне живущих детей верующего), а не в божеств, которые освобождают человека от постоянного замкнутого круга последовательных перерождений (Бодхисаттв и Будд). Молитва синтоистским богам заключается в сохранении чистоты душевной: «Что такое очищение? Это не просто омовение тела святой водой. Это следование по верному и высоко нравственному пути»[12]. «Божеству угодны добродетель и искренность, а не богатые подношения»[13].

Аматерасу, богиня-прародительница, это главное божество в народном пантеоне, но она всего лишь высшее проявление невидимого, трансцендентного, но при этом имманентного, универсального Бога: «Восемьсот мириад богов — это всего лишь различные воплощения одного и того же божества, Кунитокотачи-но-Ками, Вечного Божественного Бытия Земли, Великого Единства Всех Вещей во Вселенной, Изначального Бытия Рая и Земли, вечно существующих от начала до конца света[14]. «Какому божеству поклоняется Аматерасу в уединении, пребывая на райской равнине? Она поклоняется своему Существу, заключенному внутри нее самой, воплощающему Божество, стремясь взрастить в себе божественную сущность путем сохранения внутренней чистоты и так воссоединиться с Ним[15].

Поскольку божество имманентно присутствует во всем сущем, все существующие вещи — святые, даже в горшки и кастрюли на кухне императора: вот что такое Синто, «путь Богов». Император находится на самом верху иерархии и потому заслуживает высочайших почестей, но такое же благоговение должно испытывать перед всем сущим, всеми окружающими нас вещами. «Божество, внушающее благоговение, проявляет себя даже в маленьком листочке на дереве и стебельке травы»[16]. Поклонение Синто заключается в том, чтобы благоговейно относиться ко всем окружающим нас вещам, а Чистота заключается в том, чтобы поддерживать нравственное начало в себе самих, следовать высшему примеру божественного молитвенного почитания Божества в себе, как это делает богиня Аматерасу. «Господь видит все невидимое в тишине, сердце человека искренне возвышается от Земли (из стихов императора Мейдзи)»[17].

Эта легенда рассказывает о том, как тот, кого пытались спасти, вовсе не желал этого. Бог буги Сусаноо, брат Аматэрасу, разбушевался. И, несмотря на ее безграничное терпение, попытки утихомирить его не увенчались успехом, он все бесчинствовал на ее рисовых полях и крушил все вокруг. Она окончательно оскорбилась, когда он проломил дыру в крыше ее ткацкой комнаты и сбросил вниз «небесного пегого коня, предварительно содрав с него шкуру», при виде его все богини, что деловито ткали волшебные одежды богам, так перепугались, что умерли от страха.

Аматэрасу, пришедшая в ужас от этого зрелища, удалилась в свою небесную пещеру, закрыла за собой дверь и заперлась там. Это был ужасный поступок, ибо исчезновение солнца в конце концов означало бы конец вселенной, которая только-только зарождалась. С исчезновением Аматэрасу вся равнина верхних небес и вся срединная земля тростниковых полей погрузились во мрак. По всему миру разбушевались злые духи, появились многочисленные предвестники беды, голоса мириад богов были подобны мухам, роящимся во время пятой луны.

И вот восемь миллионов богов собрались на божественный совет в русле небесной реки и попросили одного из них, бога по имени Мысль-Несущий, придумать план. В результате их совещания было изготовлено множество вещей божественной силы, среди них зеркало, меч и ткани для подношения. Было установлено огромное дерево, украшенное драгоценностями, были доставлены петухи, которые могли непрестанно петь, были зажжены большие костры, было устроено великое празднество. Зеркало высотой восемь футов привязали к средним ветвям дерева. А юная богиня по имени Удзуме исполняла веселый, шумный танец. Восемь миллионов богов так развлекались, что их смех заполнил воздух, а равнина высоких небес сотрясалась.

Богиня солнца услышала в своей пещере этот веселый шум и очень удивилась. Ей захотелось узнать, что же там происходит. Слегка приоткрыв дверь своего небесного каменного жилища, она так заговорила изнутри: «Я думала, что после моего ухода равнина небес погрузится во тьму, равно как и тростниковые равнины срединной земли: отчего же тогда веселится Удзуме и смеются с ней все восемь миллионов богов?» Тогда заговорила Удзуме, молвив: «Мы радуемся и довольны, потому что есть божество более яркое, чем ты, августейшая». Пока она говорила это, двое из богов вынесли вперед зеркало и почтительно показали его богине Солнца Аматэрасу; а она так удивилась, что не заметила, как вышла из пещеры и уставилась в зеркало. Могучий бог схватил ее за божественную руку и вытащил наружу; в это время другой бог протянул через вход позади нее соломенную веревку (называемую *сименава — shimenawa*) и промолвил: «Ты не должна возвращаться дальше веревки!» После чего и равнина верхних небес и тростниковые равнины срединной земли снова озарились светом[18]. Теперь солнце каждую ночь на некоторое время может уходить — как и сама жизнь — в освежающий сон; но великая веревка *сименава* не допускала того, чтобы оно исчезло на долгое время.

Ил. 48. Аматэрасу выходит из пещеры (ксилография). Япония, 1860 г.

Богиня, а не Бог Солнца, это ценная деталь, дошедшая до нашего времени из архаического, по-видимому, когда-то широко распространенного мифологического контекста. Великое материнское божество Южной Аравии является женщиной-солнцем Илат. На немецком слово солнце (*die Sonne*) женского рода. По всей Сибири и в Северной Америке в разных местах сохранились рассказы о женщине-солнце. И в сказке о Красной Шапочке, которая была съедена волком, но вызволена из его брюха охотником, мы можем видеть отдаленные отголоски того же приключения, что произошло с Аматэрасу. Такие следы сохранились во многих странах; но только в Японии некогда великая мифология все еще имеет большое значение в культуре; ибо Микадо — прямой потомок внука Аматэрасу, а она почитается как одно из верховных божеств национальной традиции Синто и как предок императорской семьи. В ее приключении ощущается иное отношение к миру, чем в более известных сейчас мифологиях солнечного *бога*: в нем мы чувствуем нежность к этому чудесному дару света, сердечную благодарность за то, что мы можем видеть мир вокруг нас — то, что раньше, должно быть, было характерной чертой религий разных народов.

Зеркало, меч и дерево — эти символы узнаваемы. Зеркало, в котором отражается богиня и которое выманивает ее из убежища, где она прячется, не желая показываться никому, символизирует мир, сферу отраженного образа. Божеству доставляет удовольствие видеть в нем свою собственную славу, и это удовольствие сопряжено с актом проявления себя и «творения». Меч символизирует молнию. Дерево — это Мировая Ось, символ исполнения желаний и плодородия; такое же дерево устанавливается в христианских домах во время зимнего солнцестояния, в период возрождения или возвращения солнца: радостный обычай, унаследованный от германского язычества, которое дало современному немецкому языку его женское имя *Sonne*. Танец

Удзуме и шумный смех богов — это часть карнавала: после ухода верховного божества в мире началась неразбериха, и все радуются приближающемуся возрождению. А Великая *сименава* — веревка из соломы, которая была натянута за спиною богини, когда она снова явилась в мир — это символ милосердного чуда возвращения света. Эта *сименава* является одним из самых заметных, важных и безмолвно выразительных традиционных символов народной религии Японии. Она висит над входами в храмы, украшенная гирляндами вдоль улиц в праздник Нового года, она символизирует обновление мира на пороге возвращения. Если христианский крест — самый выразительный символ мифологического перехода в пучину смерти, то *сименава* является простейшим условным знаком воскрешения. Вдвоем они представляют таинственную границу между мирами — *реальную, но невидимую нить*.

Аматэрасу — это восточный двойник, сестра великой Инанны, верховной богини, о которой повествуют древние шумерские клинописные храмовые таблички и чья история о нисхождении в преисподнюю нам уже знакома. Инанна, Иштар, Астарта, Афродита, Венера — таковы имена, которые ей давали в разных западных культурах, сменявших друг друга, и она уже символизировала не солнце, а звезду, носящую ее имя, и луну, и небеса, и плодородную землю. В Египте она стала богиней Звезды Собаки, Сириуса, и ее ежегодное появление на небе оповещало о наступлении сезона разлива реки Нил, когда земля становится плодородной.

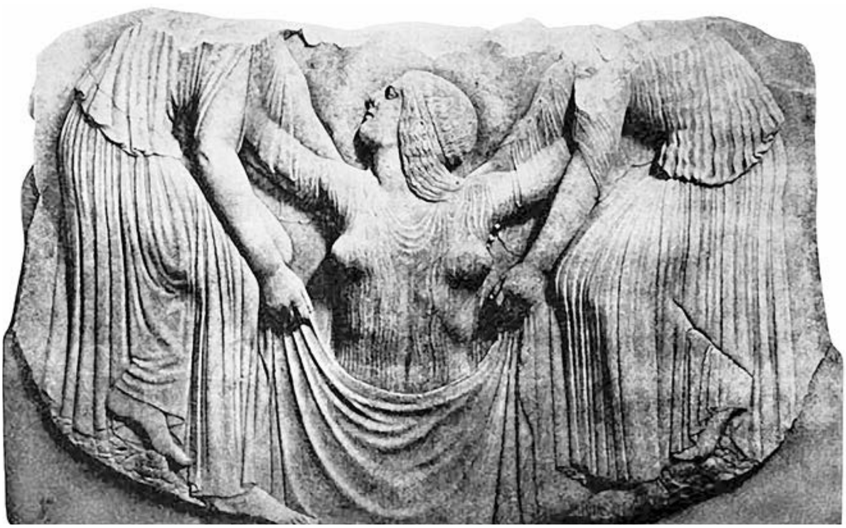
Как мы помним, Инанна спустилась с небес в преисподнюю, в страну своей сестры-противоположности, царицы Смерти Эрешкигал. Она оставила позади своего посланника Ниншубура с указаниями, как вызволить ее, если она не вернется. Она предстала нагою перед семью судьями; они обратили на нее свои взоры и она превратилась в труп, а труп — как мы помним — подвесили на столбе.

*Прошло три дня и три ночи**,
Посланник Инанны Ниншубур,
Ее вестник добрых слов,
Заполнил небеса стенаниями по ней,
Оплакивал ее в храме ассамблей,
Метался по дому богов, прося за нее.
Как нищий в одно покрывало оделся он ради спасения ее,
И к Экур, к дому Энлиля в одиночку направил свой шаг.

Это начало спасения богини, и в нем описан случай, когда героине уже хорошо известны законы мира, в который она вступает, и она заранее позаботилась о том, чтобы ее оттуда вызволили. Сперва Ниншубур отправился к богу Энлилю; но тот изрек, что Инанна, спустившись от великого высшего в великое низшее, должна подчиниться законам нижнего мира. Затем Ниншу-

* Сравним христианскую историю: «Он спустился в Ад, а на третий день восстал из мертвых».

бур отправился к богу Нанна, но он изрек, что она сошла с великого высшего в великое низшее и что в нижнем мире должно подчиняться законам нижнего мира. Ниншубур отправился к богу Энки; и тот придумал план. Он создал два бесполых существа, вручил им «пищу жизни» и «воду жизни» и приказал отправиться в нижний мир и шестьдесят раз причастить этой пищей и водой подвешенное мертвое тело Инанны.

Ил. 49. Богиня восстает (мрамор). Италия/Греция, 460 г. до н. э.

Энлилом звали шумерского бога воздуха. Нанна был богом луны и мудрости. Во времена создания этой легенды (III тысячелетие до н. э.) Энлил был верховным божеством шумерского пантеона. Он был вспыльчив. Он насылал наводнения. Нанна был одним из его сыновей. В мифах нескладный бог Энки обычно выступает в роли помощника. Он был покровителем и помощником Гильгамеша и героя наводнения Атархазиса-Утнапиштима-Ноя. Мотив соперничества Энки и Энлила продолжается в классической мифологии в противостоянии Посейдона и Зевса (Нептуна и Юпитера).

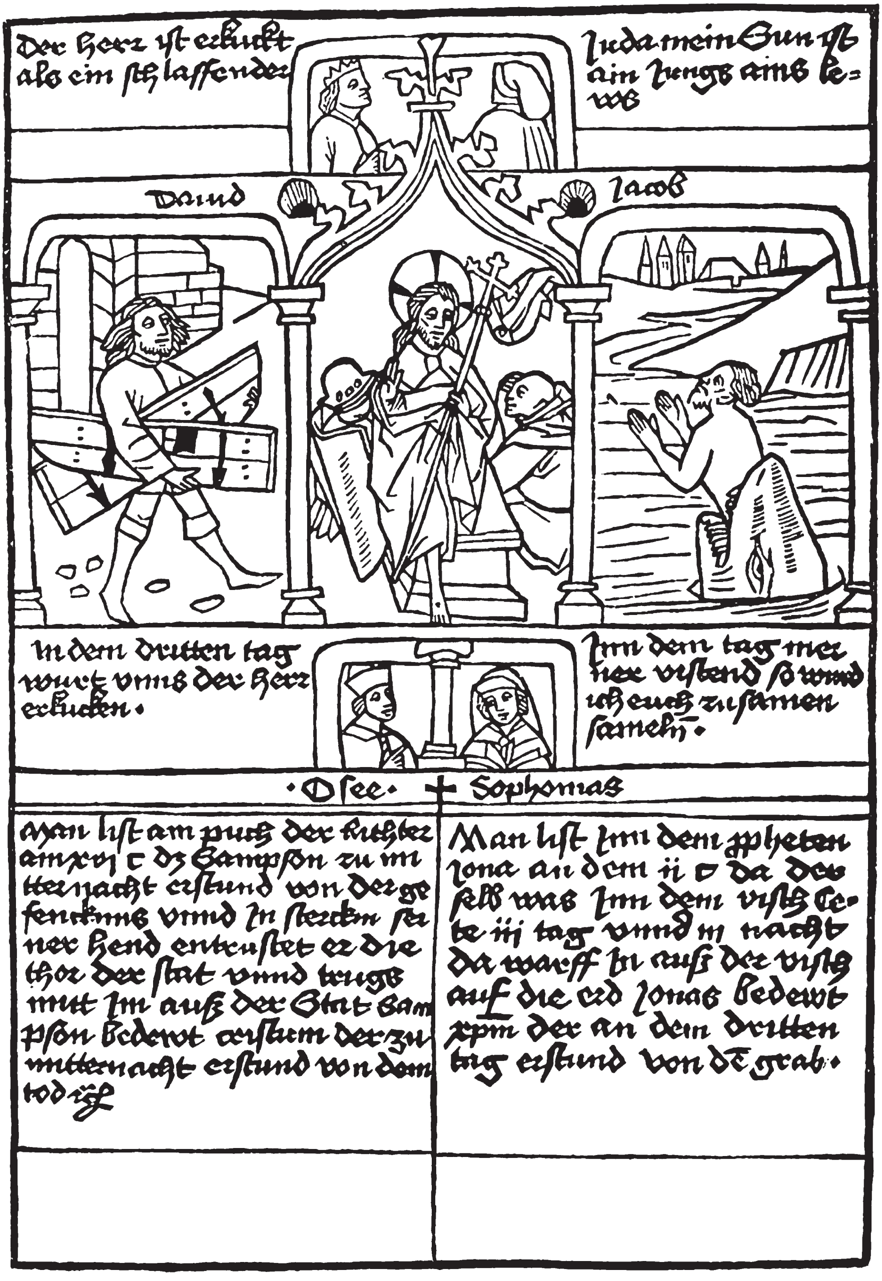
На мертвое тело, свисающее со столба, они направили
страх огненный лучей,
Шестьдесят раз пищей жизни и шестьдесят раз водою
жизни они причащали его.
И встала Инанна.
И поднялась Инанна из нижнего мира,
Ануннаки бежала,

И любой из верхнего мира мог спокойно спускаться
в нижний мир;
Когда Инанна поднималась из нижнего мира,
Воистину вперед нее устремились мертвые.
Инанна поднималась из нижнего мира,
И маленькие демоны, подобные тростнику,
И большие демоны, подобные стилям табличным,
Шли рядом с ней.
Тот, кто шел впереди нее, держал в руке жезл,
Тот, кто шел рядом с ней, имел оружие у пояса.
Те, что шли перед ней,
Перед Инанной,
Были существами, не знавшими ни пищи, ни воды,
Не евшими окропленной муки,
Не пившими вина возлияния,
Отнимающими жену от чресел мужа,
Отрывающими дитя от груди кормящей матери.

В окружении этой жуткой толпы призраков бродила Инанна от города к городу по землям Шумера[19].

Эти три примера из абсолютно разных культур — Ворон, Аматэрасу и Инанна — представляют собой достаточно яркий пример спасения героя извне. На последних стадиях приключения они демонстрируют, как герою постоянно помогает сверхъестественная могущественная сила, которая сопутствовала избранному на протяжении всего его испытания. Когда он не может надеяться на свое сознание, в силу вступает бессознательное, он возрождается и возвращается в мир, из которого пришел. Вместо того чтобы держаться за свое эго и спасать его, как в историях, повествующих о волшебном побеге, он со своим эго расстается, но оно, как величайший дар свыше, возвращается к нему.

Это подводит нас к последней кульминации героического круга, к тому моменту, для которого все удивительное странствие было лишь прелюдией — а именно, к парадоксальному и сложнейшему моменту преодоления порога героем, который возвращается из мира мистического в повседневный мир. Независимо от того, спасают ли его извне, следует ли он внутренним импульсам или идет вперед, деликатно направляемый божественной волей, ему еще предстоит вновь войти вместе со своей благословенной добычей в давно забытую среду, где люди, будучи частицами, считают себя целым. Ему еще предстоит предстать перед обществом со своим разрушительным для собственного эго и спасительным для жизни эликсиром и выдержать, отвечая на вопросы, диктуемые здравым смыслом, устоять перед непримиримым негодованием и тем, что добрые люди не в состоянии его понять.

Ил. 50. Возвращение героя: Самсон с дверьми храма/Христос Воскрес/Иона (гравюра). Германия, 1471 г.

4. Преодоление порога, возвращение домой

Мир божественный и мир человеческий противоположны друг другу, и их можно изобразить как нечто противоположное — как жизнь и смерть или как день и ночь. Герой решается отправиться из привычного нам мира во тьму; там он или добивается успеха, или же будет потерян для нас, попадает в заточение или подвергается опасности, и в этом случае его возвращение описывается как побег из этого иного мира. Тем не менее — и в этом заключается разгадка мифа и символа — на самом деле нет двух этих миров, а есть один. Царство богов — это забытое измерение нашего мира. Весь смысл приключений героя заключается в том, чтобы это измерение обнаружить. Ценности и различия, которым мы придавали значение в обыденной жизни, исчезают, когда ужасным образом собственное «я» сливается с тем, что раньше для него было абсолютно чуждо. Как и в сказаниях о великаншах-людоедках, страх потерять собственную индивидуальность ложится тяжким бременем на неподготовленные души, когда они переживают трансцендентный опыт. Но героическая душа смело вступает в это измерение — и обнаруживает там ведьм, ставших богинями, и драконов, превратившихся в сторожевых псов богов.

Но всегда обыденное бодрствующее сознание ощущает тревожащее душу несоответствие между мудростью, добытой в этом новом измерении, *de profundis* (из глубин. — *Примеч. пер.*), и привычным благоразумием, эффективным в обыденном мире. Поэтому происходит привычный разрыв между непривычными и новыми добродетелями и теми, которыми живет деградировавшее человечество. Мученическая смерть — удел святых. А у обывателей свои правила жизни, они не растут сами по себе, как полевые лилии; и Петр продолжает обнажать свой меч, как в Гефсиманском саду, чтобы встать на защиту творца и спасителя мира[20]. Добытые в трансцендентном мире благословенные дары вскоре подвергаются рационализации и распадаются на части, и вот уже нужен новый герой, которому пора вновь обновлять мир.

Но как же вновь научить тому, чему уже верно учили, но что было неверно понято тысячи раз на протяжении тысячелетий благоразумного недомыслия человечества? В этом и заключается последний труднейший подвиг героя. Как перевести на язык обыденного мира света не поддающиеся переводу на человеческий язык откровения тьмы? Как представить на двухмерной поверхности трехмерную форму или в трехмерном образе — многомерный смысл? Как перевести на язык «да» и «нет» истины, которые разлетаются, как осколки, и становятся бессмысленными при каждой попытке определить их через пары противоположностей? Как передать людям, привыкшим полагаться исключительно на свои чувства, послание пустоты, из которой родится все живое?

Многочисленные неудачи доказывают, как трудно перешагнуть этот жизнеутверждающий порог. Первая проблема возвращающегося героя состоит

в том, чтобы, пережив спасительные для души видения, по завершении своего пути принять как данность все обыденные радости и печали, все банальности и вопиющие непристойности жизни. Зачем же возвращаться в такой мир? Зачем пытаться сделать правдоподобным или даже интересным знакомство с трансцендентным блаженством для мужчин и женщин, погруженных в собственные страсти? Подобно тому, как сновидения, исполненные глубокого смысла ночью, при свете дня могут казаться пустыми и никчемными, так и поэт, и пророк могут показаться недоумками с точки зрения здравого смысла. Проще всего уступить мир людей дьяволу, а самому удалиться в божественную пещеру, закрыть дверь и запереть ее на засов. Но если какой-либо духовный акушер тем временем перекрыл путь отступления (натянув перед входом нить-*сименаву*), то придется воплотить вечность во времени и осознать ее в новом качестве.

История о Рип ван Винкле — это пример подобной незавидной участи возвращающегося героя. Рип отправился в таинственную страну неосознанно, как и все мы каждую ночь, когда отходим ко сну. В глубоком сне, утверждают индусы, самость нерушима и блаженна; и поэтому глубокий сон называется состоянием познания[21]. Но, хотя эти ежевечерние погружения во тьму, как в источник, освежают и укрепляют нас, они не меняют саму нашу жизнь; подобно Рипу, мы возвращаемся, не имея ничего в подтверждение наших переживаний, кроме отросшей бороды.

> Он осмотрелся, чтобы отыскать свое ружье, но вместо нового, отлично смазанного дробовика нашел рядом с собою какой-то ветхий самопал, ствол которого был изъеден ржавчиною, замок отвалился, а ложе было источено червями. Поднявшись на ноги, он почувствовал ломоту в суставах и заметил, что ему недостает былой легкости и подвижности... Подходя к деревне, Рип повстречал несколько человек, но среди них никого, кто был бы ему знаком; это несколько удивило его, ибо он думал, что у себя в округе знает всякого встречного и поперечного. Одежда их к тому же была совсем другого покроя, чем тот, к которому он привык. Все они, как один, удивленно таращили на Рипа глаза и всякий раз, взглянув на него, неизменно хватались за подбородок. Видя постоянное повторение этого жеста, Рип невольно последовал их примеру и, к своему удивлению, обнаружил, что у него выросла борода длиной в добрый фут!.. Рип начал подумывать, уж не попал ли он, и весь окружающий мир, под власть какого-то колдовства...
>
> Появление Рипа, его длинная белая борода, ржавое-прержавое ружье, чудна́я одежда и целая толпа женщин и ребятишек, следовавших за ним по пятам, немедленно привлекли внимание людей, обсуждавших политику в трактире. Они обступили его и с огромным любопытством стали разглядывать с головы до ног и с ног до головы. Оратор в мгновение ока очутился возле Рипа и, отведя его в сторону, спросил, за кого он будет голосовать. Рип недоуменно уставился на него. Не успел он опомниться, как какой-то низкорослый и юркий маленький человечек дернул его за рукав, поднялся на носки и зашептал ему на ухо: «Кто же вы — федералист, демократ?» Рип и на этот раз не понял ни слова.

Вслед за ним какой-то недоверчивый и самодовольный пожилой джентльмен в треуголке с острыми концами пробился к нему сквозь толпу, расталкивая всех и слева и справа локтями, и остановился перед Рипом ван Винклем, уперев одну руку в бок, опираясь другою на трость и проникая как бы в самую душу его своим пристальным взглядом и острием своей треуголки, он строго спросил, на каком основании тот явился на выборы вооруженным и чего ради привел с собою толпу: уж не намерен ли он поднять в деревне мятеж?

«Помилуйте, джентльмены! — воскликнул Рип, окончательно сбитый с толку. — Я человек бедный и мирный, уроженец здешних мест и верный подданный своего короля, да благословит его бог!»

Тут поднялся отчаянный шум: «Тори! Тори! Шпион! Эмигрант! Держи его! Долой!» Самодовольный человек в треуголке с превеликим трудом восстановил наконец порядок[22].

Еще более печальная история, чем та, что приключилась с Рипом, это рассказ о том, что произошло с ирландским героем Ойсином, когда после долгого пребывания у дочери короля Страны Юности он вернулся домой. Ойсин, в отличие от несчастного Рипа, бодрствовал в чудесной стране. Он сознательно (в бодрствующем состоянии) спустился в царство бессознательного (в глубокий сон) и, вернувшись в обыденный мир, не утратил ценности пережитого во сне, когда проснулся. Он изменился. Свершилось то, чего он хотел, но именно поэтому на пути домой ему выпали куда более серьезные опасности. Так как вся его личность теперь соответствовала силам и формам измерения, где времени не существовало, то силы и формы времени сокрушительно обрушились на него.

Однажды, когда Ойсин, сын Финна Маккула, охотился вместе со своими людьми в лесах Ирландии, к нему подошла дочь короля Страны Юности. Люди Ойсина ушли далеко вперед с добычей, а с хозяином остались лишь три собаки. Перед ним появилось загадочное существо с телом прекрасной женщины, но головой свиньи. Она сказала ему, что голова ее такова из-за колдовства друидов, и пообещала, что все изменится в ту же минуту, как он женится на ней. «Если это действительно так, то быть по сему, — ответил он, — и если брак со мной освободит тебя от колдовства, то я не позволю, чтобы ты и дальше жила со свиной головой».

И тут же свиная голова исчезла, а они вместе отправились в Тир-на-н-Ог, Страну Юности. Ойсин правил там как король много счастливых лет. Но однажды он подумал и сказал своей необыкновенной супруге:

«Хотелось бы мне сегодня побывать в Ирландии и повидаться с отцом и его людьми».

«Если ты уйдешь, — ответила жена, — и ступишь ногой на землю Ирландии, то больше никогда не вернешься сюда, ко мне, и станешь слепым стариком. Как ты думаешь, сколько времени прошло с тех пор, как ты здесь?».

«Примерно три года», — ответил Ойсин. «Прошло триста лет, — сказала она, — с тех пор, как ты пришел со мной в это царство. Если тебе необходимо

вернуться в Ирландию, я дам тебе белого коня, который понесет тебя; но если ты сойдешь с него или коснешься своей ногой земли Ирландии, в ту же минуту конь вернется, а ты останешься там, где он бросит тебя, дряхлым стариком».

«Не тревожься, я вернусь, — сказал Ойсин. — Разве нет у меня причины вернуться? Но я должен еще раз увидеть отца, своего сына и своих друзей в Ирландии; я должен хоть один лишь раз взглянуть на них».

Она приготовила Ойсину коня и сказала: «Этот конь понесет тебя, куда бы ты ни пожелал».

Ойсин нигде не останавливался, пока конь не ступил на землю Ирландии, и продолжал скакать дальше, пока не добрался до Нок-Патрика в Манстере, где он увидел мужчину, пасшего коров. В поле, где паслись коровы, лежал широкий плоский камень.

«Не мог бы ты подойти сюда, — сказал Ойсин пастуху, — и перевернуть этот камень?».

«Конечно же, нет, — ответил пастух, — ибо я не смогу поднять его, как не смогут и двадцать человек, таких как я».

Ойсин подъехал к камню и, протянув руку вниз, ухватился за него и перевернул. Под камнем лежал великий рог фениан борабу, который закручивался, как морская раковина. По закону тех мест, если кто-нибудь из фениан Ирландии подует в рог борабу, тут же соберутся другие из их рода, в какой бы части страны они в это время ни были.

Фенианами прозывались гиганты из рода Финна Маккула. Ойсин, сын Финна Маккула, был один из них. Но прошли их дни, и теперь в Ирландии гигантов старых дней уж не встретишь. Такие старинные легенды о гигантах рассказывают везде, например миф о царе Мучукунде. Можно также сравнить эти легенды с мифами об иудейских патриархах, Адам прожил девятьсот тридцать лет, Сет девятьсот двенадцать, Энос — девятьсот пять, и так далее, и так далее…[23]

«Не подашь ли ты мне этот рог?» — спросил Ойсин пастуха. «Нет, — ответил пастух, — ибо ни я, ни много больше таких, как я, не смогут поднять его с земли». Услышав это, Ойсин приблизился к рогу и, протянув руку вниз, взялся за него; но он был так нетерпелив в своем желании подуть в него, что все забыл и, соскользнул с коня, так что одной ногой коснулся земли. В ту же секунду конь исчез, а Ойсин остался лежать на земле слепым стариком»[24].

Один год пребывания в раю, равный сотне лет земного существования, — это хорошо известная в мифологии тема. Полный круг в одно столетие означает все время целиком. Подобным же образом триста шестьдесят градусов круга означают целостность; соответственно древнеиндийские Пураны приравнивают один год жизни богов к тремстам шестидесяти годам жизни человека. С точки зрения обитателей Олимпа земная история катится эра за эрой, постоянно обнаруживая гармоничную форму целостного круга. И, где люди видят только перемены и смерть, благословенные наблюдают неизменную форму, мир, не

ведающий конца. Но сейчас проблема заключается в том, чтобы сохранить эту космическую точку зрения перед лицом осязаемых земных страданий и радостей. Вкус плодов временного знания переносит дух от сосредоточенности в центре вечности к периферийному кризису текущего момента. Равновесие совершенства утеряно, душа приходит в смятение, и герой терпит поражение.

Идея «изолирующей» лошади героя, которая оберегает его от непосредственного соприкосновения с землей, давая ему возможность перемещаться в мире людей, — это яркий пример спасительной предосторожности, к которой обычно прибегают носители сверхъестественной силы. Например, Монтесума, император ацтеков, никогда не ступал ногой на землю, его всегда носили на своих плечах вельможи, и если он где-либо опускался на землю, то предварительно перед ним расстилали богатую ткань, чтобы он мог ступать по ней. Внутри своего дворца царь Персии ходил по коврам, на которые больше никто не имел права ступить, за пределами дворца его никто не видел на ногах, а лишь в колеснице или верхом на лошади. Раньше ни цари Уганды, ни их матери, ни их жены царицы не могли ходить пешком за пределами своего просторного огороженного со всех сторон жилища. Всякий раз, когда им нужно было выйти наружу, их несли на своих плечах мужчины из рода Буйвола, несколько из них всегда сопровождали каждую из этих царственных особ в дороге и по очереди несли эту ношу. Царь сидел верхом на шее носильщика, закинув ноги ему на плечи и засунув ступни ему в подмышки. Когда один из этих царских носильщиков уставал, то передавал царя на плечи другого мужчины, не допуская, чтобы ноги царя коснулись земли[25].

Джеймс Джордж Фрэзер следующим образом, весьма выразительно, объясняет, почему повсюду на Земле божественная особа не могла касаться земли своей ногой.

> По-видимому, святость, магические силы, табу или как бы мы ни называли это таинственное качество, присущее, как предполагается, священным или неприкосновенным особам, представляется примитивному мыслителю как физическая субстанция или флюид, которыми заряжен священный человек так же, как лейденская банка заряжена электричеством, и подобно тому, как электричество в банке может разрядиться при контакте с хорошим проводником, так и святость или магическая сила человека могут разрядиться и быть утрачены при контакте с землей, которая по этой теории служит прекрасным проводником для магического флюида. Поэтому, чтобы не дать заряду уйти попусту, необходимо тщательно оберегать священную или неприкасаемую особу от контакта с землей, в терминах электричества, она должна быть изолирована, чтобы не лишиться своей драгоценной субстанции или флюида, которыми она, подобно кубку, наполнена до краев. Во многих случаях, очевидно, человека, охраняемого табу, рекомендуется оберегать не только ради него самого, но также и ради других членов племени, так как сила, заключенная в святости, представляет собой нечто вроде мощной взрывчатки, которая может сдетонировать при малейшем прикосновении, то в интересах общей безопасности

> необходимо держать ее в жестких рамках, чтобы, вырвавшись наружу, она ничего не взорвала, не разрушила и не причинила вреда чему-либо, с чем она придет в соприкосновение[26].

Несомненно, существует психологическое оправдание такой предосторожности. Англичанин, который переодевается к обеду в джунглях Нигерии, чувствует, что в его действиях есть смысл. Молодой художник, носящий бакенбарды, войдя в холл «Ритца», охотно объяснит причины своей эксцентричности. По римскому воротнику мы узнаем проповедника. Монахиня XX столетия носит рясу. Обручальное кольцо замужней женщины до некоторой степени защищает свою хозяйку.

В рассказах Сомерсета Моэма описываются метаморфозы, которые происходят с «носителями бремени белого человека» (то есть англичанами-колонистами за рубежом, вне пределов своей родины, метафора, впервые прозвучавшая в пафосном и ироничном стихотворении Редьярда Киплинга *The White Man's Burden. — Примеч. пер.*), которые перестали надевать к ужину смокинг. Во многих народных песнях поется о том, как раскалывается кольцо и от этого происходят всяческие несчастья. О похожих случаях повествуют и мифы — например, собранные Овидием в его знаменитом сборнике «Метаморфозы», где снова и снова нам рассказывают о потрясающих изменениях, которые случаются, когда изоляция между центром высоко концентрированной силы и слабым силовым полем окружающего мира без должных предосторожностей внезапно разрушается. В сказочном фольклоре кельтов и германцев гном или эльф, застигнутый рассветом вне дома, немедленно превращается в палку или камень.

Возвращающийся домой герой в конце своего приключения должен встретиться с миром лицом к лицу. Рип ван Винкль так и не узнал, что с ним случилось, его возвращение превратилось в фарс. Ойсин знал об этом, но отвлекся и поэтому потерпел неудачу. Более всего посчастливилось Камар-аз-Заману. Он наяву пережил блаженство глубокого сна и в своем невероятном приключении обрел такой убедительный талисман, что, вернувшись с ним, смог сохранить веру в себя перед лицом всех отрезвляющих разочарований.

Пока он спал в своей башне, два джинна, Дахнаш и Маймуна, перенесли к нему из далекого Китая дочь Владыки Островов и Морей и Семи Дворцов. Ее звали принцесса Будур. Положив спящую девушку рядом с персидским принцем в ту же кровать, джинны открыли их лица и увидели, что они похожи, как близнецы. «О моя госпожа, — воскликнул Дахнаш, — клянусь Аллахом, моя возлюбленная прекраснее». Но Маймуна, любившая Камар-аз-Замана, возразила: «Неправда, мой прекраснее». После чего они начали спорить, приводя доводы и контрдоводы до тех пор, пока Дахнаш наконец не предложил поискать кого-нибудь, кто бы беспристрастно рассудил их.

Маймуна топнула ногой и тут же из-под земли появился слепой на один глаз ифрит, горбатый, с покрытой паршой кожей и перекошенными глазни-

цами; на его голове было семь рогов; четыре пряди волос ниспадали до пят; руки у него были как вилы, а ноги — как мачты; ногти его были подобны когтям льва, а ступни — копытам дикого осла. Чудовище почтительно поцеловало землю перед Маймуной и спросило, что ей угодно. Услышав, что должен выразить свое мнение о молодых людях, так близко лежащих на кровати, так что рука одного обнимала шею другого, ифрит долгое время смотрел на них, восхищаясь их очарованием, затем повернулся к Маймуне и Дахнашу и объявил свое решение.

«Клянусь Аллахом, если вы хотите услышать правду, — сказал он, — эти двое равной красоты. Я не могу сделать выбор между ними еще и потому, что это мужчина и женщина. Но у меня возникла другая идея. Давайте по очереди разбудим их, так чтобы другой об этом не знал, и того из них, кто будет больше очарован, можно признать менее прекрасным».

На том и порешили. Дахнаш превратился в блоху и укусил Камар-аз-Замана в шею. Очнувшись ото сна, юноша потер укушенное место, сильно почесал его из-за жгучего зуда и между тем немного повернулся набок. Он увидел, что рядом с ним лежит кто-то, чье дыхание слаще мускуса, а кожа — нежнее крема. Он удивился, присмотрелся к тому, кто был рядом с ним, и увидел, что это девушка, подобная жемчужине или сияющему солнцу, подобная куполу, осеняющему прекрасно возведенную стену.

Камар-аз-Заман попытался разбудить ее, но Дахнаш сделал сон девушки глубже. Юноша потряс ее. «О моя любимая, проснись и взгляни на меня», — сказал он. Но та даже не пошевельнулась. Камар-аз-Заман принял Будур за ту, на ком хотел женить его отец, и воспылал желанием. Но испугался, что его родитель мог наблюдать за ним, притаившись где-то в комнате, поэтому сдержался и ограничился тем, что снял с мизинца девушки перстень с печатью и надел его на свой палец. После чего ифриты наслали на него сон.

Будур же повела себя иначе, чем Камар-аз-Заман. Она не предполагала и не боялась, что кто-нибудь наблюдает за ней. Кроме того, Маймуна, которая разбудила ее, со своим женским коварством высоко взобралась по ее ноге и сильно укусила в то место, что пылает жаром. Прекрасная, благородная, восхитительная Будур, увидев рядом с собой мужчину и обнаружив, что он уже взял ее кольцо, будучи не в силах ни разбудить его, ни представить, что он сделал с ней, охваченная любовью, возбужденная откровенной близостью его плоти, потеряла всякий контроль и дошла до высшей точки откровенной страсти.

> Вожделение жгло ее, ибо желание женщин намного сильнее желания мужчин, и она устыдилась своего собственного бесстыдства. Затем она сняла с пальца юноши его перстень с печатью и надела на свой палец, вместо того кольца, что взял он, поцеловала его в губы, поцеловала его руки и не оставила ни одного места на нем, не поцеловав его; после чего прижала его к своей груди, обняла, положив одну руку ему на шею, а другую в подмышку, и так прильнув к нему, она заснула.

Таким образом, Дахнаш проиграл спор. Будур вернули в Китай. На следующее утро, когда молодые люди проснулись, разделенные целым азиатским континентом, они стали глядеть по сторонам, но никого не находили рядом с собой. Они призывали своих придворных, колотили их и крушили все вокруг себя, совершенно обезумев. Камар-аз-Заман слег в изнеможении, его отец, царь, сел у него в изголовье, плача и рыдая над ним, не оставляя его ни днем ни ночью, а принцессу Будур пришлось приковать железной цепью за шею к одному из окон ее дворца[27].

Встреча и расставание, сопровождаемые дикой страстью, типичны для любовных мук. Ибо когда сердце стремится к суженому, не внемля увещеваниям, велики и мучения, и опасности. Но здесь в события вмешиваются силы, неподвластные обыденному разуму. Плоды тех событий, которые стали происходить в самых отдаленных уголках мира, постепенно сближаются и происходят чудесные совпадения, благодаря которым неизбежное свершится. Кольцо — это талисман, которое осталось от встречи одной части души с другой в том месте, где к герою возвращаются воспоминания, и оно означает, что сердцу дано было осознать там то, что упустил Рип ван Винкль, и бодрствующий ум не противопоставляет реальность высшего мира реальности повседневности. Это знак того, что теперь герой должен два мира воссоединить.

А затем в истории о Камар-аз-Замане нам долго рассказывают о том, как медленно и чудесно осуществляется судьба, которую пробудили к жизни. Судьба дается не каждому, а лишь герою, который погрузился в бездну, чтобы соприкоснуться с ней, и вынырнул снова — обрученный с нею кольцом.

5. Властелин двух миров

Свобода перемещаться в любом направлении через границу миров, из мира, где течет время — в безвременные глубины и снова возвращаться из них, не оскверняя принципы одного мира принципами другого, но при этом позволив разуму познать один посредством другого — для этого требуется мастерство. Тот, кто исполняет космический танец, говорит Ницше, не стоит инертно на одном месте, а радостно и легко кружится и перепрыгивает с одного места на другое. Можно говорить только из одной точки, но это не умаляет просветленного знания об остальных.

Мифы редко описывают таинство быстрого перехода с помощью одного-единственного образа. Но если такое все же происходит, такой момент становится драгоценным символом, исполненным глубокого смысла, требующим бережного отношения и осмысления. Например, таким моментом является Преображение Господне.

> По прошествии дней шести, взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, брата его, и возвел их на гору высокую одних, и преобразился пред ними и просияло лице

> Его как солнце, одежды же Его сделались белыми как свет. И вот, явились им Моисей и Илия, с Ним беседующие. При сем Петр сказал Иисусу: «Господи хорошо нам здесь быть, если хочешь, сделаем здесь три кущи. Тебе одну, и Моисею одну, и одну Илии». Когда он еще говорил, се, облако светлое осенило их, и се, глас из облака глаголющий «Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение; Его слушайте». И услышавши, ученики пали на лица свои и очень испугались. Но Иисус приступив коснулся их и сказал: «Встаньте и не бойтесь». Возведши же очи свои, они никого не увидели, кроме одного Иисуса. И когда сходили они с горы, Иисус запретил им, говоря никому не сказывайте о сем видении, доколе Сын Человеческий не воскреснет из мертвых[28].

Здесь целый миф сконцентрирован в одном эпизоде: Иисус — это проводник, сам путь, видение и спутник возвращения. Ученики — это его последователи, им самим таинство недоступно, и все же им открывают таинство единения двух миров в одно целое. Петр был так напуган, что начал говорить что-то невнятное[29]. Плоть растворилась перед их глазами, чтобы явить Слово. Они упали на лица свои, и, когда поднялись, дверь снова закрылась.

Следует заметить, что этот момент свершения вечности гораздо более значителен, чем романтические представления Камар-аз-Замана о его личной судьбе. Здесь мы оказываемся свидетелями не только мастерского перехода и возвращения через порог миров, но также и гораздо более глубокого проникновения в глубины. Главный смысл видения о преображении Христа — не индивидуальная судьба, потому что свидетелями откровения стали три человека, а не один; и значение его нельзя сводить к чисто психологическому. Его, безусловно, можно не учитывать. Мы можем усомниться в том, что такая сцена в действительности когда-либо имела место. Но это ничего для нас не меняет, так как сейчас нас интересуют проблемы символизма, а не историчности. Нас не особенно волнует, были Рип ван Винкль, Камар-аз-Заман или Иисус Христос реальными историческими личностями или нет. Нас интересуют не их истории, а «*истории про них*» и такие истории настолько широко распространены по всему миру — в разных странах и о разных героях, что вопрос о том, был ли тот или иной герой универсальной темы реальным человеком, может иметь лишь второстепенное значение. Преувеличение значимости этого исторического элемента привело бы нас к путанице, оно попросту может размыть истинный смысл этих посланий.

В чем же тогда смысл образа преображения? Вот вопрос, который мы должны задать себе. Но чтобы уловить их универсальный смысл, а не рассматривать с узко сектантской позиции, нам лучше рассмотреть еще один, не менее известный, пример подобного архетипического события.

Вот отрывок из индуисткой «Песни Бога», Бхагавадгиты. Бог, прекрасный юноша Кришна, является воплощением Вишну, Вселенского Бога; принц Арджуна его ученик и друг.

Арджуна сказал: «Если ты полагаешь, что я могу созерцать Твою космическую форму, о мой Господин, повелитель всех мистических сил, будь же милостив, яви мне Свою безграничную вселенскую сущность».

Бог ответил:

> Мой дорогой Арджуна, сын Притхи, о созерцай же теперь мое великолепие, сотни тысяч разнообразных божественных и многоцветных форм. О лучший из Бхарат, узри различные проявления Адитий, Васу, Рудр, Асвини-кумар и всех остальных полубогов, которых до тебя никто не видел и о которых никто никогда не слышал. О Арджуна, что бы ты ни захотел увидеть, все это есть в моем теле. Эта вселенская форма может показать тебе все, что ты пожелаешь увидеть сейчас и что ты захочешь увидеть в будущем. Все — движущееся и неподвижное — находится здесь, в одном месте. Но ты не можешь видеть меня своими нынешними глазами, поэтому я наделяю тебя божественным зрением. Узри мое мистическое могущество.

Сказав это, великий Бог йоги открыл Арджуне свой высший облик, облик Вишны, Бога Вселенной: с множеством ликов и очей, представляющий множество дивных зрелищ, увенчанный множеством небесных украшений, вооруженный множеством поднятых вверх божественных оружий; облаченный в небесные гирлянды и одежды, умащенный небесными благовониями, прекрасный, великолепный, безграничный, с лицами, глядящими во все стороны. Если бы сияние тысячи солнц вспыхнуло одновременно в небе, то было бы это подобно ослепительности Могущественного. И тут в лице Бога из богов Арджуна увидел всю вселенную с ее множеством частей, собранных в единое целое. Затем Арджуна, охваченный изумленьем, так, что волосы на его голове встали дыбом, склонил голову перед Богом, соединил ладони в приветствии и обратился к Нему:

> О Властитель вселенной, о вселенская форма, я вижу в твоем теле много-много рук, чрев, ртов, глаз, простирающихся повсюду, без предела. Тебе нет конца, нет середины и нет начала. Твою форму трудно видеть из-за ослепительного сияния, исходящего от нее во все стороны, подобно пылающему костру или безмерному блеску солнца. Но я вижу эту сияющую форму повсюду, увенчанную коронами и с булавами и дисками в руках. Ты — высшая изначальная цель, конечное место успокоения всей этой вселенной. Ты неисчерпаем и Ты — старейший, Ты — божественная личность и Ты поддерживаешь вечную религию.

Это видение посетило Арджуну на поле битвы, как раз в тот момент, когда должен был раздаться звук труб, призывающих к сражению. С богом, правящим своей колесницей, великий принц выехал на поле между двумя готовыми к битве народами. Его армии выстроились против армий посягающего на его права двоюродного брата, но сейчас во вражеских рядах он увидел множество людей, которых знал и любил. И он упал духом. «Грех падет на нас за убийство

сыновей Дхритараштры и друзей наших, пусть даже они и злодеи, — сказал он божественному вознице, — мы не должны этого делать. И чего мы этим достигнем, о Кришна, супруг богини удачи, и как можем мы быть счастливы, убив наших близких. Лучше мне, безоружному, быть убитым сыновьями Дхритараштры и не сопротивляться им». Однако после этого прекрасноликий бог призвал его к отваге, ниспослав ему мудрость Владыки и явив видение страшного конца. Принц, ошеломленный, увидел, как не только его друзей, преображенных в живые воплощения Опоры Вселенной, но и всех героев двух армий уносит ветер в неисчислимые, жуткие рты божества. В ужасе он воскликнул:

> О Владыка всех владык, прибежище всех миров, прошу тебя, будь милостив ко мне. Я не могу быть спокоен при виде твоих пламенеющих смертоносных ликов и устрашающих зубов. Я не знаю, как мне быть. Все сыновья Дхритараштры и цари, сражающиеся на их стороне, а также Бхишма, Дрона, Карна и наши главные воины устремляются в твои устрашающие зевы. И я вижу, как головы некоторых, застревая между твоими зубами, сокрушаются ими. Как воды текут в океан, так и все великие воины входят в твои горящие зевы. Я вижу, как все люди, устремляются в твои зевы, подобно мотылькам, летящим на огонь, чтобы погибнуть в нем. О Вишну, я вижу, как ты поглощаешь всех людей со всех сторон своими пылающими ртами. Ты покрываешь все вселенные своим сиянием, и сжигающие лучи исходят от тебя. О Повелитель повелителей, устрашающий своим видом, поведай мне, кто ты. Я склоняюсь перед тобой с почтением. Будь милостив ко мне. Ты — изначальный Бог. Я хочу знать, кто ты и какова твоя миссия.

Ил. 51. Кришна ведет Арджуну в битву (гуашь, картон). Индия, XVIII в. н. э.

Бог сказал:

> Я есть время, великий разрушитель миров, и я пришел сюда, чтобы уничтожить всех людей. Кроме вас (Пандав), все воины с обеих сторон погибнут. Итак, встань и приготовься сражаться и завоевать славу. Победи своих врагов и наслаждайся процветающим царством. По моему замыслу все они уже погибли, ты же, о Савьясачи, можешь быть лишь моим орудием в этом сражении Дрона, Бхишма, Джаядратха, Карна и другие великие воины уже уничтожены мной. Поэтому убей их и не тревожься. Просто сражайся, и ты уничтожишь в битве своих врагов.

Услышав эти слова Кришны, Арджуна затрепетал, сложил в обожании свои руки и поклонился. Охваченный страхом, он приветствовал Кришну, а затем дрожащим голосом снова обратился к нему:

> ...Ты изначальная божественная личность, старейшее, конечное святилище этого проявленного космического мира. Ты знаешь все, и ты — все, что можно познать. Ты — высшая обитель, стоящая над всеми материальными Гунами. О бесконечная форма! Тобой пронизано все космическое проявление! Ты — воздух и ты — высший правитель! Ты — огонь, ты — вода и ты — луна! Ты — Брахма, первое живое создание, и ты — прародитель! Поэтому я с почтением кланяюсь тебе тысячу раз и еще, и снова!... Узрев невиданную мной ранее вселенскую форму, я исполнен радости, но ум мой охвачен страхом. Поэтому молю тебя, окажи мне милость и вновь яви свой образ божественной личности, о Владыка владык, о прибежище вселенной. О вселенская форма, о тысячерукий Господь, я желаю узреть тебя в твоей четырехрукой форме, со шлемом на голове и булавой, диском, раковиной и лотосом в твоих руках. Я жажду увидеть этот твой образ.

И Бог сказал: «Мой дорогой Арджуна, я был счастлив явить тебе эту вселенскую форму, высшую форму материального мира. До тебя никто и никогда не созерцал эту изначальную форму, беспредельную и полную ослепительного сияния. ...Ты пришел в смятение и изумление при виде меня в этом ужасающем облике. Покончим с этим. Мой бхакта, забудь же все страхи и с миром на душе наблюдай тот образ, который ты желаешь увидеть».

Сказав так Арджуне, Кришна снова принял благолепное обличье и успокоил пришедшего в ужас Пандава[30].

Ученик был благословен в форме видения, которое не поддавалось осмыслению в рамках обыденной человеческой судьбы и было равносильным мимолетному взгляду на сущностную природу космоса. Ему была открыта не его собственная судьба, а судьба всего человечества, жизни в целом, ему открылись атом и все солнечные системы; причем на языке, доступном его человеческому пониманию, то есть в антропоморфном видении — Космического Человека.

Точно такая же инициация могла бы осуществиться и во внушительном образе Космического Коня, Космического Орла, Космического Дерева или Космического Богомола.

Ом! Поистине, утренняя заря — это голова жертвенного коня
солнце — его глаз,
ветер — его дыхание,
его раскрытая пасть — это огонь Вайшванара;
год — это тело жертвенного коня,
небо — его спина,
воздушное пространство — его брюхо,
земля — его пах,
страны света — его бока,
промежуточные стороны — его ребра,
времена года — его члены,
месяцы и половины месяца — его сочленения,
дни и ночи — его ноги, звезды — его кости,
облака — его плоть;
пища в его желудке — это песок,
реки — его жилы, печень и легкие — горы,
травы и деревья — его волосы,
восходящее [солнце] — его перед,
заходящее — его задняя часть.
Когда он оскаливает пасть, сверкает молния;
когда он содрогается, гремит гром;
когда он испускает мочу, льется дождь,
голос — это его голос»[31].

Тела жизни, раздираемого плотоядным желанием,
Несущимся на яростно простертых крыльях: из глаз
Брызжет кровь; из вырваных глаз; темная кровь
Струится из опустошенных глазниц, стекая по клюву
И орошая пустынные просторы небес.
Но и тогда Великая Жизнь продолжалась; все же Великая Жизнь
Была прекрасна, и, вкусив поражение,
Она насытилась.[32]

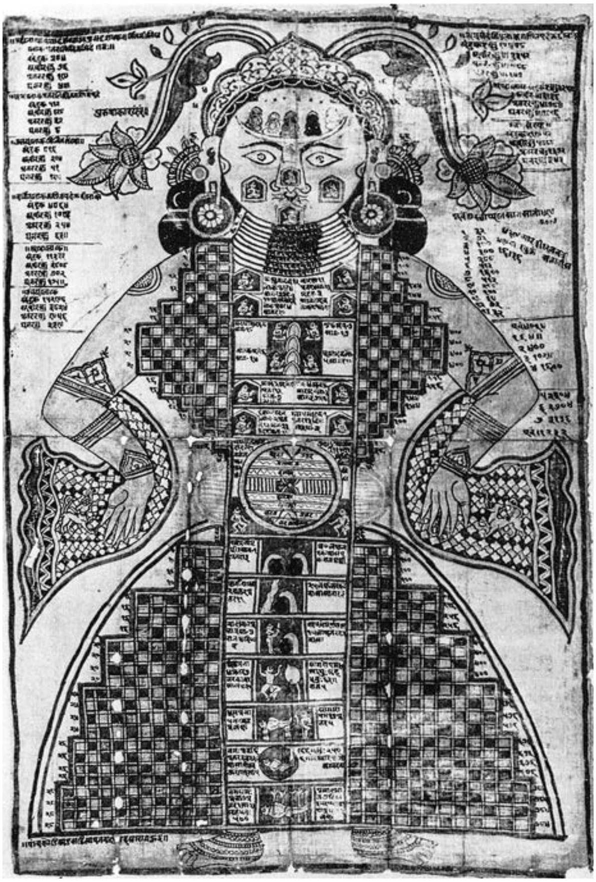
Космическое Дерево — это распространенный мифологический образ (в частности, Иггдрасиль, Ясень Мира из «Эдд»). Богомол — это важный символ в мифологии бушменов Южной Африки.

Кроме того, откровение, описанное в «Песне Бога», представлено на языке, соответствующем касте и расе Арджуны: Космический Человек, которого он видел, был, как и он, аристократом и индусом. Соответственно, в Палестине Космический Человек выглядел как еврей, в древней Германии — как германец; у Басуто — он негр, в Японии — японец. Раса и достоинство фигуры,

Ил. 52. Космическая богиня-львица держит солнце (лист манускрипта). Индия, XVIII в. н. э.

символизирующей имманентное и трансцендентное Универсальное, имеет историческое, а не семантическое значение; то же самое относится и к полу Космическая Женщина, которая появляется в иконографии джайнизма*, — это такой же выразительный символ, как и Космический Мужчина.

Ил. 53. Космическая женщина Джайнов (гуашь, ткань). Индия, XVIII в. н. э.

Символы — это всего лишь *средство* передачи мысли; было бы ошибкой отождествлять их с тем, что они в конечном счете выражают, то есть с их *содержанием*. Какими бы привлекательными или впечатляющими они ни казались, они остаются всего лишь средством, которое адекватно приспособлено к уровню восприятия тех, к кому обращены. Поэтому личность или личности Бога — представлены ли они в образе троицы, пары или одного

* Джайнизм — неортодоксальная индийская религия (отрицающая авторитетность «Вед»), в иконографии которой можно найти некоторые необычные архаичные черты.

бога, в политеизме, монотеизме или генотеизме, образно или словесно, как документально подтверждаемый факт или как апокалипсическое видение — никто не должен пытаться объяснять или интерпретировать их как предмет или явление материального мира. Проблема теолога заключается в том, чтобы сохранить свой символ «полупрозрачным», так чтобы он не загораживал собой тот самый свет, который должен сквозь него пролиться. «Ибо только тогда мы истинно познаем Бога, — пишет св. Фома Аквинский, — когда верим в то, что Он намного превосходит все то, что человек может когда-либо помыслить о Боге»[33]. И в «Упанишадах» сказано в том же духе: «Знать — значит не знать; не знать — значит знать»[34]. Ошибочно отождествлять средство постижения с сутью постигаемого может привести не только к пустой трате чернил, но и к непоправимому и непростительному кровопролитию.

Далее необходимо отметить, что свидетелями преображения Иисуса были его ученики, которые уже смогли обуздать свои желания, это были люди, которые уже давно отреклись от «жизни», «собственного удела» и «судьбы», полностью посвятив себя Учителю. «Ни благодаря Ведам, ни в результате покаяния, ни раздавая милости, ни принося жертвоприношения нельзя Меня увидеть в том образе, в котором только что ты видел Меня, — сказал Кришна после того, как принял свой обычный образ, — а лишь благодаря приверженности Мне можно видеть Меня в этом облике, истинно осознать и войти в Меня. Тот, кто выполняет Мою работу и видит во Мне Высшую Цель, кто предан Мне и не питает ненависти ни к одному созданью — тот приходит ко Мне»[35]. Слова Иисуса более кратко излагают ту же мысль: «Кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее»[36].

Смысл этого послания очевиден; в нем сформулирована сущность всех религиозных практик. Индивид с помощью продолжительной психологической подготовки полностью разрывает всякую связь со своими личностными ограничениями, особенностями, надеждами и страхами, больше не противится саморазрушению, благодаря которому возможно возрождение для постижения истины, и таким образом, наконец оказывается готов прийти к великому смирению. Полностью исчезают его собственные амбиции, он больше не стремится к обыденной жизни, а с готовностью принимает все, что может в нем произойти; то есть он обретает анонимность. Закон живет в нем с его искреннего согласия.

Есть много персонажей, особенно в области социального устройства и мифов Востока, в которых воплощается это предельное состояние анонимного присутствия. Это — мудрецы-отшельники в рощах и странствующие монахи, которые играют заметную роль в жизни и легендах Востока; в мифе это такие образы, как Вечный жид (презираемый, непонятый и все же с драгоценной жемчужиной в своем кармане); нищий оборванец, которого преследуют собаки; чудесный странствующий бард, чья музыка утешает сердце; или же выдающий себя за другого бог — Вотан, Виракоча, Эдшу.

Иногда дурак, иногда мудрец, иногда облеченный царским величием; иногда блуждающий, иногда бездвижный, как питон, иногда добродушный на вид; иногда почитаем, иногда оскорбляем, иногда незаметен — так живет человек, пришедший к осознанию, неизменно счастливый высшим блаженством. Подобно тому, как актер всегда остается человеком, надевает ли он костюм своего персонажа или откладывает его в сторону, так и полностью познавший Нетленное всегда остается Нетленным и ничем более[37].

6. Свобода жить

Чем же в конце концов завершается чудесный переход и возвращение домой? Поле боя символизирует поле жизни, где каждое существо живет оттого, что кто-то другой погиб. Осознание неизбежного греха, которым пропитана жизнь, способно внушить такое отвращение, что человек, подобно Гамлету или Арджуне, может отказаться продолжать жить. С другой стороны, как многие из нас, человек может создать фальшивый, в конечном счете неоправданный образ самого себя как исключительного явления в этом мире, не отягощенного виной, как все остальные, его неизбежные прегрешения оправданны, потому что он несет добро. Такое оправдание себя нарушает правильное понимание не только самого себя, но и природы человека и космоса. Цель мифа в том, чтобы устранить потребность в таком наивно-невежественном отношении к жизни, осуществляя примирение индивидуального сознания со вселенской волей. И это происходит, когда осознается истинная взаимосвязь преходящих явлений времени и вечной жизни, что живет и умирает во всем.

Подобно тому, как человек надевает новые одежды, сбросив старые, так и душа принимает новое тело, оставив старое и бесполезное. Душу нельзя рассечь на куски никаким оружием, сжечь огнем, смочить водой, иссушить ветром. Эту индивидуальную душу нельзя разбить, растворить, сжечь или иссушить. Она существует всегда и везде, неизменная, недвижимая, вечно та же[38].

Человек, погруженный в деяние, теряет свою сосредоточенность на принципе вечности, пока он обеспокоен исходом своих деяний, но возложив их и их плоды на колени Живого Бога, он этим жертвоприношением освобождается из рабства моря смерти. «Делай без привязанности ту работу, что ты должен делать... Предоставив действовать Мне, устремив взор свой на собственное Я, свободный от влечений и себялюбия, сражайся, — неприступный для печалей»[39].

Могущественный в своем озарении, спокойный и свободный в своих деяниях, ликуя от того, что руку его направляет благословение Виракочи, герой является сознательным орудием великого и ужасного Закона, и может быть при этом кем угодно — мясником, шутом или царем.

Гвион-Бах, вкусивший три капли из ядовитого котла вдохновения, проглоченный ведьмой Керидвен, возрожденный младенцем и брошенный в море, был найден на следующее утро в рыбацких сетях несчастным и крайне разочарованным юношей по имени Эльфин, сыном богатого землевладельца Гвидно, чьи кони умерли, отравившись ядом, вылившимся из разбитого котла. Когда люди вытащили из сетей кожаный мешок, открыли его и увидели лоб маленького мальчика, они сказали Эльфину: «Смотри, какая бровь лучистая (*taliesin*)!». «Талиесин он будет зваться», — сказал Эльфин. Он взял мальчика на руки и, сетуя на свои несчастья, исполненный печали, посадил его позади себя. Свою лошадь, которая прежде бежала рысью, он пустил легким шагом и повез ребенка так мягко, как если бы тот сидел в самом удобном кресле в мире. И тут же мальчик стал во весь голос читать поэму в утешение и в восхваление Эльфина и предсказал ему честь и славу:

Прекрасный Эльфин, брось печаль!
Не сетуй на судьбу.
В отчаяньи не много пользы.
Никто не видит, что силы придает ему...
Хотя я слаб и мал,
На пеною покрытом побережье океана,
В тот день, когда придет беда, я пригожусь тебе
Намного больше трехсот лососей...

Когда Эльфин вернулся в замок своего отца, Гвидно спросил его, богат ли улов у запруды, и тот ответил ему, что нашел то, что лучше рыбы. «Что же это?» — спросил Гвидно. «Бард», — ответил Эльфин. Тогда Гвидно сказал: «Увы, какая же тебе польза от него?» И тогда младенец сам ответил ему, сказав: «Я больше пользы принесу ему, чем когда-либо твоя запруда приносила тебе». «Ты так мал и уже можешь говорить?» — спросил Гвидно. И младенец ответил: «Я говорить умею лучше, чем ты спрашивать». «Давай послушаем, что же ты можешь сказать», — молвил Гвидно. Тогда Талиесин запел философскую песню.

Однажды король устраивал прием, и Талиесин устроился в тихом уголке зала.

> И когда вошли барды и герольды, чтобы воспевать щедрость и прославлять власть короля и его силу, когда они проходили мимо места, где сидел Талиесин, он им в след стал играть пальцем на губах: «Брм, брм». Никто не обратил на него никакого внимания и, пройдя мимо, они пошли дальше, пока не предстали перед королем, низко поклонились ему, как было заведено, и, не говоря ни слова, надули губы и, гримасничая, сыграли пальцами на губах точно так же, как это сделал мальчик. Это зрелище вызвало у короля удивление, и он подумал про себя, что они выпили лишнего и попросту пьяны. После этого король велел одному из своих лордов, который прислуживал ему за столом, подойти к ним и потребовать, чтобы те взяли себя в руки и понимали, где находятся и как

должно вести себя. И лорд охотно исполнил это. Но они все дурачились. Тогда король послал к ним во второй раз и в третий, требуя, чтобы они покинули зал. Наконец король велел одному из своих оруженосцев поколотить главного из бардов, по имени Хайнин-Вард; оруженосец взял метлу и ударил его по голове, так что тот упал на свой зад. После этого бард поднялся и тут же пал на колени, прося о королевской милости, и рассказал, что их вина вызвана не глупостью или пьянством, а действием какого-то духа, что находится в зале. И после этого Хайнин молвил следующее: «О почтенный король, да будет известно вашей милости, что не от крепости напитка и не от излишка выпитого мы онемели и стали не в силах молвить, подобно пьяным людям, а под влияньем духа, что сидит вон в том углу в образе ребенка». Король тотчас велел оруженосцу привести мальчика, тот направился в укромный уголок, где сидел Талиесин, и подвел его к королю, который спросил, кто он такой и откуда явился. Мальчик ответил королю стихом.

Во-первых, я главный бард Эльфина,
А родина моя — страна летних звезд;
*Идно и Хайнин назвали меня Мерддин**,
Но, в конце концов все короли будут звать меня
Талиесин.
Я был с моим Богом в высшем пределе,
Когда Люцифер пал в бездну ада.
Я знамя нес перед Александром;
Я знаю все наименованья звезд от севера до юга;
Я был в галактике у трона Раздающего;
Я был в Ханаане, когда убили Авессалома;
Я Божий Дух донес до уровня Хевроновой долины;
Я был при дворе Дона пред рождением Гудиона.
Я был учителем у Еноха и Илии,
Я окрылен был гением епископского посоха;
Я был словоохотлив прежде того, как одарен был речью;
Я был на месте распятья на Кресте милосердного Сына
Господнего;
Я отбыл три срока в тюрьме Арианрод,
Я был главным управителем работ при возведении башни Нимрода;
Я чудо, происхожденье которого неизвестно.
Я был в Азии с Ноем в ковчеге,
Я видел гибель Содома и Гоморры,
Я был в Индии, когда был построен Рим,
Теперь я пришел сюда, к Развалинам Трои.
Я был с моим Господом в яслах осла;
Я укрепил Моисея в водах Иордана;
Я был на небесах с Марией Магдалиной;
Я обрел вдохновение из котла Керидвен;
Я был бардом арфы у Леона Лохлина
Я был на Белом холме при дворе Синвелина,

---

* Мерддин — Мерлин, главный волшебник романов о короле Артуре.

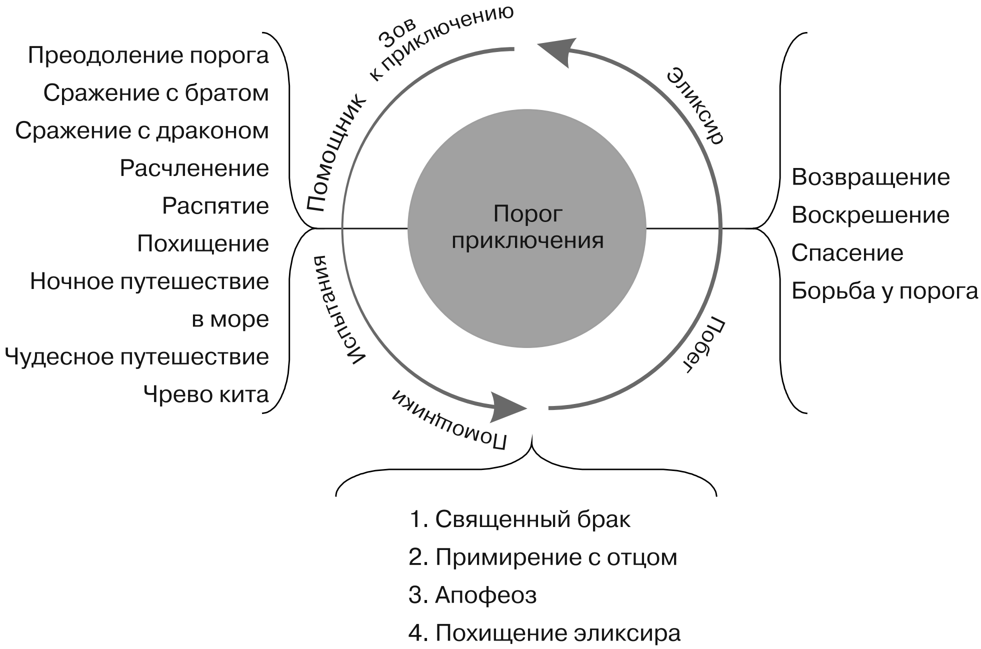
День и год в колодках и кандалах
Я истязал себя голодом за Сына Девы Марии,
Я был вскормлен в землях Господних,
Я был учителем всех умов,
Я могу поучать всю вселенную
Я не исчезну с лица до Страшного суда;
И неизвестно, что есть мое тело — плоть или рыба.
Затем я девять месяцев пробыл
В лоне колдуньи Керидвен;
Сначала я был маленьким Гвионом,
Теперь же я Талиесин.

Выслушав эту песню, король и его вельможи премного удивились, ибо никогда прежде ничего подобного им не доводилось слышать от столь юного мальчика[40].

Большая часть песни барда посвящена Вечному, живущему в нем, и лишь последняя короткая строфа повествует о деталях его собственной биографии. Внимание слушателя обращено прежде всего к Вечному в нем самом, и затем ему сообщают нечто важное. Хотя бард и боялся жуткой ведьмы, будучи проглочен ею, он был возрожден. Умерев для своего собственного «я», он возродился, упрочив свою Сущность.

Герой защищает вещи, которые развиваются, а не те, которое уже существуют, потому что он *есть*. «Еще нет Авраама, а уже Я ЕСТЬ»[41]. Он не впадает в заблуждение, пребывая в обманчивом безвременье Высшего Бытия, не страшится он и грядущего («иного»), которое своей «инаковостью» разрушит устоявшийся уклад жизни. «Не сохраняет ничто неизменным свой вид; обновляя вещи, одни из других возрождает обличья Природа. Не погибает ничто — поверьте! — в великой вселенной разнообразится все, обновляет свой вид»[42]. И такое будущее наступает — например, когда принц Вечности поцеловал принцессу Мира, ее сопротивление было сломлено.

Она открыла глаза, пробудилась и устремила на него лучезарный взгляд. Вместе они спустились по ступеням, и тогда пробудились и король, и королева, и весь королевский двор; и все смотрели друг на друга, и никак не могли нарадоваться. И кони во дворе поднялись и встряхнули гривами; голуби на крыше высунули из-под крыльев свои маленькие головки, оглянулись вокруг и полетели через поле; снова поползли по стене мухи; ожило пламя на кухне, замерцало, и начал готовиться обед; снова зашипело жарящееся мясо; повар ударил поваренка по уху, так что тот вскрикнул; а служанка закончила ощипывать цыпленка[43].

Путешествие героя

ГЛАВА IV

Ключи

Герой мифа, покинув свой родной дом — хижину или замок, хитростью или колдовством заманивается, переносится или по собственной воле отправляется на поиски приключений. Там он встречается с призраком, который стережет порог. Герой может одолеть эту силу или расположить ее к себе и живым войти в царство тьмы (это может быть битва с братом, битва с драконом, подношение, заклинание) либо может быть убит своим противником и пасть замертво (подвергнуться расчленению, распятью). Преодолев порог, герой странствует в мире незнакомых ему сил, с которыми ощущает удивительную общность, одни из них угрожают ему (и устраивают испытания), другие волшебным образом помогают. Когда мифологическое путешествие приводит героя к абсолютному упадку, ему предстоит решающее испытание, и он завоевывает свою награду. Его победа может быть символически представлена как брачный союз с матерью-богиней мира (священный брак), как его признание отцом-создателем (примирение с отцом), или как обожествление героя (апофеоз), или же — если потусторонние силы остаются враждебными — миф повествует о похищении драгоценного дара, за которым он пришел (невесты, огня), в сущности, происходит сдвиг рамок сознания, и тем самым пределов бытия (просветление, преображение, освобождение). Путь пройден, и теперь нужно вернуться. Если трансцендентные силы благословили героя, тогда он отправляется в обратный путь под их защитой (посланник), если же этого не произошло, то он бежит, а за ним гонятся по пятам (и он претерпевает превращения или преодолевает препятствия). У порога, ведущего обратно, трансцендентные силы должны остаться позади, герой выходит из царства страха (возвращение, воскрешение). Драгоценный дар, который он приносит с собой, возрождает мир (эликсир).

Какими только деталями ни обрастает эта простая мифологическая схема! Во многих легендах выделяются и развиваются один или два типичных элемента полного цикла приключений героя (испытание, побег, похищение невесты), в то время как другие выстраивают в один ряд несколько независимых циклов (как в «Одиссее»). В повествовании могут совмещаться несколько разных типов персонажей и эпизодов или какой-то один момент может повторяться и воспроизводиться в разных вариантах.

Общие схемы мифов и сказок могут подвергаться различным изменениям и искажениям. Архаичные черты, как правило, или исчезают, или стираются. Заимствования переосмысливаются в соответствии с местными условиями или верованиями, и таким образом редуцируются. Кроме того, поскольку сюжеты бесчисленное количество раз пересказываются из поколения в поколение, они неизбежно претерпевают случайные или намеренные искажения. Чтобы объяснить смысл таких элементов, утративших смысл в силу тех или иных обстоятельств, слушателям предлагаются более поздние толкования, нередко весьма изобретательные[1].

В эскимосской легенде о попавшем в чрево кита Вороне, эпизод о палочках для разведения огня подвергся искажению и последующей рационализации. Архетип героя, очутившегося в чреве кита, широко известен. Обычно его основная задача заключается в том, чтобы развести огонь с помощью этих палочек внутри чудовища и таким образом погубить его и выйти на волю. Разведение огня в этом случае символизирует половой акт. Две палочки: палочка — гнездо и палочка — веретено — соответственно символизируют женское и мужское начала; пламя — это рождение новой жизни. Герой, разжигающий огонь внутри кита, символизирует священный брак.

Но в нашей эскимосской легенде эта история о разведении огня претерпела изменения. Женское начало было воплощено в образе красивой девушки, которую Ворон встретил в огромной комнате внутри чудовища; между тем слияние мужского и женского начал отдельно символизировалось капающим из трубы в горящую лампу маслом. Вкушение Вороном этого масла и символизировало его участие в акте. Вызванный этим катаклизм представляет типичный перелом в момент упадка, конец старой эры и начало новой. Последующее освобождение Ворона символизирует чудо возрождения. Таким образом, поскольку изначальная роль палочек для разведения огня уже теряла смысл, для того, чтобы найти им место в сюжете, был придуман неплохой и занимательный эпилог. Оставив палочки для разведения огня в брюхе кита, Ворон смог преподнести их находку как дурной знак и этим отпугнул людей, а сам вволю попировал «на китовых поминках». Этот эпилог пример прекрасной поздней переработки сюжета. Здесь подчеркивается хитрость героя, но это не имеет отношения к тому, как строилось исходное повествование.

На более поздних стадиях развития мифов ключевые образы часто теряются во вторичных переработках сюжета, как иголки в стоге сена; ибо, когда цивилизация перешла от мифологических представлений к более реалистичным, старые образы уже не так остро воспринимались или вызывали неприятие. В Греции эпохи эллинизма и в Римской империи древние боги были низведены до ранга простых покровителей, домашних животных или литературных героев. Непонятные, доставшиеся по наследству темы, например тема Минотавра — темного и ужасного воплощения ночного древнеегипетско-критского образа божественного царя и воплощения бога солнца, — подверглись рационализации и были переосмыслены так, чтобы удовлетворять целям того вре-

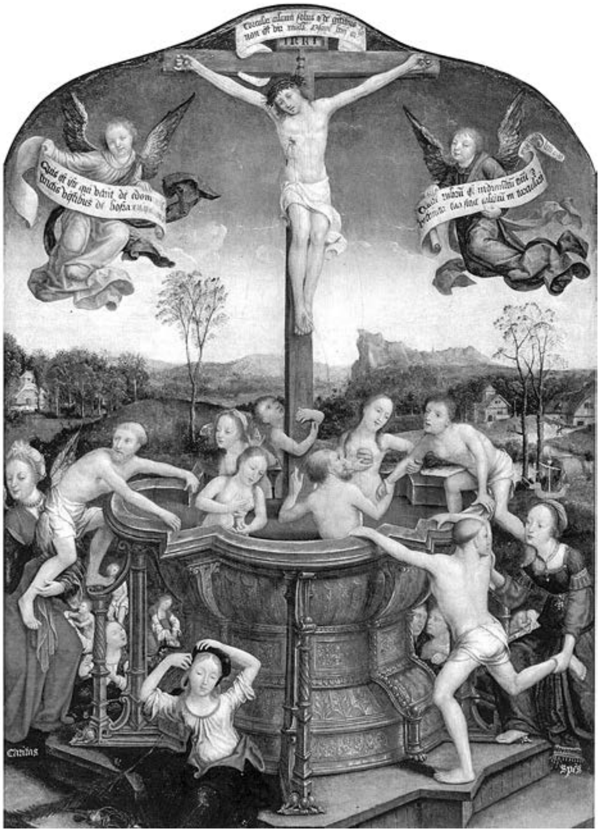
мени. Гора Олимп погрузилась в мелочные скандалы и любовные интрижки, а матери-богини превратились в истеричных нимф. Мифы стали похожи на фантастические любовные романы. Так произошло и в Китае, где моральные постулаты конфуцианства почти полностью лишили древние мифологические образы их изначального величия; а сегодняшняя официальная мифология представляет собой собрание историй о сыновьях и дочерях провинциальных чиновников, которые за то или иное услужение своей общине были возвышены почти до божественного состояния в глазах своих благодарных подопечных. И в современном прогрессивном христианстве Христос, Воплощение Логоса и Спаситель Мира, — это в первую очередь историческое лицо, безобидный, провинциальный мудрец из полувосточного прошлого, который проповедовал милосердную доктрину «относись к другим так, как хотел бы, чтоб они относились к тебе», но, несмотря на это, его все равно казнили как преступника. Обстоятельства его смерти — это прекрасный урок цельности личности и духовной силы.

Если поэзия мифа интерпретируется как биография, история или наука, это ее убивает. Живые образы превращаются в смутные факты далекого прошлого или божественного Бытия. Кроме того, несложно продемонстрировать, что уравнивать миф с наукой и историей — это абсурд. Когда цивилизация начинает так переосмысливать свою мифологию, она становится безжизненной, храмы становятся музеями, миф и цивилизация оказываются отрезаны друг от друга. Именно такое несчастье постигло и Библию, и в значительной мере все христианское вероучение. Чтобы вдохнуть жизнь в древние образы, нужно не искать параллели с сегодняшней действительностью, а искать в прошлом источники вдохновения. Когда они найдены, обширные пространства иконографии, которая, казалось, была давно мертва, снова открывают для нас свои вечные общечеловеческие ценности.

Например, в пасхальную субботу в католической церкви, после освящения нового огня, пасхальной свечи и чтения проповеди, священник надевает пурпурную ризу, и процессия, состоящая из священнослужителей, с канделябрами и горящей освященной свечой, направляется к крестильной купели; в это время поют вот эти стихи из Псалмов: «Как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе, Боже! Жаждет душа моя к Богу крепкому, живому: когда приду и явлюсь пред лице Божие! Слезы мои были для меня хлебом день и ночь, когда говорили мне всякий день: “Где Бог твой?”»[2]

Подойдя к порогу баптистерия, священник останавливается, чтобы вознести молитву, затем входит внутрь и благословляет воду купели: «Чтобы небесный отпрыск, зачатый освящением, мог явиться из чистого лона божественной купели, возродить новые создания и чтобы все, независимо от их телесного пола или их возраста, обрели начало от милости, от их духовной матери». Он касается воды рукой и молится, чтобы она очистилась от зла Сатаны; крестит воду; набирает воду своей рукой и «орошает» все четыре стороны света; крестообразно трижды дует на воду; затем погружает в воду пасхальную

свечу и нараспев произносит: «Да снизойдет сила Святого Духа на всю воду этой купели». Вынув свечу из воды, он снова окунает ее глубже и громче повторяет: «Да снизойдет сила Святого Духа на всю воду этой купели». Затем снова поднимает свечу и в третий раз погружает ее в воду, на этот раз до самого дна, и еще громче повторяет: «Да снизойдет сила Святого Духа на всю воду этой купели». Затем, трижды подув на воду, он продолжает: «И сделает всю эту воду плодородной для возрождения». Затем он достает свечу из воды и после нескольких заключающих молитв служки, помогающие ему, окропляют людей освященной водой.[3]

Ил. 54. Источник Жизни (масло, дерево). Фландрия, 1520 г.

Символизирующая женское начало вода, духовно оплодотворенная огнем Святого Духа, представляющим мужское начало, — это вода преображения, известная во всех мифах. Этот обряд — вариант символического священного брака, где жизнь мира и человека зарождается и возрождается, это таинство, которое символизирует индуистский лингам. Войти в эту купель означает вступить в царство мифа; погрузиться в воду — значит пересечь порог, погру-

зившись в море ночи. Символически младенец совершает свое путешествие, когда вода льется ему на голову; священник — проводник, помощники — крестные родители. Цель путешествия — новое рождение от этих родителей, обретение себя в Вечной Самости, Духе Господнем, в Лоне Милости[4]. Затем младенец возвращается к родителям своего физического тела.

Немногие из нас имеют более-менее внятное представление о смысле обряда крещения, нашего обряда инициации, который вводит нас в лоно Церкви, но его смысл ясно прослеживается в словах Иисуса: «Истинно, истинно говорю тебе: если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия». Никодим говорит Ему: «Как может человек родиться, будучи стар? Неужели может он в другой раз войти в утробу матери своей и родиться?» Иисус отвечал: «Истинно, истинно говорю тебе: если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие»[5].

Общепринятое толкование крещения состоит в том, что оно «смывает первородный грех», с ударением скорее на очищении, чем на возрождении. Это вторичная интерпретация. Здесь если и подразумевается традиционный образ рождения, то умалчивается о предшествующем супружестве. Но необходимо проследить все тончайшие смыслы и намеки мифологических символов, и лишь тогда они откроют нам, каким образом, посредством аналогий, они повествуют о тысячелетних странствиях Души.

ЧАСТЬ II

КОСМОГОНИЧЕСКИЙ ЦИКЛ

Ил. 55. Камень Солнца (резьба по камню). Ацтекская империя, 1479 г.

ГЛАВА I

Эманации

1. От психологии к метафизике

Современный интеллектуал признает, что символы мифов несут в себе психологический смысл. В частности, после исследований психоаналитиков почти ни у кого не вызывает сомнений тот факт, что мифы и сновидения имеют одну и ту же природу и что сновидения отражают психические процессы. Зигмунд Фрейд, Карл Густав Юнг, Вильгельм Штекель, Отто Ранк, Карл Абрахам, Геза Рохейм и многие другие на протяжении нескольких последних десятилетий получили убедительные доказательства и неопровержимые факты, способствующие истолкованию сновидений и мифов; и, несмотря на то что эти ученые иногда расходятся во мнениях, они единодушно признают основополагающие принципы, которые объединяют это направление исследований. После того как они доказали, что принципы и логика волшебных сказок и мифов коррелируют с логикой сновидений, химеры архаического человека, которые давным-давно подверглись дискредитации, снова властно заявили о себе как о первооснове современного сознания.

В соответствии с этими представлениями, похоже, что волшебные сказки, которые описывают жизнь легендарных героев, могущество божественных сил природы, духов смерти и тотемы предков данного рода, представляют собой символическое выражение бессознательных желаний, страхов и конфликтов, лежащих в основе сознательных моделей человеческого поведения. Иными словами, мифология — это психология, которую принимают за биографию, историю и космологию. Современный психолог может восстановить, к чему эти символы исходно относились (восстановить их исходные денотаты. — *Примеч. пер.*) и таким образом спасти для современного мира богатые и выразительные свидетельства величайших глубин человеческой души. Таинственные процессы духовной жизни *homo sapiens* — западного и восточного, первобытного и цивилизованного, современного и архаичного — высвечиваются здесь, как на рентгене. Нам теперь открыто все. Осталось лишь прочесть историю, осмыслить повторяющиеся шаблоны и вариации сюжета, и так прийти к пониманию глубинных сил, сформи-

ровавших главные линии человеческой судьбы, которые по-прежнему продолжают влиять на всю нашу личную и общественную жизнь.

Но если мы попытаемся осмыслить всю информацию, которую содержат эти бесценные источники, нам придется признать, что мифы и сновидения не идентичны. Их образы берут начало из одного источника — бессознательного нагромождения фантазий, они говорят на одном и том же языке, но мифы — это не просто сны разума. Напротив, их правила построения контролируются сознанием. Их роль состоит в том, чтобы образно передать традиционную мудрость. Это наблюдалось уже во времена так называемой первобытной мифологии. И шаман, вещающий в состоянии транса, и владеющий тайнами магии колдун в теле антилопы познали и мудрость этого мира, и мастерство строить повествование по аналогии. Метафоры, которыми они жили и на языке которых общались, были плодом глубоких раздумий, поисков и дискуссий на протяжении столетий и тысячелетий; более того, от них зависели и стиль мышления, и повседневная жизнь разных сообществ. В соответствии с ними формировались культурные шаблоны. С их помощью обучали молодежь, а люди старшего возраста обретали мудрость, изучая, проживая и осознавая эффективные формы инициации, которые в этих метафорах заключались. Благодаря им выявлялись и приводились в движение все энергетические источники человеческой психики. Они связывали сферу бессознательного с практической деятельностью — это происходило не иррационально, по законам невротической проекции, напротив, все происходило таким образом, чтобы зрелое и отрезвляющее, практическое отношение к реальному миру могло жестко контролировать мир детских желаний и страхов. И если это происходило даже в сравнительно простых народных мифах (в системах мифов и ритуалов, в которых черпали силы первобытные племена охотников и рыболовов), то что уж говорить о таких воистину космических метафорах, которые нашли свое выражение в великих эпосах Гомера и «Божественной комедии» Данте, в Книге Бытия и вечных храмах Востока? Вплоть до последних десятилетий люди черпали в них силы для жизни и находили источник философского вдохновения, поэзии и искусства. К этому символическому наследию обращались такие непревзойденные вдохновенные мастера, как Лао Цзы, Будда, Зороастр, Христос или Магомет, считая их кладезем нравственной мудрости и источнику метафизического образования, поэтому мы вынуждены согласиться с тем, что перед нами — торжество сознания, а не сумраки души.

Итак, если нам предстоит осмыслить все традиционные мифологические образы, которые до нас дошли, мы должны понять, что они представляют собой не только симптомы бессознательного (как, безусловно, все человеческие мысли и действия), но также являются целенаправленным выражением вполне определенных духовных принципов, которые остались неизменными на всем протяжении человеческой истории, подобно тому, как неизменными остались и физический облик человека, и строение, и функционирование его психики. Короче говоря, общая для всех мифов мысль заключается в том, что все до-

ступные нашему чувственному восприятию структуры мира — все вещи и существа в нем — результат воздействия некой вездесущей силы, которая их породила, которая их питает, и поддерживает, и наполняет, пока они пребывают в материальном мире, и в которую они должны вернуться, чтобы раствориться в ней. Эта сила известна науке как энергия, меланезийцы называют ее *мана,* индейцы племени сиу — *ваконда,* у индусов она носит имя *шакти,* а у христиан как могущество Господне (благодать. — *Примеч. пер.*). Ее проявление в психике психоаналитиками определяется как *либидо*[1]. А в космосе она проявляется как структура и всеобщий поток самого универсума.

Постижение *источника* этого неопределенного, но при этом вездесущего субстрата бытия искажается нашими органами восприятия. Формы чувственного восприятия и категории человеческого разума[2], будучи сами проявлением этой силы[*], помещают наш разум в такие жесткие рамки, что обычный способ мышления и восприятия не позволяет не только видеть, но даже вообразить ее многокрасочность, быстротечность, бесконечное разнообразие и невероятное богатство. Функция ритуала и мифа заключается в том, чтобы сделать возможным, а затем и все более простым столь резкий переход из одного мира в другой — посредством аналогии. Формы и понятия, доступные разуму и чувствам, представлены и упорядочены в мифах и ритуалах таким образом, чтобы намеками подготовить к восприятию истины или же открытое пространство нового мира. Далее, когда условия для медитации заданы, человек остается в одиночестве. Миф — это предпоследний шаг, последний же есть откровение — пустота или бытие по ту сторону категорий[†] — небытие, в которое разум должен сам погрузиться и в нем раствориться. Следовательно, и Бог и боги представляют собой лишь средства, сами принадлежащие миру форм и имен, но они красноречиво свидетельствуют о существовании высшего мира и в конце концов приводят к нему. Это символы, которые должны привести ум в движение, пробудить его и провести дальше, в мир, в котором им самим уже нет места.

Признание, что личность любого божества, которому поклоняются, вторична, свойственно многим мировым традициям. Но в христианстве, в исламе, в иудаизме личность божества представляется в учении как финальная — и поэтому представителям общин достаточно трудно осознать, каким образом можно выйти за пределы собственного восприятия антропоморфного представления о божественном. В результате, с одной стороны, представления об этих символах божества стали запутанными, с другой стороны, это привело к беспрецедентному в истории мировых религий фанатизму. Более подробное обсуждение этого феномена представлено в работе Зигмунда Фрейда «Моисей и монотеизм»[3].

---

[*] Санскрит: Майя-шакти.

[†] За пределами категорий и потому не определяемые как «пустота» и «бытие». Такие термины являются лишь ключом к трансцендентному.

Небеса и ад, золотой век и Олимп, — эти и все другие сферы пребывания божественного интерпретируются в психоанализе в качестве символов бессознательного. Таким образом, в качестве ключа к современным системам психологической интерпретации можно рассматривать следующее тождество: метафизическая реальность = бессознательное. И для того, чтобы иначе открыть эту дверь таким ключом, необходимо прочесть это тождество в обратном порядке: бессознательное = метафизическая реальность. Иисус возглашал: «Ибо вот, смотрите, Царствие Божие внутри вас»[4]. Безусловно, в утрате сверхсознания и впадении в состояние бессознательности и заключен смысл библейского грехопадения. Сужение сознания, из-за которого мы видим универсальную силу лишь в форме ее феноменологического проявления, низвергает сверхсознание в область бессознательного, но именно в это мгновение, именно так происходит сотворение мира. Спастись и искупить свои грехи — значит вернуться к сверхсознанию и растворить в нем окружающий мир. Вот великая тема и формула космогонического цикла, где мифический образ мира проявляет себя и затем вновь уходит из поля нашего восприятия. Точно так же рождение, жизнь и смерть индивида можно рассматривать как погружение в бессознательное и возвращение из него. Герой — это человек, который еще при жизни знает и воплощает в себе зов сверхсознания, который никем в сотворенном мире более не осознается. Приключение героя описывает тот момент в его жизни, когда он достигает просветления — кульминационный момент, когда он, еще будучи жив, обнаруживает и открывает дорогу к свету — по ту сторону темных стен нашего бренного существования.

Таким образом, космические символы предстают перед нами в форме сложного для восприятия и осмысления возвышенного парадокса. Царство Божие «внутри вас», но оно также и вовне, но Бог есть лишь удобный способ пробудить спящую принцессу — нашу душу. Жизнь — это ее сон, смерть — это ее пробуждение. Герой, который сам пробуждает свою душу, сам себя растворяет в небытии. Бог, пробуждающий душу к жизни, — это его собственная смерть.

Пожалуй, наиболее выразительный из всех возможных символов этой тайны — это распятие бога, принесение бога в жертву «себе самому»[5]. Если прочесть это утверждение только в одном направлении, то смысл этого символа состоит в переходе феноменального героя в область сверхсознания: тело, наделенное пятью чувствами — как принц Пяти Оружий, пятикратно плененный великаном — пятикратно отмечено (пригвожденные руки и ноги, голова, увенчанная терновым венцом[6]) и распято на кресте познания жизни и смерти. Но при этом Бог добровольно нисходит в мир людей и переносит физические страдания. Бог проживает человеческую жизнь, и человек освобождает Бога в себе самом, в средоточии распятия «единства противоположностей»[7], на пороге двери, распахнутой в мир света, через которую Бог низошел, а Человек вознесся ввысь — каждый питая собою другого[8].

Современный исследователь, конечно, может по-своему интерпретировать эти символы, например, как симптом невежества других людей, то есть как

знак его собственного невежества, или приравнивая метафизику к психологии, или наоборот. В рамках традиционного подхода их можно рассматривать в обоих смыслах. Но они, бесспорно, являются несущими глубокий смысл метафорами судьбы человека, его надежды и веры, и его темной тайны.

2. Вселенский круг

Поскольку сознание индивида во сне погружено в ночное море и с пробуждением оно чудесным образом всплывает из него, то и в образах мифа вселенная выходит из вечности и пребывает в вечности, в которой она должна, растворившись, исчезнуть. Поскольку и душевное, и физическое здоровье индивида зависит от упорядоченного потока жизненных сил, которые двигаются из тьмы бессознательного в сферу дневного бодрствования, то и в мифе непрерывность космического порядка обеспечивается исключительно посредством контролируемого потока силы, исходящей из этого источника. Боги — это символы, персонифицирующие законы, которые управляют этим потоком. Боги оживают с рассветом и исчезают с наступлением сумерек. Они не вечны в том смысле, в каком вечна ночь. Цикл космогонической эры кажется долгим лишь в сопоставлении с быстротечностью человеческого существования.

Обычно космогонический цикл представляется в качестве бесконечного повторения, как бесконечность самого мира. Каждый большой цикл включает в себя меньшие циклы существования и исчезновения — погружения в сон и пробуждения, сменяющие друг друга в течение жизни. Ацтеки верили, что каждый из четырех элементов — вода, земля, воздух и огонь — определяет определенные мировые эпохи: эра воды заканчивается потопом, эра земли — землетрясением, эра воздуха — ураганом, нынешняя эра исчезнет в пламени[9].

Согласно представлениям стоиков об огненном цикле, все души растворяются в мировой душе, или первичном огне. Когда такое вселенское растворение завершается, начинается образование нового универсума (которое Цицерон именовал *renovatio*), и все вещи повторяют самое себя, где каждое божество, каждая личность снова играют свою прежнюю роль. Сенека дал описание такого разрушения в своей *De Consolatione ad Marciam* и, похоже, предрекал себе новую жизнь в грядущем цикле[10].

Величественное описание космогонического цикла существует в мифологии приверженцев джайнизма. Самым последним пророком и спасителем в этом очень древнем индийском религиозном учении был Махавира, современник Будды (VI в. до н. э.). Его родители уже были последователями наиболее раннего спасителя джайнизма — пророка Паршванатхи, которого изображали со змеями, растущими из плеч (время жизни его предположительно датируется 872–772 гг. до н. э.). За несколько столетий до Паршванатхи жил и скончался спаситель Неминатха, заявлявший, что он был родственником Кришны —

любимой инкарнацией божества у индусов. До него жили еще более ранние проповедники (их насчитывалось ровно двадцать один), до времен Ришабханатхи, который жил в те древние времена, когда мужчины и женщины рождались соединенными в пары, ростом были в две мили и были долгожителями. Ришабханатха обучил людей семидесяти двум наукам (письму, арифметике, истолкованию примет и т. д.), шестидесяти четырем женским умениям (готовить пищу, шить и т д.) и сотне искусств (поэзии, ткачеству, живописи, кузнечному делу, парикмахерскому искусству и т. д.); он же приобщил их и к политике и основал на земле первое царство.

Раньше в подобных нововведениях не было необходимости, так как все потребности живших прежде людей, имевших рост в четыре мили и сто двадцать восемь ребер, тех, кто наслаждался жизнью дважды бессчетное число лет, удовлетворялись десятком «исполняющих желания деревьев» (*kalpa vriksha*), которые приносили сладкие плоды, имели листья в виде горшочков и корзинок, другие листья, которые сладко пели, листья, которые ночью испускали яркий свет, и на них распускались радующие глаз прекрасные цветы, источающие дивный аромат, они же и давали пищу, услаждающие и взор, и органы вкуса, служили украшениями, а кора их была прекрасной одеждой. Одно из деревьев было подобно высящемуся до самого неба дворцу, и в нем можно было жить; другое же излучало мягкий свет, словно мириады крошечных светильников. Земля была слаще сахара; океан вина услаждал вкус. А до этого счастливого века был век в два раза счастливее, когда и мужчины, и женщины были ростом в восемь миль, каждый имел двести пятьдесят шесть ребер. Когда эти колоссы умирали, они, никогда не слыхавшие о религии, непосредственно попадали в мир богов, ибо их естественная добродетель была столь же совершенной, как и их красота.

Последователи джайнизма воспринимали время как бесконечный круг. Оно изображалось в виде колеса с двенадцатью спицами, или веками, сгруппированными по шесть. Первые шесть назывались «нисходящим» рядом (*avasarpini*) и начинались веком рождавшихся парами высочайших гигантов. Этот райский период сначала длился в течение *десяти миллионов десятков миллионов сотен миллионов стомиллионных* периодов бессчетных лет, а затем постепенно перешел в новый счастливый период длиной лишь в половину первого, в котором и мужчины, и женщины были ростом всего в четыре мили. Уже в третий период, период Ришабханатхи, первого из двадцати четырех мировых спасителей, счастье смешалось с небольшой толикой печали, а добродетель — с пороком. К концу этого периода мужчины и женщины больше не рождались вместе одной четой, чтобы жить как муж и жена.

На протяжении четвертого периода неуклонно совершался постепенный упадок этого мира и его обитателей. Продолжительность жизни сокращалась, человек постепенно становился ниже ростом. Родились двадцать три мировых спасителя, каждый из них вновь объявлял вечное учение джайнизма в понятиях, соответствующих условиям его времени. Через три года и восемь с полови-

ной месяцев после смерти последнего из спасителей и пророков — Махавиры — период также подошел к концу.

Наша эпоха, пятая в этом нисходящем ряду, началась в 522 г. до н. э. и будет длиться на протяжении двадцати одной тысячи лет. Ни один спаситель джайнизма не родится в течение этого промежутка времени, и их вечная религия будет постепенно исчезать. Это период немилосердного и последовательно нарастающего зла. Самые высокие человеческие существа имеют рост лишь семь локтей, а самая длинная жизнь — не более, чем сто двадцать пять лет. У людей теперь лишь шестнадцать ребер. Они эгоистичны, несправедливы, агрессивны, похотливы, высокомерны и жадны.

Однако в шестую из нисходящих эпох состояние человека и его мира будет еще более ужасным. Продолжительность жизни людей будет лишь двадцать лет, наивысший рост будет один локоть, и у них будет всего восемь ребер. Днем будет стоять жара, ночью — холод, повсюду будут распространяться болезни, а о целомудрии все забудут. Бури будут проноситься над землей, они будут все беспощаднее. В конце концов все живое, и люди, и животные, и растения устремятся в поисках спасения в Ганг, в убогие пещеры и в море.

Нисходящий ряд подойдет к завершению и начнется «восходящий» (*utsarpinī*) ряд, когда бури и опустошение достигнут апогея. Затем на протяжении семи дней будет идти дождь и пройдет семь разных дождей, напоенная почва даст рост семенам. Из своих пещер несмело выйдут карликовые творения засушливой горькой земли, постепенно наступит возрождение их морали, здоровья, красоты и телесного совершенства, некоторое время спустя они будут жить в мире, похожем на тот, что мы знаем сейчас. А затем родится спаситель по имени Падманатха, чтобы снова объявить о вечной религии джайнизма, человеческое тело снова будет приближаться к совершенному, красота человека превзойдет великолепие солнца. Земля будет становиться все слаще, вода обратится в вино, деревья, исполняющие желания, будут щедро питать счастливый народ, состоящий лишь из совершенных супружеских пар, а счастье этого общества снова будет удваиваться, и колесо через *десять миллионов десятков миллионов сотен миллионов стомиллионных* периодов бессчетного числа лет приблизится к начальной точке нисходящего поворота, который снова приведет вечную религию к вырождению, к постепенному нарастанию шума нездорового веселья, к войнам и сеющим вырождение ветрам[11].

Это вечно вращающееся двенадцатиспицевое колесо, описанное в джайнизме, точно соответствует четырехвековому циклу индусов, где первый период — самый длинный период абсолютного блаженства, красоты и совершенства, длится 4800 божественных лет[*], второй — менее добродетельный, длящийся 3600 божественных лет, в третьем — в равной мере смешаны добродетель и порок, и продлится он 2400 божественных лет, и, наконец, последний, в котором живем мы, период нарастающего зла, длящийся 1200 божественных

[*] Божественный год равен 360 годам человеческого летоисчисления.

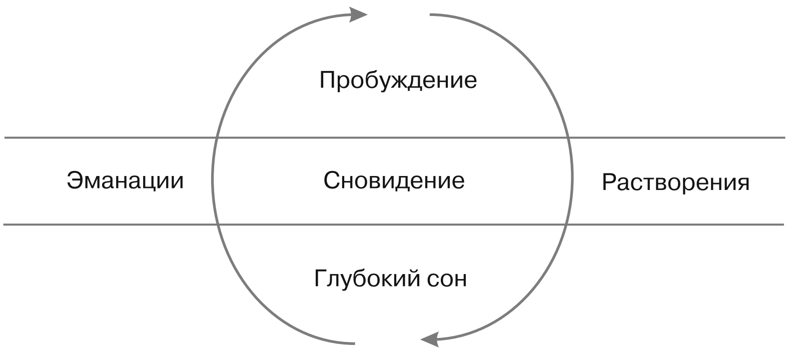
лет, или 432 000 лет, по человеческому летоисчислению. Однако к концу настоящего периода, вместо непосредственного начала нового периода возрождения (как в цикле джайнизма), сначала все должно быть уничтожено в катаклизме пожаров и наводнений, а затем прийти к первоначальному состоянию изначального вечного океана и пребывать в нем на протяжении периода, равного четырем полным векам.

Достаточно очевидна основная концепция восточной философии, представленная так наглядно. Был ли миф иллюстрацией философской формулы или же сама она представляет собой более поздний продукт — своего рода выдержку из этого мифа, сегодня уже невозможно утверждать с уверенностью. Очевидно, что миф восходит к отдаленным векам, но то же самое можно сказать и о философии. Кто может знать, какие мысли приходили на ум древним мудрецам, которые создавали этот миф, сохраняя и передавая его преемникам? Нередко анализируя и пытаясь постичь тайну древнего символа, можно усомниться в истинности наших общепринятых представлений об истории философии, которые основаны на ошибочном допущении, что абстрактная и метафизическая мысль начинается с появлением свидетельств о ней в сохранившихся письменных документах.

Философские воззрения, которые иллюстрируются космогоническим циклом, представлены в учении о циркуляции сознания через три плана бытия. Первый план — это опыт бодрствующего сознания: познание застывших, грубых фактов внешнего универсума, видимых в свете солнца и обладающих общепризнанной значимостью. Второй план — это опыт, данный нам во сне: познание флюидных, тонких форм личного внутреннего мира, источающего свет и имеющего одинаковую природу со сновидением. Третий план — это глубокое погружение в сон: отсутствие сновидений, глубочайшее блаженство. В первом плане мы сталкиваемся с разнообразием жизни; во втором — спящий усваивает, ассимилирует внутренние силы; в третьем — все познается через наслаждение и бессознательное, во «внутреннем пространстве сердца», где сосредоточен внутренний контроль над происходящим, начало и конец всего и вся[12].

Ил. 56. Космическая женщина джайнов — деталь космического колеса (гуашь, ткань). Индия, XVIII в. н. э.

Космогонический цикл следует понимать как переход вселенского сознания из пространства глубокого сна, проявляющего себя в сновидении, к полному свету дня, когда человек бодрствует; затем он возвращается через сновидение в вечную тьму. Как в актуальном опыте каждого живущего существа, так и в грандиозном образе живого космоса — когда мы погружаеся в сон, энергии обновляются, при свете дня и в повседневных заботах они истощаются; жизнь универсума проходит свой путь вниз и из нижней точки обязательно возобновляется.

Космогонический цикл пульсирует и проявляется в мире чувственного воспрриятия, а затем снова из него исчезает, погружаясь в безмолвие неведомого. Индусы выражают эту тайну в звуках **А — У — М**, произносимых единым слогом **ОМ**. Здесь звук **А** представляет бодрствующее сознание, **У** — сознание, погруженное в сновидение, а звук **М** — глубокий сон. Молчание, в котором звучит этот слог, означает незнаемое: его называют просто «Четвертое»[13*]. Сам же слог символизирует Бога как **создателя — заступника — разрушителя**, а молчание есть Бог Вечный, который пребывает вовне и не включен в круговорот появлений-и-исчезновений.

Это — невидимое, несоотносимое, непостигаемое,
невыводимое, невообразимое, неописуемое.
Это — сущность одного самопознания,
общего для всех состояний сознания.
Все явления прекращают свое существование в нем.
Это — покой, это — блаженство,
это — недвойственность[14].

Миф неизбежно остается внутри цикла, но при этом этот цикл исполнен молчания. Миф выражает полноту молчания внутри и вокруг каждого атома

* Поскольку в санскрите А и У сливаются в О, священный слог часто произносится и записывается как ОМ. См. тексты молитв выше.

существования. Миф направляет ум и сердце, благодаря своим многозначительным образным средствам выражения, к высшей тайне, которой исполнено все сущее. Даже в самых комичных и на первый взгляд фривольных эпизодах миф направляет разум к неявленному, существующему только по ту сторону видимого мира.

«Старейший из Старейших, Незнаемый из Незнаемых имеет форму — и не имеет формы, — читаем мы в каббале, в тексте средневековых иудеев. — Он имеет форму, ибо в ней сохраняется универсум, и не имеет формы, ибо он непостижим»[15]. Этого Старейшего из Старейших представляют в виде человеческого профиля: всегда в профиль, потому что скрытая сторона никогда не может быть познана. Его именуют «Великим Ликом» (Макропрозопом); из прядей его белой бороды происходит весь мир.

> Эта борода, истина всякой истины, начинается от ушей и заканчивается вокруг рта Всеединого; и, ниспадая и подымаясь, она покрывает щеки, которые называют местами благоухания; она белая с завитками: в могучей гармонии она ниспадает до середины груди. Это борода воистину совершенной красоты, из которой бьют струи тринадцати фонтанов, рассеивая драгоценнейший бальзам великолепия. Он разливается в тринадцать форм. И положение каждой в универсуме, отвечает тринадцати положениям, задаваемым этой почтенной бородой и отмеченным тринадцатью вратами милости[16].

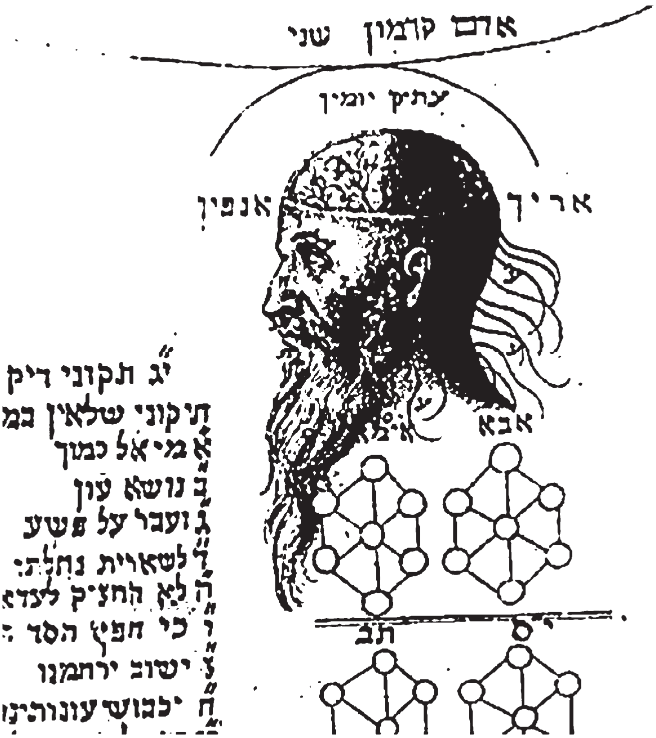
Белая борода Макропрозопа спускается, прикрывая другую голову. «Малый Лик» (Микропрозоп) представлен лицом анфас, с черной бородой. И если глаз Великого Лика был лишен века и никогда не закрывался, то глаза Малого Лика открывались и закрывались в величественном ритме судеб мира. Это — начало и завершение космогонического круга. Малый Лик именовался «БОГ», Великий Лик — «Я ЕСМЬ».

Макропрозоп — это Несотворенное Несотворяющее, а Микропрозоп — Несотворенное Творящее им соответствуют молчание и слог **ОМ**, неявленное и явление — имманентные содержания космогонического круга.

Текст, в котором мы узнаем о Макропрозопе и Микропрозопе, — книга Зоар (*zohar,* «свет, великолепие») представляет собой собрание эзотерических иудейских сочинений, опубликованных около 1305 г. благодаря ученому, испанскому еврею по имени Моисей де Леон. Считается, что эти тексты представляют собой, в основном, выдержки из тайных подлинных текстов, восходящих к учению Симеона бен Йохай, раввина из Галилеи (II в. н. э.). Поскольку римляне угрожали ему смертью, Симеон скрывался двенадцать лет в пещере, где спустя десять столетий его писания и были обнаружены; они и послужили источником для книги Зоар.

Предполагается, что Симеоново учение извлечено из *хокмах нистарах,* или тайной мудрости Моисея — основной части эзотерического

знания, которое было получено Моисеем в Египте, в месте его рождения, затем им переосмыслено, когда он в течение сорока лет бродил по пустыне (где ему было дано наставление от ангела), и было собрано воедино в священном тексте в первых четырех книгах Пятикнижия, из которого оно может быть извлечено благодаря надлежащему пониманию и умению трактовать мистические цифры-знаки еврейского алфавита. Это знание и методы его извлечения и применения и составляют содержание каббалы.

Ил. 57. Макропрозоп (гравюра). Германия, 1684 г.

3. Пустота, порождающая пространство

Фома Аквинский утверждал: «Называться мудрым может лишь тот, чьи помыслы устремлены к концу Универсума, конец же его есть также начало Универсума».[17] Основной принцип всякой мифологии заключается в том, что конец и есть начало. Мифы о творении пронизаны ощущением рока, неизменно возвращающего все сотворенные формы в мир нетленного, из которого они возникли изначально. Формы безудержно стремятся вперед, но, неизбежно достигая своего апогея, разрушаются и возвращаются в исход-

ную точку. В этом смысле мифологический взгляд на мир трагичен. Но миф помещает наше истинное существо не в бренную оболочку, а в пространство нетленного, откуда душа вновь ввергается в обыденный мир, можно утверждать, что мифология не несет в себе трагического смысла[18]. Действительно, в пространстве, где царит миф, трагедия невозможна. Это, скорее, царство мечты. Кроме того, истинное бытие заключается не в самих формах, а в фантазии их творца.

Как и в сновидении, нас посещают и возвышенные образы, и смешные. Разуму здесь не дозволено выносить свои формальные оценки, напротив, все, что подверглось разумному осмыслению, пребывает в состоянии шока, профанируется. Мифология повержена, когда разум зиждется на традиционных излюбленных образах, защищая их как самоценное послание миру. Но эти образы следует рассматривать всего лишь как тени бездонного мира за рамками нашего восприятия, не подвластного ни зрению, ни речи, ни разуму, ни даже благочестию. Как и немудреные детали сновидений, образы мифа исполнены смысла.

Первая фаза космогонического цикла описывает расщепление бесформенного в формы, как в следующей песне о творении, принадлежащей племени маори из Новой Зеландии:

Те Коре (Пустота)
Те Коре-туа-тахи (Первая Пустота)
Те Коре-туа-руа (Вторая Пустота)
Те Коре-нуи (Безбрежная Пустота)
Те Коре-роа (Далеко простирающаяся Пустота)
Те Коре-пара (Ненасыщенная Пустота)
Те Коре-вхивхиа (Незаполненная Пустота)
Те Коре-равеа (Восхитительная Пустота)
Те Коре-те-тамауа (Установленный Предел Пустоты)
Те По (Ночь)
Те По-теки (Долгая Ночь)
Те По-тереа (Медлящая Ночь)
Те По-вхавха (Плачущая Ночь)
Хине-маке-мое (Дочь Ужасного Сна)
Те Ата (Рассвет)
Те Ау-ту-роа (Наступивший День)
Те Ао-марама (Светлый День)
Вхай-туа (Пространство)

В пространстве разворачивается два лишенных формы существования:

Маку (Влажность [мужское])
Махора-нуи-а-ранги (Великое Пространство Неба [женское])

От них берут начало:

Ранги-потики (Небеса [мужское])
Папа (Земля [женское])

Ранги-потики и Папа были родителями богов[19].

Из пустоты, пребывающей вне всякой другой пустоты, рождаются чудесные, подобные таинственным растениям, эманации, питающие мир. Десятой в этом ряду является ночь; восемнадцатым — пространство (или эфир), остов всего видимого мира; девятнадцатым — женское и мужское, как два полюса; двадцатой — видимый универсум. Такой ряд говорит о глубинах, уходящих дальше глубин самой тайны бытия. Уровни — это глубины, которые герой исследует в своем приключении, все глубже проникая в тайны бытия; они соответствуют духовным стратам, известным разуму, сосредоточенному в медитации. Они символизируют бездонность темной ночи души*.

Иудейская каббала представляет процесс творения как серию эманации вовне Я ЕСМЬ Великого Лика. Первой являет себя сама голова в профиль, а из нее берут начало «девять великолепных светил». Эманации представлялись в виде ветвей космического дерева, растущего вершиной вниз, корнями уходя в «непостижимую высь». Видимый нам мир является перевернутым образом этого дерева.

Согласно индийской философии санкхья (VIII в. до н. э.), пустота конденсировалась в элемент эфир, или пространство, из которого образовался воздух. Из воздуха произошел огонь, из огня — вода, а из воды возник элемент земля. С каждым элементом развивались ощущения-функции, способные к их восприятию: сначала слух, за ним осязание, зрение, вкус и обоняние[20].

В забавном китайском мифе эти элементы-эманации персонифицированы в виде пяти почтенных мудрецов, которые выходят из шара хаоса, висящего в пустоте.

> До того, как небо и земля стали отделяться друг от друга, все было большим шаром тумана, названного хаосом. В это время духи пяти элементов приняли форму и постепенно превратились в пятерых старцев. Первый назывался Желтым Старцем и был хозяином земли. Второй — Красным Старцем и был хозяином огня. Третий — Темным Старцем и был хозяином воды. Четвертого звали Принцем Дерева, и он был хозяином дерева. Пятая же — Мать Металла — была властительницей металлов†.
>
> Затем каждый из этих пяти старцев привел в движение первичный дух, из которого он произошел, после чего вода и земля опустились вниз; небеса поднялись ввысь, а земля стала твердой до самых своих глубин. Затем воды собрались в реки и озера, и появились горы и равнины. Небеса просветлели, а земля разделилась; затем было солнце, луна и все звезды, песок, облака, дождь и роса. Жел-

* В священных текстах буддизма махаяны перечислены и описаны восемнадцать пустот или уровней пустоты. Они все проживаются йогами и душой, когда она уходит в мир смерти. См.: Evans-Wentz, Tibetan Yoga and Secret Doctrine, pp. 206, 239.

† В соответствии с представлениями китайцев, пять элементов — это земля, огонь, вода, дерево и золото.

тый Старец привел в движение чистую силу земли, и к ней добавилось действие огня и воды. Затем появились травы и деревья, птицы и животные, и родились змеи и насекомые, рыбы и черепахи. Принц Дерева и Мать Металла свели свет и тьму вместе и посредством этого создали человеческую расу, мужчину и женщину. Таким образом постепенно появился мир...[21].

4. Животворное пространство

Первым действием, исходящим от космогонической эманации, служит формирование мировых стадий пространства; вторым — зарождение жизни внутри этой структуры: жизнь поляризуется и воспроизводит сама себя как двуединство мужского и женского начал. С физиологической точки зрения весь этот процесс можно представить как зачатие и рождение. Эта идея выразительно передана в другой метафизической генеалогии маори:

Из зачатия — рост,
Из роста — мысль,
Из мысли — воспоминание,
Из воспоминания — сознание,
Из сознания — желание.
Слово стало порождающим;
Оно соединилось со смутным мерцанием;
Оно породило ночь:
Великую ночь, долгую ночь,
Нижайшую ночь, высочайшую ночь,
Ночь, сгустившуюся, чтобы ее можно было чувствовать,
Ночь, которой можно коснуться,
Ночь, которую нельзя видеть,
Ночь, которая кончается в смерти.
Из ничто — порождение,
Из ничто — возрастание,
Из ничто — изобилие,
Сила роста,
Жизненное дыхание.
Оно соединилось с пустотой пространства и породило
воздушную сферу над нами.
Воздушная сфера, плывущая над землей,
Великий небесный свод над нами,
Соединилась с утренним светом,
И родилась луна;
Воздушная сфера над нами
Соединилась с пылающим небом,
И отсюда произошло солнце;
Луна и солнце поднялись вверх
как главные глаза неба;

Затем Небеса стали светом:
ранним рассветом, утром дня;
Затем был полдень, яркий свет дня, исходящий из неба,
Небо над нами соединилось с Гавайки
и породило землю[22].

В середине XIX столетия великий вождь полинезийского острова Анаа по имени Пайоре нарисовал картину, где изображалось начало творения. Первой деталью этого рисунка был маленький круг, содержащий два элемента; это Те Туму, «Основание» (мужское начало), и Те Папа, «Напластование-Скала» (женское начало)[23].

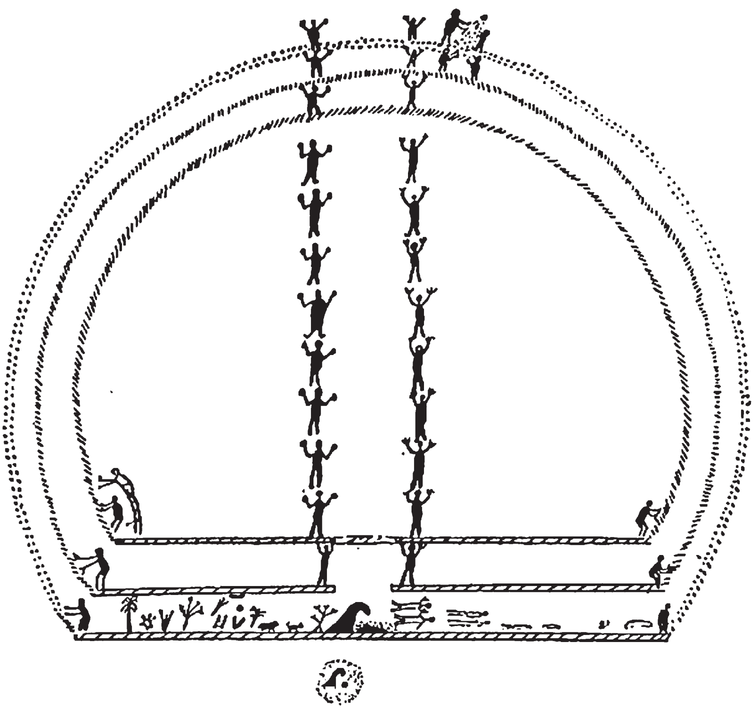
Ил. 58. Тангароаа, порождающий богов и людей (деревянная скульптура). Остров Руруту, начало XVIII в. н. э.

— Универсум, — говорит Пайоре, — был подобен яйцу, которое содержало Те Туму и Те Папа. Потом оно лопнуло и образовало три слоя, — нижний слой поддерживал два верхних. На нижнем — пребывали Те Туму и Те Папа, которые создали человека, животных и растения.

Первым человеком был Матата, родившийся без рук; он умер вскоре после того, как явился на свет. Второй человек был Аиту, который явился с одной рукой, но без ног; он умер подобно его старшему брату. Наконец третьим человеком был Хоатеа (Небесное пространство), он был совершенной формы. После этого появилась женщина по имени Хоату (Плодородие Земли). Она стала женой Хоатеа и от них пошла человеческая раса.

Когда нижний слой земли стал заполняться живыми существами, люди сделали отверстие в середине верхнего слоя, так что они смогли взойти на него, и здесь они утвердились, взяв с собой растения и животных с нижнего слоя. Затем они приподняли третий слой (так что он образовал потолок для второго)... и в конце концов они утвердились и здесь, так что человеческие существа имели три местопребывания.

Над землей были небеса, также налагающиеся друг на друга, достигающие низа и поддерживаемые соответствующими горизонтами, связанными с горизонтами земли; и люди продолжали работать, возводя одно небо над другим таким же образом, до тех пор, пока все не пришло в порядок[24].

Ил. 59. Сотворение мира Туамотуа. Внизу — космическое яйцо. Наверху — возникают люди и формируется вселенная. Туамотуа, XIX в. н. э.

На главной части рисунка Пайоре изображены люди, которые раздвигают пределы мира, стоя на плечах друг у друга, чтобы поднять небеса. На нижнем уровне этого мира видны два изначальных элемента, Те Туму и Те Папа. Слева от них находятся растения и животные, их порождения. Справа виден первый несовершенный человек и первые совершенные мужчина и женщина. На верхнем небе виден огонь в окружении четырех фигур, что представляет событие из раннего периода в истории мира — «Творение универсума едва закончилось, когда Тангароа, который радовался, делая зло, зажег огонь на верхнем небе, пытаясь таким образом все разрушить. Но, к счастью, распространяющийся огонь заметили Таматуа, Ору и Руануку, которые быстро поднялись с земли и потушили пламя»[25].

Образ космического яйца известен во многих мифах; он присутствует в греческой орфической, египетской, финской, буддийской и японской мифологии.

> Вначале этот [мир] был несуществующим. Он стал существующим. Он стал расти. Он превратился в яйцо. Оно лежало в продолжение года. Оно раскололось. Из двух половин скорлупы яйца одна была серебряная, а другая — золотая. Серебряная половина — это земля, золотая — небо, внешняя оболочка — горы, внутренняя оболочка — облака и туман, сосуды — реки, жидкость в зародыше — океан. И то, что родилось, это солнце[26].

Скорлупа космического яйца — это структура мирового пространства, а внутренняя плодотворная сила зародыша воплощает в себе неисчерпаемые животворные силы природы.

«Пространство безгранично, будучи постоянно возобновляющейся формой, а вовсе не ширясь до бесконечности. *То, что есть*, является скорлупой, плавающей в бесконечности *того, чего нет*». Эта краткая формулировка современного физика, рисующая картину мира, какой он ее видел в 1928 г.[27], передает суть образа мифологического космического яйца. К тому же эволюция жизни, описываемая нашей современной биологией, служит темой ранних стадий космогонического цикла. В конечном счете разрушение мира, о котором говорят нам физики, должно произойти через истощение нашего солнца и упадок всего космоса[28], состояние, предвещаемое шрамом, от огня Тангароа; апокалиптическое действие творца-разрушителя будет постепенно возрастать, покуда, наконец, во второй фазе космогонического цикла все не перейдет в море блаженства.

Неудивительно, что космическое яйцо раскалывается, чтобы явить вырастающую из него устрашающую фигуру в человеческом облике. Это — антропоморфная персонификация порождающей силы, Могущественное Жизненное Единое, как его называют в каббале. «Могущественный Та’ароа, несущий в себе проклятие смерти, он и есть творец мира». То же мы слышим и на Таити, другом острове Южных Морей*: «Он был один. Не было у него ни отца,

* Та’ароа на таитянском диалекте Тангароаа.

ни матери. Та'ароа просто жил в пустоте. Не было ни земли, ни неба, ни моря. Земля была туманностью: не было твердыни. Затем Та'ароа сказал:

О пространство для земли, о пространство для небес,
Бесполезный мир внизу, существующий в туманном
состоянии,
Длящийся и длящийся с незапамятных времен,
О бесполезный мир внизу, расширяйся!

Лицо Та'ароа показалось наружу. Скорлупа Та'ароа спала и стала землей. Та'ароа посмотрел: Земля стала существовать, море стало существовать, небо стало существовать. Та'ароа жил, как бог, созерцая свое творение»[29].

В древнеегипетском мифе изображен демиург, творящий мир посредством акта мастурбации[30]. Древнеиндийский миф представляет его в йоговской медитации, с формами его внутреннего видения, вырвавшимися из него наружу (к его собственному удивлению) и застывшими вокруг него, как пантеон сияющих богов[31]. В другом учении из Индии всеобщий отец изображен первично расколотым на мужское и женское, а затем создающим все живые творения во всех их видах:

Вначале [все] это было лишь атманом в виде *пуруши*. Он оглянулся вокруг и не увидел никого кроме себя. И прежде всего он произнес «Я есмь». Так возникло имя «Я». Поэтому и поныне тот, кто спрошен, отвечает сначала: «Я есть», а затем называет другое имя, которое он носит. Перед началом всего этого он сжег все грехи, и поэтому он — *пуруша*. Поистине, знающий это, сжигает того, кто желает быть перед ним.

Он боялся. Поэтому [и поныне] тот, кто одинок, боится. И он подумал: «Ведь нет ничего, кроме меня, — чего же я боюсь?» И тогда боязнь его прошла, ибо чего ему было бояться? Поистине, [лишь] от второго приходит боязнь.

Поистине, он не знал радости. Поэтому тот, кто одинок, не знает радости. Он захотел второго. Он стал таким, как женщина и мужчина, соединенные в объятиях. Он разделил сам себя на две части. Тогда произошли супруг и супруга. «Поэтому сами по себе мы подобны половинкам одного куска», — так сказал Яджня-валкья. Поэтому пространство это заполнено женщиной. Он сочетался с нею. Тогда родились люди.

И она подумала: «Как может он сочетаться со мной после того, как произвел меня из самого себя? Что же — я спрячусь» Она стала коровой, он — быком и сочетался с ней; тогда родились коровы. Она стала кобылой, он — жеребцом; она ослицей, он — ослом и сочетался с ней; тогда родились однокопытные. Она стала козой, он — козлом; она — овцой, он — бараном и сочетался с ней; тогда родились козы и овцы. И так то, что существует в парах, — все это он произвел на свет, вплоть до муравьев.

Теперь он знал: «Поистине, я есмь творение, ибо я сотворил все это». Так он стал называться творением. Кто знает это, тот находится в этом его творении[32].

Индивид и основатель вселенной — суть одно и то же, согласно этой мифологии, это распространенный образ; вот почему демиург в этом мифе предстает как Самость. Восточный мистик раскрывает это абсолютно умиротворенное, постоянное присутствие в его изначальном андрогинном состоянии, когда творец погружается в медитациях в свой внутренний мир.

«На чем выткано небо, земля и воздушное пространство вместе с разумом и всеми дыханиями. Знайте — лишь то одно — Атман. Оставьте иные речи. Это мост, [ведущий] к бессмертию»[33].

Таким образом, хотя эти мифы о творении повествуют об отдаленном прошлом, при этом они повествуют о происхождении человека.

> — Каждая душа и каждый дух, — читаем мы в книге Зоар, — прежде чем вступить в этот мир состоит из мужского и женского, объединенных в одно сущее. Когда оно спускается на эту землю, две части разделяются чтобы вдохнуть жизнь в два разных тела. Во время бракосочетания Всеединый, благословенный Он, знающий всякую душу и всякий дух, соединяет их снова так, как они были раньше, и они снова становятся одним телом и одной душей, образуя, как это было ранее, правое и левое одного индивида. ...Однако на этот союз влияют поступки человека и пути, которыми он следует. Если человек чист и его поведение праведно в глазах Бога, то он сочетается с той женской частью своей души, которая была его дополнением до его рождения[34].

Этот каббалистический текст служит комментарием к той сцене из «Книги Бытия», в которой из Адама рождается Ева. Похожая концепция излагается в «Пире» Платона. Согласно этому мистицизму половой любви, предельный опыт любви есть осознание того, что под иллюзией двойственности скрыто тождество «каждый есть оба». Осознание этого может привести нас к открытию, что под многочисленными индивидуальными формами окружающего нас мира (будь то человек, животное, растение, даже минералы) скрыто тождество; после чего любовный опыт становится космическим, и возлюбленный, который впервые открывает для себя это видение, вырастает до размеров зерцала творения. Мужчина или женщина, познавшие этот опыт, овладевают тем, что Шопенгауэр назвал «наукой о вездесущем прекрасном». Познавший проходит сквозь эти миры, «питаясь тем, что он желает, принимая те формы, которые он желает»; и он поет песню об универсальном единстве, которая начинается словами: «О удивительное! О замечательное! О удивительное!»[35].

5. Как единое распадается на множественное

Космогонический круг продолжает свое вращение и расчленяет Единое на многое. Тем самым великий перелом, как трещина, раскалывает созданный им мир на два очевидно противоположных плана бытия. В схеме Пайоре люди

возникают снизу, из тьмы и тут же приступают к своей работе, поднимая небо[36]. Они представлены в движении и как независимые друг от друга сущности. Они держат совет, они решают, они строят планы; они взяли на себя заботу о приведении мира в порядок. Однако мы знаем, что Неподвижный Источник Движения, словно кукловод, работает за сценой.

В мифологии, даже если в центре внимания пребывает этот Неподвижный Источник Движения, Могущественный Живой Некто, существует удивительная спонтанность в собственно процессе формирования универсума. Элементы конденсируются и движутся в игре своих собственных согласований, по единому слову Творца: части самопроизвольно разрушающегося космического яйца движутся по назначению без всякой посторонней помощи. Но когда перспектива смещается и главными действующими лицами становятся живые существа, когда космос и мир природы изображены с точки зрения тех, кому предназначено обитать в этом мире, тогда весь окружающий мир предстает совершенно с иной точки зрения. Формы мира более не двигаются «по образу и подобию» живых, растущих, подчиняющихся гармонии вещей, они застывают неподвижно или, по крайней мере, впадают в инертность. Сами подмостки вселенской сцены, опоры мироздания перестраиваются, подгоняются и втискиваются в новые жесткие формы. Земля рождает тернии и чертополох; человек ест хлеб свой в поте лица своего.

Таким образом, мы имеем дело с мифами двух видов. В одних демиургические силы продолжают действовать сами; в других же они теряют инициативу и даже противостоят дальнейшему прогрессу в движении космогонического круга. Противостояние, представленное в этой последней форме мифа, иногда начинается еще на стадии длящейся тьмы изначального творящего и порождающего объятия космических родителей. Пусть маори познакомят нас с этой жутковатой темой.

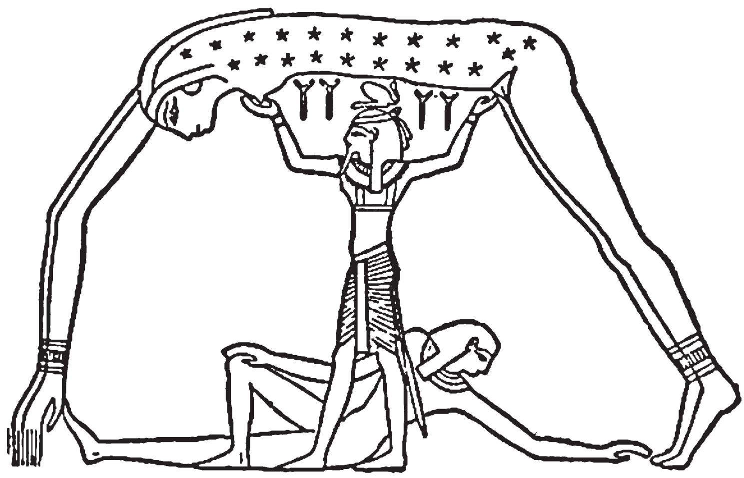
Ранги (Небо) лежал, так плотно прижавшись к животу Папа (Мать Земля), что дети не могли вырваться из утробы на волю.

> Они пребывали в неустойчивом состоянии, плавая в мире тьмы, а выглядело это так: некоторые ползали... некоторые стояли с руками, поднятыми вверх... некоторые лежали на боку... некоторые на спине, некоторые согнувшись, некоторые нагнув свою голову, некоторые — с ногами, вытянутыми вверх... некоторые стояли на коленях... некоторые — ощупывая сгустившуюся вокруг них тьму... Все они находились внутри объятий Ранги и Папа...
>
> Наконец, существа, порожденные Небом и Землей, изнуренные постоянной тьмой, стали советоваться между собой, говоря: «Давайте решим, что можно сделать с Ранги и Папа: или же мы убьем их, или же разведем их порознь». Тогда заговорил Ту-матауенга, первый из детей Неба и Земли: «Лучше давайте убьем их».
>
> Затем заговорил Тане-махута, отец лесов и созданий, обитающих в них, а также тех, что сделаны из дерева: «Ну уж нет. Лучше разведем их порознь, и пусть небо стоит над нами, а земля лежит под нашими ногами. Пусть небо будет отдалено от нас, а земля останется тесно связанной с нами, как кормящая мать».

Один за другим братья-боги стали пытаться развести небо и землю, но все напрасно. Наконец, сам Тане-махута, отец лесов и созданий, обитающих в них, а также тех, что сделаны из дерева, успешно смог справиться с этой неподъемной задачей.

> Его голова теперь твердо упиралась в землю-мать, свои ноги он вытянул вверх, упираясь ими в небо-отца, затем он напряг спину и огромным усилием разделил их. Теперь разделенные Ранги и Папа с криками и стенаниями запричитали: «Зачем вы совершаете столь ужасное преступление, разделяя нас, ваших родителей, и убивая нас?» Но Тане-махута не останавливался, не внимая их стонам и крикам; все дальше и дальше вниз толкал он землю, все дальше и дальше вверх толкал он небо...»[37].

В том виде, как ее представляли древние греки, эта история изложена Гесиодом в его описании отделения Урана (Отца-Неба) от Геи (Матери-Земли). Согласно этому варианту, титан Хронос оскопил своего отца серпом и таким образом убрал его со своей дороги[38]. В египетской иконографии расположение космической четы противоположное: небо — это мать, а отец же символизирует жизненные силы земли[39]; но мифологическая схема остается прежней: двое разлучаются своим ребенком, богом воздуха Шу. И снова все тот же образ приходит к нам из древнего клинописного текста шумеров, датированного III или IV тысячелетием до н. э. Вначале был первичный океан; этот первичный океан порождает космическую гору, которая состоит из слитых воедино неба и земли; Ан (Небо-Отец) и Ки (Земля-Мать) породили Энлиля (Бога Воздуха), который вскоре отделил Ан от Ки и затем сам соединился со своей матерью, породив человечество[40].

Ил. 60. Разделение Неба и Земли. Египет, дата неизвестна

Но если эти поступки отчаявшихся детей и кажутся проявлением жестокости, все это мелочь по сравнению со зверской расправой над властью родителей, которую мы обнаруживаем в исландской «Эдде» и в вавилонских «Скрижалях Творения». Последний удар — характеристика присутствия демиурга как «зла», «тьмы» и «грязи». Блестящие юные воины-сыновья теперь презирают породившего их, воплощение зародышевого глубокого сна, и без долгих колебаний убивают его, раздирают и расщепляют на куски и создают из них структуру мира. Это — образец победы, к которому восходят все наши позднейшие состязания с драконом, начало долговековой истории подвигов героя.

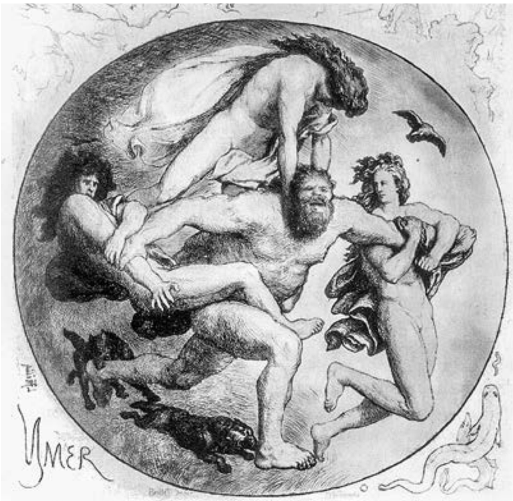
«Эдда» повествует, что, после того как разверзся «зияющий разрыв», на севере возник туманный мир холода, а на юге — область огня, а затем жар с юга растопил реки из льда, которые тянулись с севера, и начал испаряться клубящийся яд. Из него возник дождь, который сгустился в иней. Иней таял и капал; жизнь пробуждалась от этих капель — гигантская, вялая, бесполая, горизонтально распластанная фигура, названная Имир. Гигант спал, и во сне он потел; одна из его ног вместе с другой породили сына, в то время как под его левой рукой зародились мужчина и женщина.

Иней таял и капал, и из него конденсировалась корова, Аудумла. Из ее вымени текли четыре потока молока, которые питали жизнь Имира. Корова же питалась тем, что лизала соленые ледяные глыбы. Вечером первого дня из глыбы льда, которую она лизала, появились волосы человека; на второй день — голова человека; на третий появился весь человек, и имя его было Бури. Далее, у Бури был сын (мать неизвестна), названный Борр, который женился на одной из гигантских дочерей тех творений, которые вышли из Имира. Она родила тройню Один, Вили и Ве, и они зарезали спящего Имира и расчленили его тело.

Имира плоть стала землей,
Кровь его — морем,
Кости — горами, череп стал небом,
А волосы — лесом.
Из век его Мидгард людям был создан
Богами благими;
Из мозга его созданы были
Темные тучи[41].

Стихотворный эпос «Старшая Эдда» — это собрание из тридцати четырех древнескандинавских поэм о языческих германских богах и героях. Поэмы сочинялись певцами и поэтами (скальдами) в различных частях мира, населенных викингами (одна, например, была создана в Гренландии) в период с 900 по 1030 г. н. э.

«Младшая Эдда» — это своеобразное наставление для юных поэтов, составленное в Исландии христианским поэтом и мастером бардов Снорри Стурлусоном (1178–1241). В ней обобщаются языческие мифы германцев и выражается новый взгляд на риторические приемы поэзии скальдов.

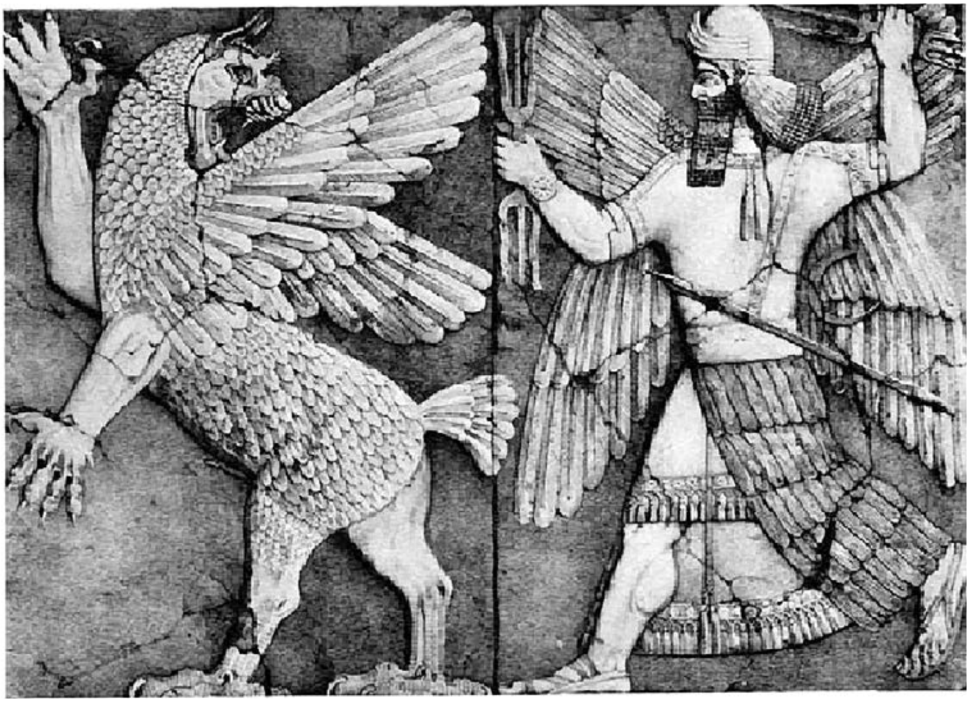
Ил. 61. Умервщление Имира (литография). Дания, 1845 г.

В мифах, представленных в этих текстах, можно различить ранний, крестьянский слой (в котором действует громовержец Тор), и более поздний — аристократический (Вотан-Один), а также третий, в котором явно усматривается фаллический комплекс (Ньерт, Фрейя и Фрейр). Влияние бардов из Ирландии смешалось с классическими и восточными темами в этом глубокомысленном и вместе с тем гротескном мире символических форм.

Мардук, бог-солнце, — это герой вавилонских мифов, жертва в них — Тиамат, ужасная, предстающая в обличье дракона, со свитой демонов — женское воплощение изначальной бездны: хаос предстает здесь как мать богов, но теперь от нее исходит угроза для мира. Бог поднимается в своей колеснице, вооруженный луком и трезубцем, посохом и сетью, с армией боевых ветров. Четверка лошадей обучены насмерть затаптывать копытами врагов, их морды в клочьях пены.

...Но Тиамат, не повернув головы,
Без устали проклинала его...
Тогда повелитель выхватил молнию, свое могучее оружие,
И обратил ее против яростной Тиамат,
Бросив ей такие слова:
«Твое искусство достигло вершин, и ты сама вознеслась
на недосягаемую высоту,
Сердце твое побудило тебя бросить вызов и битву
начать...
Против богов, отцов моих, обращены твои гнусные
помыслы.

Пусть твое воинство вооружается, пусть твое оружие
будет к бою готово!
Встань! Я и ты, пусть мы сойдемся в неистовой битве!»
И Тиамат, эти слова услыхав,
Сделалась одержимой; она обезумела;
Издавая ужасные вопли,
Она задрожала, сотрясаясь до самых глубин.
Она стала читать заклятья, свои магические заговоры.
И боги войны воззвали к оружию.
И вот Тиамат и Мардук, советник богов, сошлись в битве;
Сблизились, чтобы сразиться, для битвы сошлись.
Владыка сеть свою развернул и поймал ее,
И злой ветер, который тянулся за ним, он выпустил ей
в лицо.
И ужасные ветры заполнили ее утробу,
И ее смелость ушла из нее, а рот ее разверзся в ужасе.
Он же схватил трезубец и распорол ей живот,
И разорвал ее внутренности, и пронзил ее сердце.
Он победил, ее и забрал ее жизнь,
Он низверг ее, и растоптал ее.

Ил. 62. Бог Солнца сражается с Богом Хаоса (алебастровый барельеф). Ассирия, 885–886 гг. до н. э.

А после битвы, разбив остатки многочисленного воинства Тиамат, вавилонский бог вновь вернулся к матери мира:

И владыка на спину Тиамат наступил
И своей беспощадной клюкою разбил ее череп.
Он выпустил из жил ее кровь,
Чтоб северный ветер унес ее прочь в потаенное место...
Затем властелин остановился, воззрившись на ее
мертвое тело,
...И замысел коварный созрел в уме его.
И тогда распластал он ее, как рыбу
на две половины;
Одну половину установил он как небесный,
все покрывающий свод.
И поставил запоры и выставил стража,
Чтобы сдержать ее воды.
Он обошел небеса и обозрел все пределы,
И над самою Пучиной поместил он обитель для Нудиммуда
И отмерил дно у бездонной Пучины Владыка...[42]

Совершив этот подвиг, Мардук раздвинул верхние воды, подперев их сводом, а нижние воды опустил на дно. И потом в срединном мире между ними он сотворил человека.

В мифах постоянно содержатся подтверждения того, что конфликт в сотворенном мире не то, чем кажется. Убитая и расчлененная Тиамат вовсе не уничтожена окончательно. Если рассмотреть хаос под другим углом зрения, можно заметить, что хаос-чудовище расчленяется с его собственного согласия, и его фрагменты перемещаются в надлежащее место. С точки зрения этих сотворенных форм, все осуществляется как бы могущественной рукой через опасности и страдания. Но если попытаться взглянуть на все изнутри самого порождающего эманации присутствия, то становится очевидно, что и сама плоть поддается с готовностью терзающей ее руке, и сама эта рука в конечном счете действует по воле самой жертвы и с ее согласия.

В этом и заключается основной парадокс мифа: его двойственность. Если в начале космогонического цикла можно было сказать: «Бог не вмешивается», но в то же самое время «Бог есть создатель, заступник и разрушитель», то теперь с точки зрения логики этого переломного момента, где Единое разбивается на множество, судьба «случается», и в то же время «осуществляется ее предназначение». С точки зрения источника, мир — это величественная гармония форм, которые в бытие разрываются на части и растворяются в нем. Но эти быстротечные формы испытывают боль, их оглушают воинственные крики. Мифы не отрицают этих страданий (как в историях о распятии); но указывают на то, что и в самих этих страданиях, и до того, как они начались, и после — царит покой, отражающий суть бытия (небесную розу)[43].

В истории о грехопадении Адама и Евы в райском саду показано, как изначальный покой сменяют периферийные возмущения низшего порядка. Адам и Ева вкусили запретный плод, «и открылись глаза у них обоих»[44]. Блаженство рая теперь для них заказано, и они увидели поле творения по другую сторону завесы, раньше отделявшей от них мир. Отныне они испытают неизбежное в поте лица своего.

6. Народная мифология о сотворении мира

В отличие от глубоко иносказательного стиля космогонических мифов бесхитростные народные сказки поражают простотой. Они и не пытаются проникнуть в глубокие тайны вселенной, и это сразу заметно. Через туманную завесу безвременья смутно проступает образ творца, который придает миру формы. Мечты — это глина, из которой он лепит свои творения, это длительный, текучий и обтекаемый материал. Земля еще не затвердела; многое еще предстояло совершить, чтобы люди будущего смогли жить на ней.

Необходимо жестко разграничить мифологии по-настоящему примитивных народов (рыбаков, охотников, добытчиков корней, собирателей ягод) и цивилизаций, которые возникли благодаря развитию сельского хозяйства, производства молока и скотоводства, с 6 тысячелетия до н. э.). Многие цивилизации, которые мы квалифицируем, как примитивные, являются по сути, колониальными, то есть в них культура более высокого порядка растворена в местной культуре и адаптирована к ней таким образом, чтобы удовлетворять потребности общества с более простой структурой. Чтобы избежать подобной путаницы, я называю неразвитые или деградировавшие традиции «народной мифологией». Термин адекватен для использования в элементарных сопоставительных исследованиях универсальных форм, при этом он не будет столь же эффективен для точного исторического анализа.

Старейший странствовал, рассказывают индейцы племени черноногих (монтана), он создал людей и расставил вещи по порядку.

> Он пришел с юга на север, создавая животных и птиц по мере того, как продвигался вперед. Он создал горы, и прерии, и леса, и первые кустарники. Так он шел и шел вперед, на север, создавая вещи на своем пути, и заструились реки тут и там, и заструились водопады на них, он красил тут и там землю в красный цвет — делая этот мир таким, каким мы и видим его сегодня. Он создал Млечный Путь (Тетон) и пересек его, потом утомился, взошел на холм и прилег отдохнуть. Когда он лежал на спине, вытянувшись на земле, с распростертыми руками, он оградил себя камнями, отметив очертания своего тела, головы, ног, рук

и всего остального. Вы можете увидеть здесь эти скалы и сегодня. Отдохнув, он пошел на север, споткнулся о холм и упал на колени. Тогда он сказал: «Плохой ты, спотыкаются о тебя», приподнял два больших камня и назвал их Колени, так они и называются по сей день. И пошел он дальше на север, а из камней, что нес с собой, построил Благоухающие Травяные Холмы.

Однажды Старейшина понял, что необходимо сделать женщину и ребенка, поэтому он слепил их — и женщину и ее сына — из глины. После того, как он придал глине человеческую форму, он сказал глине: «Из тебя должны выйти люди», и затем накрыл ее и, оставив так, ушел прочь. На следующее утро он пришел к тому месту, снял покрывало и увидел, что глиняные формы начали меняться. К следующему утру появились новые изменения, а на третье — еще больше. На четвертое утро он пришел к тому месту, снял покрывало, посмотрел на фигуры и приказал им встать и идти, и они пошли. Они отправились к реке со своим Создателем, и тогда он сказал им, что его имя На Пи, Старейший.

Когда они остановились у реки, женщина сказала: «Будем ли мы жить всегда, не ведая конца?» Он сказал: «Я никогда не думал об этом. Мы должны решить это. Я возьму эту буйволиную лепешку и брошу ее в реку. Если она поплывет, то, умирая, люди через четыре дня будут снова оживать; они будут оставаться мертвыми лишь на четыре дня. Но если она утонет, то им будет положен конец». Он бросил лепешку в реку, и та поплыла. Женщина нагнулась, подняла камень и сказала: «Нет, я брошу этот камень в реку, если он поплывет, то люди будут жить вечно, а если он утонет, то люди будут умирать, таким образом они смогут испытывать жалость друг к другу». Женщина бросила камень в воду, и он утонул. «Ну вот, — сказал Старейшина, — вы сделали выбор. Всем людям будет назначен конец»[45].

Упорядочение мира, сотворение человека и решение о том, быть или не быть человеку и бессмертным — типичные темы примитивных сказок о творце. Вряд ли мы можем теперь узнать, насколько серьезно и в каком смысле воспринимались когда-то эти сказания. В мифологическом способе преобладают не столько прямые, сколько косвенные референции, это *как если бы* Старейший сделал то и это. Многие предания, опубликованные в сборниках как рассказы о сотворении мира, безусловно, воспринимались в большей степени как народные волшебные сказки, а не как повествование о том, как зародился мир. Миф в форме игры встречается в разных цивилизациях, как в высокоразвитых, так и находящихся на низших стадиях. Менее искушенные представители сообщества могут рассматривать такие мифические образы излишне серьезно, но зачастую о них нельзя сказать, что же они такое на самом деле — стройная система представлений или локальный «миф». Например, в легендах маори мы обнаружили некоторые из наших сложнейших космогонических образов, например у них есть предание о яйце, выпавшем из птицы в изначальное море; оно разбилось и из него вышли мужчина, женщина, мальчик, девочка, свинья, собака и каноэ. Все сели в каноэ и поплыли в Новую Зеландию[46]. Это явные сказочные вариации на тему космического яйца. А жи-

тели Камчатки рассказывают, похоже, совершенно серьезно, о том, что Бог изначально жил на небе, но затем спустился на землю. Когда он бродил повсюду на своих снегоступах, недавно сотворенная земля пружинила под ним, как тонкий и податливый лед. С тех пор земля и покрылась рытвинами и складками[47]. А киргизы из Центральной Азии рассказывают, что, когда в стародавние времена два человека пасли большого быка, остались надолго без воды и уже умирали от жажды, животное достало для них воду, распоров землю своими большими рогами. Так и возникли озера в Киргизии[48].

В мифах и народных сказках довольно часто появляется шут или юродивый, антипод милостивого творца, символизируя все тяготы и невзгоды существования в этом бренном мире. У меланезийцев Новой Британии есть легенда о том, как темное существо, «которое жило до начала времен», нарисовало две мужские фигуры на земле, расцарапало свою кожу и окропило нарисованных своею кровью. Потом оно сорвало два больших листа, покрыло ими эти фигуры, и тогда они превратились в двух мужчин. Имена этих людей были То Кабинана и То Карвуву.

То Кабинана ушел один, забрался на кокосовую пальму, с которой свисали желтые плоды, сорвал два неспелых ореха и бросил их на землю; они раскололись и превратились в двух красивых женщин. То Карвуву восхитился их красотой и спросил, откуда его брат их взял. «Залезь на кокосовую пальму, — сказал То Кабинана, — сорви два неспелых ореха и брось их на землю». Но То Карвуву бросил орехи острым концом вниз, и у женщин, которые вышли из них, были плоские уродливые носы[49].

Однажды То Кабинана вырезал из дерева рыбу Тхум и запустил ее плавать в океан, чтобы там всегда была живая рыба. Рыба Тхум пригнала рыбу маливаран к берегу моря, где То Кабинана просто собирал свой улов на отмели. То Карвуву восхитился Тхум-рыбой и пожелал сделать такую же, но пока ему объясняли, как это сделать, он вырезал вместо этого акулу. Эта акула пожирала маливаран-рыбу вместо того, чтобы гнать ее к берегу. То Карвуву, причитая, пошел к своему брату и сказал: «Лучше бы я не вырезал этой рыбы; она ничего не делает, но ест всех других рыб». «Что за это рыба?» — спросил у него брат, и тот ответил: «Я сделал акулу». «Ну что ты за человек такой! — воскликнул его брат. — Ты сделал так, что теперь наши смертные потомки будут страдать. Эта твоя рыба будет пожирать и всех других рыб, и людей»[50].

Эта история кажется нелепой, но в ней просматривается описание того, как одна причина (темное бытие, которое рассекло самое себя на две части) порождает в этом мире дуализм — добро и зло. Эта история не так наивна, как кажется[51]. Более того, она представляет собой метафизическую преамбулу к платоновскому архетипу акулы, выраженную в шутливом заключительном диалоге братьев. Такие представления обязательно присутствуют в каждом мифе. Во всех них также появляется антагонист, воплощение зла, в роли шута или юродивого. Все дьяволы — и сильные тупоголовые, и умные про-

ницательные обманщики — всегда предстают в роли зловредных комических фигур-трикстеров. Хотя они могут побеждать и пространство, и время, они сами, и то, что они совершили, просто исчезает, когда трансцендентное крепнет. Они представляют собой персонажей, совершающих ошибки, они — это тень субстанции; они символизируют неизбежное несовершенство царства теней, и пока мы остаемся по эту сторону, завеса не может быть уничтожена.

Черные татары Сибири рассказывают, что, когда творец Пайяна создавал первых людей, он обнаружил, что неспособен вдохнуть в них жизнетворный дух. Тогда ему пришлось подняться на небо и извлечь души из Кудаи, Высшего Бога, а в это время лысый пес охранял заготовки будущих людей. Как только Пайяна ушел, появился дьявол Эрлик и сказал псу: «Да ты совсем лысый. Я дам тебе золотую шерсть, если ты отдашь в мои руки этих людей, у которых нет души». Такое предложение показалось псу заманчивым, и он отдал дьяволу людей, которых должен был охранять. Эрлик измазал их своей слюной, но, как только увидел, что Бог приближается, чтобы оживить людей, обратился в бегство. Бог увидел, что тот натворил, и вывернул человеческие тела наизнанку. Вот почему у нас внутри слюна и нечистоты[52].

Ил. 63. Кхнему лепит сына фараона на гончарном круге, а Тот отмеряет ему жизнь (папирус). Египет эпохи Птолемеев, III–I вв. до н. э.

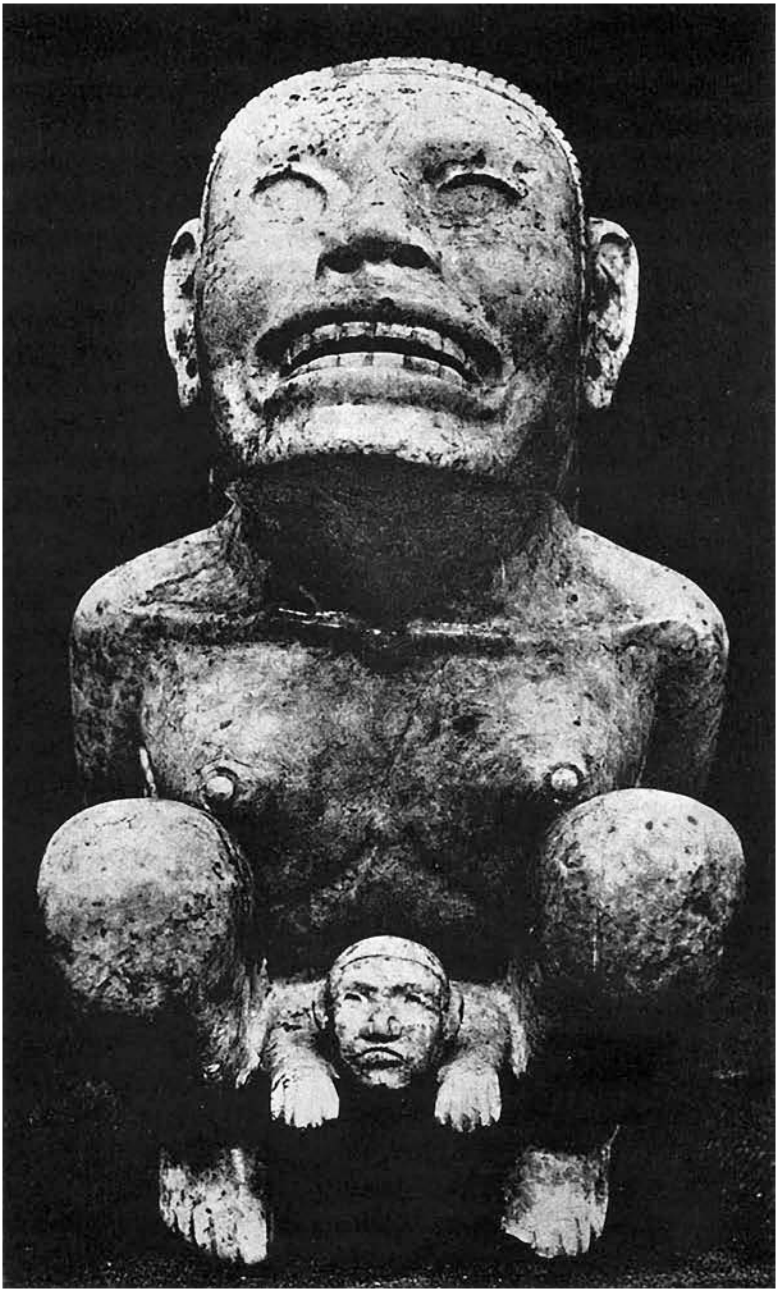

Ил. 64. Эдшу-трикстер (деревянная скульптура, ракушки-каури и кожа). Йоруба; Нигерия, XIX— начало XX в. н. э.

Народное мифотворчество рассказывает нам о сотворении мира лишь с того момента, когда трансцендентные эманации распадаются на пространственные формы. Тем не менее оно ничем кардинально не отличается от образцов великой мифологии в том, что касается оценки человеческой судьбы. Все их символические персонажи напоминают по своему смыслу (нередко и в облике и поступках) персонажей высоких мифов, а диковинный мир, в котором они пребывают — это мир великих эманаций: это мир и эпоха между глубо-

ким сном и пробудившимся сознанием, то место, где Единое разделяется на многое, а многое примиряется в Едином.

Освобождаясь от любых космогонических ассоциаций, дьявольско-трикстерский аспект деятельности творца становится излюбленным персонажем в сказках, рассказываемых для развлечения. Забавный пример тому — Койот, обитающий в американских равнинах, а в европейских народных сказках этот образ воплощает Лис Ренар (Le Renart, лис из средневековых французских сказаний о хитром лисе и его проделках. — *Примеч. пер.*)

Ил. 65. Рожающая Тласолтеотль (статуя из аплита с включениями граната). Ацтекская империя, конец XV — начало XVI в. н. э.

ГЛАВА II

Непорочное зачатие

1. Мать Вселенная

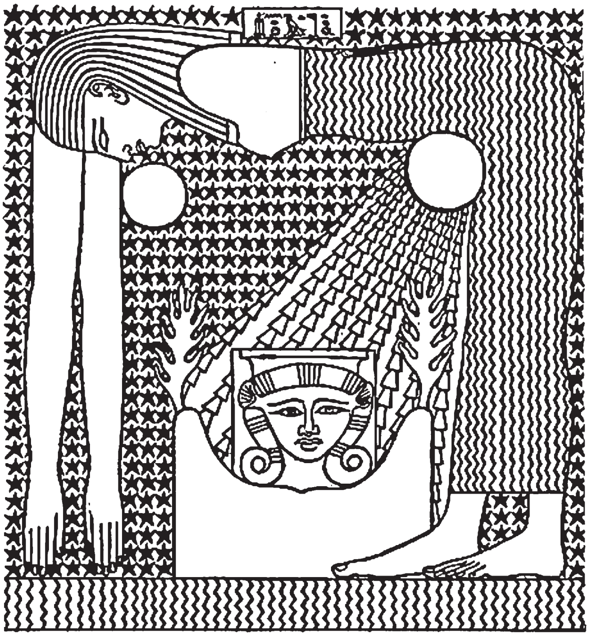
Дух отца, сотворяющий мир, приходит в земную жизнь во всем ее многообразии с помощью матери мира, которая этот дух трансформирует. В ней воплощается изначальная стихия, о которой упоминается во втором стихе главы первой «Книги Бытия», где мы читаем: «И Дух Божий носился *над водою*». В индуистском мифе она является в образе женщины, с помощью которой этот Дух, или Самость (*Self*), рождает все живое. Рассуждая более абстрактно, именно она задает координаты мира «пространство, время и причинность», как скорлупу космического яйца. Еще более абстрактно ее можно представить как притягательную силу, которая пробудила в животворящем Абсолюте импульс творения.

В тех мифологиях, которые подчеркивают скорее материнскую, а не отцовскую, ипостась творца, эта изначальная женщина заполняет мир в начале его творения, выполняя те функции, которые в других случаях свойственны мужчинам. И она девственна, поскольку ее супруг — это Невидимое Неведомое.

Странная интерпретация этого образа сущетвует в финской мифологии. В первой руне «Калевалы»[1] рассказывается о том, как девственная дочь воздуха спустилась из небесной обители в первозданный океан и там на протяжении столетий плавала в вечных водах.

И спустилась вниз девица,
В волны вод она склонилась,
На хребет прозрачный моря,
На равнины вод открытых,
Начал дуть свирепый ветер,
Поднялась с востока буря,
Замутилось море пеной,
Поднялись высоко волны.
Ветром деву закачало,
Било волнами девицу,
Закачало в синем море,

На волнах с вершиной белой.
Ветер плод надул девице,
Полноту дало ей море.
И носила плод тяжелый,
Полноту свою со скорбью
Лет семьсот в себе девица,
Девять жизней человека —
А родов не наступало,
Не зачатый — не рождался[2].[*]

Ил. 66. Нут (Небо) рожает Солнце; Его лучи падают на Хатхор (Любовь и Жизнь) на горизонте (барельеф). Египет эпохи правления Птолемеев, I в. до н. э.

«Калевала» («Земля героев») в ее нынешней форме является произведением Элиаса Леннрота (1802–1884), сельского врача и исследователя финской филологии. Собрав обширный корпус народных сказаний о легендарных героях, таких как Вяйнямейнен, Ильмаринен, Лемминкяйнен и Куллерво, он объединил их в единую поэму (1835, 1849). Произведение Леннрота включало в себя 23 000 стихов.

Немецкий перевод «Калевалы» попался на глаза Генри Водсворту Лонгфелло, который на ее основании разработал общий план и выбрал размер своей «Песни о Гайавате».

---

[*] Стихи приводятся в переводе Л. Вельского. Л.: Художественная литература, 1979. — *Примеч. пер.*

Семьсот лет Мать-Вода плавала с ребенком в своей утробе и не могла его родить. Она обратилась с просьбой к верховному богу Укко помочь ей, и тот послал утку-чирка, чтобы она свила гнездо на ее колене. Яйца, снесенные уткой, скатились с колена и разбились на кусочки; из этих кусочков возникли земля, небо, солнце, луна и облака. Затем, плавая по морю, Мать-Вода стала сама придавать миру форму:

Наконец в году девятом,
*На десятое уж лето,**
Подняла главу из моря
И чело из вод обширных,
Начала творить творенья,
Создавать созданья стала
На хребте прозрачном моря,
На равнине вод открытых.
Только руку простирала —
Мыс за мысом воздвигался:
Где ногою становилась —
Вырывала рыбам ямы;
Где ногою дна касалась —
Вглубь глубины уходили.
Где земли касалась боком —
Ровный берег появлялся;
Где земли ногой касалась —
Там лососьи тони стали;
И куда главой склонялась —
Бухты малые возникли.
Отплыла от суши дальше,
На волнах остановилась —
Созидала скалы в море
И подводные утесы,
Где суда, наткнувшись сядут,
Моряки найдут погибель[3].

Но ребенок так и не рождался, хотя уже повзрослел:

Старый, верный Вяйнямейнен
В чреве матери блуждает,
Тридцать лет он там проводит,
Зим проводит ровно столько ж
На водах, дремотой полных.
Он подумал, поразмыслил:
Как же быть и что же делать
На пространстве этом темном,
В неудобном, темном месте,
Где свет солнца не сияет,

* На десятое после того, как было разбито яйцо.

Блеска месяца не видно.
Он сказал слова такие
И такие молвил речи:
«Месяц, солнце золотое
И медведица на небе!
Дайте выход поскорее
Из неведомой мне двери,
Из затворов непривычных
Очень тесного жилища
Дайте вы свободу мужу.
Вы дитяти дайте волю,
Чтобы видеть месяц светлый,
Чтоб на солнце любоваться,
На Медведицу дивиться,
Поглядеть на звезды неба!»
Но не дал свободы месяц,
И не выпустило солнце.
Стало жить ему там тяжко,
Стала жизнь ему постыла.
Тронул крепости ворота,
Сдвинул пальцем безымянным,
Костяной замок открыл он
Малым пальцем левой ножки,
На руках ползет с порога,
На коленях через сени
В море синее упал он,
Ухватил руками волны
Отдан муж на милость моря,
Богатырь средь волн остался[4].

Прежде чем Вяйнямейнен — герой с самого рождения — смог выйти на берег, ему пришлось пройти испытание в объятиях второй материнской утробы — космической стихии океана. Теперь он должен был пройти инициацию, лишенный материнской защиты, и выстоять, столкнувшись лицом к лицу с изначально бесчеловечными силами природы:

Пролежал пять лет он в море,
В нем пять лет и шесть качался,
И еще семь лет и восемь.
Наконец плывет на сушу,
На неведомую отмель,
На безлесный берег выплыл.
Приподнялся на колени,
Опирается руками.
Встал, чтоб видеть светлый месяц,
Чтоб на солнце любоваться,
На Медведицу дивиться,
Поглядеть на звезды неба.

Так родился Вяйнямейнен,
Племени певцов удалых
Знаменитый прародитель,
Девой Ильматар рожденный[5].

2. Матрица судьбы

Вселенская богиня многолика, потому что многолики и сложны последствия акта творения, а сотворенный мир воспринимает их как взаимно противоречивые. Великая Мать — это еще и Великая Смертоносная Сила; она скрыта под личиной безобразных демонов голода и смерти.

Звездная мифология Шумера и Вавилона соотносила ипостаси космической женщины с фазами планеты Венеры. В образе утренней звезды она представала девственой; в образе звезды вечерней — распутной; на ночном небе госпожа была супругой месяца; когда же она исчезала в лучах солнца, то становилась ведьмой, воплощением адских сил. Во всех культурах Месопотамии на образ богини отбрасывала свой свет эта изменчивая звезда.

В мифе юго-восточной Африки, пересказываемом племенем вахунгве-макони из Южной Родезии, ипостаси Венеры-матери соотносятся с первыми стадиями космогонического цикла. Здесь в качестве прародителя выступает месяц; утренняя звезда — его первая жена, а вечерняя звезда — вторая. Подобно тому, как Вяйнямейнен сам вышел из утробы матери, так и этот лунный человек сам выходит из глубинных вод. Он и его жены — это прародители всех жителей земли. Вот какая история дошла до нас:

> Бог Маори создал первого человека и дал ему имя Мвуетси (Луна). Он отправил его жить на дно озера Дзивоа и дал ему рог нгона, наполненный маслом нгона*. Мвуетси жил в Дзивоа. Мвуетси сказал Маори: «Я хочу выйти на землю». Маори ответил: «Ты пожалеешь об этом». Мвуетси настаивал: «И все же я хочу на землю». Маори: «Тогда ступай».
>
> Земля была холодной и пустой. На ней не росло ни трав, ни кустов, ни деревьев. Не было животных. Мвуетси заплакал и обратился к Маори со словами: «Как я буду здесь жить?» Маори ответил: «Я предупреждал тебя. Ты стал на путь, который приведет к смерти. Но я создам для тебя твое подобие». Маори дал Мвуетси жену, которая носила имя Массасси, Утренняя звезда. Маори сказал: «Массасси будет твоей женой два года». Маори дал Массасси огниво.
>
> Вечером Мвуетси вошел с Массасси в хижину. Массасси сказала: «Помоги мне. Мы разведем огонь. Я соберу щепки, а ты будешь вращать *русику* (вращающаяся часть огнива)». Массасси собрала щепки. Мвуется вращал *русику*. Когда загорелся огонь, Мвуетси лег по одну сторону от него, а Массасси — по другую. Огонь горел между ними.

---

* Эти рог и масло играют заметную роль в фольклоре Южной Родезии (которая теперь носит название Зимбабве). Рог *нгона* — это магический инструмент, наделенный силой создавать огонь и молнию, оплодотворять все живое и воскрешать из мертвых.

Мвуетси спрашивал себя: «Зачем Маори дал мне эту женщину?» Ночью Мвуетси взял рог нгона. Он смочил свой указательный палец каплей масла нгона. Он сказал: «Ndini chaabuka mhiri ne mhiri» («Я собираюсь прыгнуть через огонь»)[8]. Он прыгнул через огонь. Он приблизился к девственной Массасси. Он коснулся тела Массасси пальцем, на котором была мазь. Затем Мвуетси вернулся в свою постель и уснул.

Когда Мвуетси проснулся утром, он взглянул на Массасси. Мвуетси увидел, что ее живот раздулся. Когда день закончился, у Массасси начались роды. Массасси родила травы. Массасси родила кусты. Массасси родила деревья. Массасси все рожала и рожала, пока земля не покрылась травами, кустами и деревьями.

Деревья росли. Они росли, пока их верхушки не достигли неба. Когда верхушки деревьев достигли неба, начался дождь.

Мвуетси и Массасси жили в изобилии. У них были фрукты и злаки. Мвуетси построил дом. Мвуетси сделал железную лопату. Мвуетси сделал мотыгу и сеял зерно. Массасси сплела сети для рыбы и ловила рыбу. Массасси приносила дрова и воду. Массасси готовила пищу. Так Мвуетси и Массасси прожили два года.

Через два года Маори сказал Массасси: «Время истекло». Маори забрал Массасси с земли и вернул ее в Дзивоа. Мвуетси тосковал. Он тосковал и плакал и обратился к Маори: «Что я буду делать без Массасси? Кто будет носить для меня дрова и воду? Кто будет для меня готовить пищу?» Мвуетси проплакал восемь дней.

Восемь дней проплакал Мвуетси. Затем Маори сказал: «Я предупреждал тебя, чтобы ты готовился к смерти. Но я дам тебе другую женщину. Я дам тебе Моронго, Вечернюю Звезду. Моронго будет с тобой два года. Затем я возьму ее назад». Маори дал Мвуетси Моронго.

Моронго пришла в хижину Мвуетси. Вечером Мвуетси хотел лечь на своей стороне от огня. Моронго сказала: «Не ложись там. Ложись со мной». Мвуетси лег около Моронго. Мвуетси взял рог нгона, нанес немного мази на свой указательный палец. Но Моронго сказала: «Не делай так. Я не похожа на Массасси. Теперь смажь свои чресла маслом нгона. Смажь мои чресла маслом нгона». Мвуетси сделал, как она сказала. «Теперь соединись со мной», — сказала Моронго. Мвуетси соединился с Моронго. Мвуетси уснул.

Утром Мвуетси проснулся. Когда он взглянул на Моронго, он увидел, что ее живот раздулся. Когда день закончился, Моронго начались роды. В первый день Моронго родила цыплят, овец и коз.

Во вторую ночь Мвуетси снова спал с Моронго. На следующее утро она родила антилоп и коров.

В третью ночь Мвуетси снова спал с Моронго. На следующее утро Моронго родила сначала мальчиков, а потом девочек. Мальчики, рожденные утром, выросли к вечеру.

В четвертую ночь Мвуетси захотел снова спать с Моронго. Но разразилась гроза, и Маори сказал: «Оставь. Ты быстро продвигаешься к смерти». Мвуетси испугался. Гроза прошла. Когда она прошла, Моронго сказала Мвуетси: «Сделай дверь и закрой ею вход в хижину. Тогда Маори не увидит, что мы делаем. Тогда ты сможешь спать со мной». Мвуетси сделал дверь. Ею он закрыл вход в хижину. И он соединился с Моронго. Затем Мвуетси уснул.

Утром Мвуетси проснулся. Мвуетси увидел, что живот Моронго раздулся. К вечеру у Моронго начались роды. Моронго родила львов, леопардов,

змей и скорпионов. Маори увидел это. Маори сказал Мвуетси: «Я предупреждал тебя».

На пятый день Мвуетси снова захотел спать с Моронго. Но Моронго сказала: «Посмотри, твои дочери выросли. Спи со своими дочерьми». Мвуетси посмотрел на своих дочерей. Он увидел, что они красивы и что они выросли. Поэтому он спал с ними. Они родили детей. Дети, рожденные утром, вырастали к вечеру. И так Мвуетси стал Мамбо — королем великого народа.

Тем временем Моронго спала со змеем. Моронго больше не рожала. Она жила со змеем. Однажды Мвуетси вернулся к Моронго и хотел спать с ней. Моронго сказала: «Оставь меня». Мвуетси: «Но я хочу». Он лег с Моронго. Под кроватью Моронго лежал змей. И змей укусил Мвуетси.

После этого Мвуетси заболел. На другой день не было дождя. Растения высохли. Реки и озера высохли. Животные умерли. Начали умирать люди. Много людей умерло. Дети Мвуетси спрашивали: «Что же нам делать?» Дети Мвуетси сказали: «Мы бросим священные кости *хаката* и погадаем». Ответ им был таков: «Мвуетси стал старым и дряхлым Мамбо. Отправьте Мвуетси назад в Дзивоа».

Тогда дети задушили и похоронили Мвуетси. Вместе с ним они похоронили Моронго. Моронго также прожила два года при дворе Мвуетси — в его Зимбабве»[6*].

Очевидно, что каждая из трех описанных стадий первоначального сотворения мира символизирует определенный период в развитии мира. Сюжет происходящего, похоже, предопределен, словно мы уже наблюдали его когда-то; об этом говорят и предупреждения Верховного Бога. Но Лунному Человеку, Могущественному Живому Существу, не откажут в праве самому вершить свою судьбу. Диалог на дне озера совершается между вечностью и временем, где решается «вопрос жизни»: быть или не быть. Неутолимому желанию дают волю: движение начинается.

Жены и дочери Лунного Человека олицетворяют его судьбу и заставляют события развиваться в ускоренном темпе. Эволюционирует воля Лунного Человека, пробуждающая жизнь, а вместе с ней — претерпевают метаморфозы достоинства и облик богини-матери. Рожденные самой природой, две первые жены наделены предчеловеческими и надчеловеческими качествами. Но космогонический круг все продолжает свое движение, человечество растет, изменяя свои первобытные формы, космические прародительницы исчезают, и на их место приходят обычные мужчины и женщины. Поэтому старый отец-прародитель в своем сообществе становится метафизическим анахронизмом. Когда в конце концов он устает от людей и пытается вернуться к своей жене, даровавшей ему плодородие, его поступок истощает мир, но вскоре этот мир вновь обретает свободу, и все приходит в движение. Инициатива передается

* Слово «Зимбабве» обозначает «Царский двор». Огромные доисторические руины возле форта Виктория называются «Великий Зимбабве», другие каменные руины в Южной Родезии называются «Маленький Зимбабве» [Примечание Frobenius and Fox, *African Genesis*.]

сообществу детей. Символические фигуры родителей, огромные, как образы в сновидениях, погружаются в первозданный хаос. На обжитой земле остается только человек. Начинается новый жизненный цикл.

Ил. 67. Лунный царь и его народ (наскальная живопись). Зимбабве, 1500 г. до н. э.

3. Животворящее лоно

Мир человеческой жизни теперь создает проблемы. Подчиняясь воле королей и следуя наставлениям жрецов, которые возвещают божественную волю, например бросая священные кости *хаката*, чтобы узнать волю богов, как в мифе о Мвуетси (см. выше), поле зрения человека сужается настолько, что главные линии человеческой комедии теряются в переплетении противоречий. Ви́дение будущего сужается, оно лишь отражает свет и доступные непосредственному восприятию грани существования. Глубины сомкнулись и стали неразличимы для человеческого понимания. Страдания человечества усугубляются тем, что оно больше этих глубин не видит. Люди совершают ошибку за ошибкой, и это грозит катастрофой. Крохотное эго присвоило себе право высшего «я» выносить суждения.

Это вечная тема мифа, об этом нам часто горестно возглашают пророки. Люди жаждут встретить того, кто снова станет олицетворением божественного в мире исковерканных тел и душ. Эта мифологема, знакомая нам из нашей собственной традиции, возникает повсюду, хотя и в разных обличьях. Когда фигура Ирода (высшего выражения неуправляемого, упрямого эго) низвергает человечество в состояние духовного ничтожества, сами собой приходят в движение скрытые силы жизненного цикла. В далекой деревушке рождается девушка, которая сохранит себя незапятнанной мирскими грехами своего поколения: в мир людей приходит уменьшенная копия космической женщины, невеста ветра. Ее нетронутое лоно подобно изначальным глубинам, готово призвать к себе изначальную силу, которая оплодотворяет пустоту.

«И вот однажды, когда Мария стояла у колодца, чтобы наполнить кувшин, ангел Господен появился перед ней, сказав: Благословенна ты, Мария, ибо в своем чреве ты приуготовила обитель для Господа. Вот, свет с небес войдет и будет обитать в тебе, и через тебя будет сиять во всем мире»[7].

Эту историю рассказывают повсеместно; и сходство главных поворотов сюжета так велико, что первые христианские миссионеры были вынуждены думать, что такое сходство историй — проделки дьявола, который пародирует их учение, где бы они ни появились. Фрай Педро Симон в своих «Исторических заметках» (Noticias historiales de las conquistes de Tierra Firme en las Indians Occidentales, Cuenca, 1627) сообщает, что:

> когда миссионеры начали проповедовать среди народов тунья и согамоццо в Колумбии (Южная Америка), демон этих мест стал в отместку создавать свои похожие истории. В том числе он старался дискредитировать то, что священник рассказывал о Воплощении, заявляя, что оно еще не произошло; но что теперь Солнце осуществит это, оплодотворив утробу девы из селенья Гуачета, и она понесет от солнечных лучей, пребывая невинной. Эта весть разнеслась по всей округе. И случилось так, что староста упомянутой деревни имел

двух дочерей в девичестве, каждая из которых желала, чтобы чудо произошло с ней. Поэтому они стали выходить из жилища отца каждое утро с первыми проблесками зари; и поднимались на один из многочисленных холмов вблизи селения, располагаясь таким образом, чтобы первые лучи солнца могли свободно освещать их. Это происходило много дней, по наущению дьявола, но и не без божьего промысла (ибо его пути неисповедимы), во исполнение того, что было им задумано. В результате одна из дочерей понесла, как она утверждала, от солнца.

Девять месяцев спустя она произвела на свет большой и ценный *hacuata,* что на их языке означает изумруд. Женщина взяла его и, закутав в ткань, запрятала его между своих грудей. Там она хранила его много дней, пока он не ожил. Все как по наущению дьявола. Ребенка назвали Горанчачо. Он рос в доме своего деда, старосты, пока ему не исполнилось 24 года.

Затем он проследовал с триумфальной процессией до столичного города, и повсюду его чествовали как «Дитя Солнца»[8].

Индуистская мифология рассказывает о девушке Парвати, дочери Гималайя, короля гор, которая ушла высоко в горы, чтобы вести строгую аскетическую жизнь. Тиран-исполин по имени Тарака захватил власть над миром. Согласно пророчеству только сын высшего бога Шивы мог свергнуть его. Однако Шива был истинным богом йоги — бесстрастным, одиноким, погруженным в медитацию. Его невозможно было подвигнуть на рождение сына.

Парвати решила изменить ситуацию в мире, состязаясь с Шивой в медитации. Бесстрастная, одинокая, погруженная в себя, она также постилась обнаженной под горячими лучами солнца, и даже разжигая жаркие костры, с четырех сторон окружавшие ее. Ее прекрасное тело сморщилось и высохло до костей. Кожа стала грубой, а волосы спутанными и жесткими. Мягкие влажные глаза стали гореть воспаленным жаром. Однажды к ней пришел молодой брамин и спросил, почему некогда столь прекрасная, она разрушает себя такой пыткой. Она ответила: «Мое желание — Шива, он Высшая Цель. Шива — бог одиночества и непоколебимой концентрации. Поэтому я предаюсь аскезе, чтобы вывести его из состояния равновесия и пробудить у него любовь ко мне». Юноша сказал: «Шива — бог разрушения. Шива несет в себе уничтожение мира. Нет большего наслаждения для Шивы, чем медитировать на кладбище среди трупного смрада; там он ощущает гниение смерти, и это находит отзвук в его разрушительном сердце. Гирлянды Шивы сплетены из живых змей. Шива нищий, и более того, никто ничего не знает о его рождении». На что девушка ответила: «Он за пределами твоего понимания. Он нищий, но он источник изобилия; он ужасен — но он источник красоты; гирлянды из змей или драгоценных камней он может носить или сбрасывать по своей воле. Как мог он быть рожденным, когда он — творец несотворенных! Шива — моя любовь». После этого юноша сбросил свою личину. Это и был Шива[9].

4. Народные сказания о непорочном зачатии

Будда сошел с небес в лоно своей матери в облике молочно-белого слона. Ацтекская женщина Коатликуэ, чья юбка сплетена из змей, совокуплялась с богом, представшим ей в виде шара из перьев. Целые главы «Метаморфоз» Овидия буквально кишат нимфами, которых постоянно осаждают боги в разных личинах: Юпитер в образе быка, в виде лебедя, в виде золотого дождя и т. п. Любого случайно проглоченного побега, или зернышка, или даже простого дыхания бриза достаточно для оплодотворения уготованного для этого лона. Силы творения царят повсюду. И волею случая или благодаря превратности судьбы чудесным образом может быть зачат герой-спаситель или демон, разрушающий мир.

Ил. 68. Мать Земли Коатликуэ в юбке из змей (барельеф). Ацтекская империя, конец XV в.

Образы непорочного зачатия часто встречаются не только в мифах, но и в народных сказках. Вполне достаточно лишь одного примера, удивительной сказки народности тонга из небольшого цикла историй, рассказанных о «красавце» Синилау. Эта сказка особенно интересна не столько потму, что она предельно абсурдна, сколько тем, что она выразительно демонстрирует в бессознательной и грубой комичной форме ведущий мотив типичного жизнеописания героя: рождение от дественной матери, поиск отца, тяжелое испытание, примирение отца с сыном, успение и коронацию девственной матери, и в конце — небесный триумф истинных сыновей и предание огню лжецов.

Жил однажды муж со своей женой, и жена его понесла. Когда пришло ей время рожать, она позвала мужа, чтобы он приподнял ее, и она смогла родить. Однако она родила улитку, и муж в ярости прогнал ее. Тогда она попросила его взять улитку и бросить в водоем, принадлежащий Синилау. И вот Синилау пришел к водоему и бросил туда скорлупу кокосового ореха, которой он пользовался для омовения. Улитка подползла, втянула в себя скорлупу ореха; и понесла. Однажды женщина, мать улитки, увидела, что улитка приползла к ней. Она сердито спросила улитку, зачем та приползла к ней, на что улитка ответила, что не время сердиться и попросила отделить занавесом место, где она могла бы родить. Был сделан занавес, и улитка родила большого и красивого мальчика. После этого она уползла в свой водоем, а женщина стала ухаживать за ребенком, которого назвала Фатаи-пришедший-под-сандаловым-деревом. Прошло время, и вот улитка снова была беременна ребенком и снова приползла к дому матери, чтобы родить. И вновь улитка родила прекрасного мальчика, которого назвала Фатаи-дважды-обвитый-миртом. Женщина и ее муж снова оставили его у себя.

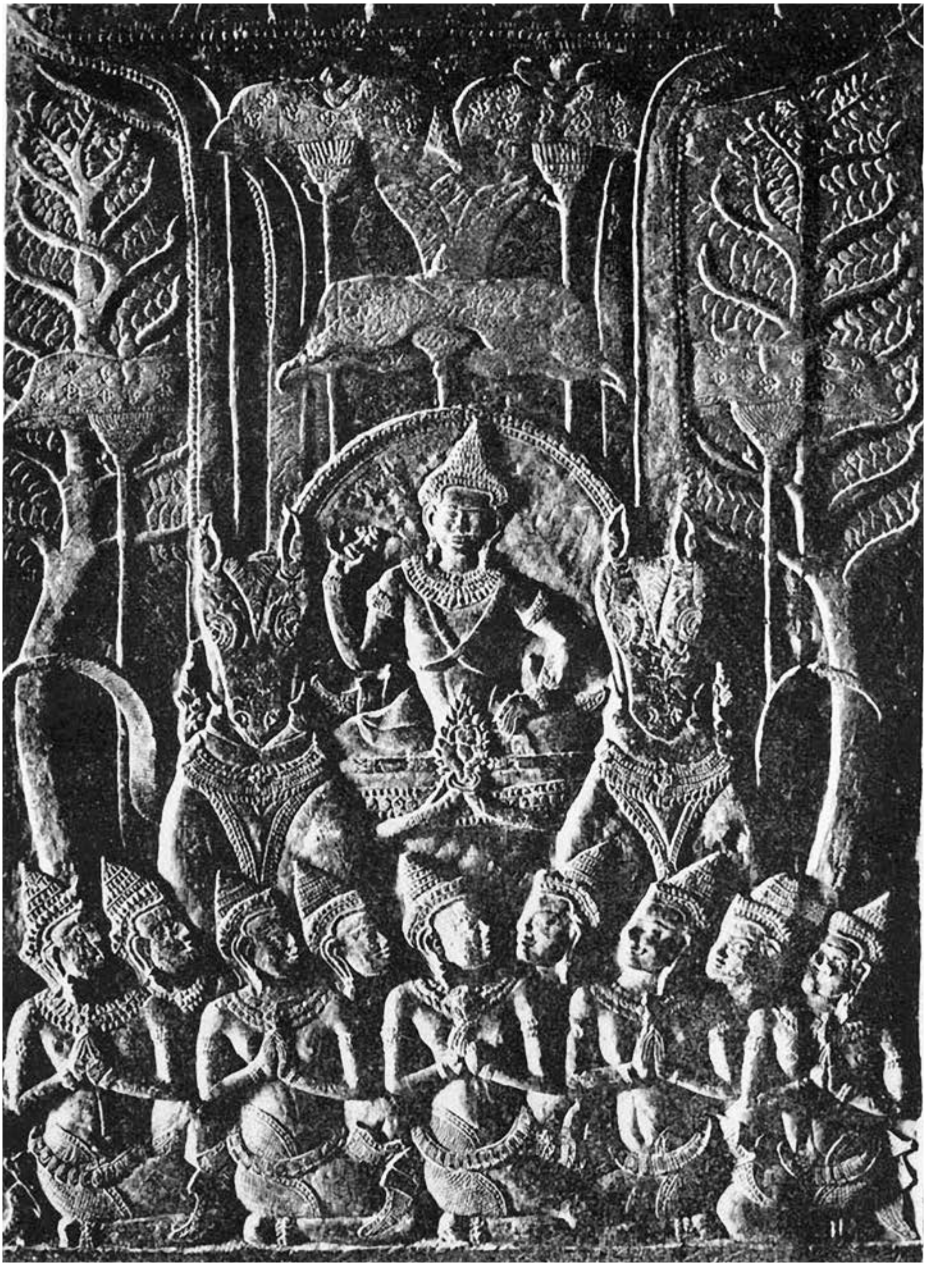
Когда оба ребенка выросли и возмужали, женщина услышала, что Синилау собирается устроить праздник, и она решила, что ее внуки должны там присутствовать. Тогда она позвала юношей и попросила их приготовиться, добавив, что это их отец устраивает праздник. Когда они прибыли на праздник, то все заметили их. Все женщины смотрели на них во все глаза. Когда юноши шли по деревне, женщины стали приглашать их к себе, но те отказались и прошли дальше, и подошли к тому месту, где пили напиток кава. Там они стали подавать гостям чаши. Но Синилау, рассердившись на то, что кто-то вмешивается в его праздник, приказал поднести ему две чаши. Затем он велел своим людям схватить одного из юношей и разрубить его на куски. Для этого заточили нож из бамбука, но когда острие ножа коснулось тела юноши, нож только скользнул по его коже, и он воскликнул:

Нож прикасается и скользит,
А ты сидишь и смотришь на нас,
Такие ли мы, как ты, или нет.

Синилау спросил, что сказал юноша, и ему повторили. Тогда он приказал подвести к нему обоих юношей и спросил у них, кто их отец. Они ответили, что он и есть их отец. Синилау поцеловал своих обретенных сыновей и велел им

пойти и привести их мать. Они пошли к водоему, взяли улитку и принесли ее к своей бабке, которая превратила ее в красивую женщину по имени Хина-чей-дом-в-реке.

Затем они отправились к Синилау. Юноши надели одежду с каймой, которая называется *тауфохуа*. Их мать тоже нарядилась в очень красивую одежду, которая называется *туоуа*. Сыновья шли впереди, а Хина следовала за ними. Когда они пришли к Синилау, то нашли его сидящим со своими женами. Юноши сели на колени Синилау, а Хина села рядом с ним. Тогда Синилау приказал людям идти и зажечь огонь в очаге и жарко разогреть его, а затем убить и бросить в огонь его жен и их детей. А Хину-чей-дом-в-реке Синилау взял в жены[10].

Ил. 69. Лунная колесница (барельеф). Камбоджа, 1113–1150 гг. н. э.

ГЛАВА III

Метаморфозы героя

1. Первоначальный герой и человек

Мы рассмотрели уже два этапа: первый — от непосредственных эманаций Несотворенной Творящей Сущности к изменчивым, но неподвластным времени персонажам мифологического века, второй — от этих Сотворенных Творящих Существ к собственно человеческой истории. Эманации сгустились, поле сознания сузилось. Там, где ранее были видны первопричины, теперь в фокус суженного, нацеленного на строгие факты человеческого зрачка попадают лишь их вторичные последствия. Поэтому теперь космогонический цикл продолжают уже не отныне невидимые боги, а герои, более или менее похожие на обычных людей по своему характеру, которые вершат судьбы мира. Здесь миф о творении уступает место легенде — как в Книге Бытия вслед за изгнанием из рая. Метафизика уступает место предыстории, смутной и неопределенной вначале, но постепенно обретающей все большую точность в деталях. Герои становятся все менее сказочными, пока, наконец, на последних стадиях различных местных преданий легенда не выходит из тени времен на привычный дневной свет поддающегося документированию времени.

Мвуетси, Лунный Человек, был отрезан, как запутавшийся якорь; община детей свободно поплыла вперед, к дневному свету пробуждающегося сознания. Но сказания указывают на то, что некоторые из этих сыновей были прямыми потомками навеки погребенного в пучине отца. Те, кто, подобно его первым детям, проделали путь от младенчества до зрелости в течение одного-единственного дня. Из этих избранных носителей космической силы складывалась духовная и социальная аристократия. Их двойной заряд созидательной энергии сам был источником откровения. Такие фигуры появляются на начальной стадии любого легендарного прошлого. Это культурные герои, основатели городов.

Китайские летописи сообщают, что, когда земля затвердела, а люди поселились в бассейнах рек, ими правил Фу Хси, «Небесный Император» (2953–2838 гг. до н. э.). Он обучил своих людей ловить сетями рыбу, охотиться и выращивать домашних животных, разделил их на кланы и учредил брак. Из

священной таблички, вверенной ему чешуйчатым чудовищем с лошадиной головой, живущим в водах реки Мень, он вывел Восемь Гексаграмм, которые по сей день остаются фундаментальными символами традиционной китайской мысли. Этот Небесный Император был чудесным образом зачат, и мать вынашивала его в течение двенадцати лет; у него было тело змеи с человеческими руками и головой быка[1].

Его преемник, Шен Нунь, «Земной Император» (2838–2698 гг. до н. э.), был ростом восемь футов и семь дюймов, у него было тело человека, но голова быка. Он был чудесным образом зачат с участием дракона. Растерянная мать бросила своего ребенка на склоне горы, но дикие звери защитили и вскормили его, и, узнав об этом, она забрала его домой. Шен Нунь открыл семьдесят ядовитых растений и противоядий от них: через прозрачную поверхность своего живота он мог наблюдать за тем, как переваривается каждое из них. Затем он создал чудесную систему врачевания и лекарства, которыми пользуются до сих пор. Он изобрел плуг и систему меновой торговли; китайские крестьяне почитают его как «принца хлебных злаков». Когда ему исполнилось сто шестьдесят восемь лет, его причислили к бессмертным[2].

Такие змеи — короли и минотавры — свидетельство давно минувших времен, когда император был носителем особой животворящей силы, на которой держался весь мир, намного превосходящей способности нормальной человеческой психики. То была эпоха титанической работы, когда закладывались основы нашей человеческой цивилизации. Но с развитием цикла наступает время решать уже не прото- или сверхчеловеческие задачи, — пришло время задач общечеловеческих — нужно обуздать сильные чувства, развивать искусства, совершенствовать экономические и культурные институты государства. Теперь уже речь идет не о воплощении Лунного Быка или о Змеиной Мудрости Восьми Гексаграмм Судьбы, а о совершенстве человеческого духа, открытого для нужд и упований человеческого сердца. И космогонический цикл теперь представляет нам императора в человеческом образе, который для всех последующих поколений должен служить примером человека как царя.

Хуан Ди, «Желтый Император» (2697–2597 гг. до н. э.), был третьим из августейшей Тройки. Его мать, младшая жена правителя провинции, зачала его, когда однажды ночью увидела ослепительное золотое сияние вокруг созвездия Большой Медведицы. Ребенок заговорил, когда от роду ему было семьдесят дней, а в возрасте одиннадцати лет он взошел на престол. Его отличительной особенностью была мощь его сновидений: во сне он мог посещать самые отдаленные места и общаться с бессмертными в их царстве. Вскоре после восхождения на трон Хуан Ди впал в сон, который длился целых три месяца и во время которого он научился управлять сердцем. Из второго своего сновидения, длившегося примерно столько же, он вернулся наделенный способностью учить людей. Он обучил их тому, как управлять силами природы в их собственных сердцах.

Этот удивительный человек правил Китаем сто лет, и время его правления было для людей истинным золотым веком. Он собрал вокруг себя шесть

великих министров, с помощью которых составил календарь, ввел математические вычисления, научил людей изготавливать утварь и инструменты из дерева, обожженной глины и металла, сооружать лодки и повозки, использовать деньги и мастерить музыкальные инструменты из бамбука. Он создал публичные места для поклонения Богу. Он установил границы и законы частной собственности. Его супруга открыла искусство прядения шелка. Он вырастил сто разновидностей злаков, плодов и деревьев; разводил птиц, четвероногих, рептилий и насекомых; научил людей использовать воду, огонь, дерево и землю; наконец, он регулировал приливы и отливы. Перед его смертью, наступившей в возрасте ста одиннадцати лет, как свидетельство совершенства его правления в садах Империи появились феникс и единорог[3].

2. Детство героя

Герой древних культур со змеиным телом и бычьей головой с рождения символизировал стихийную созидательную силу природного мира. В этом заключалась его роль. Герой в человеческом облике должен был «спуститься на землю», чтобы восстановить связь небесного с человеческим. Именно в этом, как мы выяснили, и заключается суть его приключений.

Но авторы легенд редко описывали великих героев мира как простых смертных, которые сумели вырваться за горизонты, ограничивающие их соплеменников, и вернуться из странствий с дарами, которые мог бы добыть любой другой человек, равной с ними отваги и силы веры. Напротив, всегда существовала тенденция наделять героя исключительными способностями с самого момента его рождения или даже с момента зачатия. Весь путь героя изображается как ряд следующих друг за другом чудес с главным приключением в момент его кульминации.

Это подтверждает, что быть героем — это судьба, а не его личное достижение, и нам нужно понять, каким образом связаны друг с другом биография и характер героя. Например, можно рассматривать Иисуса как обычного человека, который обрел мудрость, следуя путем аскетической жизни и размышлений, но можно верить и в то, что бог спустился с небес и стал распоряжаться человеческими судьбами. Если придерживаться первой точки зрения, то нужно будет подражать Иисусу во всем, как учителю, чтобы таким же путем, как и он, прийти к трансцендентному, искупительному жизненному опыту. Но вторая точка зрения заключается в том, что герой — это скорее символ, требующий осмысления, а не пример, которому следует строго следовать. Божественное существо есть откровение всемогущего Я, которое пребывает внутри каждого из нас. Таким образом, размышлять о его жизни значит размышлять о божественном начале в нас самих и не воспринимать эту историю как модель для точного подражания. При этом урок не сводится к формуле: «Делай то-то и то-то — и будь хорошим», но, скорее, «Познай это — и стань Богом».

Ил. 70. Дочь фараона находит Моисея
(деталь картины, холст, масло). Англия, 1886 г.

Эта формулировка, безусловно, не вполне согласуется с общепринятым христианским учением. Иисус сказал: «Царствие Божие внутри вас», однако представители различных конфессий утверждают, что человек лишь создан только «по образу и подобию» Бога, подчеркивая абсолютное различие между душой и ее создателем; таким образом они настаивают на том, что «бессмертная душа» и Бог представляют собой абсолютно различные сущности и стирание граней между ними не одобряется (трактуется как «пантеизм» и в свое время за это приговаривали к сожжению на костре); тем не менее и в молитвах, и в свидетельствах христианских мистиков мы находим много экстатических описаний единения с Богом, когда душа полностью растворяется в нем, а видение Данте в конце «Божественной комедии», несомненно, выходит за рамки ортодоксального дуалистического утверждения о конечности ипостасей Троицы. Там, где этот догмат не нарушается, миф о путешествии к Отцу понимается буквально, как описывающий конечную цель человека.

Когда Иисуса воспринимают как идеал человека или размышляют о нем, как о Боге, то отношение к нему христиан можно описать следу-

ющим образом: 1) буквальное подражание Иисусу как учителю, такое же отречение от мира (у ранних христиан); 2) созерцание распятого Христа как божества в своем сердце и вместе с тем мирская жизнь в служении богу (раннее и средневековое христианство); 3) отказ от большинства инструментальных приемов созерцания и мирская жизнь в роли слуги или орудия господа, которого отныне человек не должен мысленно представлять себе (протестантизм); 4) попытка интерпретировать Иисуса как образец человеческого существа, но без принятия его аскетического пути (либеральное христианство).

В части I («Приключение героя») можно сказать, что мы рассматривали героическое искупительное деяние героя с психологической точки зрения. Теперь мы должны представить его иначе, как символ той метафизической тайны, которую герой был призван вновь открыть и принести людям. В этой главе нам следует изучить его чудесное детство, которое доказывает, что особое проявление имманентного божественного принципа получило свое воплощение в мире, затем мы последовательно рассмотрим определенные жизненные роли, принимая которые герой выполняет свое предназначение. Эти роли весьма разнообразны, в зависимости от задач, которые возникают в разные времена.

С вышеизложенной точки зрения первая задача героя заключается в том, чтобы сознательно пережить предшествующие стадии космогонического цикла, прорваться назад через эпохи эманации. Его вторая задача заключается в том, чтобы вернуться из этих глубин в современное жизненное измерение и здесь осуществлять волю демиурга и его мощь. Сила Хуан Ди заключалась в его сновидениях, это был его способ погружения в иной мир и возвращения из него. Второе рождение Вяйнямейнена отбросило его назад к восприятию изначального. В сказке тонга о женщине-улитке возвращение восходит к рождению матери, братья-герои выходят из инфрачеловеческого лона.

Подвиги героя во второй части его собственного жизненного цикла будут равнозначны глубине его погружения в первой части приключений. Сыновья женщины-улитки поднимаются от животного уровня к человеческому, они были невероятно красивы. Вяйнямейнен рождается от стихии вод и ветров, его даром была способность пробуждать и успокаивать своей песней стихии природы и человеческого тела. Хуан Ди, побывав в царстве духа, учил душевной гармонии. Будда вышел даже за пределы сферы созидающих богов и вернулся из пустоты, объявив о спасении как выходе из космогонического круга.

Если подвиги реального исторического персонажа говорят о том, что он был героем, то создатели легенды придумают для него соответствующие по глубине приключения. Они будут представлены как путешествие в чудесное царство, и, с одной стороны, их следует интерпретировать как символические, как погружение в море ночи человеческой психики, а, с другой стороны, как сферы или аспекты человеческой судьбы, которые проявляются в последующей жизни героя.

Царь Аккада Саргон (прим. 2550 г. до н. э.) был рожден матерью-простолюдинкой. Его отец был неизвестен. Отданный на волю вод Евфрата в корзине, сплетенной из тростника, он был найден пришедшим по воду Акки, который вырастил его и сделал своим садовником. Юноша приглянулся богине Иштар. И так он стал царем и императором, прославившимся, как живой бог.

Чандрагупта (IV в. до н. э.), основоположник древнеиндийской династии Маурья, был оставлен в глиняном кувшине у входа в коровник. Младенца нашел и воспитал пастух. Однажды, играя со своими приятелями в высочайшего царя на судейском месте, маленький Чандрагупта приказал, чтобы злейшим преступникам отрубили кисти рук и ступни; затем по его велению отсеченные члены тут же возвращались на место. Проезжающий мимо правитель, при виде этого необыкноенного зрелища, выкупил ребенка за тысячу монет, а дома по телесным меткам обнаружил, что мальчик — Маурья.

Папа Римский Григорий Великий (540?–604) родился от близнецов из знатного рода, которые, подстрекаемые дьяволом, совершили инцест. Ужаснувшись содеянному, мать бросила его в море в небольшой корзине. Его нашли и вырастили рыбаки, а в возрасте шести лет отправили в монастырь учиться на священника. Но он мечтал о жизни благородного рыцаря. Когда он сел в лодку, его чудом отнесло в страну, где жили его родители, и он стал супругом царицы — которая, как вскоре обнаружилось, была его матерью. После открытия этого второго инцеста Григорий в течение семнадцати лет каялся, приковав себя к скале посреди моря. Ключи от цепей были выброшены в воду; но, когда много лет спустя их нашли в брюхе рыбы, это было принято за знак свыше, совершавшего покаяние доставили в Рим, где в соответствии с установленным порядком он был избран Папой Римским[4].

Основателя династии каролингов Карла Великого (742–814) в детстве обижали его старшие братья, и он бежал к сарацинам в Испанию. Там он стал служить посыльным у короля. Обратив дочь короля в христианскую веру, он тайно обвенчался с ней. Совершив несколько героических подвигов, юноша королевской крови вернулся во Францию, где победил своих гонителей и триумфально взошел на престол. Затем на протяжении ста лет он правил в зодиакальном окружении, состоящем из двенадцати пэров. Согласно всем описаниям, его борода и волосы были длинными и седыми. (В действительности Карл Великий был лысым и безбородым.) Однажды, сидя под деревом и верша правосудие, он выступил в защиту змеи; в благодарность она одарила его талисманом некогда умершей женщины. Этот амулет упал в колодец, который стал любимым местом пребывания правителя. После продолжительных войн с сарацинами, саксами, славянами и скандинавами не ведающий старости император умер; но вместо смерти лишь погрузился в глубокий сон, а проснется он в тот час, когда он будет нужен своей стране. В Средние века он однажды уже восставал из мертвых для участия в крестовом походе[5].

Каждая из этих биографий представляет различные версии истории об изгнанном и вернувшемся ребенке. Это отличает все легенды, народные сказки

и мифы о герое. Обычно эти истории стараются рассказать максимально правдоподобно. Но когда речь идет о герое, ставшем великим патриархом, колдуном, пророком или божественным воплощением, чудесам нет предела.

Широко распространенная иудейская легенда о рождении отца Авраама дает нам пример явного божественного вмешательства в судьбу ребенка. О его рождении Нимрод прочитал по звездам.

> Так как этот нечестивый царь был искусным астрологом, то стало явным ему, что родится человек, который, когда наступит его день, восстанет против него и покажет всю лживость его религии. В ужасе перед судьбой, которую он прочел по звездам, он послал за своими правителями и управляющими и испросил у них совета в этом деле. Они отвечали и сказали: «Наш единодушный совет будет в том, чтобы ты построил огромный дом, поставил у входа в него стража и возвестил по всему своему царству, чтобы все беременные женщины отправлялись туда вместе со своими повитухами, которые должны будут оставаться с ними до тех пор, пока женщины не разродятся. Когда срок беременности истечет и ребенок родится, то повитуха должна будет убить его, если это окажется мальчик. Но если это будет девочка, то ее следует оставить в живых, мать одарить подарками и дорогими одеждами, а глашатай должен будет возвестить: “*Так поступают с женщиной, которая рождает дочь!*”».
>
> Царю понравился этот совет, и он издал по всему своему царству указ, которым призывал к себе всех искусных строителей для возведения огромного дома высотой в шестьдесят локтей и шириной в восемьдесят. После того, как строительство дома завершилось, царь издал второй указ, в котором требовал собраться в доме всем беременным женщинам и оставаться там до родов. Были выставлены стражи, доставлявшие женщин в дом, и вокруг него и внутри также выставили стражу, чтобы женщины не сбежали. Кроме того, царь послал в дом повитух и велел им убивать детей мужского пола у материнской груди. Но если женщина разрешалась девочкой, то, по велению царя, ее наряжали в богато расшитые одежды и выводили из заточения с большими почестями. Не менее семидесяти тысяч детей лишили жизни таким образом.
>
> И тогда ангелы явились пред Богом и сказали: «Видишь ли Ты, что сотворил этот грешник и богохульник Нимрод, сын Ханаана, убивший столько ни в чем не повинных младенцев?» Бог отвечал, говоря: «Да, святые ангелы, Я знаю это, и Я вижу это, ибо Око Мое не дремлет. Я созерцаю и знаю тайные вещи и вещи, что открываются, и вы будете свидетелями того, что я сделаю с этим грешником и богохульником, ибо Я обращу против него Свою десницу, дабы покарать его».
>
> В это же самое время Фарра женился на матери Авраама, и она понесла... Когда подошло ее время, она в великом ужасе бежала из города и направилась в пустыню. Она брела долиной, пока не пришла к пещере. Она вошла в это убежище, на следующий день у нее начались схватки, и она родила сына. Вся пещера залилась светом от детского лика, как от сияния солнца, и мать чрезвычайно возрадовалась. Младенец, которого она родила, был нашим отцом Авраамом.
>
> Его мать заплакала и сказала сыну: «Увы, родила я тебя на свет во времена царя Нимрода. Из-за тебя были убиты семьдесят тысяч мальчиков-младенцев, и я в ужасном страхе за тебя, боюсь, что прознает он о твоем существовании

и убьет тебя. Пусть уж лучше ты погибнешь здесь, в этой пещере, чем очи мои увидят тебя мертвым у моей груди». Она сняла свою одежду и завернула в нее младенца. Затем со словами: «Да пребудет Господь с тобой, да не оставит Он тебя и да поможет Он тебе», — она оставила сына в пещере.

Авраам, брошенный в пещере без кормилицы, стал плакать. И тогда Бог послал к нему Гавриила, дабы тот напоил его молоком, и ангел сделал так, что молоко потекло из мизинца правой руки младенца, и тот сосал палец, пока ему не исполнилось десять дней. Затем он поднялся, осмотрелся вокруг, вышел из пещеры и пошел через долину. Когда зашло солнце и появились звезды, он сказал: «Это боги!» Но пришел рассвет, и звезды уже не были видны, тогда он сказал: «Я не буду им поклоняться, ибо это не боги». После чего взошло солнце, и он молвил: «Это мой бог, его я буду превозносить». Но солнце зашло снова, и он сказал: «Это не бог»; и, увидев Луну, он назвал ее своим богом, которому он станет поклоняться. Однако Луна скрылась, и он воскликнул: «И это не бог! Но есть Тот, Кто приводит их всех в движение»[6].

Индейцы племени черноногих из Монтаны рассказывают о победителе чудовищ по имени Кут-о-йис, которого нашли старик со старухой и стали ему приемными родителями, бросив в котел с кипятком сгусток буйволиной крови.

Тут же из котла донесся звук, похожий на плач ребенка, которого то ли поранили, то ли обожгли, толи ошпарили. Они заглянули в котел, увидели там маленького мальчика и быстро вытащили его из воды. Они так этому удивились... На четвертый день ребенок заговорил и сказал: «Привяжите меня поочередно к каждому из этих шестов вигвама, и, когда очередь дойдет до последнего, освободившись из веревок, я стану взрослым». Старая женщина сделала так, как он сказал; привязывая его к каждому из шестов вигвама, она видела, как он рос, и когда наконец его привязали к последнему шесту, он был уже мужчиной[7].

Народные сказки обычно или содержат этот сюжет, или в них рассказывается об искалеченном либо униженном ребенке: младший сын или младшая дочь, которых все обижают, сирота, пасынок или падчерица, «гадкий утенок» или оруженосец-простолюдин.

Девушка из народности пуэбло, которая помогала своей матери месить ногами глину для изготовления посуды, почувствовала прикосновение грязи на своей ноге, но не обратила на это внимания.

Спустя несколько дней девушка почувствовала, как что-то шевелится у нее в животе, но о рождении ребенка она и подумать не могла. Она ничего не сказала матери. Но это нечто росло в ней. Однажды утром она проснулась и почувствовала себя плохо, а в полдень родила ребенка. И только тогда ее мать узнала (впервые), что ее дочь ждала ребенка. Она очень рассердилась, но, когда взглянула на младенца, то увидела, что это вовсе не ребенок, а нечто круглое с двумя ручками, как у кувшина; это и был маленький кувшин. «Где ты взяла это?» —

> спросила мать. Но девушка только плакала. К тому времени вернулся отец «Ну что же, я рад, что у нее родился ребенок», — сказал он. «Но это не ребенок», — ответила мать. Тогда отец подошел, чтобы взглянуть, и увидел, что это маленький кувшин для воды. Ему очень понравился этот маленький кувшинчик. «Да он двигается», — сказал отец. Очень скоро маленький кувшин для воды начал расти. Через двадцать дней он стал совсем большим. Он мог гулять с детьми и умел говорить. «Дедушка, вынеси меня на улицу, чтобы я мог посмотреть, что происходит вокруг», — просил он. И так каждое утро дед выносил его на улицу, и кувшин смотрел на детей, а они, узнав из его разговоров, что он мальчик, мальчик-кувшин, полюбили его.[8]

Подытожим: ребенок с необычной судьбой должен провести какое-то время в безвестности. В это время ему угрожают ужасные опасности, препятствия или опала. Герой уходит в себя или вовне, в неизвестность; но все, с чем он имеет дело, окутано тьмой неизвестности. Там обитают неожиданные существа, они могуть проявлять благосклонность или строить козни, герою может явиться ангел или прийти на помощь животное, рыбак или охотник, дряхлая старуха или бедный крестьянин. Воспитанный в стае животных или, подобно Зигфриду, под землей, среди гномов, которые поливают корни дерева жизни, или же в одинокой келье (у рассказа может быть множество вариантов), юный ученик мира усваивает урок изначальных сил, которые находятся по ту сторону всего, имеющего меру и имя.

Мифы сходны в том, что исключительная способность должна столкнуться с подобным опытом и уцелеть после этого. Описания раннего детства изобилуют историями о не по летам развитых силах, талантах и мудрости героев. Геракл задушил в своей колыбели змею, которую наслала на него богиня Гера. Полинезийский Мауи поймал в силки солнце и замедлил его ход, чтобы дать своей матери время приготовить еду. Авраам, как мы знаем, познал Единого Бога. Иисус посрамил мудрецов. Маленького Будду однажды оставили в тени под деревом; его няньки неожиданно заметили, что за все время, что он пребывал там, тень не сдвинулась с места, а ребенок сидел неподвижно в йогическом трансе.

Подвиги любимого индуистского спасителя Кришны, который в раннем детстве жил в изгнании среди пастухов, составляют полный жизненный цикл. В дом Ясоды, приемной матери ребенка, пришел злой дух в образе красивой женщины, но с ядом в груди. Женщина повела себя очень дружелюбно и вскоре посадила мальчика себе на колени, чтобы покормить его грудью. Но Кришна сосал с такой силой, что высосал из нее жизнь, и она упала замертво, вновь обретя свою настоящую и отвратительную форму. Но когда ее зловонный труп сожгли, разнесся сладкий аромат, ибо божественное дитя подарило женщине-демону спасение, когда испило ее молока.

Кришна любил пошалить. Он любил похищать горшки со свернувшимся молоком, когда молочницы спали. В поисках еды, он сбрасывал все, что специально прятали от него высоко на полках. Девушки называли его масляным

воришкой и жаловались Ясоде; но он всегда что-то выдумывал в свое оправдание. Однажды в полдень, когда он играл во дворе, его приемной матери сообщили, что он ест глину. Она явилась с прутом, но он вытер губы и сказал, что ничего не знает. Она открыла его испачканный рот, чтобы проверить, но, заглянув внутрь, увидела всю вселенную, «Три Мира». «Как глупо думать, что мой сын — это Владыка Трех Миров», — подумала она. Затем все снова скрылось от нее, и из ее головы сразу же вылетело, зачем, собственно, она пришла. Она приласкала мальчика и забрала его домой.

Пастухи по обыкновению поклонялись богу Индре, ведическому двойнику Зевса, царю небес и повелителю дождя. Однажды после очередного подношения ему мальчик Кришна сказал пастухам: «Индра не высший бог, хотя он и царь небес; он боится титанов. Кроме того, дождь и плодородие, о которых вы просите, зависят от солнца, что высушивает воду и заставляет ее проливаться снова. Что может Индра? Все, что происходит, определяется законами природы и духа». Затем он обратил их внимание на окружающие их реки, леса и холмы и, в частности, на гору Говардхан как на более достойные их почитания, чем далекий владыка воздуха. И поэтому они решили поднести цветы, плоды и сладости горе.

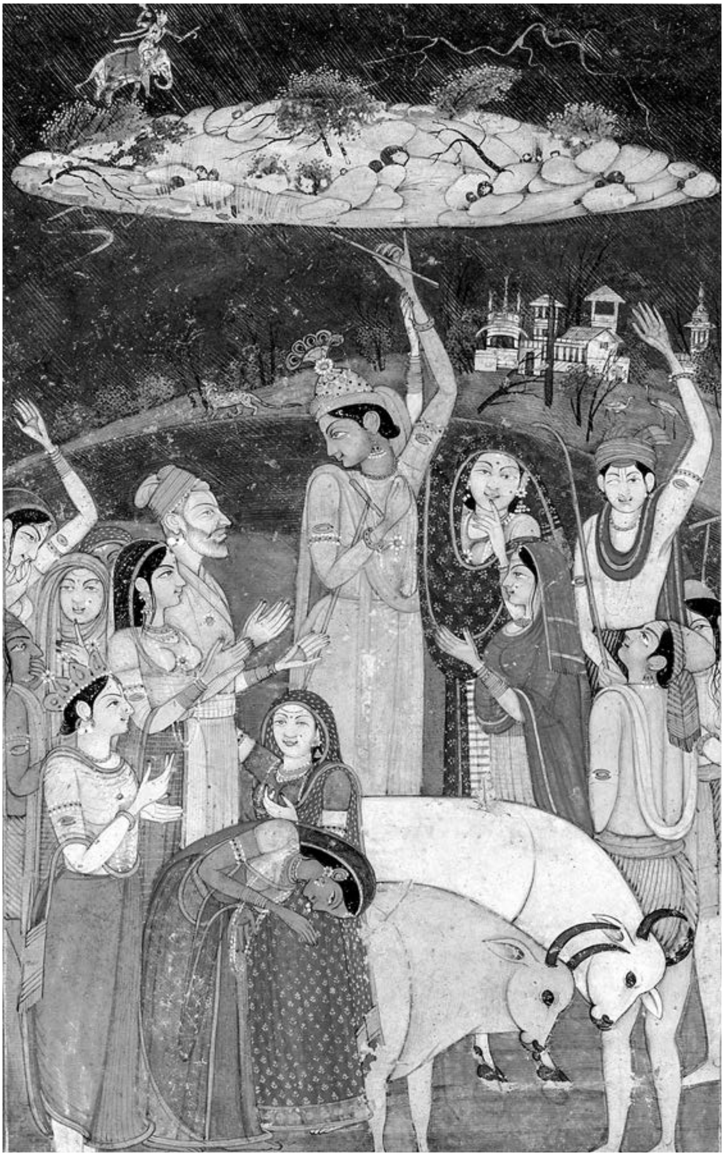
Сам же Кришна принял другую форму: он обратился в образ бога горы и принял подношения людей, между тем оставаясь среди них в своем прежнем образе и поклоняясь вместе с ними царю горы. Бог принял подношения и съел их.

Индра был разгневан и послал за богом тучи, которым приказал лить дождь на людей до тех пор, пока их всех не унесет вода. Грозовые тучи затянули все небо, и хлынули потоки воды; казалось, что близится конец света. Но мальчик Кришна разогрел гору Говардхан жаром своей неисчерпаемой энергии, поднял ее вверх своим мизинцем и предложил людям укрыться под ней.

Потоки воды, ударяясь о камень, шипели и испарялись. Ливень шел семь дней, но ни одна капля не упала на пастухов.

Тогда бог понял, что его противник, должно быть, является воплощением Изначального Сущего. Когда на следующий день Кришна вышел пасти коров, играя на флейте, Царь Небес спустился на своем огромном белом слоне Айравати и пал ниц у ног улыбающегося юноши в знак того, что подчиняется ему[9].

Смысл этого совета поклоняться горе, а не Богу, который западному читателю может показаться странным, заключается в том, что Путь Посвящения (bhakti mārga) должен начинаться с вещей известных и милых сердцу ступающих на этот путь, а не с далеких, невообразимых абстракций. Поскольку Бог вездесущ, Он являет себя в каком-то объекте, достойном глубокого почитания. Кроме того, именно найдя Бога внутри себя, верующий открывает Бога во внешнем мире. Это таинство иллюстрируется двойственным присутствием Кришны во время акта поклонения.

Ил. 71. Кришна держит гору Говардхан (краски, бумага). Индия, 1790 г. н. э.

Детский период жизни героя завершается, когда он возвращается или его признают, и после долгого периода безвестности открывается его истинный характер. Это событие может завершиться кризисом; потому что в результате этих событий происходит высвобождение сил, которые раньше были вырваны из человеческой жизни. Привычные стереотипы разбиваются вдребезги или теряют свою четкость; все происходящее представляется непоправимым бед-

ствием. Однако после, казалось бы, полного крушения, осознается творческий характер того нового, что возникает, и мир снова, вопреки печальным ожиданиям, обретает свою форму в сиянии славы. Эта тема может быть символически представлена в сюжете о распятии и воскрешении самого героя, либо в том, как эти события повлияли на мир. Первую альтернативу мы находим в рассказе пуэбло о мальчике-кувшине.

> Мужчины собирались охотиться на кроликов, и Глиняному Кувшинчикуу тоже хотелось пойти с ними. «Дедушка, не мог бы ты отнести меня к подножию холма, я хочу охотиться на кроликов». «Бедный мой внучек, ты не можешь охотиться на кроликов, у тебя нет ни ног, ни рук», — ответил дед. Но мальчик-кувшин настаивал: «Все равно возьми меня. Ты ведь слишком стар и делать больше ничего не можешь». Его мать плакала, потому что у ее мальчика не было ни рук, ни ног, ни глаз... Так, на следующее утро дед отнес внука на юг долины, и тот покатился. Вскоре он заметил кроличий след и покатился по нему. Тут выскочил кролик, и кувшин начал преследовать его. Как раз перед самым болотом лежал камень, кувшин ударился о него и разбился и из него выскочил мальчик. Он был очень рад, что его оболочка разбилась и что он стал мальчиком, большим и красивым. Одет он был в нарядный кильт, мокасины и курточку из оленьей кожи, на шее у него висели бусы, а в ушах — бирюзовые серьги.

Он поймал несколько кроликов, вернулся и отдал их своему деду, который, вне себя от радости, привел его домой[10].

Космические энергии кипят в герое — воине Кухулине — главном персонаже средневекового ирландского легендарного цикла, так называемого цикла Рыцарей Красной Ветви, — они внезапно вырываются наружу, подобно извержению, ошеломляя его самого и сокрушая все вокруг.

Легенды средневековой Ирландии включают в себя: 1) мифологический цикл, который описывает переселение на остров доисторических народов, их великие сражения и свершения расы богов, известных как племя богини Дану; 2) летопись сыновей Миля, или полуисторические хроники о последнем из прибывших народов, основателях кельтских династий, которые жили до прибытия англо-норманов во главе с Генрихом II в XII столетии; 3) ольстерский цикл Рыцарей Красной Ветви, который прежде всего описывает свершения Кухулина при дворе его дяди Конхобара; этот цикл в значительной мере повлиял на развитие Артурова цикла в Уэльсе, Бретани и Англии — двор Конхобара послужил моделью для двора короля Артура, а подвиги Кухулина — для подвигов племянника Артура, сэра Гавейна (Гавейн был первоначальным героем многих приключений, приписываемых Ланселоту, Персивалю и Галаходу); 4) цикл Финна — о героических воинах под предводительством Финна Маккула; самая важная в этом цикле — история любовного треугольника (Финн, его невеста Грианни и его племянник Диармид), множество эпизодов которой

дошли до нас в известной легенде о Тристане и Изольде; 5) легенды ирландских святых.

«Маленький народец» из популярного сказочного фольклора христианской Ирландии является трансформацией прежних языческих божеств, племени богини Дану.

Легенда гласит, что, когда ему было четыре года, он решил испытать в играх отряд мальчиков своего дяди, короля Конхобара, обучавшихся воинскому искусству. Взяв латунную клюшку, серебряный меч, дротик и игрушечное копье, он направился в Эманию, город, где размещался двор короля. Там он самовольно нырнул прямо в гущу мальчиков — «которые, числом трижды по пятьдесят, играли в хоккей на траве и практиковались в военном искусстве во главе с сыном Конхобара, Фолламином». Все они набросились на него. Кулаками, ладонями, локтями и маленьким щитом он отбивал клюшки, мячи и копья, что одновременно со всех сторон обрушились на него. Затем, впервые в жизни его охватило неистовство сражения (необычная, свойственная лишь ему трансформация, которая позднее будет известна как «пароксизм Кухулина»), и, прежде чем кто-либо успел понять, что происходит, он уложил пятьдесят лучших из них. Еще пять отрядов мальчиков пробежали мимо короля, который сидел, играя в шахматы с Фергюсом Красноречивым. Конхобар поднялся и вмешался в это побоище. Но Кухулин не успокоился до тех пор, пока всех подростков не отдали под его защиту и предводительство[11].

В первый же день, когда Кухулин получил настоящее оружие, он смог полностью проявить себя. Это было совершенно не похоже на невозмутимость владеющего собой человека, совершенно не похоже на шаловливые проделки Кришны. Скорее всего, и сам Кухулин, как и все остальные, впервые узнал об избытке собственной силы. Она сама вырвалась из глубин его существа, с ней следовало совладать быстро и не раздумывая.

Подобное снова произошло при дворе короля Конхобара в тот день, когда друид Катбад, пророчествуя, сказал о всяком подростке, который в этот день примет оружие и доспехи, следующее: «Имя его превзойдет имена всех остальных ирландских юношей, но жизнь его, однако, будет скоротечна». Кухулин тут же потребовал боевые доспехи. Семнадцать раз сокрушал он доспехи и оружие своей силой, пока сам Конхобар не отдал ему свои. Затем он изрубил одну за другой все предложенные ему колесницы, и лишь колесница короля оказалась достаточно прочной, чтобы выдержать силу его ударов.

Кухулин приказал возничему Конхобара провезти его через далекий пограничный брод, и они вскоре прибыли к отдаленному форту, крепости сыновей Нехтана, где Кухулин отрубил головы ее защитникам. Головы он привязал по бокам повозки. По дороге обратно он спрыгнул на землю, догнал и поймал двух огромных оленей. Двумя камнями он сбил в небе две дюжины летящих лебедей. И наконец, с помощью ремней и другой упряжи привязал зверей и птиц к колеснице.

Предсказательница Левархан с тревогой наблюдала за необыкновенной процессией, которая приближалась к городу и замку Эмании. «Колесница украшена истекающими кровью головами его врагов, — объявила она, — а еще подле него прекрасные белые птицы в колеснице и к ней же привязаны два диких необъезженных оленя». «Я знаю этого воина в колеснице, — сказал король, — это маленький мальчик, сын моей сестры, который только сегодня отправился к нашим границам. Он, несомненно, обагрил кровью свои руки, и если не умерить его ярость, то все юноши Эмании погибнут от его руки». Следовало очень быстро придумать способ, как погасить его пыл; и таковой был найден. Сто пятьдесят женщин замка во главе со Скандлах «решительно разделись донага и безо всякого стесненья толпою вышли встречать его». Смущенный, а может быть, ошеломленный такой демонстрацией женских прелестей, маленький воин отвел глаза, и в этот момент его схватили мужчины и окунули в бочку с холодной водой. Бочарные клепки и обручи разлетелись в стороны. Во второй бочке вода закипела. В третьей — стала лишь очень горячей. Таким образом Кухулин был успокоен, а город спасен[12].

Поистине прекрасен был этот юноша: по семь пальцев на каждой стопе имел Кухулин и по столько же на каждой руке; его глаза горели семью зрачками каждый, а из них каждый сверкал, подобно драгоценному камню, семью искрами. На каждой щеке у него было по четыре родинки: синяя, малиновая, зеленая и желтая. Между одним ухом и другим вились пятьдесят ярко-желтых длинных локонов, что были как желтый воск пчелиный или как брошь из чистого золота, горящая в лучах солнца. На нем была зеленая накидка с серебряной застежкой на груди и вышитая золотом рубаха[13].

Но когда на него находило безумие, «он становился страшным, многоликим, удивительным и невиданным существом». Все у него, от головы до пят, вся плоть его и все его члены, и суставы, и сочлененья — все тряслось. Его ступни, голени и колени перемещались и оказывались сзади. Передние мышцы головы оттягивались к задней части шеи и там вспучивались буграми, большими, чем голова месячного младенца.

Один глаз так далеко погружался вглубь головы, что вряд ли дикая цапля смогла бы добраться до него, прячущегося у затылка, чтоб вытащить наружу; другой же глаз, наоборот, неожиданно выкатывался и сам собою ложился на щеку. Его рот искривлялся, пока не доходил до ушей, и искры пламени сыпали из него. Звук ударов сердца, что мощно било в нем, похож был на громкий лай служившей ему цепной собаки или на рев льва, дерущегося с медведем. В небе среди туч над его головой видны были смертельные, бьющие вверх лучи и искры ярко-красного огня, которые поднимались над ним, вызванные его кипящим, диким гневом. Волосы вставали дыбом на его голове, и если бы над ней потрясли большую яблоню, то ни одно яблоко никогда не достигло бы земли, скорее, все они остались бы на волосах, каждое пронзенное отдельным волоском, ощети-

нившимся от ярости. Его «яростное безумие» было написано у него на лбу, и выглядело это, как нечто куда более длинное и толстое, чем оселок первоклассного тяжеловооруженного всадника. [И наконец] выше, толще, жестче, длиннее мачты большого корабля была струя темной крови, которая била вверх из самой макушки его черепа, а затем брызгами рассыпалась на все четыре стороны света; от этого образовывался магический туманный мрак, похожий на дымчатую пелену, окутывающую королевское жилище, когда зимним днем с заходом солнца король-время сгущает сумерки вокруг него»[14].

3. Герой как воин

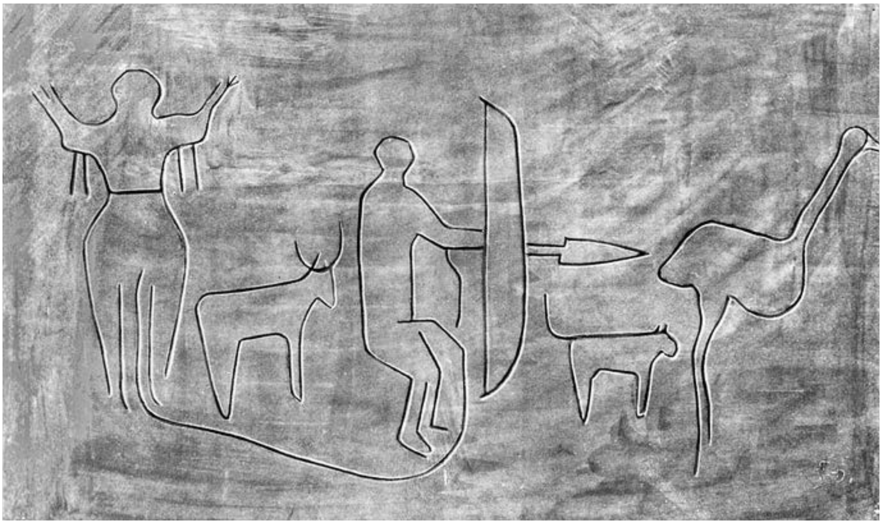
Место рождения героя или та далекая страна, куда он был изгнан и откуда он возвращается зрелым человеком, чтобы совершить свои подвиги в мире людей, — это центр точки мироздания, пуп Земли. Подобно тому, как расходятся волны от бьющего под водой ключа, так и формы вселенной кругами расходятся от этого источника.

«Над необъятными и неподвижными глубинами, под девятью сферами и семью ярусами небес, в центральной точке, где находится пуп Земли, в самом спокойном месте на земле, где не убывает луна и не заходит солнце, где царит вечное лето и кукушка кукует, не прерываясь, там пробудился Белый Юноша». Так начинается миф о герое сибирских якутов. Затем Белый Юноша отправляется в путь, чтобы узнать, где он находится и как выглядит место, где он обитает. На восток от него простиралось широкое нетронутое поле, в центре которого возвышался огромный холм, а на его вершине росло огромное дерево. Смола этого дерева была прозрачна и сладко пахла, кора никогда не высыхала и не трескалась, сок искрился серебром, роскошные листья никогда не увядали, а свисающие гроздьями цветы напоминали перевернутые чаши. Вершина дерева поднималась над семью ярусами небес и к ней привязывал свою упряжку Верховный Бог; корни же его проникали в подземные пещеры, где служили опорами жилищ тех фантастических созданий, которым надлежало в этом месте жить. Листья дерева разговаривали с небесными существами.

Когда Белый Юноша повернулся к югу, то увидел посреди зеленой, поросшей травой равнины тихое Молочное Озеро, которое никогда не тронет дуновенье ветерка; а вокруг озера были творожные болота. К северу от юноши стоял хмурый лес с деревьями, что шелестели, не смолкая ни днем ни ночью; а в нем обитали разные звери. За ним поднимались высокие горы, как будто бы одетые в шапки из белого кроличьего меха, они упирались в небо и защищали это место от северного ветра. К западу простирался густой кустарник, а за ним стоял лес высоких сосен; за лесом виднелись несколько тупоконечных одиноких вершин.

Таким был мир, в котором Белый Юноша увидел дневной свет. Но он очень скоро заскучал в одиночестве и тогда подошел к гигантскому дереву жизни. «Почтенная Высокая Госпожа, Мать моего Дерева и моего Места Обитания, — взмолился он, — все живое существует парами и производит потомство, толь-

ко я один-одинешенек. Я хочу отправиться в путь и поискать жену себе под стать; я хочу помериться силой с другими такого же рода, как я; я хочу познакомиться с людьми — жить так, как живут люди. Не откажи мне в благословении; смиренно молю тебя. Я склоняю свою голову и коленопреклоненный стою пред тобой».

Ил. 72. Петроглиф эпохи палеолита (наскальный рисунок). Алжир, дата неизвестна

Тогда зашелестели листья дерева, и мелкий, молочно-белый дождь упал с них на Белого Юношу. Почувствовалось теплое дуновение ветерка. Дерево застонало и из-под его корней вышла женщина, показавшись по пояс — ни молодая, ни старая, с открытым взглядом, длинными волосами и обнаженной грудью. Богиня предложила юноше испить молока из ее щедрой груди, и, отведав его, он почувствовал, как сила его увеличилась во сто крат. Вместе с тем богиня посулила юноше всяческие блага и благословила его, заколдовав так, что ни вода, ни огонь, ни железо, ни что-либо еще никогда не могли причинить ему никакого вреда[15].

Из центра мироздания герой выходит в окружающий мир исполнять то, что ему было предначертано. Его подвиги, совершенные, когда он стал взрослым, наполняют мир созидательной силой.

Начал мудрый Вяйнямейнен.
Всколыхнулися озера,
Горы медные дрожали,
Камни твердые трещали,
Со скалы скала свалилась[16].

Эта строфа героя-барда прославляет волшебные слова, наделенные силой; так и лезвие меча героя-воина сверкает энергией созидательного Источника: перед ней рушится то, что изжило себя.

Ибо мифологический герой защищает не то, что есть, а то, что будет; дракон, который должен быть им убит, защищает то, что существует здесь и сейчас: он цепко держится за прошлое и хранит его. Герой приходит из ниоткуда, но враг силен и держится за свою власть; он — враг, дракон, тиран, потому что использует в своих целях преимущества своего положения; не потому что он удерживает *прошлое,* а потому что он *упорно не хочет с ним расстаться.*

Здесь я провожу различие между героем ранних мифов — титаном-полуживотным (основателем города, который приносит в дар культуру) — и героем более позднего мифа в его чисто человеческом обличии. Подвиги героев второй категории часто заключаются в том, что герои более позднего времени уничтожают героев более раннего времени — Питонов и Минотавров, тех, кто в прошлом приносил щедрые дары. (*Устаревший* бог немедленно становится разрушающим жизнь демоном. Его образ должен быть разбит, а энергии — высвобождены.) Нередко подвиги, относящиеся к ранним стадиям цикла, приписываются человеческому герою или же один из ранних героев очеловечивается и доживает до более поздних времен; но такие контаминации и вариации не меняют общей схемы мифа.

Тиран исполнен гордыни, и в этом его погибель. Он горд, потому что считает мощь своей исключительной собственностью; и вот он становится трикстером, персонажем, подлежащим осмеянию, который ошибочно принимает тень за сущность; быть одураченным — его удел. Мифологический герой снова выходит на свет из тьмы, порождающей все, что живет при свете дня, принося с собой знание о тайне жизни и смерти тирана. Одним мановением руки, словно нажав невидимую кнопку, он разрушает старые монументальные конструкции. Подвиг героя всегда сокрушает самую суть того, что происходит здесь и сейчас. Жизненный цикл продолжается: миф концентрируется в точке роста. Отличительная черта живого Бога — его метаморфозы, его изменчивость, а не упрямая чопорная косность. Великий на сегодняшний день, существует только для того, чтобы быть разбитым, разрубленным на куски, которые уже не собрать. Итак: тиран-людоед защищает чудовище, воплощающее сиюминутность, а герой борется за созидание ради жизни.

Герой в облике человека начинает победоносное шествие по земле, когда появились поселения и города. Чудища, оставшиеся от первобытных времен, и сегодня скрываются в дебрях, и то ли по злобе своей, то ли от отчаяния выступают против мира людей. От них нужно избавиться. Кроме того, обретают силу, причиняя множество страданий, тираны рода человеческого, посягающие на благо своих соседей. Их необходимо победить. Первые подвиги героя — это расчистка поля.

Кут-о-йис, или «Мальчик-Кровяной Сгусток», вытащенный из кипящего котла и за один день ставший взрослым, убил кровожадного зятя своих при-

емных родителей, а затем бросил вызов всем чудовищам в округе. Он уничтожил племя жестоких медведей, за исключением одной самки, которая вот-вот должна была стать матерью. «Она так умоляла о пощаде, что он сжалился над ней. Если бы он этого не сделал, то в мире не было бы медведей». Затем он истребил племя змей, но пощадил одну из них, «которая вот-вот должна была стать матерью». Далее он пошел по дороге, зная, что она опасна.

> В пути его настиг сильный ураган, который унес его в пасть огромной рыбы. Это была рыба-прилипала, а ураганный ветер возник оттого, что она всасывала в себя воздух. Попав в чрево рыбы, герой увидел там огромное множество людей. Многие из них были мертвы, а некоторые еще живы. Он сказал им: «Где-то здесь должно быть сердце. Давайте же танцевать». И он покрасил свое лицо белой краской, глаза и рот обвел черными кругами, а к голове привязал кремниевый нож, так что его острие торчало вверх, и вытащил также несколько трещоток, сделанных из копыт. Затем люди стали танцевать. Некоторое время Кровяной Сгусток сидел, размахивая руками, как крыльями, и распевая песни. Затем он встал и начал танцевать, подпрыгивая до тех пор, пока нож на его голове не ударил в сердце. После чего он вырезал сердце, прорезал дыру между ребер рыбы и выпустил людей наружу.
>
> И снова Кровяной Сгусток сказал, что должен отправиться в путь. Перед отправлением люди предупредили его о том, что скоро ему встретится женщина, которая всегда предлагает помериться с ней силами, и что он не должен с ней разговаривать. Он, казалось, не обратил на сказанное внимания и, пройдя немного по дороге, увидел женщину, которая подзывала его к себе. «Нет, — сказал Кровяной Сгусток, — я спешу». Однако, когда женщина позвала его к себе в четвертый раз, он ответил: «Хорошо, но ты должна немного подождать, ибо я устал. Я хочу отдохнуть. Когда я отдохну, то подойду к тебе и померюсь с тобой силами». Пока он отдыхал, он заметил множество больших ножей, торчащих из земли острием вверх и почти скрытых соломой. И тогда он понял, что женщина убивала людей, с которыми боролась, бросая их на эти ножи. Отдохнув, он подошел к ней. Женщина попросила его стать в том месте, где он заметил ножи; но он сказал: «Нет, я еще не совсем готов. Давай немного разомнемся». И он начал играть с женщиной, но очень скоро схватил ее, бросил на ножи и таким образом разрезал пополам.
>
> Кровяной Сгусток снова продолжил свое путь и спустя некоторое время пришел к лагерю, в котором было несколько старух. Старые женщины сказали ему, что немного дальше ему повстречается женщина на качелях, но он ни в коем случае не должен соглашаться качаться вместе с ней. Спустя некоторое время он подошел к месту, где на берегу быстрой реки увидел качели, на них качалась женщина. Он некоторое время наблюдал за ней и увидел, что она убивала людей, раскачивая их, а затем сбрасывая с качелей вниз, в воду. Выяснив это, он подошел к женщине «У тебя здесь качели, покажи мне, как ты качаешься», — попросил он. «Нет, — ответила женщина, — я хочу посмотреть, как качаешься ты». «Хорошо, — сказал Кровяной Сгусток, — но ты должна показать мне, как это делается». «Ладно, — ответила женщина, — сейчас я буду качаться. Смотри за мной. А потом я посмотрю, как это получится у тебя». И она качнулась над рекой. Пока она делала это, Кровяной Сгусток рассмотрел, как действуют

качели, и сказал женщине: «Качнись еще разок, пока я приготовлюсь»; но на этот раз, как только женщина качнулась, он перерезал лиану, и женщина упала в воду. Это случилось на речке Крутые Берега[17].

Ил. 73. Нармер побивает правителя врагов (палетка, алевролит). Древнее царство, Египет, 1300 г. до н. э.

Мы знакомы с похожими подвигами по детским сказкам о Джеке — Победителе Великанов и из мифов о подвигах таких героев, как Геракл и Тесей. В большом количестве они также встречаются в легендах о христианских святых, как, например, во французском сказании о святой Марте.

В те времена в лесах по берегам Роны, между Авиньоном и Арлем, обитал дракон, наполовину зверь, наполовину рыба, больше, чем бык, длиннее, чем лошадь, с зубами острыми, как рога, и с большими крыльями по каждую сторону тела; это чудовище убивало всех путников и топило все корабли. Оно приплыло сюда по морю из Галатии. Его породили Левиафан — чудовище с телом змеи,

живущее в море, и Онагр — страшный зверь, который водится в Галатии и сжигает огнем все, к чему прикасается.

И святая Марта по горячей просьбе людей выступила против этого дракона. Она нашла его в лесу пожирающим человека, окропила его святой водой и показала распятие. Чудовище тут же покорилось и, как овечка, подошло к святой, а она надела ему на шею свой пояс и отвела в близлежащую деревню. Там жители расправились с ним камнями и палками.

Дракон был известен людям под именем Тараск, и в память об этом событии маленький городок был назван Тарасконом. До этих пор он назывался Нерлюк, что означает Черное Озеро из-за мрачных лесов, которые в этом месте граничили с рекой[18].

Цари-воины древних времен видели смысл своих подвигов в том, чтобы убивать чудовищ. Храбрый герой в сияющих латах, который отправляется на борьбу с драконом — этот миф был прекрасным приемом для оправдания крестовых походов. Так было создано немало записанных клинописью скрижалей, которые напыщенно повествовали о Саргоне, царе Аккада, разрушителе древних городов шумеров, культуру которых унаследовал его народ.

Саргон, царь Аккада, наместник богини Иштар, царь Киша, пашшиу (жрец) бога Ану, царь Земли, ишакку (представитель божества) Энлиля: нанес сокрушительный удар по городу Урука и сокрушил его стены. Он бился с людьми Урука, пленил его и в оковах провел его через ворота Энлиля. Саргон, царь Аккада, сражался с человеком Уром и победил его; его город он разрушил, а стены его сокрушил. Он разрушил Э-Нинмар, сокрушил его стены и захватил всю территорию от Лагаша до моря. И свое оружие обмыл он в море...

4. Герой как любовник

Вырванная из рук врага неограниченная власть, отвоеванная у кровожадного чудовища свобода, жизненная энергия, освобожденная из сетей тирана, — вот что символизирует женщина. Она становится наградой в бесчисленных победоносных сражениях с драконом, невестой, похищаемой у ревностно оберегающего ее отца, девственницей, спасенной от нечестивого любовника. Это «вторая половина» самого героя, ибо «каждый из них представляет обоих», и если герой правит миром, то она и есть этот мир, а если он воин, то она — его слава. В ней воплощается его судьба, которую он должен освободить от сковывающих ее обстоятельств. Но если он не ведает о своей судьбе или сбивается с пути под влиянием ложных представлений, как он старайся — препятствий на пути ему не преодолеть*.

* Занимательный и поучительный пример того, как герой потерпел полную неудачу, находим в финском эпосе «Калевала» (руны IV–VIII), где Вяйнямейнен терпит неудачу в своих ухаживаниях вначале за Айно, а затем за «девушкой из Похъелы». Сам этот рассказ слишком длинен, чтобы полностью приводить его здесь.

Прекрасный юноша Кухулин при дворе своего дяди, короля Конхобара, устроил переполох среди баронов, которые опасались за добродетель своих жен. Они решили, что ему необходимо жениться. Посланники короля отправились во все уголки Ирландии, но не смогли найти ни одной женщины, которая бы понравилась ему. Тогда Кухулин сам отправился к девушке, которую знал еще в Луглохта Лога, «садах Луга». И он нашел ее на лугу для игр в окружении ее молочных сестер. Она обучала их вышиванию и изящному рукоделию. Эмер подняла прекрасное лицо, узнала Кухулина и сказала: «Да не коснется тебя никакое зло!».

Когда отцу девушки, Форгаллу Коварному, рассказали, что они разговаривали друг с другом, тот сделал все возможное, чтобы отослать Кухулина обучаться военному мастерству к Доналлу Воинственному в Альбу, полагая, что юноша не вернется назад. Доналл же поставил перед ним следующую задачу, а именно: отправиться в неосуществимое путешествие к некоей женщине-воительнице Скатах и убедить ее в том, чтобы она обучила его своему искусству сверхъестественной доблести. Героическое странствие Кухулина исключительно просто и ясно иллюстрирует все существенные элементы классической темы о том, как герою дали невыполнимое задание.

Путь его лежал через равнину неудач: на ближней ее половине ноги путника увязали в трясине; на дальней — стремительно вырастала трава и цепко держала их на самых кончиках травинок. Но вдруг откуда ни возьмись, появился белокурый юноша, который дал Кухулину колесо и яблоко. Через первую половину равнины его вело за собой колесо, а через вторую — яблоко. Кухулину следовало лишь строго следовать их тонкой направляющей линии, ни шагу не делая в сторону, и он перешел через эту равнину и вышел к узкой и опасной горной долине за ней.

Жилище Скатах было на острове, а на этот остров можно было попасть только через мост, круто выгнутый посередине. Когда кто-нибудь ступал на один из его концов, тут же поднимался другой и опрокидывал человека на спину. Кухулин был сбит три раза. Затем им овладело его знаменитое героическое безумие, и, собравшись с силами, он запрыгнул на ближний край моста, затем одним мощным прыжком, как лосось, выпрыгивающий и воды, он оказался в самой середине; второй конец моста не успел еще полностью подняться, когда герой, долетев до него, с силой оттолкнулся и оказался на земле острова.

У женщины-воительницы Скатах была красавица дочь, как это часто бывает у чудовищ, и эта юная девушка в своем уединении никогда не видела такого прекрасного юноши, который, будто с неба свалившись, очутился в лесу ее матери. Услышав, зачем он прибыл, она научила его, как уговорить мать обучить его секретам сверхъестественного воинского искусства. Ему следовало, прыгнув, как лосось, добраться до огромного тиса, где Скатах упражнялась со своими сыновьями, и, приставив меч к ее груди, изложить свое требование.

Кухулин, следуя наставлениям девушки, добился всего, чего хотел, от воительницы-колдуньи — и обучился ее искусству, и получил руку ее дочери

без уплаты выкупа за невесту, и узнал свое будущее, и обладал ею самой. Он оставался у них целый год, в течение которого помог им победить в великом сражении против амазонки Аифы, которая затем родила ему сына. И, наконец, убив старуху, с которой они поспорили на узкой тропинке на краю скалы, он отправился домой в Ирландию.

Снова победив на ратном поле и в любви, Кухулин вернулся и обнаружил, что Форгалл Коварный все еще строит ему козни. Но теперь наш герой просто увез его дочь, и они обвенчались при дворе короля. Героические странствия научили его побеждать любые преграды. К сожалению, его дядя, король Конхобар, воспользовался своим королевским правом первой ночи с невестой Кухулина[19].

Невыполнимое задание как условние для заключения брака, — это общая тема героических подвигов всех времен и народов. В таких историях родитель выступает в роли «скупого рыцаря»; искусно решить поставленную перед героем задачу — то же самое, что убить дракона. Задание, которое он получил, абсолютно невыполнимо. Саму ситуацию следует понимать, как абсолютный отказ со стороны родителя-людоеда, не желающего позволить жизни течь своим чередом; тем не менее рано или поздно появляется подходящий претендент, и любое задание в мире оказывается ему по плечу. Неожиданные помощники, чудесные превращения времени и пространства — все это помогает нашему герою достичь цели; сама судьба (или суженая) протягивает ему руку и указывает на слабое место в родительском замысле. Преграды, оковы, пропасти, преодоление разного рода границ — все отступает перед властным присутствием героя. Взор прирожденного победителя сразу же находит брешь в крепостных валах любых обстоятельств, и одним ударом пробивает в ней брешь и вырывается вперед.

Самая выразительная и глубокая деталь этого яркого приключения Кухулина — тема единственного в своем роде, невидимого пути, который открывается перед героем, следующим за катящимся колесом или яблоком. Ее можно трактовать как принципиально важный символ чудесной судьбы героя. Перед человеком, который не сбивается с пути под вилянием чувств, порожденных поверхностным взглядом на вещи, а мужественно принимающего все проявлния движущих сил своего собственного характера, перед тем, кто, как сказал Ницше, есть «колесо, катящееся само по себе», трудности расступаются и открывается непредсказуемая широкая дорога.

5. Герой как правитель и тиран

Активно действующий герой — это движущая сила космогонического цикла, носитель животворных сил, которыми он наполняет сегодняшний момент истории, не давая угаснуть изначальному импульсу, который породил и пробудил мир. Поскольку мы не можем фокусироваться одновременно на двух явлениях сразу, мы воспринимаем подвиги героя как героиеское преодоление опасности и великой боли, но, с другой точки зрения, этот подвиг, как, на-

пример, архетипическая победа Мардука над драконом в лице Тиамат, просто проводник судьбы, где сбывается предназначенное.

Но наивысший героизм состоит не в том, чтобы поддерживать непрерывное движение вселенского круга, а в том, чтобы проникнуть взором по ту сторону всего преходящего, всех красот и всех ужасов, которые мы наблюдаем в окружающем мире, вновь увидеть присутствие Единого. Для этого требуется более глубокая мудрость, и здесь звучит тема не активного действия, а значимого присутствия. Символ первого — доблестный меч, символ второго — скипетр самодержца или книга закона. В первом случае подвиг героя — это завоевание невесты, символизирующей жизнь. Во втором случае — это подвиг воссоединения с отцом, отец же воплощает в себе незнаемое.

Приключения второго типа вполне отвечают сюжетным религиозным канонам. Даже в простой народной сказке внезапно открывается глубина, когда сын девственницы однажды спрашивает мать: «Кто мой отец?» Этот вопрос затрагивает проблему человека и невидимого. За этим неизбежно следуют знакомые нам мифологические темы искупления и примирения.

Герой народа пуэбло, мальчик-кувшин, задал этот вопрос своей матери.

> «Кто мой отец?» — спросил он. «Я не знаю», — ответила она. Он снова спросил ее: «Кто мой отец?» Но она просто продолжала плакать и не отвечала ему. «Где дом моего отца?» — спросил он. Она не смогла ответить. «Завтра я отправлюсь на поиски своего отца». «Ты не сможешь найти своего отца, — сказала она. — Я никогда не была ни с одним юношей, поэтому нет такого места, где бы ты мог искать своего отца». Но мальчик сказал: «У меня есть отец, я знаю, где он живет, я отправлюсь повидаться с ним». Мать не хотела отпускать его, но он настаивал. Рано утром на следующий день она приготовила ему завтрак, и он отправился на юго-восток, где находился родник, который они называли Ваийю повиди (у Лошадиного холма). Приближаясь к роднику, он увидел, что кто-то прогуливается невдалеке от него. Он подошел ближе. Это был мужчина. Он спросил мальчика: «Куда ты держишь путь?» «Я иду повидаться со своим отцом», — ответил мальчик. «А кто твой отец?» — спросил мужчина. «Мой отец — тот, кто живет в этом роднике». — «Ты никогда не найдешь своего отца». — «И все же я хочу попасть в этот родник, он там живет». — «Кто же твой отец?» — снова спросил мужчина. «Я думаю, что ты», — ответил мальчик. «Откуда ты знаешь, что я твой отец?» — спросил мужчина. «Я просто знаю это». Мужчина пристально посмотрел на мальчика, чтобы напугать его. Но мальчик продолжал повторять: «Ты мой отец». И тогда мужчина сказал: «Да, я твой отец. Я вышел из этого родника, чтобы встретить тебя», — и положил руку на плечо мальчика. Его отец был очень рад, что к нему пришел сын, и он забрал его с собой вниз, в глубины родника[20].

Там, где герой отчаянно ищет неизвестного отца, основные символы связаны с испытаниями и поиском самого себя. В приведенном выше примере испытание — это настойчивые вопросы и пристальный взгляд отца. В сказке о женщине-улитке, которую мы здесь приводили, сыновей испытывали бамбуковым ножом. В нашем обзоре приключений героя мы видели, сколь бес-

пощадным может быть отец. Так, прихожанам Джонатана Эдвардса он представлялся настоящим извергом.

Получив отцовское благословение, герой возвращается, чтобы представлять отца среди людей. Его слово учителя (Моисей) или императора (Хуан Ди) — закон для остальных людей. Так как теперь он соприкасается с источником, то способен сделать зримыми покой и гармонию центра мироздания. Он является воплощением Оси Мира, от которой расходятся концентрические круги: Горы Мира и Дерева Мира; он представляет собой микрокосм, в котором, как в идеальном зеркале, отражается макрокосм. Увидеть его — значит осознать смысл бытия. От самого его присутствия исходит благодать; его слово — это ветер жизни.

Но в характере нашего героя, представляющего отца среди людей, может завестись червоточина. Такой кризис описан в относящейся к зороастрийской традиции персидской легенде об императоре золотого века Джамшиде.

Воззрились все на трон и ничего ни видеть
и ни слышать не могли,
Один Джамшид, один он был Царем,
Все мысли поглощающим;
И в восхвалении и обожанье смертного
Забыто было всеми поклонение Великому Творцу.
Тогда он горделиво своим вельможам молвил,
Опьяненный их громким восхищеньем,
«Нет равных мне, науками своими
Обязана земля мне одному,
Владычества подобного не ведал мир,
Достойного и славного.
С земли людей болезни и нужду изгнал я;
Исходят от меня покой и радость в каждом доме;
Все, чпо прекрасно и велико, ждет повеленья моего;
Вселенной глас провозглашает великолепие
правленья моего,
Превосходящего все представимое для сердца человека,
Меня же объявляет единственным монархом мира».
Едва слова такие сорвались с уст его,
Слова пренебреженья и непочтенья к небесам высоким,
Угасло его величие земное — и тогда
Все языки устали Джамшида славить.
И день Джамшида окутал мрак, и блеск его угас.
Что ж молвил моралист? «Когда царем ты был,
Все подданные были тебе покорны,
Но всякий, кто в гордости пренебрегает поклоненьем Богу,
Несет разор своей обители и дому». —
И увидав пренебреженье своего народа,
Он понял, чем был вызван гнев небес,
И ужас охватил его[21].

Персидская мифология восходят к общей индоевропейской основе, которая распространилась из Арало-Каспийских степей в Индию и Иран, а также в Европу. Основные божества «Авесты» — самых ранних священных писаний персов — очень похожи на аналогичных персонажей самых ранних древнеиндийских текстов. Но в новых регионах распространения этой культуры образовавшиеся две ветви испытали на себе совершенно новое влияние: ведическая традиция постепенно подчинялась воздействию индийских дравидов, а персидская — шумеро-вавилонской традиции.

В начале I тысячелетия до н. э. пророк Заратуштра (Зороастр) подверг персидскую веру коренным изменениям с позиций строгого дуализма принципов добра и зла, света и тьмы, ангелов и дьяволов. Этот перелом значительно повлиял не только на персидское, но и на подчиненные иудейские верования, а через них (столетия спустя) — на христианство. Произошел радикальный отход от более распространенных мифологических интерпретаций добра и зла как следствий, проистекающих от единого источника бытия, который будучи выше любых противоположностей, объединяет их в себе.

В 642 г. н. э. Персию наводнили фанатичные приверженцы Магомета. Тех, кто не принимал новой веры, убивали. Оставшиеся в живых нашли прибежище в Индии, где они сохранились по настоящее время как парсы («персы») Бомбея. Однако примерно три столетия спустя произошло явление, которое назвали магометано-персидской литературной «Реставрацией». Великими именами этого периода являются: Фирдоуси (940–1020?), Омар Хайям (?–123?), Низами (1140–1203), Джалаледдин Руми (1207–1273), Саади (1184?–1291), Хафиз (?–1389?) и Джами (1414–1492). «Шахнаме» Фирдоуси («Эпос царей») — это пересказ в простой и возвышенной повествовательной стихотворной форме истории древней Персии до магометанского господства.

Не опираясь более на божественные силы в качестве источника и основания своей власти, правитель разрывает стереотипные представления, на которые полагался раньше. Он более не посредник между миром богов и людей. Его взгляд на мир становится более ограниченным, его занимают лишь дела человеческие, и контакт с высшими силами постепенно утрачивается. Основополагающая идеология сообщества теперь утрачена. Отныне оно держится лишь на силе. Правитель превращается в тирана-чудовище (Ирода-Нимрода), узурпатора, от которого мир должен быть спасен.

6. Герой как спаситель

Следует различать две ступени инициации, когда герой попадает в мир отца. Справившись с первой, сын возвращается как посланец этого мира, пройдя вторую — со знанием, что «Я и Отец — одно». Герои, достигшие второго, высшего

просветления, — это спасители мира, так называемая инкарнация высшего порядка. Их миф открыт для контакта с космическим пространством. Слова таких героев обладают авторитетом, превосходящим все, когда-либо произносили героями со скипетром и сводами законов в руке.

> «Смотрите все на меня. Не смотрите по сторонам, — говорит Гроза Врагов, герой апачей. — Слушайте, что я скажу вам. Мир так же велик, как и мое тело. Мир так же велик, как и мое слово. И мир так же велик, как и мои молитвы. Небо так же велико, как и мои слова и молитвы. Времена года так же велики, как и мое тело, мои слова и моя молитва. И воды тоже; мое тело, мои слова, моя молитва больше, чем воды.
>
> Тот, кто верит мне, тот, кто слушает, что я говорю, проживет долгую жизнь. У того же, кто не слушает, кто думает иначе, жизнь будет короткой.
>
> Не думайте, что я на востоке или на юге, на западе или на севере. Земля — это мое тело. Я здесь. Я повсюду. Не думайте, что я нахожусь только под землей или наверху, в небе, или только во временах года, или по другую сторону вод. Все это есть мое тело. Воистину подземный мир, небо, времена года, воды и есть мое тело. Я везде и повсюду.
>
> Я уже дал вам то, из чего вы должны приносить подношения мне. У вас есть два вида трубок и у вас есть горный табак»[22].

Эта инкарнация призвана ниспровергнуть своим присутствием притязания тирана-людоеда, тень ограниченной личности которого падает на источник благодати; герой-воплощение совершенно свободен от подобного эгоцентризма и воплощает закон. Герой как воплощение реализует свой героизм с грандиозным размахом — свершает героические подвиги, убивает чудовище, при этом демонстрируя невиданную свободу действия, лишь для того, чтобы сделать видимым глазу то, что в равной мере достижимо и для чистой мысли.

Канс, жестокий дядя Кришны, захвативший престол своего отца в городе Матхура, однажды услышал голос, который сказал ему: «Родился враг твой, смерть твоя неизбежна». Кришну и его старшего брата Балараму тайно унесли от колыбели их матери к пастухам, чтобы уберечь их от этого индуистского Нимрода. Он послал за детьми демонов — демоническая женщина Путана, пытавшаяся отравить Кришну ядовитым молоком, была первой из них — но у нее ничего не получилось. Когда все его козни потерпели крах, Канс задумал заманить юношей в город. К пастухам отправили гонца с приглашением на жертвоприношение и большой турнир. Приглашение было принято. Пастухи и братья вместе с ними пришли и разбили лагерь за городской стеной.

Кришна и его брат Баларама отправились посмотреть на чудеса города. Там были большие сады, дворцы и рощи. Они встретили мойщика белья и попросили его дать им какую-нибудь красивую одежду; когда тот засмеялся и отказал им, они отобрали у него одежду силой и очень развеселились

при этом. Затем горбунья попросила Кришну позволить ей натереть его тело сандаловой мазью. Он подошел к ней, стал своими ступнями на ее ступни и, положив ей под подбородок два пальца, поднял ее вверх и таким образом сделал ее фигуру прямой и стройной. И он сказал: «Вот убью Канса и вернусь к тебе».

Братья пришли на ристалище, когда там никого не было. Здесь был установлен лук бога Шивы, огромный, как пальмовое дерево, большой и тяжелый. Кришна подошел к луку, натянул его и с громким треском сломал. Канс в своем дворце услышал этот звук и пришел в ужас.

Тиран послал воинов, чтобы те убили братьев в городе. Но братья поборöли солдат и вернулись в свой лагерь. Они рассказали пастухам, что их прогулка была интересной, затем поужинали и легли спать.

В эту ночь Кансу снились зловещие сны. Когда он проснулся, то приказал готовиться к состязанию, а трубачам трубить сбор. Кришна и Баларама появились, притворившись бродячими актерами, в компании своих друзей пастухов. Когда они вошли в ворота, им встретился разъяренный слон, могучий, как десять тысяч обыкновенных слонов, готовый растоптать их. Погонщик направил его прямо на Кришну. Баларама нанес слону своим кулаком такой удар, что тот остановился и попятился. Погонщик снова погнал слона, но братья вновь сокрушили его, он упал на землю и тут же умер.

Юноши вышли на поле. Каждому они представали в том обличье, которое отражало собственную сущность наблюдавшего человека: борцы думали, что Кришна борец; женщины были очарованы их красотой; боги знали, что он их повелитель, а Канс думал, что он Мара, воплощение Смерти. Расправившись со всеми посланными против него борцами и убив напоследок сильнейшего из них, Кришна вскочил на царский помост, стащил за волосы тирана и убил его. Люди, боги и святые были восхищены, но жены царя вышли вперед, оплакивая его. Кришна, видя их горе, утешил их с присущей ему мудростью: «Мать, не нужно так отчаиваться. Никто не может жить и не умереть. Представить, что обладаешь чем-то — это заблуждение; никто не является ни отцом, ни матерью, ни сыном. Есть только непрерывный круг рождения и смерти»[23].

В легендах о спасителе период одиночества предстает как расплата за грехопадение человека (Адам в раю, Джамшид на троне). Но с позиции космогонического цикла постоянная смена справедливости и подлости — это неотъемлемая черта времени. В истории наций, точно так же, как и в истории вселенной, эманация ведет к растворению, юность ведет к старости, рождение — к смерти, животворная энергия — к мертвому грузу инерции. Жизнь вскипает, низвергая формы, затем убывает, оставляя позади лишь пустые обломки. Золотой век, правление императора мира, чередуется в пульсации жизни с пустыней, с правлением тирана. Бог, который был творцом, под конец становится разрушителем.

Ил. 74. Юный бог маиса (каменная скульптура, майя). Гондурас, 680–750 гг. н. э.

С этой точки зрения, тиран-людоед символизирует отца в той же степени, что и прежний повелитель вселенной, чье место он захватил, или же тот просветленный герой (сын), который должен прийти ему на смену. Он воплощает устои общества в той же мере, в которой новый герой приносит с собой перемены. И поскольку каждый момент времени вырывается на свободу, освобождаясь от пут предшествующего момента, так и жадный дракон изображается как представитель предшествующего поколения спасителя мира.

Точнее говоря, задача героя состоит в том, чтобы разрушить сдерживающий аспект отца (дракона, подстрекателя испытаний, изверга-царя) и освободить от его оков жизненные энергии, которые будут продолжать подпитывать вселенную.

> Это может быть сделано либо по воле отца, либо вопреки ей; он [Отец] может «выбрать смерть для своих детей» или же может случиться так, что Боги предопределят страдания отцу, принося его им в жертву. Эти мифологические концепции не противоречат друг другу, а различными способами передают одно и то же содержание; в действительности и победитель Дракона и сам Дракон, приносящий жертву и жертва, это явления одного и того же порядка — там, за кулисами, где нет противопоставления противоположностей, но на сцене они — смертельные враги — там, где разворачивается вечная война между Богами и Титанами. В любом случае Отец-Дракон остается Плеромой и, выдыхая энергию, он не умаляет своей мощи, так же и не приобретая ничего, если получает ее обратно. Он — наша Смерть, от которой зависит наша жизнь; и на вопрос: «Смерть одна или их много?» — ответ будет: «Она одна, потому что бог один, но их много, потому что он здесь в своих детях»[24].

Кто вчера был героем, завтра станет тираном, если не принесет *себя* в жертву сегодня.

С точки зрения настоящего, в заботе о будущем столько безрассудства, что это уже похоже на нигилизм. Слова Кришны, спасителя мира, обращенные к женам мертвого Канса, исполнены пугающего подтекста; как и слова Иисуса: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир принес я вам, но меч; ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. Ибо враги человеку — ближние его. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня»[25]. Чтобы защитить неподготовленных к восприятию этих истин, мифология прячет подобные запредельные откровения за полунамеками, при этом настойчиво и постепенно подводя к ним в форме наставлений. Спаситель, который устраняет тирана-отца, затем сам вступает на престол (подобно Эдипу), занимая место своего родителя. Но чтобы смягчить брутальность отцеубийства, в легенде вместо отца фигурирует некий жестокосердный дядя или узурпатор Нимрод. Но намек на факт остается. Когда приходит осознание происходящего, вся картина замыкается: сын убивает отца, но сын и отец — это одно целое. Загадочные фигуры снова растворяются в первичном хаосе. В этом заключается смысл конца (и возрождения) мира.

7. Герой как святой

Прежде чем мы перейдем к последнему эпизоду жизни, нам остается рассмотреть еще один тип героя: святого или аскета, удалившегося от мира.

> Очистив свой разум, сурово ограничивая себя во всем, отказавшись от предметов чувственного удовлетворения, отказавшись от звуков и всего остального, отринув и любовь, и ненависть, пребывая в одиночестве, питаясь скудно, контролируя речь, тело и мысли, вседа пребывая в состоянии медитации и сосре-

> доточенности, культивируя освобождение от чувств, отвернувшись от высокомерия и стремления к власти, гордости и похоти, гнева и стремления обладать чем-то, с покоем в сердце и освободившись от собственного Я — человек становится достоин единения с Непостижимым[26].

Похоже на сюжет воссоединения с отцом, но скорее в его скрытых, а не явных аспектах: свершение шага, от которого отрекся Бодхисаттва, обретая форму, из которой нет пути назад. Цель не в парадоксальном двойственном видении мира, а в единении с Невидимым. Эго уничтожено. Как сухой лист на дереве, подхваченный ветром, тело продолжает передвигаться по земле, а душа уже растворилась в океане блаженства.

После того, как Фома Аквинский пережил мистический опыт во время служения мессы в Неаполе, он отложил перо и чернила и поручил другому человеку закончить последние главы своей «Суммы теологии». «Дни моего писательства закончились, — заявил он, — ибо такое было открыто мне, что все, что я написал и чему учил, представилось мне никчемным, поэтому уповаю я на Бога моего в том, что, равно как пришел конец моему учению, так и жизни моей наступит конец». Вскоре после этого, на сорок девятом году жизни, он умер.

Будучи по ту сторону жизни, эти герои оказываются по ту сторону мифа. Им уже незачем обращаться к мифу, так и мифу уже нечего сказать о них. Легенды о них существуют, но неизбежно представляют в искаженном виде и всю их набожность, и уроки, которые можно извлечь из их жизни; это описания на грани пошлой банальности. Эти герои вышли из царства форм, куда ведет нисходящий путь инкарнации и где остается Бодхисаттва — из царства *видимого* профиля Макропрозопа, Великого Лика. Когда *сокрытое* обнаруживается, оказывается, что миф — это предпоследнее, а безмолвие — последнее слово. В тот момент, когда душа уходит в сокрытое, дальше — тишина.

Царь Эдип узнал, что женщина, которую он взял в жены, — его мать, что человек, которого он убил, — его отец; он ослепил себя и в раскаянии бродил по земле. Фрейдисты утверждают, что каждый из нас убивает своего отца и берет в жены свою мать, всегда — но это происходит бессознательно: иносказательные символические пути осуществления этого действия и рационализации последующего вынужденного действия определяют наши биографии и общие пути цивилизации. Если бы чувствам было дано проникнуть в реальный смысл наших земных поступков и мыслей, мы бы познали то, что познал Эдип: мы внезапно обрушиваем жестокое насилие на собственную плоть. В этом суть легенды о Папе Римском, Григории Великом, рожденном от инцеста и жившем в инцесте. В ужасе он бежит на скалу в море и там раскаивается в самой своей жизни.

Дерево теперь превратилось в распятие: Белый Юноша, вкушающий молоко, становится Распятым, глотающим желчь. Разрушение приходит в былое царство весны. Однако за этим порогом, — ибо крест это сам путь (солнечная дверь), а не конец пути, — лежит блаженство в Боге.

Ил. 75. Эдип ослепляет себя
(деталь, барельеф). Древний Рим, Италия, II–III вв. н. э.

Он отметил меня своей печатью, чтобы я не предпочла иной любви, кроме любви к Нему.

Зима минула; горлица поет; расцвели виноградники.

Господь Иисус Христос обручил меня Своим кольцом, и как Свою невесту короновал меня венцом. Платье, в которое облачил меня Господь, — это золотом расшитое платье великолепия, а ожерелье, которым он меня украсил, — бесценно[27].

8. Уход героя

Последний акт в истории героя — это смерть или уход. Здесь подводится итог всей его жизни. Бесспорно, герой не был бы героем, если бы смерть вызывала у него какой-либо страх; первым условием героизма является примирение со смертью.

Сидя под дубом Мамры, Авраам увидел вспышку света и почувствовал благоухание; оглянувшись вокруг, он увидел Смерть, приближающуюся к нему во всем своем великолепии и красоте. И Смерть сказала Аврааму: «Не думай, Авраам, что эта красота присуща мне или что я в таком облике прихожу к каждому человеку. Нет, но если кто-либо так же праведен, как ты, тогда я надеваю эту корону и прихожу к нему, если же он грешник, я прихожу в облике разложения, и из его грехов делаю корону для своей головы и потрясаю его великим страхом, так что он приходит в полное смятение». Авраам сказал ей: «Ты и есть та, что называют Смертью?» Она же ответила: «Я есть имя горькое». И Авраам ответил: «Я не пойду с тобой». И Авраам сказал Смерти: «Яви нам свое разложение». И Смерть открыла свое разложение, показав две головы, одна была с ликом змеи, вторая была подобна мечу. Все слуги Авраама, взглянув на растленный облик Смерти, умерли, но Авраам обратился с молитвой к Богу, и он поднял их. Так как вид Смерти не смог заставить душу Авраама оставить его тело, Бог отделил его душу как во сне, и архангел Михаил забрал ее на небо. После того как ангелы, принесшие душу Авраама, восславили Господа, воздав ему великую хвалу, и после того как Авраам преклонился перед Ним, раздался тогда голос Господа, и сказал Господь: «Отведите моего друга Авраама в Рай, туда, где жилища праведных Моих и обители святых Моих Исаака и Иакова в сердце его, где нет ни забот, ни печали, ни стенаний, а лишь покой и радость и вечная жизнь[28].

Сравним вот с этим сновидением.

Я оказался на мосту и встретил там слепого скрипача. Все бросали в его шляпу монетки. Я подошел ближе и увидел, что музыкант не слеп. У него было косоглазие, и он сбоку смотрел на меня косящим глазом. Внезапно там оказалась маленькая старушка, сидящая на обочине дороги. Было темно, и мне стало страшно. «Куда ведет эта дорога?» — подумал я. По дороге шел молодой крестьянин и взял меня за руку. «Ты хочешь пойти домой, — спросил он, — и выпить кофе?» «Отпусти меня! Ты слишком крепко держишь меня!» — закричал я и проснулся[29].

Герой, который в своей жизни видел мир с двух точек зрения, и после своей смерти остается объединяющим образом, например как Карл Великий, который не умер, а лишь погрузился в сон, и в судьбоносный момент должен пробудиться или находится среди нас в другом обличье.

Ацтеки рассказывают о крылатом змее Кетцалькоатле, монархе древнего города Толлана в период золотого века его процветания. Он обучил людей ремеслам, создал календарь и подарил народу кукурузу. Но когда его время истекло, он и его народ были побеждены более сильной магией вторгнувшегося к ним народа ацтеков. Тескатлипока, герой-воин более молодого народа и его времени разрушил город Толлан, и крылатый змей, царь золотого века, сжег за собой все жилища, укрыл в горах свои сокровища, превратил свои деревья какао в мескитовые и повелел своим слугам, птицам

с многоцветным опереньем, лететь впереди него и в великой печали улетел. Он прибыл в город под названием Куаутитлан, где росло огромное и высокое дерево, и, подойдя к дереву, сел под ним и посмотрел в зеркало, которое принесли ему. «Я стар», — сказал он, и это место было названо «Старый Куаутитлан». Отдыхая снова в другом месте на своем пути и оглядываясь на оставшийся позади Толлан, он заплакал и его слезы прошли сквозь камень. В месте, где он сидел, остался след и отпечаток его ладоней. Потом он отправился дальше и встретил колдунов, которые, перградив ему путь, не давали ему идти, пока он не научил их обрабатывать серебро, дерево и перья, а также искусству рисования. Когда он пересекал горы, все карлики и горбуны, его спутники, умерли от холода. Потом он встретился со своим врагом Тескатлипокой, который победил его в игре в мяч. Потом он нацелил свою стрелу на большое дерево *почотль*; стрела тоже была как большое дерево *почотль*; так что, когда оно пронзило первое, получился крест. И вот так он продвигался вперед, оставляя после себя множество знаков и новых имен, и наконец пришел к морю. Он отчалил от берега на плоту из змей. Никто не знает, как он добрался до цели своего путешествия, в свой родной дом Тлапаллан[30].

Согласно другому преданию, на берегу он причес себя в жертву на погребальном костре, а из его пепла восстали птицы с многоцветным опереньем. Душа же его стала Утренней Звездой[31].

Жаждущий жизни герой может противиться своей смерти и на некоторое время отодвигать свершение своей судьбы. Пишут, что Кухулин услышал во сне крик «столь ужасающий и страшный, что он, как мешок, упал со своей кровати в восточном крыле дома». Он выбежал из дома без оружия. За ним бежала его жена, Эмер, неся его одежду и оружие. Он увидел повозку, запряженную одноногой гнедой лошадью, а дышло, проходя через ее круп, торчало изо лба. В повозке сидела женщина с красными бровями, закутанная в малиновую накидку. Рядом с повозкой шел огромный мужчина, также одетый в малиновый плащ. В руках у него был раздвоенный посох из орешника, а перед собой он гнал корову.

Кухулин объявил, что это его корова, женщина возразила, и Кухулин потребовал у нее ответа, почему говорит она, а не мужчина. Она ответила, что мужчина — это Уартуе-сцео Луахир-сцео. «Однако! — сказал Кухулин. — Удивительно длинное имя!» «Женщину, с которой ты разговариваешь, — сказал мужчина, — зовут Фебор бег-беоил квимдиуйр фолт сцеуб гифит сцео уат». «Вы смеетесь надо мной», — сказал Кухулин и запрыгнул в повозку. Он стал ногами на плечи женщины, приставив свое копье к ее голове. «Не играй со мной своим острым оружием!» — сказала она. «Тогда назови мне свое настоящее имя», — сказал Кухулин. «Тогда ты слезь с меня, — ответила она. — Я автор сатир и увожу эту корову в качестве награды за поэму». «Давай же послушаем твою поэму», — сказал Кухулин. «Только отойди подальше от меня, — сказала женщина, — не тряси копьем надо мной, меня этим не испугаешь».

Кухулин отошел от нее и оказался меж двух колес повозки. Женщина спела ему вызывающую и оскорбительную песню. Он снова приготовился прыгнуть, но тут в одно мгновение лошадь, женщина, повозка и корова исчезли, а на ветке дерева оказалась черная птица.

«Ты опасная колдунья!» — сказал Кухулин черной птице; ибо теперь он понял, что она была богиней сражений, Бадб, или Морриган. «Если бы я только знал, что это была ты, то мы бы так не расстались». «То, что ты сделал, — ответила птица, — принесет тебе неудачу». «Ты не можешь причинить мне вреда», — ответил Кухулин. «Отчего же, могу, — сказала женщина, — Я всегда сторожила и буду сторожить твое смертное ложе».

Затем колдунья сказала ему, что она ведет корову с волшебного холма Круахан, для того чтобы спарить ее с быком, принадлежащим этому мужчине по имени Квильн; когда же теленку исполнится год, Кухулин умрет. Она сама выступит против него, когда он будет сражаться у брода с человеком, «таким же сильным, таким же непобедимым, таким же ловким, таким же страшным, таким же неутомимым, таким же благородным, таким же отважным, таким же великим», как он сам. «Я превращусь в угря, — сказала она, — и затяну петлю вокруг твоих ног в воде». Кухулин ответил ей угрозой на угрозу, и она исчезла под землей. Но на следующий год, в предсказанном поединке у брода он победил ее и остался жить, чтобы умереть в другой день[32].

Отголоски символики спасения в потустороннем мире неожиданно и почти шутливо обыгрываются в последнем эпизоде народной сказки народа пуэбло о мальчике-кувшине.

> В глубине родника жило множество женщин и девушек. Они подбежали к мальчику и стали обнимать его, радуясь, что их ребенок вернулся к ним. Так мальчик нашел своего отца, а также своих теток. Мальчик оставался там на одну ночь и на следующий день отправился домой и рассказал матери, что нашел своего отца. После этого его мать заболела и умерла. Тогда мальчик сказал себе: «Нет смысла мне оставаться с этими людьми». Поэтому, оставив их, он отправился к роднику. Там была и его мать. Таким образом они с матерью отправились жить к его отцу. Отцом его был Авайо'пи'ки (красная водяная змея). Он сказал, что не мог жить с ними наверху в Сикиат'ки. Поэтому он сделал так, что мать мальчика заболела и умерла и «пришла сюда, чтобы жить со мной. Теперь мы будем жить вместе», — сказал он сыну. Вот так мальчик и его мать остались там жить»[33].

Этот рассказ, как и рассказ о женщине-улитке, точно повторяет сюжеты мифа. Вся прелесть этих двух рассказов в очевидной невинности действующих сил.

Рассказ о смерти Будды значительно отличается от них: не лишенный юмора, как и все великие мифы, но в высшей степени серьезный.

Ил. 76. Смерть Будды (барельеф). Индия, конец V в. н. э.

> Благословенный в сопровождении множества жрецов подошел к дальнему берегу реки Хираннавати близ города Кусинара и роще солевых деревьев Упаваттана Малласа; и, приблизившись, он обратился к почтенному Ананде: «Ананда, будь добр, разложи мне постель меж двух солевых деревьев изголовьем на север. Я устал, Ананда, и хочу прилечь». «Хорошо, Преподобный Господин», — сказал смиренно почтенный Ананда Благословенному и разложил постель меж двух деревьев изголовьем на север. Тогда Благословенный лег на правый бок, подобно льву, и положил ногу на ногу, сохраняя сосредоточенность сознания. В это время два солевых дерева расцвели пышным цветом, хотя сезон цветения еще не наступил; и цветы их рассыпались по телу Татхагаты* и неустанно осыпали его в знак почитания Татхагаты. С неба посыпалась небесная пудра сандалового дерева; она осыпала тело Татхагаты и падала и рассыпалась в знак поклонения Татхагате. И музыка звучала в небе в знак почитания Татхагаты, и было слышно, как поют небесные хоры в знак поклонения Татхагате.

Во время последовавших затем бесед, когда Татхагата возлежал, подобно льву, на боку, перед ним стоял великий жрец, почтенный Упавана, обмахивая его опахалом. Благословенный велел ему встать сбоку, после чего Ананда, лицо, сопровождающее Благословенного, обратился к Благословенному. «Преподобный Господин, — сказал он, — молю тебя, поведай мне, в чем причина и основание того, что Благословенный был резок с почтенным Упаваной, сказав ему: “Встань сбоку, жрец; не стой передо мною?”».

Благословенный ответил:

> «Ананда, почти все божества изо всех десяти миров собрались, чтобы видеть Татхагату. Ананда, на двенадцать лиг вокруг города Кусинары и в рощах соле-

* Татхагата — тот, кто достиг или пребывает (*gata*) в состоянии просветления (*tatha*), иными словами, Просветленный, Будда.

вых деревьев Упаваттана Малласа негде волоску упасть — всюду теснятся могущественные боги. И эти боги, Ананда, гневаются и говорят: “Издалека явились мы, чтобы видеть Татхагату, ибо нечасто и в исключительных случаях Татхагата, святой и Высший Будда, является в мире; теперь же, этой ночью, в последнюю стражу, Татхагата уйдет в Нирвану; и этот великий жрец стоит перед Благословенным, заслоняя его, и мы не можем видеть Татхагату, хотя близки его последние минуты”. Вот почему эти боги рассержены, Ананда».

«Преподобный Господин, что же делают боги, которых видит Благословенный?»

«Одни из богов, Ананда, в воздухе, их умы исполнены земных страстей, они рвут на себе волосы и громко плачут, простирают свои руки и громко плачут, падают головой ниц и качаются взад и вперед, молвя: «Слишком скоро Благословенный уйдет в Нирвану; слишком скоро Свет Мира померкнет!» Иные из богов, Ананда, на земле. Их умы исполнены земных страстей, они рвут на себе волосы и громко плачут, простирают руки и громко плачут, падают головой ниц и качаются взад и вперед, молвя: “Слишком скоро Благословенный уйдет в Нирвану; слишком скоро Свет Мира померкнет!”. Те же боги, что вольны от страстей, сосредоточенно внимая истине в сознании своем, те без нетерпения молвят: “Преходящи все вещи. Разве возможно, чтобы что-либо рожденное, появившись на свет и живя, будучи тленным, не умерло? Такое невозможно”».

Последние беседы продолжались некоторое время, и Благословенный дал утешение своим жрецам. Затем он обратился к ним:

«Теперь, о жрецы, я покидаю вас; все составляющие бытия преходящи; усердно добивайтесь своего спасения».

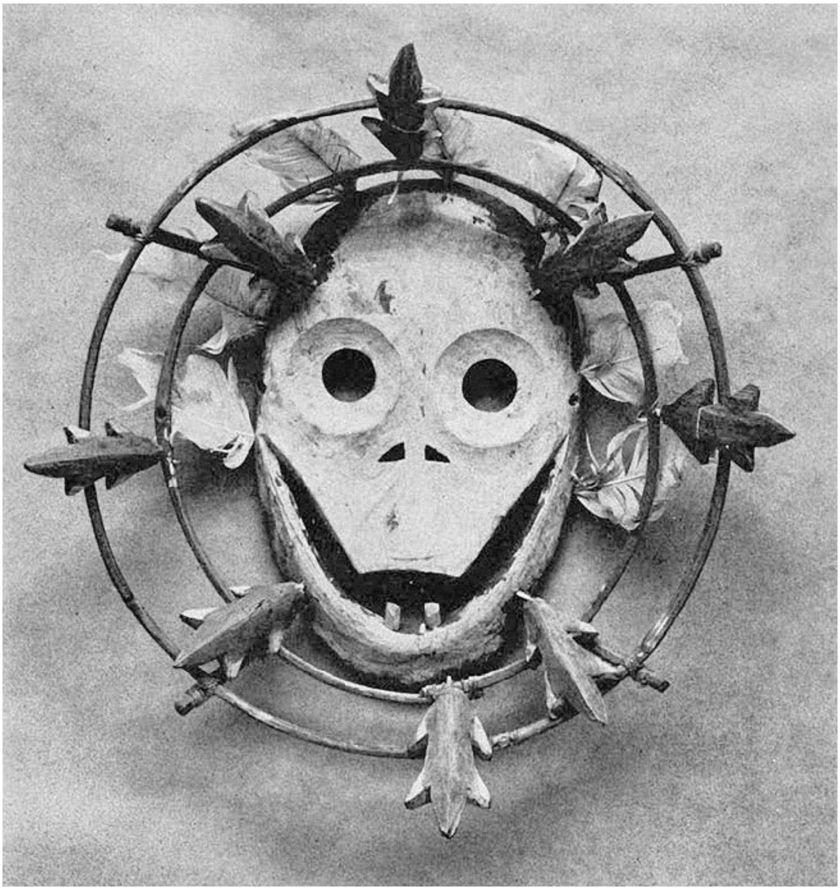
И это было последнее слово Татхагаты.

После этого Благословенный погрузился в первый транс; выйдя из первого транса, он погрузился во второй транс; выйдя из второго транса, он погрузился в третий транс; выйдя из третьего транса, он погрузился в четвертый транс; выйдя из четвертого транса, он вошел в царство бесконечности пространства; выйдя из царства бесконечности пространства, он вошел в царство бесконечности сознания; выйдя из царства бесконечности сознания, он вошел в царство пустоты; выйдя из царства пустоты, он вошел в царство, где нет ни восприятия, ни невосприятия; выйдя из царства, где нет ни восприятия, ни невосприятия, он пришел к прекращению восприятия и ощущения.

После чего почтенный Ананда сказал почтенному Ануруддха следующее: «Почтенный Ануруддха, Благословенный ушел в Нирвану». «Нет, брат Ананда, Благословенный еще не вошел в Нирвану; он пришел к прекращению восприятия и ощущения».

Выйдя из царства прекращения восприятия и ощущения, Благословенный вошел в царство, где нет ни восприятия, ни невосприятия; выйдя из царства, где нет ни восприятия, ни невосприятия, он вошел в царство пустоты; выйдя из царства пустоты, он вошел в царство бесконечности сознания; выйдя из цар-

ства бесконечности сознания, он вошел в царство бесконечности пространства; выйдя из царства бесконечности пространства, он погрузился в четвертый транс; выйдя из четвертого транса, он погрузился в третий транс; выйдя из третьего транса, он погрузился во второй транс; выйдя из второго транса, он погрузился в первый транс; выйдя из первого транса, он погрузился во второй транс; выйдя из второго транса, он погрузился в третий транс; выйдя из третьего транса, он погрузился в четвертый транс; и выйдя из четвертого транса, Благословенный тут же погрузился в нирвану[34].

Ил. 77. Осень (маска смерти)
(раскрашенное дерево, инуиты). Северная Америка, дата неизвестна

ГЛАВА IV

Растворение

1. Конец микрокосма

Могущественный герой, наделенный сверхъестественными силами, способный одним пальцем поднять гору и напитаться устрашающими силами вселенной — это каждый из нас: не наше физическое Я, наше отражение в зеркале, а тот, кто царит внутри нас. Кришна провозглашает: «Я есть Параматма, о Арджуна, пребывающая в сердцах всех живых существ, Я — их начало, середина и конец»[1]. Именно в этом заключается суть молитв за умерших, в момент растворения личности — индивид должен теперь вернуться к своему первоначальному знанию созидающего мир бога, который, покуда длилась жизнь индивида, отражался в его сердце.

> Когда истощается это [тело], истощается от старости или болезни, то подобно тому, как освобождается от уз [плод] манго, или *удумбары*, или *пиппалы*, так и этот *пуруша*, освободившись от этих членов, снова спешит, как он шел [назад] к месту [новой] жизни.
>
> Подобно тому как надзиратели, судьи, возницы, деревенские старосты поджидают приходящего царя с едой, питьем, ночлегом, [говоря]: «Вот приходит Брахман, вот он приближается! Вот приходит Брахман, вот он приближается!»[2].

Эта идея уже была выражена в погребальных текстах древнего Египта, где умерший поет о себе как о едином с Богом:

Я — Атум, Я тот, кто был один;
Я — Ра в первом его явлении
Я — Великий Бог, сам себя породивший,
Который дал себе имена, владыка богов,
Которому нет равных среди богов.
Я был вчера, я знаю завтра.
Когда я молвил, появилось поле битвы богов.
Я знаю имя того Великого Бога, что внутри.
«Хвала Ра» его имя.
Я тот великий Феникс, что в Гелиополе[3].

Ил. 78. Осирис, судья мертвых (папирус). Египет, 1275 г. до н. э.

Но, как и в истории, повествующей о смерти Будды, способность человека пройти в обратном порядке весь путь через эпохи эманации зависит от его характера, от того, кем он был при жизни. Мифы рассказывают об опасном путешествии души со множеством препятствий, которые необходимо преодолеть. Эскимосы Гренландии перечисляют кипящий котел, кости таза, большую горящую лампу, стражей-чудовищ и две скалы, которые сталкиваются друг с другом, а потом вновь расходятся[4]. Такие элементы являются стандартными чертами мирового фольклора и героической легенды. Мы обсуждали их выше в наших главах в части «Приключения героя». Они детально и подробно описаны в мифах о последнем странствии души.

Молитва ацтеков, которую следует произносить у смертного одра, предупреждает уходящего в мир иной об опасностях на обратном пути к богу мертвых, скелету Тцонтемоку, «тому, у Кого Выпадают Волосы».

Дорогое дитя! Ты прошел чрез муки этой жизни и пережил их. Теперь наш Бог изволил забрать тебя. Ибо мы не вечно наслаждаемся этим миром, а лишь

краткий миг; мы вступаем в жизнь, выйдя из тени, чтобы погреться в лучах солнца. И бог даровал нам благословение знать друг друга и говорить друг с другом в этом бытии; но сейчас, в этот миг, бог, которого зовут Миктлантекульти, или Акультнахуакатль, или же Тцонтемок, и богиня, известная как Миктекасихуатль, забрали тебя. Ты предстанешь пред его престолом; ибо все мы должны будем отправиться туда: это место предопределено всем нам, и оно безбрежно.

Мы не должны больше вспоминать тебя. Ты будешь пребывать в самом темном из мест, где нет ни света, ни просвета. Ты не вернешься к нам и не уйдешь оттуда; и ты уже не будешь думать или беспокоиться о возвращении. Тебя никогда больше не будет с нами. Несчастными и осиротевшими оставил ты своих детей, своих внуков; не узнаешь ты, какими они станут, как они будут идти чрез муки жизни. Вскоре и мы отправимся туда, где ты будешь.

Ацтекские старейшины и служители готовили тело к погребению; и, заворачивая его должным образом, на голову умершему выливали немного воды, говоря при этом: «Этим ты наслаждался, живя в мире». Затем брали небольшой кувшин воды и преподносили ему со словами: «Вот это тебе в дорогу»; кувшин устанавливали в складках савана. Затем умершего заворачивали в одеяла, прочно обвязывали и помещали перед ним, по одному, заранее приготовленные листы бумаги: «Смотри, с этим ты сможешь пройти между смыкающихся скал», «С этим ты пройдешь по дороге, которую сторожит змея», «Этим ты удовлетворишь маленькую зеленую ящерицу, Ксочитональ». «А вот с этим ты перейдешь восемь пустынь леденящего холода», «Вот то, с чем ты пройдешь через восемь холмов», «Вот то, с чем ты выдержишь ветер обсидиановых ножей».

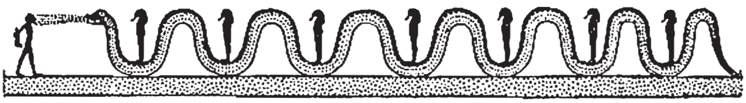
Умерший должен был взять с собой маленькую собаку с ярко-рыжей шерстью, на шею ей вешали мягкую нить из хлопка; ее убивали и кремировали вместе с трупом. На этом маленьком животном ушедший должен был переплыть реку потустороннего мира. После четырех лет пути он прибывал с собакой к богу, которому подносил свои послания и дары. После чего он вместе со своим верным спутником бывал допущен в «Девятую Пучину»[5].

Китайцы рассказывают о переходе через Волшебный мост в сопровождении Нефритовой девушки и Золотого юноши. Индусы рисуют возвышающийся небесный свод и многоуровневый мир преисподних. После смерти душа опускается на уровень, соответствующий ее относительной плотности, чтобы там обдумать и осознать все значение прожитой жизни. Когда урок усвоен, она возвращается в мир, чтобы подготовить себя к следующему уровню опыта. Таким образом, она постепенно проходит через все уровни смысла жизни, пока не вырывается за пределы космического яйца. «Божественная Комедия» Данте представляет исчерпывающее описание таких стадий: «Ад» (Inferno) — мучения духа, ограниченного страстями и порывами плоти; «Чистилище» (Purgatorio) — преобразование плотского восприятия в духовное; «Рай» (Paradiso) — уровни духовного постижения.

Проникновенная и внушающая благоговение картина путешествия представлена в египетской «Книге мертвых». Умерший, мужчина или женщина, сливается с Осирисом и фактически выступает под его именем. Тексты начинаются с восхваления Ра и Осириса, а затем переходят к таинствам распеленания души в подземном мире. В «Главе о наделении даром речи Осириса Н.» (вместо Н. необходимо вставить имя усопшего) мы читаем: «Я выхожу из яйца в сокровенной стране». Это провозглашение идеи смерти как возрождения. Затем в «Главе об открытии уст Осириса Н.» пробуждающаяся душа молится: «Да откроет бог Птах мои уста и да ослабит бог моего города мои бинты и те бинты, что покрывают мои уста». «Глава о дарении Осирису Н. памяти в Подземном Мире» и «Глава о дарении Осирису Н. сердца в Подземном Мире» продвигают процесс возрождения вперед еще на две стадии. Далее слудуют главы об опасностях, с которыми предстоит встретиться и которые придется преодолеть одинокому страннику на его пути к трону страшного судии.

«Книгу мертвых» клали вместе с мумией умершего как руководство к преодолению опасностей на этом трудном пути, а ее главы зачитывались во время погребения. На одной из стадий подготовки мумии сердце умершего вырезали, и на его место укладывали базальтового скарабея в золотой оправе, символизирующего солнце, при этом произносилась молитва «Мое сердце, моя мать, мое сердце, моя мать, мое сердце превращений». Это предписывалось «Главой о недопущении того, чтобы сердце Осириса Н. было взято у него в Подземном Мире». Дальше, в «Главе об отражении нападения Крокодила» написано:

> Уходи обратно, о Крокодил, что живет на западе. Уходи обратно, о Крокодил, что живет на юге. Уходи обратно, о Крокодил, что живет на севере. В моей ладони вещи сотворенные, те же, что еще не появились на свет, — в моем теле. Я окутан и защищен твоими магическими словами, о Ра, которые в небесах надо мною и в земле подо мною.

Ил. 79. Змея Кхети в подземном мире, истребляющая огнем врага Осириса (барельеф, алебастр). Новое царство, 1278 г. до н. э.

Затем следует «Глава об отражении нападения Змей», затем «Глава об отражении нападок Апшаит». Душа кричит этому демону: «Уйди от меня, о ты с губами терзающими». В «Главе об отпоре Двум Богиням Смерти» душа заявляет, зачем пришла, и защищается, объявив себя сыном своего отца: «Я сияю из ладьи Сектет, Я Хор, сын Осириса, и я пришел увидеть своего отца Осири-

са». В «Главе о дыхании воздухом Подземного Мира» и «Главе об отражении нападения Змеи Перек в Подземном Мире» герой продолжает двигаться вперед, и затем наступает черед великого признания («Глава о том, как избежать расчленения в Подземном Мире»).

> Мои волосы — волосы Ну. Мое лицо — это лицо Диска. Мои глаза — это глаза Хатор. Мои уши — это уши Апуат. Мой нос — это нос Кхенти — кхас. Мои губы — это губы Анпу. Мои зубы — это зубы Сергет. Моя шея — это шея небесной богини Исиды. Мои руки — это руки Ба-неб-Татту. Мои локти — это локти Нейтх, Владычицы Саиса. Мой позвоночник — это позвоночник Сути. Мой фаллос — это фаллос Осириса. Мои чресла — это чресла богов Кхер-аба. Моя грудь — это грудь могучего Бога Ужаса. Нет ни одного члена моего тела, который бы не был членом кого-то из богов. Бог Тот полностью защищает мое тело, и я есть Ра день за днем. Нет той руки, что остановит меня, и никто не остановит моей руки.

Так же как в более позднем буддийском образе Бодхисаттвы, в нимбе которого присутствуют пятьсот преображенных будд, каждый в окружении пятисот бодхисаттв, и каждый из них, в свою очередь предстает в окружении бесчисленных богов, так и здесь душа приходит ко всей полноте своего достоинства и силы, вобрав в себя богов, которые ранее считались обособленными от нее и существовали вне ее. Это проекции сущности души, и когда она возвращается в свое изначальное состояние, все они также возвращаются в нее.

В «Главе о вдыхании воздуха и овладении водами Подземного Мира» душа объявляет себя стражем космического яйца: «Хвала тебе, дерево сикомор богини Нут! Даруй мне от воды и от воздуха, что пребывают в тебе! Я на троне, что в Гермополисе, и охраняю, и оберегаю яйцо Великой Курицы. Оно растет, я расту, оно живет, я живу, оно вдыхает воздух, я вдыхаю воздух Я — Осирис Н. торжествующий».

Далее следуют «Глава о недопустимости того, чтобы душа человека была отнята у него в Подземном Мире» и «Глава об испитии воды в Подземном Мире и о том, как не обжечься огнем», и после этого мы подходим к великой кульминации — «Главе о рождении днем в Подземном Мире», из которой мы узнаем, что душа и вселенское сущее едины:

> Я — это Вчера, Сегодня и Завтра, и у меня есть силы родиться во второй раз, Я — божественная сокрытая Душа, которая создает богов и которая дает загробную пищу обитателям Подземного Мира Аментета и Небес, Я — указующий перст востока, обладатель двух божественных ликов, излучающих божественное сияние, Я — владыка людей, что рождаются, тот, кто выходит из тьмы, чьи формы существования принадлежат дому, в котором смерть. Хвала вам, два ястреба, восседающие на ваших местах и внимающие словам, молвленным тем, кто ведет погребальное шествие к сокровенному месту, кто ведет Ра и кто следует за ним

в наивысшее место святилища, что в небесных пределах! Хвала владыке святыни, помещенной в центре земли. Он — это я, и я — это он, и Птах укрыл его небо хрустальным покровом...

После этого душа может странствовать во вселенной, как ей будет угодно, и это показано в «Главе о поднятии ног и выходе на землю», в «Главе о путешествии в Гелиополь и принятии там трона», в «Главе о человеке, принимающем любой образ, по своему желанию», в «Главе о вхождении в Великий Дом» и в «Главе о вступлении в присутствие божественных верховных принцев Осириса». В главах так называемой Отрицающей Исповеди утверждается моральная чистота человека спасенного: «Я не вершил беззакония... Я не отнимал ничего силой... Я не чинил насилия ни над одним живущим... Я не совершал кражи... Я не убивал ни мужчины, ни женщины...». Книга заканчивается восхваляющими обращениями к богам, а затем идут: «Глава о жизни рядом с Ра», «Глава о побуждении человека вернуться назад на землю, чтобы увидеть свой дом», «Глава о придании душе совершенства» и «Глава о плавании в Великой Солнечной Ладье Ра»[6].

Ил. 80. Двойники Ани и его супруги, пьющие воду в потустороннем мире (папирус). Эпоха Птолемеев, 240 в. до н. э.

2. Конец макрокосма

Сотворенная форма индивида должна раствориться, и вся вселенная должна также раствориться:

Когда стало известно, что по истечении ста тысяч лет цикл должен быть возобновлен, боги, зовущиеся Лока биюхас, обитатели неба чувственного наслаж-

дения, разбрелись в беспорядке по миру, волосы их были длинны и развевались на ветру, они плакали и утирали руками свои слезы, и на них были красные одежды. И они говорили следующее: «Почтенные, по истечении ста тысяч лет этот цикл должен быть возобновлен; этот мир будет уничтожен; могучий океан высохнет; и эта необозримая земля и Сумеру, монарх гор, и все вокруг будет сожжено и уничтожено — и разрушение этого мира будет простираться до самого мира Брахмы. Поэтому, почтенные, живите в приязни; живите в сострадании, в радости и бесстрастии; заботьтесь о своих матерях, заботьтесь о своих отцах; и уважайте старших рода своего».

Такое разрушение называется Циклическим Взрывом[7].

Конец мира в версии майя представлен иллюстрацией на последней странице Дрезденского кодекса[8]. В этом древнем манускрипте записаны периоды обращения планет и основанные на этом расчеты великих космических циклов. Змеиные числа, которые появляются ближе к концу текста (называемые так потому, что включают в свое написание символ змеи), представляют собой периоды мирового развития длительностью около тридцати четырех тысяч лет — двенадцати с половиной миллионов дней — и упоминаются снова и снова.

В пределах этих невероятно длительных периодов времени все меньшие величины времени можно рассматривать как практически стремящиеся к нулю. Что значат плюс-минус несколько десятков лет с точки зрения вечности? Наконец, на последней странице манускрипта изображено Крушение Мира, дорога к которому обозначена самыми большими числами. Здесь мы видим дождевую змею, протянувшую свое тело через все небеса и изрыгающую потоки воды. Огромные потоки воды изливаются из солнца и из луны. Старая богиня с когтями тигра и устрашающим ликом, злобная покровительница наводнений и ливней опрокидывает чашу небесных вод. Платье ее украшают скрещенные кости, устрашающий символ смерти, а голову ее венчает извивающаяся змея. Под нею изображен черный бог с направленным вниз копьем, символизирующий разрушение вселенной. На его жуткой голове разъяренный филин с разинутым клювом. Здесь действительно в живописной манере изображен последний всепожирающий катаклизм[9].

В «Эддах» древних викингов изображена одна из самых выразительных картин конца света. Один (Вотан), глава богов, спросил, какая судьба ожидает его и его богов, и Вельва, «Мудрая Женщина», олицетворение самой Матери Мира, вещающей Судьбы, поведала ему[10]:

Братья начнут биться друг с другом,
родичи близкие в распрях погибнут;
тягостно в мире, великий блуд,
век мечей и секир, треснут щиты,
век бурь и волков до гибели мира;
щадить человек человека не станет.

Ил. 81. Конец света: Дождевая Змея и Богиня-Тигрица
(чернила, бумага из коры, майя). Центральная Америка, 1200–1250 гг. до н. э.

В стране гигантов Етунхейм прокукарекает красный петух; в Валгалле — петух Золотой Гребень; черно-красный петух — у чертога Хелль. У горной пещеры, у входа в мир мертвых, откроет свою огромную пасть и залает собака Гарм. Задрожит земля, обрушатся скалы и будут вырваны с корнем деревья, море затопит землю. Все кандалы тех чудовищ, что были закованы в начале времен, спадут: вырвется на волю Фенрис-Волк и побежит, нижней челюстью задевая землю, а верхней — упираясь в небеса («он бы раскрыл свою пасть еще шире, если было бы место для этого»); из его глаз и ноздрей будет вырываться огонь. Обвивающая мир Змея космического океана восстанет в страшном гневе и поползет по земле вслед за Волком, изрыгая яд, так что весь воздух и вся вода станут ядовитыми. Будет спущен на воду Нагльфар (корабль, построенный из ногтей мертвых), и на нем уплывут гиганты. Другой корабль поплывет с обитателями ада. А с юга будут наступать люди огня.

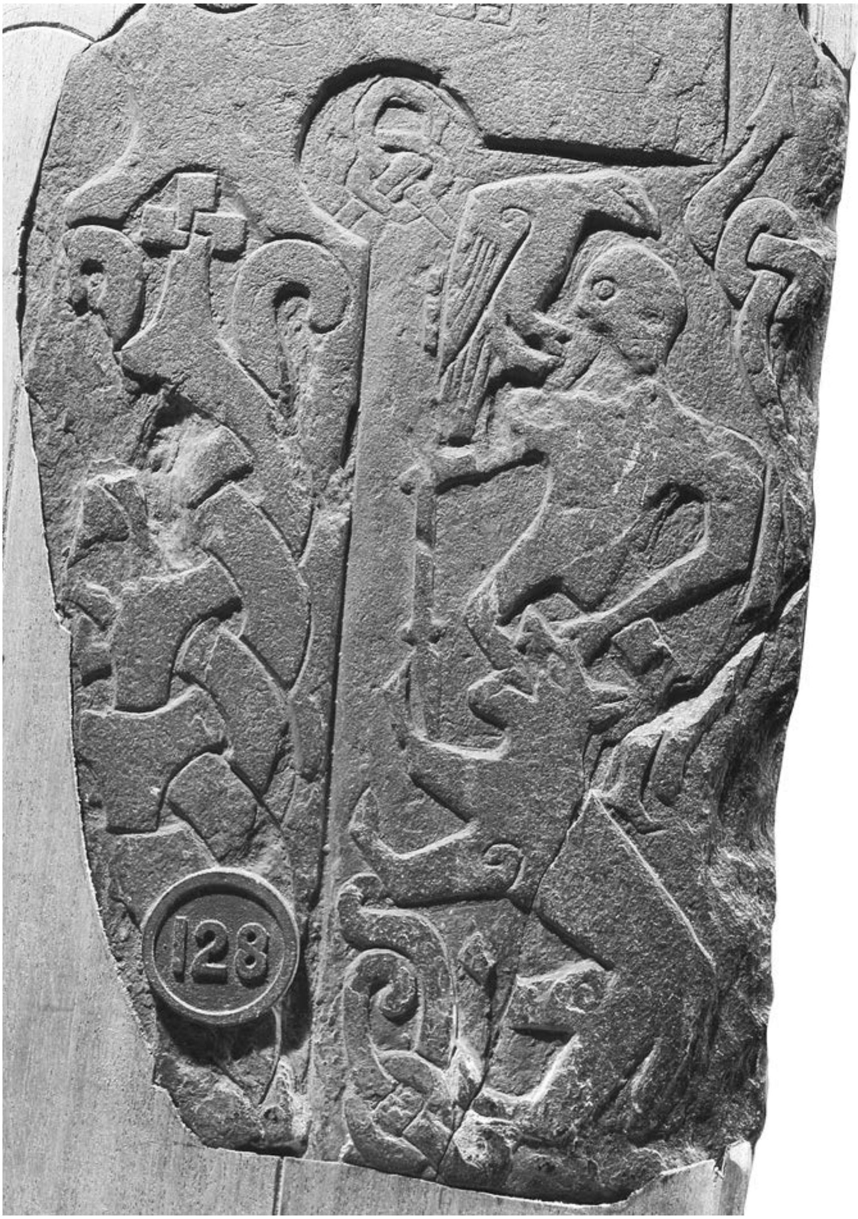
Когда страж богов пронзительно протрубит в горн, воины, сыны Одина, будут созваны на последнюю битву. Со всех сторон света на поле сражения поспешат боги, гиганты, демоны, карлики и эльфы. Задрожит Иггдрасиль, ясень Мира, и все, что есть на земле и на небе, охватит страх.

Один выступит против Волка, Тор — против Змеи, Тюр — против собаки, самого страшного монстра из всех, а Фрейр — против Сурта, огненного человека. Тор убьет Змею и, отойдя на десять шагов, из-за пролитого яда сам упадет замертво на землю. Один будет проглочен Волком, и тогда Видар, наступив ногой на нижнюю челюсть волка, возьмет его верхнюю челюсть в свою руку и вырвет его глотку. Локи убьет Хеймдалля, и сам будет убит им. Сурт нашлет на землю огонь и сожжет весь мир.

Солнце померкло, земля тонет в море,
срываются с неба светлые звезды,
пламя бушует питателя жизни,
жар нестерпимый до неба доходит
Гарм лает громко у Гнипахеллира,
привязь не выдержит — вырвется Жадный...
многое ведомо, все я провижу
судьбы могучих славных богов.

А вот видение Апокалипсиса, которое дошло до нас в Евангелии от Матфея:

> Когда же сидел Он на горе Елеонской, то приступили к Нему ученики наедине и спросили: скажи нам, когда это будет? И какой признак твоего пришествия и кончины века?
>
> Иисус сказал им в ответ: берегитесь, чтобы кто не прельстил вас; ибо многие придут под именем Моим и будут говорить: «я Христос», и многих прельстят. Также услышите о войнах и о военных слухах. Смотрите, не ужасайтесь; ибо надлежит всему тому быть, но это еще не конец: ибо восстанет народ на народ, и царство на царство, и будут глады, моры и землетрясения по местам; все же

Ил. 82. Рагнарек: Волк Фенрир разрывает Одина (барельеф, викинги). Великобритания, 1000 г. н. э.

это начало болезней. Тогда будут предавать вас на мучения и убивать вас; и вы будете ненавидимы всеми народами за имя Мое; и тогда соблазнятся многие; и друг друга будут предавать, и возненавидят друг друга; и многие лжепророки восстанут и прельстят многих; и по причине умножения беззакония во многих охладеет любовь; претерпевший же до конца спасется. И проповедано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам; и тогда придет конец. Итак, когда увидите мерзость запустения, реченную чрез пророка Даниила, стоящую на святом месте, — читающий да разумеет, — тогда находящиеся в Иудее да бегут в горы; и кто на кровле, тот да не сходит взять что-нибудь из дома своего; и кто на поле, тот да не обращается назад взять одежды свои. Горе же беременным и питающим сосцами в те дни! Молитесь, чтобы не случилось бегство ваше зимою, или в субботу; ибо тогда будет великая скорбь, какой не было от начала мира доныне, и не будет. И если бы не сократились те дни, то не спаслась бы никакая плоть; но ради избранных сократятся те дни. Тогда, если кто скажет вам: «вот здесь Христос», или «там», — не верьте; ибо восстанут лжехристы и лжепророки и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных. Вот, Я наперед сказал вам. Итак, если скажут вам: «вот, *Он* в пустыне», — не выходите; «вот, *Он* в потаенных комнатах», — не верьте; ибо, как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет пришествие Сына Человеческого; ибо, где будет труп, там соберутся орлы. И вдруг, после скорби дней тех, солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются; тогда явится знамение Сына Человеческого на небе; и тогда восплачутся все племена земные и увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных с силою и славою великою; и пошлет Ангелов Своих с трубою громогласною, и соберут избранных Его от четырех ветров, от края небес до края их. От смоковницы возьмите подобие: когда ветви ее становятся уже мягки и пускают листья, то знаете, что близко лето; так, когда вы увидите все сие, знайте, что близко, при дверях. Истино говорю вам: не прейдет род сей, как все сие будет; небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут. О дне же том и часе никто не знает, ни Ангелы небесные, а только Отец Мой один[11].

Ил. 83. Борьба с Протеем (мрамор). Франция, 1723 г.

ЭПИЛОГ

Миф и общество

1. Многоликий Протей

Идеальной системы толкования мифов не существует, да ее и не может быть. Мифология подобна Протею, древнему богу моря, чьи речи всегда суть истина. Это бог, который

Разные виды начнет принимать и являться вам станет
Всем, что ползет по земле, и водою и пламенем жгучим[1].

В своих жизненных странствиях наш герой, желая что-либо выведать у Протея, должен был ухватить его, в его мнимом обличье, и цепко держать, не выпуская, покуда он не явит себя в своей подлинной форме. Но и тогда этот хитроумнейший из богов никогда не открывал всей глубины своей мудрости даже самому искусному из вопрошающих. Он отвечал лишь на прямо поставленный вопрос, и его ответы могли быть как тривиальными, так и исполненными глубокого смысла, в зависимости от заданного вопроса.

Здесь ежедневно, лишь Гелиос неба пройдет половину:
В веянье ветра, с великим волнением темныя влаги,
Вод глубину покидает морской проницательный старец;
Вышед из волн, отдыхать он ложится в пещере глубокой;
Вкруг тюлени хвостоногие, дети младой Алосиды,
Стаей ложатся, и спят, и, покрытые тиной соленой,
Смрад отвратительный моря на всю разливают окрестность[2].

Греческий царь-воитель Менелай, которому дочь Протея помогла найти дорогу к уединенному жилищу древнего отца морей и научила, как добиться от него ответа, хотел лишь узнать тайну своей судьбы и разыскать своих друзей. И бог дал ему ответ.

Мифология интерпретировалась с позиции современного интеллекта как примитивная, неумелая попытка объяснить мир природы (Фрэзер); как продукт поэтической фантазии доисторических времен, неправильно понятый последующими поколениями (Мюллер); как хранилище аллегорических на-

ставлений, помогающих индивиду адаптироваться в обществе (Дюркгейм); как коллективная фантазия, симптоматичная для архетипных побуждений, скрытых в глубинах человеческой психики (Юнг); как средство передачи глубочайших метафизических представлений человека (Кумарасвами) и, наконец, как Откровение Бога детям Его (церковь). Мифология, собственно, и есть все это вместе взятое. Суждения же о ней зависят от того, кто их выносит. Поскольку, если не задаваться вопросом о том, что такое миф сам по себе, а тем, как он воздействует на умы, что он значил для человечества в прошлом и что может значить сегодня, оказывается, что мифология, как и сама жизнь, отражает все человеческие чаяния, все, к чему стремятся целые народы и эпохи жизни человечества.

2. Функции мифа, культа и медитации

В своей обыденной жизни человек лишь отчасти представляет собой то, кем он должен на самом деле стать. Он или мужчина, или женщина, и это его ограничивает. Точно так же он ограничен отдельными периодами своей жизни, будучи ребенком, юношей, взрослым или стариком; кроме того, он исполняет профессинальные роли — торговец, ремесленник, вор или слуга, вождь или священник, мать, жена, монахиня, проститутка; он не может быть всем одновременно. Поэтому целостность — полная сущность человека — заключена отнюдь не в отдельном лице, а в обществе как едином целом; индивид может быть только членом его, его органом. Сообществу, к коему он принадлежит, он обязан своим образом жизни, языком его мыслей и общения, идеями, которыми он живет; к прошлому его общества восходят те гены, которые создают его тело. Отважившись отмежеваться от всего этого, своими действиями, помыслами или чувствами, он отлучает себя от глубинных источников своего существования.

Родовые обряды, связанные с рождением, инициацией, браком, погребением, возведением в сан и так далее, необходимы для того, чтобы перевести смысл переломных моментов в жизни и судьбоносных поступков индивида на язык классических, безличных форм. В них он предстает для себя не как конкретная личность, а как воин, невеста, вдова, священнослужитель, вождь; и в то же время эти обряды призваны воскресить в памяти остального сообщества старые уроки архетипических стадий. Все участвуют в церемониале в соответствии со своим рангом и функциями в обществе. Все общество предстает для его членов как непреходящее живое единство. Поколения людей уходят, как анонимные клетки некоего живого тела; но основополагающая, неподвластная времени форма остается. Выходя за рамки индивидуального ви́дения в поле зрения сверхличностного, человек открывает в себе новые силы, обогащается, находит опору и возвеличивается. В своей мирской роли, сколь бы скромна ни была она, он приобщается к прекрасному торжественному образу человека, потенциально присущему и тайно существующему в каждом из нас.

Усвоенное в праздничных обрядах и ритуалах трансформируется в повседневные обязанности чловека перед обществом, обеспечивая его обыденное существование, питая смысл жизни человека. А отрешенность, бунт — или изгнание — обрывают жизненно важные отношения. С точки зрения единства социума, такой отверженный — просто никчемный балласт для общества. А вот мужчина или женщина, которые могут честно сказать, что выполнили свою роль в жизни — священника, проститутки, королевы или раба — существовали на самом деле, *были*, в полном смысле этого слова.

Обряды инициации и возведения в сан учат нас, как важно для индивида слиться с какой-то группой людей; календарные праздники это ярко демонстрируют. Подобно тому как индивид является органом общества, род, племя, город — и все человечество в целом — это всего лишь отдельные фазы развития могучего космического организма.

Расхожее мнение о том, что сезонные празднества так называемых примитивных народов символизируют попытки человека установить свою власть над природой, ошибочно. В каждом действии человека присутствует что-то от желания управлять, особенно в тех магических обрядах, которые, как считалось, вызывают дождь, исцеляют болезнь или предотвращают наводнение; и тем не менее во всех подлинно религиозных обрядах (в противоположность ритуалам черной магии) доминирующим мотивом является подчинение неотвратимости судьбы — и в сезонных праздниках этот мотив особенно очевиден.

Не было зафиксировано ни одного племенного обряда, который был бы направлен на то, чтобы помешать приходу зимы; напротив, все обряды готовят общину к тому, чтобы вместе со всей природой пережить этот суровый сезон холодов. И весенние обряды не пытаются заставить природу немедленно принести хлеб и плоды для изголодавшихся людей; напротив, в этих обрядах всем миром готовятся к обычным сезонным работам. Чудесное время года с его радостями и тяготами празднуют, отмечают и представляют как очередной этап жизни сообщества.

Множество других символов этой непрерывности наполняют смыслом мир сообщества, живущего по законам мифа. Например, разные американские охотничьи племена обыкновенно считали себя потомками единого предка — полуживотного, получеловека. Это предки, породившие не только представителей данного клана, но также животных, именем которых называется клан; так, люди клана бобра считались прямыми потомками бобров, были защитниками этих животных и, в свою очередь, сами были защищены животной мудростью своей лесной родни. Вот еще один пример: *хоган*, или мазаные глиной хижины индейцев навахо из Новой Мексики и Аризоны, конструкция которых основывалась на их представлениях о строении космоса. Вход в жилище был обращен на восток. Восемь сторон хижины соответствовали четырем сторонам света и промежуточным направлениям. Каждая линия и пересечение соответствовали элементам великого и всеобъемлющего *хогана* земли и неба. А поскольку считалось, что душа самого человека была отражением всей все-

ленной, глиняная хижина являла собой образ изначальной гармонии человека и мира, напоминая о сокровенном жизненном пути к совершенству.

Но есть еще один путь — диаметрально противоположный исполнению общественного долга и отправлению народного культа. С точки зрения приверженности долгу, любой, кто был изгнан общиной, — пария. Но, с другой точки зрения, это отчуждение становится первым шагом к поиску истины. Вселенная пребывает внутри каждого из нас; поэтому ее можно искать и обрести в себе самом. Какого человек пола, возраста или каков род его занятий не определяет его сущности; это всего лишь наши временные маски в этом мире. Образ человека, сокрытый в нем, не следует путать с его обликом. Мы считаем себя американцами, гражданами XX в., жителями Запада, цивилизованными христианами. Мы можем быть добродетельны или грешны. Но все это не помогает понять, что значит быть человеком, все это лишь случайные обстоятельства, которые определяются тем местом, где мы родились, когда мы родились или каков наш доход. В чем же наша суть? Каков фундаментальный характер нашего бытия?

Аскетизм средневековых святых и индийских йогов, обряды инициации эллинов, древние философии Востока и Запада — все это способы сместить внимание индивидуального сознания вглубь, увести его от внешних форм. Все первые медитации адепта отвращают его ум и чувства от внешних случайностей жизни, обращая его к глубинам. «Я не есть это и не есть то, — медитирует он, — не моя мать и не сын, только что умерший; не мое тело, болезненное и стареющее; не моя рука, не глаз, не голова; не совокупность всех этих вещей, Я — не мое чувство; не мой разум; не моя интуиция». Так с помощью медитации он проникает в глубины своей сущности и наконец прорывается в бездонный предел осознания сути вещей. Ни один человек не может вернуться в обыденную жизнь после подобных духовных упражнений и снова просто воспринимать себя как человека, которого зовут так-то, из такого-то города США. И общество, и общественный долг уходят на задний план. Господин Такой-то, познав самое себя, погружается во внутренний мир и свою отрешенность.

Это произошло с Нарциссом, глядящим в воду, с Буддой, погруженным в созерцание в точке покоя, но это еще не конечная цель; шаг необходимый, но не последний. Цель заключается не в том, чтобы *увидеть*, а в том, чтобы осознать, что ты и *есть* эта сущность; и в этой своей сущности человек обретает свободу странствовать по миру. Более того, сам мир являет себя в этой сущности. Сущность человека в себе и сущность мира едины. Поэтому нет больше необходимости ни в отрешенности, ни в уходе из мира. Куда бы ни отправился герой, какой бы путь ни избрал, он будет постоянно ощущать это присутствие как свою сущность, ибо тем самым он обретает способность видения. И это конец одиночества, подобно тому, как приобщение к социуму приводит к осознанию Всего сущего в себе самом, так и изгнание приводит героя к осознанию собственного Я во всем сущем.

С этой принципиальной точки зрения вопрос о самодостаточности и альтруизме становится неактуальным. Индивид теряет себя в мире, управляемом законами и возрождается в тождестве со вселенной. Для Него и с Ним создан этот мир. «О Магомет, — сказал Бог, — если бы не было тебя, Я не сотворил бы небо».

3. Герой нашего времени

Все это не соответствует современной точке зрения, потому что демократическая идея о самоопределении индивида, изобретение двигателей внутреннего сгорания и развитие научных методов исследования настолько преобразили всю человеческую жизнь, что наше многовековое наследие, вся вселенная символов, существующая вне времени, терпит крах. Как говорил Заратустра у Ницше: «Умерли Боги...»[3].

Это знакомая песня. Наше время вступает в героическую фазу развития, сказка о человечестве достигает момента зрелости. Заклинания минувших дней, связь с традициями — всему этому был нанесен сокрушительный удар. Мифический туман растаял, разум открылся и сознание готово пробудиться; современный человек возник из невежества былого, как бабочка вылетает из кокона или как рассветное солнце, которое восходит из ночного материнского лона.

И дело не просто в том, что не осталось ни одного укромного уголка, куда бы не проникало всевидящее око телескопов и микроскопов; нет больше того общества, которое было некогда создано богами. Социум не является более носителем какого бы то ни было религиозного содержания, а представляет собой политическую и экономическую организацию. Его идеалы больше не выражают смысл таинственного священнодействия (иератической пантомимы), которое символизирует небесные формы на земле. Это светское государство, которое беспощадно и изо всех сил борется за материальное превосходство и природные ресурсы. Изолированные сообщества, «сонные царства», дремлющие в пространстве мифов, могут теперь существовать лишь как территории, подлежащие эксплуатации. В самих же прогрессивных общественных системах все сохранившееся от общечеловеческого наследия древности — ритуальность, мораль, искусство — переживает полный упадок.

Таким образом, проблема, стоящая перед человечеством сегодня, абсолютно противостоит всему, на что опирались люди сравнительно стабильных эпох, к которым относятся великие мифы, которые так похожи друг на друга и которые теперь считаются заблужденями. Тогда весь смысл существования заключался в общности с группой, с великими анонимными формами — а не в самовыражении индивида, теперь же нет никакого смысла ни в группе, ни в чем бы то ни было вообще, кроме самого индивида, все самое важное заключено именно в нем. Но при этом смыслы переместились в область бессознатель-

ного. Человек сбился с пути. Он не ведает, в чем его сила. Связующие нити между сознанием и бессознательным в человеческой психике были разорваны, а мы оказались разорваны напополам.

Героические подвиги сегодня уже не те, что во времена Галилея. Что было тьмой, стало светом, а свет обратился во тьму. Героический подвиг нашего времени заключается в поисках истины, чтобы снова извлечь на свет божий забытых атлантов, равных герою по духу.

Вполне очевидно, что осуществлять эту духовную работу не означает вернуться к прошлому или отказаться от революционных завоеваний современности, проблема заключаетля лишь в том, чтобы современный мир обрел духовную опору или, другими словами, чтобы каждый человек, мужчина или женщина, смог в полной мере достичь духовной зрелости в современных условиях. В этих условиях древняя мудрость или потеряла силу, или непонятна, или откровенно пагубна для нашего современного сознания. Сегодняшнее общество приобрело планетарный масштаб, наций в своих собственных границах больше не существует; а потому схемы, программирующие людей на то, чтобы направить агрессию вовне, служившие в прошлом для объединения сообщества, в наши дни могут лишь сеять раздор. Национальная идея, с государственным флагом в качестве тотема, сегодня лишь возвеличивает младенческое эго, не способствуя преодолению инфантильной ситуации. Ее пародийные ритуалы парадов на площадях служат целям своекорыстного тирана, дракона, а вовсе не Богу, интерес которого — уничтожать. А многочисленные святые этого антикульта — патриоты, чьи фотографии под развевающимися флагами стали иконами наших дней — просто охраняют порог (это наши современные великаны-людоеды Липкие Волосы), и главная задача современного героя сокрушить их.

Очевидно, что ни одна из великих мировых религий не способна принять этот вызов. Поскольку все они строятся на раздоре, потому что служат инструментами пропаганды и самовосхваления. (Даже буддизм в последнее время претерпевает деградацию, усваивая уроки Запада.) Вселенский триумф секуляризированного государства привел к тому, что все религиозные организации ушли на задний план и оказались в конечном счете недееспособными, а потому церковное действо представляет собой сегодня просто ханжескую церемонию по воскресеньям, а в оставшиеся дни главную роль играют деловая этика и патриотизм. Сегодняшний мир не нуждается в этой показной святости, скорее всего, необходима трансформация всего социального порядка, с тем чтобы в каждой детали, в каждом акте нашего мирского бытия проступили черты животворного образа вселенского бого-человека, которые бы мы осознали как нечто реально присущее каждому из нас и которые имели бы значение.

Сознание неспособно выполнить такую работу в одиночку. Сознание не способно изобрести (или даже предположительно угадать) какой-либо действенный символ — во всяком случае, не в большей мере, чем предсказывать

или контролировать ночные сновидения. Все это должно быть осмыслено на совершенно ином уровне, хотя этот процесс будет пугающим и трудным и будет осуществляться на титанических полях битвы, в которые теперь превратилась наша планета. Мы стали свидетелями чудовищных столкновений Симплегад, между которыми должна пройти наша душа, не принимая при этом ничью сторону.

Но одно мы можем уже утверждать определенно — что постепенно будут появляться новые символы, и в разных уголках мира они будут различными; все жизненные реалии — региональные, расовые, культурные особенности должны объединиться в новых жизнеспособных символах. Поэтому человек должен понять и распознать за разнообразием символов общую для всех мысль об искуплении и спасении. «Истина одна, — читаем мы в Ведах, — ... но мудрецы называют ее по-разному». Одну и ту же мелодию на разные голоса исполняет человеческий хор. Пропагандировать как универсальное решение тот или иной локальный способ решения проблемы — это поверхностная и опасная стратегия. Стать человеком — значит научиться узнавать Бога во всем удивительном многообразии человеческих лиц.

И вот мы догадываемся, на что может быть направлен подвиг современного героя, и мы можем осознать, в чем заключаются причины распада всех унаследованных нами религиозных концепций. В мире, полном тайн и опасностей, так сказать, сместился центр тяжести. Для примитивных охотников далекого прошлого, когда саблезубый тигр, мамонт или любой другой, пусть даже помельче, дикий зверь был первейшим воплощением чего-то чуждого, иного, чужеродного, источником опасности и пищей, и в те времена главная задача всех людей заключалась в том, чтобы установить психологические связи с дикой сущностью этих тварей. Бессознательная идентификация, трансформируясь в формы сознания, воплощалась в фигуре мифического тотемного предка — получеловека, полуживотного. Животные становились учителями людей. Буквальная имитация поведения этих животных, свидетелями которой мы можем стать, только наблюдая за играми детей или за поведением сумасшедших, приводила к разрушению человеческого Я, благодаря чему община действовала согласованно и объединяла людей. Точно так же племена собирателей отождествляли себя с растением; в их ритуалах сев и сбор урожая идентифицировались с продолжением человеческого рода, рождением человека, достижением зрелости. Но и растительный, и животный мир в конечном итоге попали под власть людей. И вследствие этого мир неведомого, с его поучительными чудесами, поднялся ввысь, на небеса, и все человечество приняло участие в действе во дворце лунного короля или короля-солнца, в сакральном параде планет, в символической литургии высших сфер, правящих миром.

Сегодня все эти мистерии утратили силу; эти символы больше не находят отклика в нашей душе. Идея космического закона, которому служит все сущее и человек, давно уже преодолела мистические стадии, описанные в древней астрологии, и сейчас ее воспринимают механически, как нечто привычное

и банальное. Когда западная наука спустилась с небесных высот на землю (от астрономии XVII в. к биологии XIX в.) и наконец сосредоточила свое внимание на самом человеке (в антропологии и психологии XX в.), представление о том, что такое чудо, принципиально изменилось. Ни животный мир, ни растительное царство, ни тайны небесных сфер, а человек — вот что стало сегодня главной тайной. *Человек* — вот та чужеродная сила, с которой должны столкнуться силы эгоцентризма, через него эго должно быть распято, чтобы воскреснуть, и в его облике общество должно претерпеть существенные изменения. Человек, которого следует называть не «Я», а «Ты»: поскольку в отдельности никакие идеалы и институции какого бы то ни было племени или расы, единого континента или же социальной группы, даже целой эпохи — ничто не может быть мерилом неистощимой и поражающей многообразием божественной сущности, которая и есть сама жизнь в каждом из нас.

Современный герой, человек сегодняшний, — тот, кто отважился откликнуться на зов и отправиться на поиски обители сущего, с которым должна свершиться наша общая судьба как искупление, — не может и не должен ждать, пока его сообщество отрешится от своей удручающей гордыни, страхов, рассудительной скупости и поддержанных правящей верхушкой ханжеских заблуждений. Для каждого из нас настал судный день — каждый будет нести крест спасителя — и не в радостный день, когда его племя празднует победу, а в безмолвном отчаянии, которое ему не с кем разделить.

Ил. 84. Восход Земли (фотография с лунной орбиты). 1968 г.

Примечания к главам

Предисловие к изданию 1949 г.

1 Зигмунд Фрейд, *Будущее одной иллюзии* («Вопросы философии» (1988, № 8). (Orig. 1927.)

2 Ригведа: 1.164.46.

Пролог. Мономиф

1 Clement Wood, Dreams: Their Meaning and Practical Application (New York: Greenberg Publisher, 1931), p. 124. Автор сообщает (с. VIII): «Материал сновидений, представленный в этой книге, взят мною более чем из тысячи сновидений, присылаемых мне каждую неделю для анализа, в связи с моей постоянной рубрикой, которая появляется в ежедневных газетах страны. Он был дополнен сновидениями, анализ которых я проводил в ходе своей частной практики». В противоположность большинству сновидений, представленных в классических работах на эту тему, сновидения в этом популярном введении к учению Фрейда принадлежат обычным, не проходящим курс психоанализа людям. Они необыкновенно оригинальны.

2 Géza Róheim, *The Origin and Function of Culture* (Nervous and Mental Disease Monographs, No. 69, New York, 1943), pp. 17–25.

3 D. T. Burlingham, «Die Einfühlung des Kleinkindes in die Mutter», *Imago,* XXI, p. 429; cit. by Roheim, *War, Crime and the Covenant* (Journal of Clinical Psychopathology, Monograph Series, No. 1, Monticello, N.Y., 1945), p. 1.

4 Róheim, *War, Crime and Covenant*, p. 3.

5 Фрейд, *Толкование сновидений* (СПб., 1913. С. 181.) (Orig. 1900).

6 Фрейд, *Три очерка по теории сексуальности*. (Психология бессознательного; М.: Просвещение, 1990), с. 191.

7 Софокл, *Царь Эдип,* 956–958 (Античная литература. Греция. Антология, ч. 1; М: Высшая школа, 1989. — Перевод С. Шервинского).

8 Wood, *op.cit.,* pp. 92–93.

9 A. van Gennep, *Les rites de passage* (Paris, 1909).

10 Géza Róheim, *The Eternal Ones of the Dream* (New York: International Universities Press, 1945), p. 178.

11 C. G. Jung, *Symbols of Transformation* (tr. by R. F. C. Hull, Collected Works, vol 5; New York and London, 2nd edition, 1967), par. 585. (Orig. 1911–12, *Wandlungen und Symbole der Libido,* tr. by Beatrice M. Hinkle as *Psychology of the Unconscious,* 1916.)

12 Harold Peak and Herbert John Fleure, *The Way of the Sea and Merchant Venturers in Bronze* (Yale University Press, 1929 and 1931).

13 Leo Frobenius, *Das unbekannte Afrika* (Munich: Oskar Beck, 1923), pp. 10–11.

14 Овидий, *Метаморфозы,* VIII, 132 ff.; IX, 736 if., пер. С. Шервинского (Собр. соч., т. II; СПб., 1994).

15 T. S. Eliot, *The Waste Land* (New York: Brace and Company; London: Faber and Faber, 1922), 340–345.

16 Arnold J. Toynbee, *A Study of History* (Oxford University Press, 1934), Vol. VI, pp. 169–175.

17 «Формы или образы коллективного характера, которые встречаются практически по всему миру как составные элементы мифов и в то же самое время как автохтонные индивидуальные продукты деятельности бессознательного» (C. G. Jung, *Psychology and Religion* (Collected Works, vol. 11; New York and London, 1958), par. 88. Orig. written in English 1937). См. также его работу *Психологические типы.*

18 Jung, *Psychology and Religion*, par. 89.

19 Friedrich Nietzsche, *Human, All Too Human*, vol. I, p. 13; cited by Jung, *Psychology and Religion,* par. 89, n. 17.

20 Adolph Bastian, *Ethnische Elementargedanken in der Lehre vom Menschen*, Berlin, 1895, vol. I, p. ix.

21 Franz Boas, *The Mind of Primitive Man* (1911), pp. 104, 155, 228.

22 James G. Frazer, *The Golden Bough,* one-volume edition, p. 386. Copyright 1922 by the Macmillan Company and used with their permission.

23 Фрейд, *Толкование сновидений* (СПб., 1913).

24 Юнг, *Психология и религия* (в кн. «Архетип и символ»: СПб.: Ренессанс, 1991).

25 Это перевод Гезы Рохейм понятия австралийского племени аранда, *altjiranga mitjina,* которым обозначаются мифические предки, которые бродили по земле во времена, называемые *altjiranga nakala,* «временем предков». Слово *altjira* обозначает: а) сон; б) предок, те, кто приходит во сне; в) история (Roheim, *The Eternal Ones of the Dream,* pp. 210–11).

26 Frederick Pierce, *Dreams and Personality* (Copyright 1931 by D. Appleton and Co., publishers), pp. 108–9.

27 Слова над Вратами Ада:

Per me si va nella citta dolente,
Per me si va nell» eterno dolore,
Per me si va tra la Perduta Gente.
*— Dante, "Inf*erno," III, 1–3.

28 Катха-Упанишада, 3–14. Упанишады — это древнеиндийские трактаты о природе человека и вселенной, на основе которых сформировались более поздние философские воззрения. Относятся как минимум к VIII в. до н. э.

29 James Joyce, *A Portrait of the Artist as a Young Man* (New York: The Modern Library; Random House, Inc.), p. 239.

30 Аристотель, *Поэтика. Об искусстве поэзии*. (Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск: Литература, 1998).

31 Robinson Jeffers, *Roan Stallion* (New York: Horace Liveright, 1925), p. 20.

32 Еврипид, *Вакханки,* (Еврипид. Трагедии. М., 1980. Т. 2. С. 375–434.).

33 Еврипид, *Критяне,* из Порфирий, *О воздержании,* IV, 6–9. См. дискуссию об этом стихе в Jane Harrison, *Prolegomena to a Study of Greek Religion* (3rd edition, Cambridge University Press, 1992), pp. 478–500.

34 Овидий, *Метаморфозы*, XV.

35 Бхагавадгита, 2:18.

36 Слово «мономиф» взято из романа Джейма Джойса «Поминки по Финнегану» (Ориг. изд. New York: Viking Press, Inc., 1939).

37 Вергилий, *Энеида,* VI.

38 С сокращениями из *Jataka,* Introduction, i, pp. 58–75 (*Buddhism in Translations* [Harvard Oriental Series 3], [Cambridge, MA: Harvard University Press, 1896], pp. 56–87), и *Lalitavistara* as rendered by Ananda K. Coomaraswamy, *Buddha and the Gospel of Buddhism* (New York: G. P. Putnam's Sons, 1916), pp. 24–38.

39 Исход, 19:3–5.

40 Louis Ginzberg, *The Legends of the Jews* (Philadelphia: The Jewish Publication Society of America, 1911), vol. III, pp. 90–94.

41 Мы не будем обсуждать дискуссии по этому вопросу в данной книге. На ту тему сейчас готовится издание. [Кэмпбелл имеет здесь в виду четыре тома «Масок Бога» (*The Masks of God*) — Ed.] В этой книге производится сравнительное, а не генетическое исследование. Наша цель здесь — показать, что основные параллели между самими мифами и их интерпретациями присущи самим мифам, а также их интерпретациям и использованию.

42 В *The Soul Afire* (New York: Pantheon Books, 1944), p. 303.

43 Цит. по Epiphanius, *Adversus haereses*, xxvi, 3.

44 См. с. 32.

45 Змей, который защищал Будду на пятую неделю после обретения им просветления. См. с. 34.

46 Alice C. Fletcher, *The Hako: A Pawnee Ceremony* (Twenty-second Annual Report, Bureau of American Ethnology, part 2; Washington, DC, 1904), pp. 243–44.

«Во время сотворения мира, — рассказывал высший жрец мисс Флетчер, объясняя, какие боги принимали участие в церемонии, — было решено, что будут меньшие силы. Тирава-Атиус, могущественная сила, не сможет спускаться к людям, они не смогут его ни видеть, ни чувствовать, поэтому будут разрешены меньшие силы. Они будут посредниками между людьми и Тиравой» (*ibid.*, p. 27).

47 См. Ananda K. Coomaraswamy, “Symbolism of the Dome,” *The Indian Historical Quarterly,* vol. XIV, No. 1 (March 1938).

48 От Иоанна, 6:55.

49 От Иоанна, 10:9.

50 От Иоанна, 6:56.

51 Коран, 5:108.

52 Гераклит, фрагмент 102.

53 Гераклит, фрагмент 46.

54 William Blake, *The Marriage of Heaven and Hell,* “Proverbs of Hell.”

55 Leo Frobenius, *Und Afrika sprach* (Berlin: Vita, Deutsches Verlagshaus, 1912), pp. 243–45. Сравните эпизод, который до удивления похож на тот, что приводится здесь, который рассказывают про Одина (Вотана) в младшей Эдде, “Skáldskaparmál” I (“Scandinavian Classics,” vol. V, New York, 1929, p. 96). Также сравним повеление Иеговы в Библии, Исходе, 32:27: «Он сказал им: так говорит Господь Бог Израилев: возложите каждый меч на бедро свое, пройдите по стану от ворот до ворот и обратно, и убивайте каждый брата своего, каждый друга своего, каждый ближнего своего».

ЧАСТЬ I

Глава I. Начало пути

1 *Сказки братьев Гримм*, «Король-лягушонок».

2 *The Psychopathology of Everyday Life* (Standard Edition, VI; orig. 1901).

3 Evelyn Underhill, *Mysticism, A Study in the Nature and Development of Man’s Spiritual Consciousness* (New York: E. P. Dutton and Co., 1911), Part II, “The Mystic Way,” Chapter II, “The Awakening of the Self.”.

4 Зигмунд Фрейд, *Введение в психоанализ*. (Orig. 1916–17).

5 Malory, *Le Morte d'Arthur,* I, p. xix. Погоня за матерым оленем и встреча с «вопрошающим зверем» заменует начало чудесного периода, который ассоциируется с поисками Святого Грааля.

6 George A. Dorsey and Alfred L. Kroeber, *Traditions of the Arapaho* (Chicago: Field Columbia Museum, Publication 81, Anthropological Series, vol. V; 1903), p. 300. Reprinted in Stith Thompson's *Tales of the North American Indians* (Cambridge, MA, 1929), p. 128.

7 К. Г. Юнг, *Психология и алхимия*. (Orig. 1935.)

8 Wilhelm Stekel, *Die Sprache des Traumes* (Wiesbaden: Verlag von J. F. Bergmann, 1911), p. 352. Доктор Штекель указывает на связь алого потока крови с мыслями о кровавой мокроте больного.

9 Henry Clarke Warren, *Buddhism in Translations* (Harvard Oriental Series 3) (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1896), pp. 56–57.

10 Притчи, 1:24–27, 32.

11 «В религиозной литературе иногда цитируют это латинское высказывание, которое навело ужас на многих» (Ernest Dimnet, *The Art of Thinking*, New York: Simon and Schuster, Inc., 1929, pp. 203–4).

12 Francis Thompson, *The Hound of Heaven* (Portland, ME: Thomas B. Mosher, 1908), первые строки.

13 *Ibid.*, заключение.

14 Овидий, *Метаморфозы,* I.

15 См. с. 12–13.

16 Юнг, *Психология и алхимия*, разд. 58, 62.

17 *Сказки братьев Гримм*, № 50.

18 *Сказки тысячи и одной ночи*.

19 Бытие, 19:26.

20 Werner Zirus, *Ahasverus, der ewige Jude* (Stoff- und Motivgeschichte der deutschen Literatur 6, Berlin and Leipzig, 1930), p. 1.

21 См. с. 51.

22 См. Otto Rank, *Art and Artist,* (New York: Alfred A. Knopf, Inc., 1943), pp. 40–41: «Если мы сравним невротика с продуктивным типом человека, мы сможем убедиться, что первый страдает от того, что постоянно пытается контролировать свои импульсы... и тот, и другой коренным образом отличаются от среднестатичтического уравновешенного человека, который принимает себя таким, каков он есть, а они постоянно пытаются себя переделать. Различие в том, что невротик, постоянно сознательно придавая новую форму своему Эго, погружен в деструктивные попытки что-то сделать с самим собой, но дальше этого дело не идет, и поэтому он не может отделить творческий процесс от того, что составляет его лич-

ность, и переформулировать его как идеологически абстрактно сконструированное эго, но в этом случае эго смещает его творческую волю с собственной личности на идеологические репрезентации человека и таким образом объективирует ее. Это объясняет, почему продуктивная работа редко обходится без мрачных кризисов невротической личности».

23 Сокращенная цитата из Burton, *op. cit.*, vol. III, pp. 213–28.

24 Bruno Gutmann, *Volksbuch der Wadschagga* (Leipzig, 1914), p. 144.

25 Washington Matthews, *Navaho Legends* (Memoirs of the American Folklore Society, vol. V, New York, 1897), p. 109.

[Символизм индейцев навахо применительно к героическим приклчениям обсуждается здесь: Jeff King, Maud Oakes, и Joseph Campbell, *Where the Two Came to Their Father: A Navaho War Ceremonial,* Bollingen Series I, 2nd ed., (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1969), pp. 33–49; Joseph Campbell, *The Inner Reaches of Outer* Space: Myth as Metaphor and as Religion (Novato, CA: New World Library, 2002), pp. 63–70; and Joseph Campbell, "The Spirit Land," *Mythos: The Shaping of Our Modern Tradition* (Silver Spring, MD: Acorn Media, 2007) — Ed.]

26 Данте, «Рай», XXXIII, 12–21.

27 См. Освальд Шпенглер, *Закат Европы* (М., 1993). «Предположим, — добавляет Шпенглер, что сам Наполеон, как эмпирик, потерпел поражение при Маренго — тогда то, что он *обозначил* (*signified*) было бы актуализовано в какой-то другой форме». Герой, который в этом смысле и до такой степени подвергся деперсонализации, воплощает в период своих эпохальных действий динамизм культурного процесса; «между собой, как фактом и другими фактами царит гармония метафизического ритма» (*ibid*). Это перекликается с идеей Томаса Карлайла (Thomas Carlyle) о короле-герое, которого он называет «Человек, Способный на Поступок» ("Ableman") (*On Heroes, HeroWorship and the Heroic in History,* Lecture VI).

28 Во времена, когда сплавились образы Гермеса и Тота, возник образ Гермеса Трисмегиста, которого считали покровителем и учителем в области искусств, и особенно алхимии. «Герметично» закупоренная реторта с таинственными металлами рассматривалась как особое пространство, где царили возвышенные силы, напоминающие мифические, и в котором металлы претерпевали странные метаморфозы и трансмутации, подобно тому, какие изменения претерпевает душа под воздействием сверхъестественных сил. Гермес был мастером древних инициаций и воплощал нисхождение божественных сил в мир, который был представлен в нисхождении божественных спасителей (see pp. 299–303). (See C. G. Jung, *Psychology and Alchemy,* part III, "Religious Ideas in Alchemy." [Orig. 1936.] For the retort, see par. 338. For Hermes Trismegistus, see par. 173 and index, *s.v.*)

29 Wilhelm Stekel, *Die Sprache des Traumes,* pp. 70–71.

30 *Ibid.*, p. 71.

31 Коран, 37:158.

32 Из Burton, *op. cit.*, vol. III, pp. 223–30.

33 Ср. сон о змее; см. с. 56.

34 Leonhard S. Schultze, *Aus Namaland und Kalahari* (Jena, 1907), p. 392.

35 *Ibid.*, pp. 404, 448.

36 David Clement Scott, *A Cyclopaedic Dictionary of the Mang'anja Language Spoken in British Central Africa* (Edinburgh, 1892), p. 97.

Сравним с рассказом мальчика о том, какой ему приснился сон: «Однажды мне приснилась ступня. Мне показалось, что она лежала на полу, а я не ожидал ее увидеть и споткнулся об нее. Она была размером, как у меня. Вдруг эта другая ступня подпрыгнула и погналась за мной, я вроде как выпрыгнул в окно, побежал по двору на улицу со всех ног. Я вроде как побежал в Вулвич, и тут она настигла меня, схватила и стала трясти, и тут я проснулся. Мне эта ступня несколько раз снилась».

Незадолго до того мальчик узнал, что с его отцом-моряком произошел несчастный случай, он сломал лодыжку.(C. W. Kimmins, *Children's Dreams, An Unexplored Land,* London: George Allen and Unwin, Ltd., 1937, p. 107).

«Ступня, — пишет Фрейд, — это древний сексуальный символ, который возникает даже в мифологии». (*Three Essays on the Theory of Sexuality,* p. 155). Кстати, имя Эдип обозначает «распухшая ступня».

37 Сравним V. J. Mansikka, in Hastings' *Encyclopaedia of Religion and Ethics,* vol. IV, p. 628; article "Demons and Spirits (Slavic)." Коллекция статей авторитетных авторов собрана в данном издании под заголовком «Демоны и духи» (где представлены африканские, существующие в Океании, Ассирии и Вавилоне, буддистских странах, у кельтов, у китайцев, христиан, коптов, египтян, иудеев, индийцев, джайнов, японцев, евреев, мусульман, персов, римлян, славян, тевтонцев и представителей тибетской философии) прекрасное введение в эту тему.

38 *Ibid.*, p. 629. Сравним с Лорелеей. Дискуссия Мансикка о славянском лесе, поле и водяных духах основана на работе *Nákres slovanského bájeslovi* (Prague, 1891), сокращенном тексте на английском языке, который можно найти в Máchal's *Slavic Mythology* (*The Mythology of All Races*, vol. III, Boston, 1918).

39 Wilhelm Stekel, *Fortschritte und Technik der Traumdeutung* (Vienna-Leipzig-Bern: Verlag fur Medizin, Weidmann und Cie., 1935), p. 37.

40 A. R. Radcliffe-Brown, *The Andaman Islanders* (2nd ed., Cambridge University Press, 1933), pp. 175–77.

41 R. H. Codrington, *The Melanesians, Their Anthropology and* Folklore (Oxford University Press, 1891), p. 189.

42 *Джатаки,* 1:1.

43 Coomaraswamy, *Journal of American Folklore* 57, 1944, p. 129.

44 *Джатаки,* 55:1, 272–75.

45 Nicholas of Cusa, *De visione Dei,* 9, 11; cited by Ananda K. Coomaraswamy, "On the One and Only Transmigrant" (*Supplement to the Journal of the American Oriental Society,* April–June, 1944), p. 25.

46 Овидий, *Метаморфозы,* VII; XV.

47 См. р. 61.

48 Лонгфелло, *Песнь о Гайавате,* VIII. Лонгфелло приписывает эту историю о приключениях индейскому вождю Гайавате. Изначально они возникли в легендах индейцев, которые повествовали о приключениях героя по имени Манабозхо (Manabozho). Гайавата был реальным человеком, который жил в XVI в. См. с. 240.

49 Leo Frobenius, *Das Zeitalter des Sonnengottes* (Berlin, 1904), p. 85.

50 Henry Callaway, *Nursery Tales and Traditions of the Zulus* (London: Trubner, 1868), p. 331.

51 Ananda K. Coomaraswamy, "Akimcanna: Self-Naughting" (*New Indian Antiquary,* vol. III, Bombay, 1940), p. 6, note 14, citing and discussing Thomas Aquinas, *Summa Theologica,* I, p. 63, 3.

52 Sir James G. Frazer, *The Golden Bough* (one-volume edition), pp. 347–49. Copyright 1922 by the Macmillan Company.

53 *Ibid.*, p. 280.

54 Duarte Barbosa, *A Description of the Coasts of East Africa and Malabar in the Beginning of the Sixteenth Century* (London: Hakluyt Society, 1866), p. 172; cited by Frazer, *op. cit.*, pp. 274–75.

Глава II. Инициация

1 Апулей, *Золотой осел.*

2 Knud Leem, *Beskrivelse over Finmarkens Lapper* (Copenhagen, 1767), pp. 475–78. An English translation will be found in John Pinkerton, *A General Collection of the Best and Most Interesting Voyages and Travels in All Parts of the World* (London, 1808), vol. I, pp. 477–78.

3 E. J. Jessen, *Afhandling om de Norske Finners og Lappers Hedenske Religion,* p. 31. Эта работа включена в том Лима (Leem), *op. cit.*

4 Uno Harva, Die religiosen Vorstellungen der altaischen Völker ("Folklore Fellows Communications," No. 125, Helsinki, 1938), pp. 558–59; Г. Н. Потанин, *Очерки Северо-западной Монголии* (СПб., 1881), т. IV, с. 64–65.

5 Géza Róheim, *The Origin and Function of Culture* (Nervous and Mental Disease Monographs, No. 69), pp. 38–39.

6 *Ibid.*, p. 38.

7 *Ibid.*, p. 51.

8 Underhill, *op. cit.*, Part II, Chapter III. Ср. выше с. 47.

9 Wilhelm Stekel, *Fortschritte und Technik der Traumdeutung*, p. 124.

10 *Svedenborgs Drömmar, 1774,* "Jemte andra hans anteckningar efter originalhandskrifter meddelade af G. E. Klemming" (Stockholm, 1859), quoted in Ignaz Ježower, *Das Buch der Träume* (Berlin: Ernst Rowohlt Verlag, 1928), p. 97.

11 Ježower, *op. cit.*, p. 166.

12 Плутарх, *Фемистокл*, 26; Ježower, *op. cit.*, p. 18.

13 Stekel, *Fortschritte und Technik der Traumdeutung*, p. 150.

14 *Ibid.*, p. 153.

15 *Ibid.*, p. 45.

16 *Ibid.*, p. 208.

17 *Ibid.*, p. 216.

18 *Ibid.*, p. 224.

19 *Ibid.*, p. 159.

20 *Ibid.*, p. 21.

21 Stekel, *Die Sprache des Traumes,* p. 200. See also Heinrich Zimmer, *The King and the Corpse,* ed. J. Campbell (New York: Bollingen Series, 1948), pp. 171–72; also D. L. Coomaraswamy, "The Perilous Bridge of Welfare," *Harvard Journal of Asiatic Studies* 8.

22 Stekel, *Die Sprache des Traumes*, p. 287.

23 *Ibid.*, p. 286.

24 Коран, 2:214.

25 S. N. Kramer, *Sumerian Mythology* (American Philosophical Society Memoirs, vol. XXI; Philadelphia, 1944), pp. 86–93. Шумерская мифология имеет особое значение для нас, представителей западной ультуры, потому что она лежит в основе вавилонской, ассирийской, финикийской и библейской традиций (от которой произошли ислам и христианство), и которая оказала значительное влияние на религии языческих кельтов, греков, римлян, славян и германцев.

26 Jeremiah Curtin, *Myths and FolkLore of Ireland* (Boston: Little, Brown and Company, 1890), pp. 101–6.

27 См. с. 57.

28 Овидий, *Метаморфозы,* III, 138–252.

29 Cf. J. C. Flügel, *The Psycho-Analytic Study of the Family* ("The International Psycho-Analytical Library," No. 3, 4th edition; London: The Hogarth Press, 1931), chapters 12 and 13.

Профессор Флюгель отмечает: «Существует весьма общая связь между, с одной стороны, понятием ума, духа и образом отца и мужественным началом; и, с другой стороны, понятием тела, телесности и матерью, женским началом. Подавление эмоций и чувств, связанных с матерью [в нашей иудо-христианской традиции] привело к тому, что мы стали склонны относиться к своему телу как к чему-то вызывающему недоверие, мы презираем его, испытываем к нему отвращение или враждебность, и это отношение распространяется на планету Земля, на всю материальную часть вселенной, и одновременно с этим мы преувеличиваем знание духовной составляющей нашей жизни, и в том, что касается человека, и в отношении всего прочего. Представлется весьма вероятным, что большинство явно идеалистических направлений в философии так привлекают умы, сублимируя эту реакцию на мать, а более догматические и узкие материалистические направления философии, возможно, в свою очередь, изначально апеллируют к материнскому началу». (*ibid*., p. 145, note 2).

30 *The Gospel of Sri Ramakrishna,* translated into English with an introduction by Swami Nikhilananda (New York, 1942), p. 9.

31 *Ibid*., pp. 21–22.

32 Standish H. O'Grady, *Silva Gadelica* (London: Williams and Norgate, 1892), vol. II, pp. 370–72. Различные версии истории можно найти в Chaucer *Canterbury Tales*, "The Tale of the Wyf of Bathe"; в Gower *Tale of Florent;* в средневековой поэме *The Weddynge of Sir Gawen and Dame Ragnell;* и в балладе XVII в. *The Marriage of Sir Gawaine*. См. W. F. Bryan and Germaine Dempster, *Sources and Analogues of Chaucer's Canterbury Tales* (Chicago, 1941).

33 Guido Guinicelli di Magnano (1230–75?), "Of the Gentle Heart," translation by Dante Gabriel Rossetti, *Dante and His Circle* (London: Ellis and White, edition of 1874), p. 291.

34 Антифоны праздника Успения Богородицы (15 августа).

35 *Гамлет,* акт I, сцена ii, ll (пер. М. Лозинского).

36 Софокл, *Трагедии* (пер. С. Шервинского).

37 Shankaracharya, *Vivekachudamani*, pp. 396 and 414 (Mayavati, 1932).

38 Jacobus de Voragine, *The Golden Legend*, LXXVI, "Saint Petronilla, Virgin." (Ср. с мифом о Дафне.) Более поздние христианские тексты, не желая представлять св. Петра, как возможного отца, повествуют о Петронилле, как о девушке, бывшей под его опекой.

39 *Ibid*., CXVII.

40 Gustave Flaubert, *La tentation de Saint Antoine (La reine de Saba)*.

41 Cotton Mather, *Wonders of the Invisible World* (Boston, 1693), p. 63.

42 Jonathan Edwards, *Sinners in the Hands of an Angry God* (Boston, 1742).

43 Coomaraswamy, *The Dance of Siva* (New York, 1917), pp. 56–66.

44 Zimmer, *Myths and Symbols in Indian Art and Civilization*, pp. 151–75.

45 Брахманская нить — это обычно хлопчатобумажная нить, которую в Индии предписывалось носить представителям трех высших каст — так называемым дважды рожденным. Она надевалась через голову и правую руку таким образом, что лежала на левом плече и пересекала тело по груди и спине до правого бедра. Это символизировало второе рождение дважды рожденного, а сама нить символизировала порог, или солнечную дверь, так что дважды рожденный обитал одновременно и во времени, и в вечности.

46 Этот слог обсуждается далее в книге, см. с. 215.

47 От Матфея, *op. cit.*

48 Овидий, *Метаморфозы*, II.

49 Kimmins, *op. cit.*, p. 22.

50 Wood, *op. cit.*, pp. 218–19.

51 W. Lloyd Warner, *A Black Civilization* (New York and London: Harper and Brothers, 1937), pp. 260–85.

52 Géza Róheim, *The Eternal Ones of the Dream*, pp. 72–73.

53 Коран, 4:116, 4:117.

54 Sir Baldwin Spencer and F. J. Gillen, *The Arunta* (London: Macmillan and Co., 1927), vol. I, pp. 201–3.

55 Róheim, *The Eternal Ones of the Dream*, pp. 49 ff.

56 *Ibid.*, p. 75.

57 *Ibid.*, p. 227, citing R. and C. Berndt, “A Preliminary Report of Field Work in the Ooldea Region, Western South Australia,” *Oceania* XII (1942), p. 323.

58 Róheim, *The Eternal Ones of the Dream*, pp. 227–28, citing D. Bates, *The Passing of the Aborigines* (1939), pp. 41–43.

59 Róheim, The Eternal Ones of the Dream, p. 231.

60 R. H. Mathews, “The Walloonggura Ceremony,” *Queensland Geographical Journal,* N. S., XV (1899–1900), p. 70; cited by Roheim, *The Eternal Ones of the Dream,* p. 232.

61 K. Langloh Parker, *The Euahlayi Tribe,* 1905, pp. 72–73; cited by Roheim, *The Eternal Ones of the Dream*, p. 232.

62 John Layard, *Stone Men of Malekula* (London: Chatto and Windus, 1942).

63 W. F. J. Knight, in his *Cumaean Gates* (Oxford: B. Blackwell, 1936).

64 W. J. Perry, *The Children of the Sun* (New York: E. P. Dutton and Co., 1923).

65 Jane Harrison, *Themis: A Study of the Social Origins of Greek Religion* (2nd revised edition; Cambridge University Press, 1927).

66 [К этому вопросу Кэмпбелл возвращается много раз, особенно в “Mythogenesis,” in *The Flight of the Wild Gander* (third edition; Novato, CA: New World Library, 2001) — Ed.]

67 Еврипид, *Вакханки*.

68 Эсхил, фр 57; цит. по Джейн Харрисон (Jane Harrison) (*Themis,* p. 61), где она обсуждает роль трещоток в классических и австралийских обрядах инициации. Подробнее о таких трещотках см. Andrew Lang, *Custom and Myth* (2nd revised edition; London: Longmans, Green, and Co., 1885), pp. 29–44.

69 Все это подробно описано Джеймсом Фрезером в его книге «Золотая ветвь» (*The Golden Bough*).

70 К евреям, 9:13–14.

71 Le P. A. Capus des Peres-Blancs, “Contes, chants et proverbes des Basumbwa dans l’Afrique Orientale,” *Zeitschrift fur afrikanische und oceanische Sprachen.* Vol. III (Berlin, 1897), pp. 363–64.

72 Коран, 10:31.

73 См. с. 60.

74 См с. 42–43. Басумбва (сказка о Великом Вожде — Смерти) и вачага (сказка о Кьязимбе) — это народы Восточной Африки; йоруба (сказка об Эдшу) населяют западное побережье Нигерии.

75 Коран, 6:59, 6:60.

76 От Луки, 2:7.

77 Овидий, *Метаморфозы,* VIII.

78 Коран, 2:115.

79 Катха-Упанишада, 3:12.

80 От Фомы, 77.

81 Книга Иова, 40:7–14.

82 *Ibid*., 42:5–6.

83 *Ibid*., 42:16–17.

84 Leon Stein, “Hassidic Music,” *The Chicago Jewish Forum,* vol. II, No. 1 (Fall 1943), p. 16.

85 *Pranja-Paramita-Hridaya Sutra;* “Sacred Books of the East,” vol. XLIX, Part II, p. 148 also, p. 154.

86 *Vajracchedika* (“The Diamond Cutter”), 17; *ibid*., p. 134.

87 Ср. с. 74.

88 *Amitayur-Dhyana Sutra,* 19; “Sacred Books of the East,” vol. XLIX, Part II, pp. 182–83.

89 «Для мужчин я Гермес; для женщин я Афродита; я ношу символы обоих своих родителей» (*Anthologia Graeca ad Fidem Codices,* vol. II). «Одна

часть в нем от Господа его, а другая — от матери» (Martial, *Epigrams,* 4, 174; Loeb Library, vol. II, p. 501).

Овидий упоминает о гермафродитах в своих «Метаморфозах» (*Metamorphoses,* IV, pp. 288 ff).

До нас дошло много классических образов Гермафродита. См. Hugh Hampton Young, *Genital Abnormalities, Hermaphroditism, and Related Adrenal Diseases* (Baltimore: Williams and Wilkins, 1937), Chapter I, "Hermaphroditism in Literature and Art."

90 Платон, *Пир.*

91 Бытие, 1:27.

92 *Midrash,* комментарии к книге Бытия, Rabbah 8:1.

93 См. с. 75.

94 См. с. 223–225.

95 Сравним у Джеймса Джойса: «в небесной канцелярии... уже нет браков, человек с нимбом, двуполый ангел, сам себе является женой» (*Ulysses,* Modern Library edition, p. 210).

96 Софокл, *Царь Эдип.* См. также Овидий, *Метаморфозы,* III, и другие примеры гермафродитов-жрецов, богов и провидцев мы находим у Геродота, Теофраста и Пинкертона: см.: Herodotus, 4,67 (Rawlinson edition, vol. III, pp. 46–47); Theophrastus, *Characteres,* 16.10–11; и J. Pinkerton *Voyage and Travels,* Chapter 8, p. 427, "A New Account of the East Indies," by Alexander Hamilton. These are cited by Young, *op. cit.*, pp. 2 and 9.

97 См. Zimmer, *Myths and Symbols in Indian Art and Civilization*, Figure 70.

98 См. ил. 34.

99 См. B. Spencer and F. J. Gillen, *Native Tribes of Central Australia* (London, 1899), p. 263; Róheim, *The Eternal Ones of the Dream,* pp. 164–65. Нижнее надрезание искусственно образует гипоспадию, наподобие встречающейся у некоторых гермафродитов (См. портрет гермафродита в книге Young, *op. cit.*, p. 20.)

100 Róheim, *The Eternal Ones of the Dream*, p. 94.

101 *Ibid.*, pp. 218–19.

102 Ср. со следующим образом Бодхисаттвы Дармакары: «Из его уст исходил сладкий и более чем небесный аромат сандалового дерева. Изо всех его волосяных пор поднимался аромат лотоса, и он был приятен каждому, благодатен и красив; наделен во всей полноте самым лучшим и ярким цветом. Также и тело его было украшено всеми добрыми знаками и отметинами, его волосяные поры и ладони его рук испускали все самое прекрасное — всевозможные цветы, фимиамы, благовония, притирания, гирлянды, зонтики, флаги, знамена и звуки музыки всевозможных инструментов. С ладоней его рук струились также всевозможные

яства и напитки, пища простая и утонченная, и сладости, и всякого рода удовольствия и наслаждения» *(The Larger Sukhavati-Vyuha,* 10; «Sacred Books of the East», Vol. XLIX, Part II pp.26–27).

103 Róheim, *War, Crime, and the Covenant*, p. 57.

104 *Ibid.,* pp. 48–68.

105 Книга Самуила, 17:26.

106 Коран, 4:104.

107 «Ибо ненависть никогда не остановишь ненавистью: ее останавливают любовью, и это — древнее мудрое правило» (из *Dhammapada,* 1:5, "Sacred Books of the East," vol. X, Part I, p. 5).

108 От Луки, 6:27–36.

109 Reprinted by Professor Robert Phillips, *American Government and Its Problems*, Houghton Mifflin Company, 1941, and by Dr. Karl Menninger, *Love Against Hate*, Harcourt, Brace and Company, 1942, p. 211.

110 От Матфея, 22:37–40; Марка, 12:28–34; Луки, 10:25–37. Говорится, что Иисус отправил своих апостолов проповедовать его учение по всему миру (От Матфея, 28:19), но не наказывать и подвергать гонениям, а протягивать руку помощи тем, кто слышит. «Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: итак будьте мудры, как змеи, и просты, как голуби» (*ibid.*, 10:16).

111 От Матфея, 7:1.

112 «Как разбойники подстерегают человека, так сборище — священников убивают на пути в Сихем и совершают мерзости... Злодейством своим они увеселяют царя и обманами своими — князей» (Осия, 6:9; 7:3).

113 Menninger, *op. cit.*, pp. 195–196.

114 Swami Nikhilananda, *The Gospel of Sri Ramakrishna*, New York, 1941, p. 559.

115 Rumi, *Mathnawi,* 2. 2525.

116 "The Hymn of the Final Precepts of the Great Saint and Bodhisattva Milarepa" (c. a. d. 1051–1135), from the *JetsunKahbum*, or Biographical History of Jetsun-Milarepa, according to Lama Kazi Dawa-Samdup's English rendering, edited by W. Y. Evans-Wentz, *Tibet's Great Yogi Milarepa* (Oxford University Press, 1928), p. 285.

117 "The Hymn of the Yogic Precepts of Milarepa," *ibid.*, p. 273.

118 Evans-Wentz, "Hymn of Milarepa in praise of his teacher," p. 137.

119 Та же идея часто формулируется в «Упанишадах»: «Это я отдает себя тому я, то я отдает себя этому я. Таким образом они обретают друг друга. В этой форме оно познает тот мир, в той форме оно воспринимает этот мир»" (*Aitareya Aranyaka,* 2. 3. 7). У мистиков ислама мы находим: «Тридцать лет всевышний Бог был моим зеркалом, теперь я — сам себе зеркало; то есть тем, кем я был, я уже не являюсь, всевышний Бог —

его собственное зеркало. Я говорю, что я — свое собственное зеркало; ибо моими устами говорит Бог, я исчез» (Bayazid, *The Legacy of Islam,* T. W. Arnold and A. Guillaume, editors, Oxford Press, 1931, p. 216).

120 «Я утратил себя, как Баязида, подобно тому, как змея сбрасывает свою кожу. Потом я огляделся вокруг. Я увидел, что любящий и любовь есть одно, и весь мир в его разнообразии есть нечто единое» (Bayazid, *loc. cit.*).

121 Осия, 6:1–3.

122 Брихадараньяка-Упанишада, 1.4.3.

123 Ananda K. Coomaraswamy, *Hinduism and Buddhism* (New York: The Philosophical Library, no date), p. 63.

124 Зигмунд Фрейд, *По ту сторону принципа удовольствия*. См. также: Karl Menninger, *Love against Hate*, p. 262.

125 Vajracchedikā Sūtra, 32; см. “Sacred Books of the East,” *op. cit.*, p. 144.

126 The smaller Prajñāpāramitā Hṛdāya Sūtra; *ibid.*, p. 153.

127 Nagarjuna, *Madhyamika Shastra*. «Смертное и бессмертное гармонично сливаются в одно, они и не одно, и не отдельное» (Ашвагхоша). Такой взгляд, указывает доктор Кумарасвами, цитируя эти тексты, выражается с драматической силой в афоризме *Yas klesas so bodhi, yas samsaras tat nirvanum,* «Грех — это мудрость, Мир превращений — это тоже нирвана» (Ananda K. Coomaraswamy, *Buddha and the Gospel of Buddhism,* New York: G. P. Putnam’s Sons, 1916, p. 245).

128 Бхагавадгита, 6:29, 6:31.

Здесь показано осуществление того, что Эвелин Андерхилл (Evelyn Underhill) обозначает термином «цель мистического пути». Истинной воссоединяющей жизнью:состоянием божественного изобилия: обожествлением (*op. cit.*, *passim*). Андерхилл, как и профессор Тойнби, совершает распространенную ошибку, предполагая, что эта идея формулируется только в рамках христианского вероучения. Профессор Салмони пишет: «Можно с уверенностью утверждать, что западная мысль, вплоть до сегодняшнего дня, искажалась необходимостью самоутверждаться» (Alfred Salmony, “Die Rassenfrage in der Indienforschung,” Sozialistische Monatshefte, 8, Berlin, 1926, p. 534).

129 Coomaraswamy, *Hinduism and Buddhism,* p. 74.

130 См. E. T. C. Werner, *A Dictionary of Chinese Mythology* (Shanghai, 1932), p. 163.

131 См. Okakura Kakuzo, *The Book of Tea* (New York, 1906). См. также Daisetz Teitaro Suzuki, *Essays in Zen Buddhism* (London, 1927), and Lafcadio Hearn, *Japan* (New York, 1904). [Также о символике чайной церемонии см. *Myths of Light: Eastern Metaphors of the Eternal*, edited by David Kudler (Novato, CA: New World Library, 2003), pp. 133–36. — Ed.]

132 Morris Edward Opler, *Myths and Tales of the Jicarilla Apache Indians* (Memoirs of the American Folklore Society, vol. XXXI, 1938), p. 110.

133 Ср. с. 126.

134 См. с. 96.

135 См. с. 94.

136 См. Zimmer, *Myths and Symbols in Indian Art and Civilization*, pp. 210–14.

137 Сравните с барабаном сотворения мира в руках танцующего Шивы, с. 106.

138 Curtin, *op. cit.*, pp. 106–7.

139 См. Melanie Klein, *The Psycho-Analysis of Children,* The International Psycho-Analytical Library, No. 27 (1937).

140 Róheim, *War, Crime, and the Covenant*, pp. 137–38.

141 Róheim, *The Origin and Function of Culture*, p. 50.

142 *Ibid.*, pp. 48–50.

143 *Ibid.*, p. 50. Сравните с неуязвимостью шамана, вытаскивающего голыми руками угли из костра или ударяющего топором по ногам.

144 См. обсуждение Фрэзера внешней души, *op. cit.*, pp. 667–91.

145 *Ibid.*, p. 671.

146 Pierce, *Dreams and Personality*, p. 298.

147 "The Descent of the Sun," in F. W. Bain, *A Digit of the Moon* (New York: G. P. Putnam's Sons, 1910), pp. 213–325.

148 Róheim, *The Eternal Ones of the Dream,* p. 237. Это так называемый турунга (или *чуринга*), талисман тотемного предка, который отдается юношам. Другой турунга дается им во время обрезания, и он символизирует материнский тотем. В ранние периоды жизни человека, во время рождения защитный турунга укладывался в колыбель. Трещотка — это тоже разновидность турунга. «Это — материальный двойник некоторых сверхъестественных существ, которые связаны с турунга в воззрениях аборигенов центральной Австралии, и этот тотем невидим для них... как и турунга, сверхъестественные существа называются *arpuna mborka* (другое тело) тех реальных людей, которых они защищают» (*ibid.*, p. 98).

149 Исайя, 66:10–12.

150 Ginzberg, *op. cit.*, vol. I, pp. 20, 26–30. Подробные заметки относительно Мессианского пира смотрите в: Ginzberg, vol. V, pp. 43–46.

151 Данте, «Рай», II, 1–9. *цит. пр.,* с. 379–380.

152 Ramāyāna, I, 45, Mahābhārata, I, 18, Matsya Purāṇa, 249–51, и другие тексты. См. Zimmer, *Myths and Symbols in Indian Art and Civilization*, pp. 105 ff.

153 Marco Pallis, *Peaks and Lamas* (4th edition; London: Cassell and Co., 1946), p. 324.

154 *Shri-Chakra-Sambhara Tantra,* Volume VII of "Tantric Texts" (London, 1919), p. 41. «Когда возникает сомнение относительно божественности этих мысленно представляемых богов, — гласит дальше текст, — следует сказать: "Эта Богиня — всего лишь воспоминание тела", — и помнить, что Боги составляют собой Путь» (*loc. cit.*).

155 Ср., напр., К. Г. Юнг, «Об архетипах колективного бессознательного» (orig. 1934; Collected Works, vol. 9, part I; New York and London, 1959).

«Наверное, существуют многие, — пишет доктор Флюгель, — кто до сих пор хотел бы сохранить представление о квазиантропоморфном Боге-Отце как об экстраментальной реальности, даже несмотря на то, что чисто психическое происхождение такого Бога стало очевидным» (*The Psycho-Analytic Study of the Family*, p. 236).

156 «Рай», XXXIII.

157 См. с. 142.

158 J. F. Stimson, *The Legends of Maui and Tahaki* (Bernice P. Bishop Museum Bulletin, No. 127; Honolulu, 1934), pp. 19–21.

159 Bruno Meissner, "Ein altbabylonisches Fragment des Gilgamosepos," *Mitteilungen der vorderasiatischen Gesellschaft*, VII, 1; Berlin, 1902, p. 9.

160 См. Катха-Упанишада, 1: 21, 23–25.

161 Цитата отсылает к P. Jensen, *Assyrischbabylonische Mythen und Epen* (Kellinschriftliche Bibliothek, VI, I; Berlin, 1900), pp. 116–273. Вариант Йенсена является подстрочным переводом основного сохранившегося текста, ассирийской версии из библиотеки царя Ашурбанипала (668–626 до н. э.). Также были найдены и расшифрованы отрывки намного более древнего вавилонского варианта и еще более древнего шумерского оригинала (III тыс. до н. э.).

162 Ko Hung, *Nei P'ien,* Chapter VII (Obed Simon Johnson, *A Study of Chinese Alchemy,* Shanghai, 1928, p. 63).

Ко Хун разработал несколько других, очень интересных рецептов, один — делающий тело «бодрым и роскошным», другой — дающий способность ходить по воде. Относительно обсуждения места Ко Хуна в китайской философии см. Alfred Forke, "Ko Hung, der Philosoph und Alchimist," *Archiv für Geschichte der Philosophie,* XLI, 1–2 (Berlin, 1932), pp. 115–26.

163 Herbert A. Giles, *A Chinese Biographical Dictionary* (London and Shanghai, 1898), p. 372.

164 Афоризм в духе тантризма.

165 Лао Цзы, *Дао дэ цзин*, 16.

166 Данте, «Рай», XXXIII 49–57, *цит пр.,* сс. 379–380.

167 *Кена-Упанишада*, 1:3.

168 *Старшая Эдда,* «Речи Высокого», 138, *цит пр.*, с. 202.

169 *Джатаки*, Introduction, i, 75 (см. Henry Clarke Warren, *Buddhism in Translations* [Harvard Oriental Series 3], Cambridge, MA: Harvard University Press, 1896, pp. 82–83).

Глава III. Возвращение

1 Viṣṇu Purana 23; Bhagavata Puraṇa, 10:51; *Harìvansha*, 114. Базируется на изложении книги Heinrich Zimmer, *Maya, der indische Mythos* (Stuttgart and Berlin, 1936), pp. 89–99.

Сравните с Кришной, как всемирным волшебником или африканским Эдшу (pp. 36–37). Также сравните с полинезийскм трикстером Мауи.

2 “Taliesin,” tr. by Lady Charlotte Guest in *The Mabinogion* (Everyman’s Library, No. 97, pp. 263–64).

3 См. Gertrude Schoepperle, *Tristan and Isolt: A Study of the Sources of the Romance*, (London and Frankfurt-am-Main, 1913).

4 Harva, *op. cit.*, pp. 543–44; цитируется «Первый бурятский шаман Моргон-Кара», *Известия восточно-сибирского отдела русского географического общества* (Иркутск, 1880), с. 88 и далее.

5 John White, *The Ancient History of the Maori, His Mythology and Traditions* (Wellington, 1886–89), vol. II, pp. 167–71.

6 *Сказки братьев Гримм*, № 79.

7 C. G. Jung, *The Integration of the Personality* (New York, 1939), p. 59.

8 См. Аполлоний Родосский, *Аргонавтика:* бегство описывается в книге IV.

9 *Ko-ji-ki*, “Records of Ancient Matters” (a.d. 712), adapted from the translation by C. H. Chamberlain, Transactions of The Asiatic Society of Japan, vol. X, Supplement (Yokohama, 1882), pp. 24–28.

10 Джайминия-упанишад-брахмана, 3.28.5.

11 Frobenius, *Das Zeitalter des Sonnengottes*, pp. 85–87.

12 Tomobe-no-Yasutaka, *Shintō-Shoden-Kuju*.

13 *Shintō-Gobusho*.

14 Izawa-Nagahide, *Shintō-Ameno-Nuboko-no-Ki*.

15 Ichijo-Kaneyoshi, *Nihonshoki-Sanso*.

16 Urabe-no-Kanekuni.

17 Все эти цитаты взяты из Genchi Kato, *What Is Shinto?* (Tokyo: Maruzen Company Ltd., 1935); см. также Lafcadio Hearn,*Japan, an Attempt at Interpretation* (New York: Grosset and Dunlap, 1904).

18 *Ko-ji-ki,* after Chamberlain, *op. cit.*, pp. 52–59.

19 Kramer, *op. cit.,* pp. 87, 95. Заключение поэмы, этого бесценного источника мифов и символов цивилизации, безвозвратно утеряно.

20 От Матфея 26:51; От Марка, 14:47; От Иоанна, 18:10.

21 Мандукья-Упанишада, 5.

22 Вашингтон Ирвинг, *Рип ван Винкль*, (Ирвинг В, Альгамбра. Новеллы; М.: Худ. лит., 1989), сс. 311–314.

23 Бытие, 5.

24 Curtin, *op. cit*., pp. 332–33.

25 Из «Золотой ветви» Джеймса Фрэзера.

26 *Ibid*., pp. 594–95.

27 Из Burton, *op. cit*., III, pp. 231–56.

28 От Матфея, 17:1–9.

29 Определенный элемент комической разрядки можно видеть в наивном проекте Петра (который он выпалил не задумываясь в тот момент, когда видение было перед его глазами) — утвердить невыразимое в каменном основании. За шесть дней до этого Иисус сказал ему: «ты — Петр [*камень*], и на сем камне Я создам Церковь Мою», — затем немного позднее: «думаешь не о том, что Божие, но что человеческое» (От Матфея, 16:18, 23).

30 Бхагавадгита, 11; 1:45–46; 2:9.

31 Брихадараньяка-Упанишада, 1.1.1.

32 Robinson Jeffers, *Cawdor,* p. 116.

33 *Summa contra Gentiles*, I, 5, par. 3.

34 Кена-Упанишада, 2:3.

35 Бхагавадгита, 11: 53–55.

36 От Матфея, 16:25.

37 Shankaracharya, *Vivekachudamani,* 542 и 555.

38 Бхагавадгита, 2:22–24.

39 *Ibid*., 3:19 и 3:30.

40 “Taliesin,” *op. cit*., pp. 264–74.

41 От Иоанна, 8:58.

42 Овидий, *Метаморфозы,* XV.

43 *Сказки братьев Гримм*, № 50, «Спящая красавица».

Глава IV. Ключи

1 Далее эта тема развивается в моих комментариях к изданию сказок братьев Гримм Commentary to the Pantheon Books edition of *Grimm’s Fairy*

Tales (New York, 1944), pp. 846–56. [Также в собрании сочинений Кэмпбелла, *The Flight of the Wild Gander,* pp. 1–19. — Ed.]

2 Псалом XLI, 2–4; Douay.

3 См. the Catholic Daily Missal under “Holy Saturday.” Сокращенный фрагмент представлен выше Dom Gaspar Lefebvre, O. S. B., E. M. Lohmann Co., Saint Paul, MN. [во время публикации этой книги католическая месса полностью исполнялась на латинском языке. — *Примеч. пер.*]

4 В Индии власть (*шакти*) бога воплощается в персонажах его спутниц, так же символизируется и благодать.

5 От Иоанна, 3:3–5.

Часть II

Глава I. Эманации

1 См. C. G. Jung, “On Psychic Energy” (orig. 1928, *Collected Works*, vol. 8). В раннем наброске эта работа была озаглавлена «Теория либидо».

2 См. Кант, *Критика чистого разума.*

3 Фрейд, *Моисей и монотеизм,* 1998. (Orig. 1939.)

4 От Луки, 17:21.

5 См. с. 156.

6 См. с. 77.

7 См. с. 74–76.

8 См. с. 77.

9 Fernando de Alva Ixtlilxochitl, *Historia de la Nacion Chichimeca* (1608), Capitulo I (published in Lord Kingsborough’s *Antiquities of Mexico,* London, 1830–48, vol. IX, p. 205; Также у Alfredo Chavero, *Obras Historicas de Alva Ixtlilxochitl,* Mexico, 1891–92, vol. II, pp. 21–22).

10 Hastings’ *Encyclopaedia of Religion and Ethics*, vol. V, p. 375.

11 См. Mrs. Sinclair Stevenson, *The Heart of Jainism* (Oxford University Press, 1915), pp. 272–78.

12 Мандукья-Упанишада, 3–6.

13 Мандукья-Упанишада, 8–12. [О дальнейших рассуждениях Кэмпбелла о святом слоге OM см. Myths of Light, pp. 33–35. — Ed.]

14 Мандукья-Упанишада, 7.

15 *Ha idra zuta,* Zohar, iii, 288a. Ср. с. 155.

16 *Ha idra rabba qadisha,* xi, 212–14 и 233, translation by S. L. MacGregor Mathers, *The Kabbalah Unveiled* (London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Company, Ltd., 1887), pp. 134–135, 137.

17 *Summa contra Gentiles*, I.i.

18 См. с. 27–30.

19 Johannes C. Anderson, *Maori Life in Ao-tea* (Christchurch [New Zealand], no date [1907?]), p. 127.

20 См. *The Vedantasara of Sadananda* (Mayavati, 1931).

21 Из Richard Wilhelm, *Chinesische Märchen* (Jena: Eugen Diederichs Verlag, 1921), pp. 29–31.

22 Richard Taylor, *Te ika a Maui, or New Zealand and Its Inhabitants* (London, 1855), pp. 14–15.

23 Маленький кружок под главной фигурой на ил. 59. Сравним с китайским Тао или *инь-ян;* см. с. 131.

24 Kenneth P. Emory, "The Tuamotuan Creation Charts by Paiore," *Journal of the Polynesian Society,* vol. 48, no. 1 (March 1939), pp. 1–29.

25 *Ibid.,* p. 12.

26 Чхандогья-Упанишада, 3.19.1–3.

27 A. S. Eddington, *The Nature of the Physical World,* p. 83. [Мифологический образ комического яйца созвучен теории современных физиков о большом взрыве, которую впервые сформулировал Джордж Леметр, католический священник из Бельгии. — Ed.]

28 «Энтропия всегда возрастает». (См. Eddington, pp. 63 ff.) [Это повторение известного второго закона термодинамики, впервые сформулированного в 1824 г. французским ученым Сади Карно. — Ed.]

29 Kenneth P. Emory, "The Tahitian Account of Creation by Mare," *Journal of the Polynesian Society,* vol. 47, No. 2 (June 1938), pp. 53–54.

30 E. A. Wallis Budge, *The Gods of the Egyptians* (London, 1904), vol. I, pp. 282–92.

31 *Калика-пурана,* I (Heinrich Zimmer, *The King and the Corpse,* edited by Joseph Campbell, The Bollingen Series XI, Pantheon Books, 1948, pp. 239 ff.).

32 Брихадараньяка-Упанишада, 1.4.1–5. Сравните фольклорный мотив полета, с. 173–174. См. также *Cypria* 8, (cited by Ananda K. Coomaraswamy, *Spiritual Power and Temporal Authority in the Indian Theory of Government*, American Oriental Society, 1942, p. 361).

33 Мундака-Упанишада, 2.2.5.

34 Zohar, i, 91 b. Quoted by C. G. Ginsburg, *The Kabbalah: Its Doctrines, Development, and Literature* (London, 1920), p. 116.

35 Тайттирия-Упанишада, 3.10.5.

36 Мифы юго-запада Америки описывают это подробно, так же как и истории творения у берберов Алжира. См. Morris Edward Opler, *Myths and Tales of the Jicarilla Apache Indians* (Memoirs of the American Folklore So-

ciety, vol. XXXI, 1938); и Leo Frobenius and Douglas C. Fox, *African Genesis* (New York, 1927), pp. 49–50.

37 George Grey, *Polynesian Mythology and Ancient Traditional History of the New Zealand Race, as Furnished by Their Priests and Chiefs* (London, 1855), pp. 1–3.

38 *Теогония,* 116 и далее. В греческой версии мать не сопротивляется, она сама подает серп.

39 Сравните противопоставление Махора-нуи-а-ранги и Маку у племени маори, с. 218.

40 S. N. Kramer, *op. cit.*, pp. 40–41.

41 Младшая Эдда, “Gylfaginning,” IV–VIII. См. также Младшая Эдда, “Voluspa.”

42 “The Epic of Creation,” Tablet IV, lines 35–143, adapted from the translation by L. W. King, *Babylonian Religion and Mythology* (London and New York: Kegan Paul, Trench, Trubner and Co. Ltd., 1899), pp. 72–78.

43 См. Данте, «Рай», XXX–XXXII.

44 Бытие, 3:7.

45 George Bird Grinnell, *Blackfoot Lodge Tales* (New York: Charles Scribner’s Sons, 1892, 1916), pp. 137–38.

46 J. S. Polack, *Manners and Customs of the New Zealanders* (London, 1840), vol. I, p. 17. Рассматривать эту сказку в качестве мифа космогонического цикла так же неразумно, как иллюстрировать доктрину Троицы с помощью детской сказки «Приемыш Богоматери» “Marienkind” (*Сказки братьев Гримм*, № 3).

47 Harva, *op. cit.*, p. 109, цит. С. Крашенинников, *Описание земли Камчатки* (С.-Петербург, 1819), vol. II, p. 101.

48 Harva, *op. cit.*, p. 109, цит. Потанин, *op. cit.*, vol. II, p. 153.

49 P. J. Meier, *Mythen und Erzählungen der Küstenbewohner der Gazelle-Halbinsel (NeuPommern)* (Anthropos Bibliothek, Band I, Heft 1, Münster i. W., 1909), pp. 15–16.

50 *Ibid.*, pp. 59–61.

51 «В целом вселенная ведет себя так, словно не находится в рамках понимания или под контролем человека. Когда я слышу гимны, обеты и молитвы, которые принимают как нечто само собой разумеющееся или наивно утверждают, что этот необъятный, дикий космос со всеми кошмарными трагедиями, заключенными в нем, есть нечто идеально спланированное и руководимое каким-то существом, я вспоминаю более разумные трактовки этого у одного восточно-африканского племени. «Они говорят, — рассказывает один наблюдатель, — что, хотя Бог добрый и всем желает только всего самого наилучшего, у него есть брат-недоумок,

который вечно вмешивается в его дела. Наличие придурковатого брата хоть как-то объясняет безобразные происшествия и страшные трагедии, происходящие в мире, которые противоречат идее о божественном всемогуществе и которые идея о всеблагом объяснить не может». (Harry Emerson Fosdick, *As I See Religion,* New York: Harper and Brothers, 1932, pp. 53–54).

52 Harva, op. cit., pp. 114–15, quoting W. Radloff, *Proben der Volksliteratur der türkischen Stämme Süd-Siberians* (St. Petersburg, 1866–70), vol. I, p. 285.

Глава II. Непорочное зачатие

1 Кэмпбелл цитирует версию by W. F. Kirby (Everyman's Library, Nos. 259–60).

2 *Калевала*, руна I.

3 *Ibid.*

4 *Ibid.*

5 *Ibid.*

6 Leo Frobenius and Douglas C. Fox, *African Genesis* (New York, 1937), pp. 215–20.

7 Евангелие Псевдо-Матфея, гл. ix.

8 Kingsborough, *op. cit.*, vol. VIII, pp. 263–64.

9 Kalidasa, *Kumarasamibhavam* ("The Birth of the War God Kumara"). English translation by R. Griffith (2nd ed., London: Trubner and Company, 1897).

10 E. E. V. Collocott, *Tales and Poems of Tonga* (Bernice P. Bishop Museum Bulletin, No. 46, Honolulu, 1928), pp. 32–33.

Глава III. Метаморфозы героя

1 Giles, *op. cit.*, pp. 233–34; Rev. J. MacGowan, *The Imperial History of China* (Shanghai, 1906), pp. 4–5; Friedrich Hirth, *The Ancient History of China* (Columbia University Press, 1908), pp. 8–9.

2 Giles, *op. cit.*, p. 656; MacGowan, *op. cit.*, pp. 5–6; Hirth, *op. cit.*, pp. 10–12.

3 Giles, *op. cit.*, p. 338; MacGowan, *op. cit.*, pp. 6–8; Edouard Chavannes, *Les memoires historiques de Sema Ts'ien* (Paris, 1895–1905), vol. I, pp. 25–36. См. также John C. Ferguson, *Chinese Mythology* ("The Mythology of All Races," vol. VIII, Boston, 1928), pp. 27–28, 29–31.

4 Эти три легенды появляются в выдающемся физиологическом исследовании Отто Ранка: Dr. Otto Rank, *The Myth of the Birth of the Hero*

(Nervous and Mental Disease Monographs; New York, 1910). Вариант третьего возникает в *Gesta Romanorum,* Tale LXXXI.

5 Этапы жизни Карла Великого подробно освещены в Joseph Bedier*, Les legendes epiques* (3rd ed.; Paris, 1926).

6 Louis Ginzberg, *The Legends of the Jews* (Philadelphia: The Jewish Publication Society of America, 1911), vol. III, pp. 90–94.

7 George Bird Grinnell, *Blackfoot Lodge Tales* (New York: Charles Scribner's Sons, 1892, 1916), pp. 31–32.

8 Elsie Clews Parsons, *Tewa Tales* (Memoirs of the American Folklore Society, XIX, 1926), p. 193.

9 Из Sister Nivedita and Ananda K. Coomaraswamy, *Myths of the Hindus and Buddhists* (New York: Henry Holt and Company, 1914), pp. 221–32.

10 Parsons, *op. cit.*, p. 193.

11 "Táin bo Cúalnge" (версия в книге *Book of Leinster,* 62 a–b): edited by Wh. Stokes and E. Windisch, *Irische Texte* (Extraband zu Serie I bis IV; Leipzig, 1905), pp. 106–17; Английский перевод в Eleanor Hull *The Cuchullin Saga in Irish Literature* (London, 1898), pp. 135–37.

12 *Book of Leinster*, 64b–67b (Stokes and Windisch, *op. cit.*, pp. 130–69); Hull, *op. cit.*, pp. 142–54.

13 Из Eleanor Hull, *op. cit.*, p. 154; переведено из *Book of Leinster,* 68a (Stokes and Windisch, *op. cit.*, pp. 168–71).

14 Hull, *op. cit.*, pp. 174–76; из *Book of Leinster*, 77 (Stokes and Windisch, *op. cit.*, pp. 368–77). Сравните с преображением Кришны, с. 198–201; см. также ил. 32.

15 Uno Holmberg (Uno Harva), *Der Baum des Lebens* (Annales Academiae Scientiarum Fennicae, Ser. B, Tom. XVI, No. 3; Helsinki, 1923), pp. 57–59; из Н. Горохов, «Юрюнг Уолан» (Известия восточно-сибирского отдела и русского географического общества, XV), с. 43 и далее.

16 *Калевала*, III.

17 Clark Wissler and D. C. Duvall, *Mythology of the Blackfeet Indians* (Anthropological Papers of the American Museum of Natural History, vol. II, Part I, New York, 1909), pp. 55–57. Цит. в Thompson, *op. cit.*, pp. 111–13.

18 Jacobus de Voragine, *op. cit.*, CIV, "Saint Martha, Virgin."

19 *The Wooing of Emer,* цит в. E. Hull, *op. cit.*, pp. 57–84.

20 Parsons, *op. cit.,* p. 194.

21 Firdausi, *Shah-Nameh,* translation by James Atkinson (London and New York, 1886), p. 7.

22 Opler, *op. cit.*, pp. 133–34.

23 Адаптировано из Nivedita and Coomaraswamy, *op. cit.,* pp. 236–37.

24 Coomaraswamy, *Hinduism and Buddhism,* pp. 6–7.

25 От Матфея, 10:34–37.

26 Бхагавадгита, 18:51–53.

27 Антифоны монахинь при их освящении как Невест Иисуса; из католического архиерейского обрядника. См.: *The Soul Afire*, pp. 289–292.

28 Ginzberg, *op. cit.*, vol. I, pp. 305–6.

29 Wilhelm Stekel, *Die Sprache des Traumes,* dream no. 421. Здесь смерть представлена в четырех образах, отмечает Штекель: как старый скрипач, как косоглазый человек, как старая женщина, как молодой крестьянин (косец и жнец).

30 Bernardino de Sahagun, Historia General de las Cosas de Nueva Espana (Mexico, 1829), Lib. III, Cap. xii–xiv (condensed). Работа была переиздана Pedro Robredo (Mexico, 1938), vol. I, pp. 278–82.

31 Thomas A. Joyce, *Mexican Archaeology* (London, 1914), p. 46.

32 "Taín bó Regamna," edited by Stokes and Windisch, *Irische Texte* (zweite Serie, Heft 2; Leipzig, 1887), pp. 241–54. The above is condensed from Hull, *op. cit.*, pp. 103–7.

33 Parsons, *op. cit.*, pp. 194–95.

34 Из Henry Clarke Warren, *Buddhism in Translations* (Harvard Oriental Series 3), Cambridge, MA: Harvard University Press, 1896, pp. 95–110.

Сравните со стадиями космической эманации, с. 218.

Глава IV. Растворение

1 Бхагавадгита, 10:20.

2 Брихадараньяка-Упанишада, 4. 3. 36–37.

3 James Henry Breasted, Development of Religion and Thought in Egypt (New York: Charles Scribner's Sons, 1912), p. 275.

Сравните с поэмой о Талиесине, с. 208–9.

4 Franz Boas, *Race, Language, and Culture* (New York, 1940), p. 514. См. с. 84–86.

5 Sahagun, *op. cit.*, Lib. I, Apendice, Cap. i, ed. Robredo, vol. I, pp. 284–86.

6 B E. A. W. Budge: *The Book of the Dead, The Papyrus of Ani, Scribe and Treasurer of the Temples of Egypt, about b.c. 1450* (New York, 1913).

7 Из Henry Clarke Warren, *Buddhism in Translations*, pp. 38–39.

8 Sylvanus G. Morley, *An Introduction to the Study of the Maya Hieroglyphics* (57th Bulletin, Bureau of American Ethnology, Washington, D. C., 1915). Plate 3 (facing p. 32).

9 *Ibid*., p. 32.

10 Основано на Старшей Эдде, “Voluspa,” (Bellows, *op. cit*., pp. 19–20, 24), и Младшей Эдде “Gylfaginning,” LI (Brodeur, *op. cit*., pp. 77–81).

11 От Матфея, 24:3–36.

Эпилог. Миф и общество

1 Одиссей, IV.

2 *Ibid*., IV.

3 Ницше, *Так сказал Заратустра,* 1.22.3.

Список иллюстраций с примечаниями

Ил. 1. *Горгона Медуза* (мрамор). Древний Рим, точная дата неизвестна. Из дворца Ронданини, Рим. Находится в Глипотеке, Мюнхен. Фотография из H. Brunn and F. Bruckmann, *Denkmäler griechischer und römischer Sculptur*, Verlagsanstalt für Kunst und Wissenschaft, Munich, 1888–1932.

Ил. 2. *Вишну размышляет о Вселенной* (каменная скульптура). Индия, 400–700 гг. н. э. Храм Дашатвара (Храм Десяти аватар), Деогар, Центральная Индия.

Ил. 3. *Силены и Менады* (чернофигурная амфора, эллинистический период). Сицилия, 500–450 гг. до н. э. Обнаружена на раскопках погребения в Джеле, Сицилия. Monumenti Antichi, pubblicati per cura della Reale Accademia dei Lincei, vol. XVII, Milan, 1907, plate XXXVII.

Ил. 4. *Минотавромахия (убийство Минотавра)* (краснофигурный кратер). Греция, 470 г. до н. э. На рисунке изображен Тесей, убивающий Минотавра коротким мечом, это традиционная версия истории, изображенная на вазах. По легенде, герой убил чудовище голыми руками. *Collection des vases grecs de M. Le Comte de Lamberg, expliquee et publiee par Alexandre de la Borde*, Paris, 1813, plate XXX.

Ил. 5. *Огненный ритуал Синто* (фотография Джозефа Кэмпбелла). Япония, 1956 г. Кэмпбелл посетил церемонию в Киото вместе с группой *Ямабуши* (горных колдунов). Более подробно этот эпизод описывается здесь: Joseph Campbell:*Sake and Satori: Asian Journals—Japan*, Novato, CA: New World.

Ил. 6. *Укротитель чудовищ* (необработанные ракушки и ляпис лазурный). Шумер, Ирак, 2650–2400 гг. до н. э. В центре изображен, предположительно, Гильгамеш. [Это верхняя часть резонатора лиры, найденной на раскопках так называемых царских гробниц в Уре сэром Леонардом Вули. — Примеч. ред. англ. издания.]

Ил. 7. Будда Шакьямуни под Деревом Бодхи (резьба по аспидному сланцу). Индия, конец IX — начало X в. н. э. Из коллекции Mr. and Mrs. John D. Rockefeller III Collection of Asian Art. © The Asia Society.

Ил. 8. *Игдразиль, Мировое древо*. Скандинавия, начало XIX в. н. э. Richard Folkard, *Plant Lore, Legends and Lyrics* (1844), after Finnur Magnusson, “The World Tree of the Edda,” Eddalaeren og dens Oprindelse, book III (1825).

Ил. 9. *Омфалос* (золотой фиал). Тракийская Болгария, IV–III в. до н. э. Часть так называемого сокровища Панагюриште. Archaeological Museum, Plovdiv, Bulgaria. © Erich Lessing/Art Resource, NY.

Ил. 10. *Психея входит в сад Купидона* (холст, масло). Англия, 1903 г. John William Waterhouse (1849–1917). © Harris Museum and Art Gallery, Preston, Lancashire, UK. The Bridgeman Art Library.

Ил. 11. *Апис в обличье быка переносит усопшего в облике Осириса в подземный мир* (резьба по дереву). Египет, 700–650 гг. до н. э. Фрагмент египетского саркофага из фондов Британского музея. [В первом издании Кэмпбелл вслед за исследователем Баджем (Budge) ошибочно ассоциировал с Осирисом. Но Апис был сыном Хатора и сопровождал душу недавно умершего человека в загробном мире. Диана Браун из Эдинбургского университета указывает: «Изображения наверху символизируют объединение Двух Земель, Лотос символизирует верхний Египет, а Папирус — нижний. Волнистые линии внизу, на которых стоит бык, символизируют воду. В Древнем Египте небо (Нут) считалось водной стихией. Поэтому бык Апис несет Осириса на небо. Бык ассоциируется с творческой животворящей силой, которая трансформирована в Осирисе, сверхъестественном существе. — Примеч. ред. англ. издания.] E. A. Wallis Budge, *Osiris and the Egyptian Resurrection*, London: Philip Lee Warner; New York: G. P. Putnam’s Sons, 1911, vol. I, p. 13.

Ил. 12. *Исида в обличье ястреба следует за Осирисом в Подземный мир* (резьба по дереву). Египет эпохи Птолемеев, I в. н. э. Изображено зачатие Гора, который сыграет важную роль в спасении своего отца (сравним с ил. 47). Один из барельефов на стенах храма в Дендере, иллюстрирующий ежегодные ритуалы, проводимые здесь во славу этого бога. E. A. Wallis Budge, *Osiris and the Egyptian Resurrection*, London: Philip Lee Warner; New York: G. P. Putnam’s Sons, 1911, vol. II, p. 28.

Ил. 13. *Аполлон и Дафна* (резьба по слоновой кости, коптское искусство). Египет, V в. н. э. Museo Nazionale, Ravenna, Italy. © Scala/ Art Resource, NY.

Ил. 14. *Горы, что падают. Тростник, что режет* (песчаная живопись, индейцы навахо). Северная Америка, 1943 г. [Обратите внимание на волшебное перо слева, маленький черный квадрат изображает

близнецов, которым чары помогли успешно преодолеть все опасности. — Примеч. ред. англ. издания.] Из: Maude Oakes and Joseph Campbell, *Where the Two Came to the Father: A Navaho War Ceremonial*, Bollingen Series, Pantheon Books, 1943, plate III.

Ил. 15. *Виргилий ведет Данте* (чернила, пергамент). Италия, XIV в. н. э. Данте и Виргилий входят в крепость, а путь им преграждают совы из «Ада» Данте Алигьери (1265–1321). Музей Конде, Шантильи, Франция. Giraudon/The Bridgeman Art Library.

Ил. 16. *Одиссей и сирены* (деталь картины, раскрашенный лекиф). Греция, V в. до н. э. В настоящий момент находится в фонде Центрального музея в Афинах. Eugenie Sellers, "Three Attic Lekythoi from Eretria," *Journal of Hellenic Studies*, vol. XIII, 1892, plate I.

Ил. 17. *Баал с копьем-молнией* (стела, известняк). Ассирия, XV–XIII в. до н. э. Обнаружен на раскопках акрополя на Рас-Шамра (древний город Угарит). Лувр, Франция. The Bridgeman Art Library.

Ил. 18. *Сатурн, пожирающий своих детей* (деталь картины, холст, масло). Испания, 1819 г. Картина Франсиско Хосе де Гойя (1746–1828) из серии «Мрачные картины». Museo del Prado, Madrid, Spain. © Erich Lessing/Art Resource, NY.

Ил. 19. *Стражи у входа, вооруженные молниями* (раскрашенное дерево). Япония, 1203 г. н. э. Ункэй (ум. 1223). *Kongō-rikishi* (Sanskrit, *Vajrapāṇi*, "Thunderbolt Handler"), гигантские стражи у входа в храм Тодайджи в Наре, Япония.

Ил. 20. Возвращение *Ясона* (краснофигурная ваза, этрусское искусство, 470 г. до н. э.). Фрагмент изображения на вазе из Черветери, приписывается Дурису, в настоящий момент находится в Этрусской коллекции Ватикана, Рим. Фотография Д. Андерсона. Такая интерпретация путешествия Ясона в литературном варианте легенды отсутствует. «Художник, который расписывал вазу, мог помнить или догадываться о мифе, в соответствии с которым победитель дракона — это его семья. Ясон возрождается к жизни, выходя из пасти дракона». (Jane Harrison, *Themis: A Study of the Social Origins of Greek Religion*, 2nd rev. ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1927, p. 435). Золотое руно свисает с дерева. Афина со своей совой, покровительница героев, ожидает героя. Обратите внимание на горгону на ее щите (ср. с ил. 1).

Ил. 21. *Искушение святого Антония* (гравюра на меди). Германия, 1470 г. до н. э. Martin Schongauer (c. a. d. 1448–1491). © The Trustees of the British Museum.

Ил. 22. *Психея и Харон* (холст, масло). Англия, 1873 г. н. э. Частная коллекция. John Roddam Spencer Stanhope (a.d. 1829–1908). Roy Miles Fine Paintings. © The Bridgeman Art Library.

Ил. 23. *Мать Богов* (деревянная скульптура). Эгба-Йоруба, Нигерия, дата неизвестна. Одудуа с сыном Огуном, богом войны и железа, сидящим на коленях. Собака посвящается этому богу. Человек-страж играет на барабане. Музей Хорниман, Лондон. Photo from Michael E. Sadler, *Arts of West Africa*, International Institute of African Languages and Cultures,Oxford Press, London: Humphrey Milford, 1935.

Ил. 24. *Диана и Актеон* (мраморный метоп, эллинский период). Сицилия, 460 г. до н. э. Диана наблюдает, как собаки разрывают Актеона в клочья. Metope from Temple E at Selinus, Sicily. Museo Archeologico, Palermo, Sicily, Italy. © Scala/Art Resource, NY.

Ил. 25. *Кали пожирает свою жертву* (деревянная скульптура). Непал, XVIII–XIX вв. н. э. Лондон, музей Виктории и Альберта, Индийский музей.

Ил. 26. *Дева Мария открывающаяся* (раскрашенная деревянная скульптура). Франция, XV в. Национальный музей в Клюни, Париж. © Musee National du Moyen Age et des Thermes de Cluny, Paris. Giraudon/ The Bridgeman Art Library.

Ил. 27. *Сотворение мира* (деталь фрески). Италия, 1508–1812 г. Микеланджело Буонаротти, Сикстинская капелла, Рим. Сотворение Солнца и Луны. Vatican Museums and Galleries, Vatican City, Italy. © Erich Lessing/ Art Resource, NY.

Ил. 28. *Шива, бог Космического Танца* (литая бронза). Индия, X–XII вв. н. э. Музей Мадраса, Мадрас, Индия. Photo from Auguste Rodin, Ananda Coomaraswamy, E. B. Havell, Victor Goloubeu, *Sculptures Civaites de l»Inde*, Ars Asiatica III. Brussels and Paris: G. van Oest et Cie., 1921.

Ил. 29. *Падение Фаэтона* (пергамент, чернила). Италия, 1533 г. Микеланджело Буанаротти. [В верхней части картины Юпитер восседает на своем орле и направляет жезл-молнию на Фаэтона, сына Аполлона, который попросил у отца разрешения управлять его солнечной колесницей. Юпитеру пришлось убить Фаэтона, чтобы спасти Землю. Внизу рыдают его сестры Гелиады, превращась в тополя. Речной бог Эридан (река По), в реку которого рухнул поверженный Фаэтон, лежит внизу. Из «Метаморфоз» Офидия.] © The British Museum.

Ил. 30. *Шаман* (наскальный рисунок, выполненный черной краской; эпоха палеолита). Франция, 10 000 лет до н. э. Одно из самых ранних изображений шамана, найденное в пещере Труа-Фрер в Монтескье-Аванте, департамент Арьеж, Франция. Рисунок Джорджа Армстронга. Из книги Джозефа Кэмпбелла *The Flight of the Wild Gander*. Novato, CA: New World Library, 2002, Fig. 5.

Ил. 31. *Плачущий Вселенский Отец* (бронза, доинковский период). Аргентина, 650–750 г. н. э. Декоративный диск, найденный в местечке Андалгала, Катамарка, на северо-западе Аргентины, предположительно изображает бога доинковской культуры по имени Виракоча. Голова бога окружена сияющим солнечным нимбом, в руках молнии, а из глаз текут слезы. Существа на его плечах, возможно, Имаяна и Токапу, два сына и посланца Виракочи, принявшие обличье животных. Фотография опубликована в *The Proceedings of the International Congress of Americanists*, vol. XII, Paris, 1902.

Ил. 32. Бодхисаттва (плакат в храме). Тибет, XIX в. Бодхисаттва со ста семнадцатью головами, известный под именем Ушнашаситатапатра в окружении будд и бодхисаттв, олицетворяет свое могущество в различных сферах бытия. В левой руке держит Мировой Зонт (*axis mundi* — мировую ось), а в правой — Колесо Закона (*dharmacakra*). У многочисленных ног Бодхисаттвы собрались люди со всего мира, которые молились о просветлении, а под ногами трех «яростных демонов» распростерлись несчастные жертвы собственной похоти, отчуждения и заблуждений. Солнце и луна в верхних углах картины символизируют чудесный союз или единство вечности и времени, нирваны (*nirvana*) и мира. Буддистские монахи-ламы наверху в центре символизируют ортодоксальную тибетскую ветвь буддизма, представители которой создали это изображение на храмовом плакате. American Museum of Natural History, New York City.

Ил. 33. *Гуань Инь, Авалокитешвара Бодхисаттва* (раскрашенное дерево). Китай, XI–XIII в. н. э. Metropolitan Museum of Art, New York.

Ил. 34. *Предок-андроген* (деревянная скульптура). Мали, XII в. н. э. Деревянная скульптура из района Бандиагара, французский Судан [Мали]. Коллекция Лары Харден, Нью-Йорк. Фото Уолкера Эванса. The Museum of Modern Art, New York City.

Ил. 35. *Бодхидхарма* (роспись по шелку). Япония, XVI в. н. э. Бодхидхарма умер около 532 г. н. э., был известен в Японии под именем Дарума, в Индии основал дзен-буддизм, который проповедовал в Китае. Легенда гласит, что он провел девять лет, медитируя в одиночестве, потеряв возможность двигать руками и ногами. Дзен стал влиятельным религиозным направлением в Японии XIII в. С этого момента японские монахи стали рисовать изображения Бодхидхармы кистью и чернилами, используя эти рисунки в качестве инструмента для достижения просветления (*satori*). Британский Музей.

Ил. 36. *Чайная Церемония: Обитель Пустоты* (фотография Джозефа Кэмпбелла). Япония, 1958 г. [Гейша и гости чайной церемонии, Токио, Япония. Кэмпбелл посетил эту церемонию, принимая участие

в международном конгрессе истории религий. — Примеч. ред. англ. издания) © Joseph Campbell Foundation.

Ил. 37. *Лингам-Йони* (резьба по камню). Вьетнам, XIX в. н. э. Найден в святилище Кат Тьен во Вьетнаме, провинция Лам Донг.

Ил. 38. *Кали Астриде Шива* (гуашь, бумага). Индия, дата неизвестна. Частная коллекция.

Ил. 39. *Исида подносит Душе хлеб и воду*. Египет, дата неизвестна. E. A. Wallis Budge, *Osiris and the Egyptian Resurrection*, London: Philip Lee Warner; New York: G. P. Putnam's Sons, 1911, vol. II, p. 134.

Ил. 40. *Брахма, Вишну и Шива со своими спутниками* (цветная миниатюра). Индия, начало XIX в. н. э. Триада богов индуизма Брахма, Вишну, Шива со своими спутницами Сарасвати, Лакшми, Парвати. Company School, southern India (Madras presidency, early nineteenth century a.d., but pre–1828). Victoria and Albert Museum, London, Great Britain. © Art Resource, NY.

Ил. 41. *Победа над чудовищем: Давид и Голиаф; Мучения в аду; Самсон, побеждающий льва* (гравюра). Германия, 1471 г. Страница из Библии *Biblia Pauperum*, German edition, 1471, относящейся к XV в., изображает события из жизни Христа, описанные в Ветхом Завете. Сравните с ил. 50. Edition of the Weimar Gesellschaft der Bibliophilen, 1906.

Ил. 42. *Ветвь бессмертия* (алебастровый барельеф). Ассирия, 885–860 г. до н. э. Панель на стене из дворца Ашурнасирапала II, Короля Ассирии в Калху (современный Нимруд). The Metropolitan Museum of Art, New York City.

Ил. 43. *Бодхисаттва* (каменная скульптура). Камбоджа, XII в. н. э. Фрагмент руин Ангкора. Фигура Будды, венчающая голову Бодхисаттвы — это характерный признак (см. ил. 32 и 33, на первом фигура будды располагается наверху из пирамиды голов). Musee Guimet, Paris. Photo from *Angkor*, editions "Tel," Paris, 1935.

Ил. 44. *Возвращение блудного сына* (холст, масло). Голландия, 1662 г. Рембрандт ван Рейн (1606–1669). Эрмитаж, Санкт-Петербург. *The Yorck Project: 10.000 Meisterwerke der Malerei*. DVD-ROM, 2002.

Ил. 45а. *Одна из сестер горгон преследует Персея, убегающего с головой Медузы* (краснофигурная амфора). Греция, V в. до н. э.

Ил. 45б. *Персей убегает с головой горгоны Медузы в сумке* (краснофигурная амфора). Греция, V в. до н. э. Персей, вооруженный мечом, который подарил ему Гермес, подкрался к трем сестрам горгонам, пока они спали, отрубил голову Медузы, положил ее в суму и улетел на своих крылатых сандалиях. В литературных версиях этой истории герою удается улизнуть незамеченным благодаря шлему-невидимке, но на этом изображении мы видим, что одна из выживших сестер

гонится за ним. Из коллекции Мюнхенского антикварного музея Munich Antiquarium. Adolf Furtwangler, Friedrich Hauser, and Karl Reichhold, *Griechische Vasenmalerei*, Munich, F. Bruckmann, 1904–1932, Plate 134.

Ил. 46. *Кардивен в облике гончей преследует Гвион-Баха в образе зайца* (литография). Великобритания, 1877 г. Этот рисунок, как и предыдущий, нанесен на одну из сторон амфоры. Такая композиция производит забавное впечатление. (См. Furtwangler, Hauser, and Reichhold, *op. cit*., Serie III, Text, p. 77, Fig. 39.)

Ил. 47. *Воскрешение Осириса* (барельеф). Египет эпохи Птолемеев, 282–145 г. до н. э. Lady Charlotte Guest, “Taliesin,” *The Mabinogion*, 2nd ed., 1877, vol. III, p. 493.

Ил. 48. *Аматерасу выходит из пещеры* (ксилография). Япония, 1860 г. Утагава Кунисада (1785–1864). Музей Виктории и Альберта. Art Resource, NY.

Ил. 49. *Богиня восстает* (мрамор). Италия/Греция, 460 г. до н. э. [Этот мраморный рельеф нанесен на заднюю спинку кресла, обнаруженного в 1887 г. на месте бывшей виллы Людовизи, поэтому произведение известно под названием «Трон Людовизи». Вероятно, работа мастеров ранней античной Греции. — Примеч. ред.] Photo: *Antike Denkmäler*, herausgegeben vom Kaiserlich Deutschen Archaeologischen Institut, Berlin: Georg Reimer, vol. II, 1908.

Ил. 50. *Возвращение героя: Самсон с дверьми храма/Христос Воскрес/Иона* (гравюра). Германия, 1471 г. Страница из Библии Biblia Pauperum, относящаяся к XV в., иллюстрирует события из жизни Христа. Ср. с ил. 41. Edition of the Weimar Gesellschaft der Bibliophilen, 1906.

Ил. 51. *Кришна ведет Арджнуну в битву* (гуашь, картон). Индия, XVIII в. н. э. Photo by Iris Papadopoulos. Museum für Asiatische Kunst, Staatliche Museen zu Berlin, Berlin, Germany. Bildarchiv Preussischer Kulturbesitz/ Art Resource, NY.

Ил. 52. *Космическая богиня-львица держит солнце* (лист манускрипта). Индия, XVIII в. н. э. The Pierpont Morgan Library, New York City.

Ил. 53. *Космическая женщина Джайнов* (гуашь, ткань). Индия, XVIII в. н. э. Раджастан. Великая богиня олицетворяет весь мир.

Ил. 54. *Источник Жизни* (масло, дерево). Фландрия, 1520 г. Центральная панель триптиха Жана Беллльгамбе из Дуай. Женская фигура помощницы справа с корабликом на голове — это Надежда; симметричная ей фигура слева — Любовь. The Palais des Beaux-Arts, Lille.

Ил. 55. *Камень Солнца* (резьба по камню). Ацтекская империя, 1479 г. Тенчтитлан, Мексика. Museo Nacional de Antropologia e Historia, Mexico City, D.F., Mexico. The Bridgeman Art Library.

Ил. 56. *Космическая женщина джайнов — деталь космического колеса* (гуашь, ткань). Индия, XVIII в. н. э. Колесо. Это центральная деталь с ил. 53. Про него Кэмпбелл сказал так: «На уровне груди великого космического существа... ход времени отмечен постоянным круговоротом из двенадцати этапов, которые уже были описаны, инкарнациями, посредством которых все мы проходим через время и процесс этот длится и сейчас». Joseph Campbell, *Oriental Mythology, The Masks of God*, vol.II. New York: Arcana, 1991, p. 225. [For Campbell's extended exploration of Jain cosmology, see *Oriental Mythology*, pp. 218–234.—Ed.]

Ил. 57. *Макропрозоп* (гравюра). Германия, 1684 г. Christian Knorr von Rosenroth, *Kabbala Denudata*, Frankfurtam-Main, 1684.

Ил. 58. *Тангароаа, порождающий богов и людей* (деревянная скульптура). Остров Руруту, начало XVIII в. н. э. Полинезия. Группа островов Тубуай (Австралия) в южной части Тихого Океана.

Ил. 59. Сотворение мира Туамотуа. Внизу — космическое яйцо. Наверху — возникают люди и формируется вселенная. Туамотуа, XIX в. н. э. Kenneth P. Emory, "The Tuamotuan Creation Charts by Paiore," *Journal of the Polynesian Society*, vol. 48, no. 1 (March 1939), p. 3.

Ил. 60. *Разделение Неба и Земли*. Египет. Дата не установлена. Этот персонаж часто изображается на египетских гробницах и папирусах. Бог воздуха Шу-Хека разделяет Нут и Геб по приказанию Ра, который пожелал разъединить их кровосмесительный союз. В этот момент был сотворен мир. F. Max Muller, *Egyptian Mythology, The Mythology of All Races*, vol. XII, Boston: Marshall Jones Company, 1918, p. 44.

Ил. 61. *Умервщление Имира* (литография). Дания, 1845 г. Lorenz Frolich (1820–1908).

Ил. 62. *Бог Солнца сражается с Богом Хаоса* (алебастровый барельеф). Ассирия, 885–886 г. до н. э. Панель со стены во дворце Ашурбанипала II (885–860 г. н. э.), царя Ассирии, в Калу (Нимруд). Вероятно, здесь представлено божество этой страны Ассур, которое исполняет такую же роль, как и Мардук в Вавилоне, а ранее — Энлиль, шумерский бог бури. Фото с гравюры Austen Henry Layard, *Monuments of Nineveh*, Second Series, London: J. Murray, 1853. Оригинальная панель находится в данный момент Британском музее. Ей причинен такой ущерб, что детали изображения едва различимы. Стиль изображения тот же, что и на ил. 42.

Ил. 63. *Кхнему лепит сына фараона на гончарном круге, а Тот отмеряет ему жизнь* (папирус). Египет эпохи Птолемеев, III–I вв. до н. э. E. A. Wallis Budge, *The Gods of the Egyptians*, London: Methuen and Co., 1904, vol. II, p. 50.

Ил. 64. *Эдшу-трикстер* (деревянная скульптура, ракушки-каури и кожа). Йоруба; Нигерия, XIX — начало XX в. н. э. Частная коллекция Paul Freeman. The Bridgeman Art Library.

Ил. 65. *Рожающая Тласолтеотль* (статуя из аплита с включениями граната). Ацтекская империя, конец XV — начало XVI в. н. э. Photo, after Hamy, American Museum of Natural History, New York City.

Ил. 66. *Нут (Небо) рожает Солнце; Его лучи падают на Хатхор (Любовь и Жизнь) на горизонте* (барельеф). Египет эпохи правления Птолемеев, I в. до н. э. Сфера у рта богини символизирует вечернее солнце, которое она вот-вот проглотит, а затем оно возродится вновь. [Из так называемой Новогодней Часовни (Chapel of the New Year) в храме Хатор, Дендера, Египет, построенном в I в. до н. э. — Примеч. ред. англ. издания.] E. A. Wallis Budge, *The Gods of the Egyptians*, London: Methuen and Co., 1904, vol. I, p. 101.

Ил. 67. *Лунный царь и его народ* (наскальная живопись). Зимбабве, 1500 г. до н. э. Фрагмент доисторической наскальной живописи в Южной Родезии (современный Зимбабве). Изображение, вероятно, ассоциируется с легендой о Лунном царе Мвуетси. Поднятая правая рука крупной отклоняющейся фигуры держит рог. Предположительно датируется открывшим фрагмент ученым Лео Фробениусом, как относящееся к 1500 г. до н. э.

Ил. 68. *Мать Земли Коатликуэ в юбке из змей* (барельеф). Ацтекская империя, конец XV в. Голова богини состоит из двух сросшихся змеиных голов. На шее у нее ожерелье из сердец, рук и черепов. Одна из двух огромных статуй Великого храма в Теночтитлане. Обнаружена на раскопках в главном дворе храма, в Мехико. Museo Nacional de Antropologia e Historia, Mexico City, D.F., Mexico. Werner Forman/Art Resource, NY.

Ил. 69. *Лунная колесница* (барельеф). Камбоджа, 1113–1150 гг. н. э. Барельеф в храмовом комплексе Ангкор Ват. Фотография из: Angkor editions "Tel," Paris, 1935.

Ил. 70. *Дочь фараона находит Моисея* (деталь картины, холст, масло). Англия, 1886 г. Эвин Лонг, 1886. City of Bristol Gallery. *The Yorck Project: 10.000 Meisterwerke der Malerei*. DVD-ROM, 2002.

Ил. 71. *Кришна держит гору Говардхан* (краски, бумага). Индия, 1790 г. н. э. Приписывается Мола Раму (1760–1833). [Обратите внимание на Индру, восседающего на слоне в верхней левой части картины. — Примеч. ред. англ. издания.] Smithsonian Institute Asia Collection.

Ил. 72. *Петроглиф эпохи палеолита* (наскальный рисунок). Алжир, дата неизвестна. Обнаружен на раскопках поселения эпохи палеолита, рядом с селением Тиут. Животное, напоминающее кошку, между охотником и страусом, скорее всего изображает дрессированную

охотничью пантеру, а животное с рогами сзади слева, рядом с матерью охотника, прирученное животное, пасущееся на лугу. Leo Frobenius and Hugo Obermaier, *Hadschra Maktuba*, Munich: K. Wolff, 1925, vol. II, Plate 78.

Ил. 73. *Нармер побивает правителя врагов* (палетка, алевролит, Древнее царство). Египет, 1300 г. до н. э. Обратная сторона Нармерской палетки. Церемониальная палетка из аспидного сланца эпохи позднего предцарствия. Фараон Нармер изображен в алой короне во время покорения Нижнего Египта. Прямоугольный картуш Нармера насажен на палетку. Из Гиераконполиса, Ком-эль-Ахмар. Египетский музей, Каир, Египет. Erich Lessing/Art Resource, NY.

Ил. 74. *Юный бог маиса* (каменная скульптура, майя). Гондурас, 680–750 г. н. э. Фрагмент фигуры из песчаника, из древнего города майя под названием Копан. Выражаем признательность Американскому музею естественной истории. The American Museum of Natural History, New York City.

Ил. 75. *Эдип ослепляет себя* (деталь, барельеф, Древний Рим). Италия, II–III вв. н. э. Деталь рельефа на римском мавзолее, выполнена из песчаника, находится в музее Neumagen Rheinisches Landesmuseum, Trier, Germany. Erich Lessing/Art Resource, NY.

Ил. 76. *Смерть Будды* (барельеф). Индия, конец V в. н. э. Ajanta Caves, Cave #26 (Chaitya Hall), Maharashtra, India. Vanni/Art Resource, NY.

Ил. 77. *Осень (маска смерти)* (раскрашенное дерево, инуиты). Северная Америка, дата неизвестна. Обнаружена на юго-западе Аляски. The American Indian Heye Foundation, New York City.

Ил. 78. *Осирис, судья мертвых* (папирус). Египет, 1275 г. до н. э. Позади Осириса стоят богини Исида и Нептис. Перед ним лотос или лилия, из которой растут его дети, четыре сына Гора. Внизу, рядом — озеро со священной водой, божественный источник Нила на Земле, берущий начало из Рая. В левой руке бог держит цеп или хлыст, а в правой — крючковатый посох. Карниз наверху украшен рядом из двадцати восьми священных змей, каждая из которых держит диск. [Из *The Papyrus of Hunefer*, Thebes, Egypt nineteenth Dynasty, around 1275 b.c.—Ed.] E. A. Wallis Budge, Osiris and the Egyptian Resurrection, London: Philip Lee Warner; New York: G. P. Putnam's Sons, 1911, vol. I, p. 20.

Ил. 79. *Змея Кхети в подземном мире, истребляющая огнем врага Осириса* (барельеф, алебастр). Новое царство, 1278 г. до н. э. Руки жертвы связаны за спиной. Семь богов судят ее. Эта деталь изображает область загробного мира, которую пересекает Солнечная Лодка в восьмом часу ночи. [Из так называемой Книги Дверей. *The Book of*

Doors. Это изображение найдено в саркофаге Сети И. — Примеч. ред. англ. издания.] E. A. Wallis Budge, *The Gods of the Egyptians*, London: Methuen and Co., 1904, vol. I, p. 193.

Ил. 80. *Двойники Ани и его супруги, пьющие воду в потустороннем мире* (папирус). Эпоха Птолемеев, 240 в. до н. э. Из папируса Ани. E. A. Wallis Budge, *Osiris and the Egyptian Resurrection*, London: Philip Lee Warner; New York: G. P. Putnam's Sons, 1911, vol. II, p. 130.

Ил. 81. *Конец света: Дождевая Змея и Богиня-Тигрица* (чернила, бумага из коры, майя). Центральная Америка, 1200–1250 г. до н. э. Из факсимильной копии (1898), American Museum of Natural History, New York.

Ил. 82. *Рагнарек: Волк Фенрир разрывает Одина* (барельеф, викинги). Великобритания, 1000 г. н. э. Рунический камень, изображающий сцену из легендарной поэмы Рагнарек, Гибель Богов, в которой бога Одина пожирает волк Фенрир. Ворон клюет плечо Одина. Werner Forman/Art Resource, NY.

Ил. 83. *Борьба с Протеем* (мрамор). Франция, 1723 г. Аристей борется с богом Протеем, постоянно меняющим свой облик. Sebastien Slodtz (1655–1726). Версаль, Франция.

Ил. 84. *Восход Земли* (фотография с лунной орбиты). 1968 г. Снимок сделан Андерсом с космического корабля «Аполлон-8» 24 декабря 1968 г. Обратите внимание на то, что такое явление можно зафиксировать лишь с орбиты Луны, со стороны, обращенной к Земле. С поверхности Луны восхода Земли не видно. [Это изображение произвело глубочайшее впечатление на многих людей, в том числе на Джозефа Кэмпбелла. Свои мысли по поводу этой фотографии он выразил в книге: *Transforming Religious Metaphor*, Novato, CA: New World Library, 2002. — Примеч. ред. англ. издания.]

Джозеф Кэмпбелл

Тысячеликий герой

Перевела с английского О. Ю. Чекчурина

Заведующая редакцией	*Т. Шапошникова*
Ведущий редактор	*Н. Римицан*
Выпускающий редактор	*Е. Егерева*
Литературный редактор	*О. Чекчурина*
Художественный редактор	*С. Маликова*
Корректор	*М. Рошаль*
Верстка	*Е. Егерева*

Изготовлено в России. Изготовитель: ООО «Прогресс книга».
Место нахождения и фактический адрес: 191123, Россия, г. Санкт-Петербург,
ул. Радищева, д. 39, к. Д, офис 415. Тел.: +78127037373.
Дата изготовления: 04.2018. Наименование: книжная продукция.
Срок годности: не ограничен.
Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК 034-2014, 58.11.1 — Книги печатные.
Импортер в Беларусь: ООО «ПИТЕР М», РБ, 220020, г. Минск, ул. Тимирязева,
д. 121/3, к. 214, тел./факс: 208 80 01
Подписано в печать 04.04.18. Формат 70х100/16. Бумага офсетная. Усл. п. л. 28,380. Тираж 2500. Заказ 0000
Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных издательством материалов
в Типография «Вятка». 610033, Киров, ул. Московская, 122.

СЕРИЯ «МАСТЕРА ПСИХОЛОГИИ»

П. Экман

ПСИХОЛОГИЯ ЭМОЦИЙ. 2-е изд.

Что играет решающую роль в управлении поведением? Что читается по лицам и определяет качество нашей жизни? Что лежит в основе эффективного общения? Что мы испытываем с самого раннего детства? На все эти вопросы ответ один — эмоции. Эмоции явные, скрытые, контролируемые. Распознавать, оценивать, корректировать их на ранних стадиях у себя и у других научит книга Пола Экмана, книга tour de force. Откройте для себя его новую книгу, ценнейшее учебное пособие для изучающих психологию, связи с общественностью, менеджмент. Издание изобилует интересными фактами, случаями из жизни и конкретными практическими рекомендациями, а удачная подборка фотографий превосходного качества не оставит равнодушными даже самых строгих читателей.

Р. Чалдини

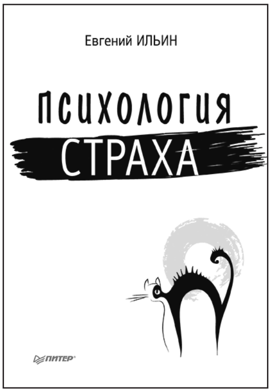
ПСИХОЛОГИЯ ВЛИЯНИЯ. 5-е изд.

«Психология влияния» — одно из лучших учебных пособий по социальной психологии, конфликтологии, менеджменту, по мнению большинства западных и отечественных психологов. Книга Роберта Чалдини выдержала в США 5 изданий, ее тираж давно уже превысил 2 500 000 экземпляров. Эта работа, подкупающая читателя легким стилем и эффектной подачей материала, — серьезный труд, в котором на самом современном уровне анализируются механизмы мотивации, усвоения информации и принятия решений. Новое, переработанное и дополненное, издание международного бестселлера займет достойное место в библиотеке психолога, менеджера, педагога, политика — каждого, кто по роду деятельности должен убеждать, воздействовать, оказывать влияние.

СЕРИЯ «МАСТЕРА ПСИХОЛОГИИ»

Е. П. Ильин

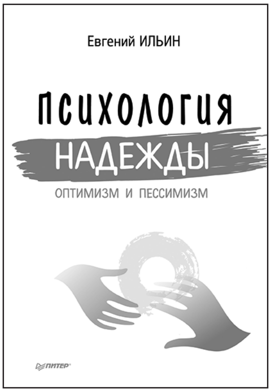
ПСИХОЛОГИЯ СТРАХА

В новом пособии профессора Ильина подробно изложены все основные вопросы психологии страха. Тема раскрыта максимально полно. Особое внимание уделено многообразным разновидностям и проявлениям страха. В конце книги приведены подробный список литературы, полный список фобий, а также многочисленные методики изучения страха. Книга ориентирована на преподавателей, студентов, а также представителей различных специальностей — психологов, педагогов, врачей, спортивных тренеров, работников силовых ведомств, сотрудников МЧС.

Е. П. Ильин

ПСИХОЛОГИЯ НАДЕЖДЫ: ОПТИМИЗМ И ПЕССИМИЗМ

Новая книга профессора Ильина посвящена одному из важнейших психологических феноменов — надежде, а также оптимистическому и пессимистическому взгляду на мир, на окружение и на себя. Тема раскрыта автором максимально полно с использованием новейших научных данных. Показана роль оптимизма и пессимизма для здоровья и долголетия человека, а также успешности трудовой и учебной деятельности. В конце пособия приведены подробный библиографический список и методики. Пособие предназначено для психологов, социологов, философов, педагогов, студентов вузовских факультетов соответствующих профилей, а также для всех интересующихся.